

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Научное электронное издание

Калининград
2025

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Сборник статей по итогам конференции
(Калининград, БФУ им. И. Канта, 21—22 ноября 2024 года)

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2025

© Оформление, БФУ им. И. Канта, 2025
ISBN 978-5-9971-0969-1

Редколлегия

В. И. Гальцов, канд. ист. наук, проф.; *А. А. Давиденко*, канд. ист. наук, доц.;
И. О. Дементьев, канд. ист. наук, доц. (ответственный редактор);
Э. Б. Зальцман, канд. ист. наук, доц.; *В. Н. Маслов*, канд. ист. наук, доц.;
В. В. Сергеев, д-р ист. наук, проф.

Рецензенты

Р. Б. Кончаков, канд. ист. наук, директор центра экономической и социальной истории России (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва);
И. Ю. Стрикалов, канд. ист. наук, науч. сотр. отдела средневековой археологии (Институт археологии РАН, Москва)

Историческая наука и современный мир : сборник статей по итогам конференции (Калининград, БФУ им. И. Канта, 21—22 ноября 2024 года) / отв. ред. И. О. Дементьев [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/sborniki-nauchnykh-statey/istoricheskaya-nauka-i-sovremenny-mir/>

Публикуются статьи, основанные на докладах, которые были прочитаны и обсуждены на научной конференции «Историческая наука и современный мир» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 21—22 ноября 2024 г.). Статьи посвящены актуальным проблемам современной исторической науки, в том числе новым результатам археологических исследований территории Калининградской области, различным вопросам истории, источниковедения и историографии, исторической памяти, а также методики преподавания истории в высшей школе.

Предназначен историкам, археологам, а также всем интересующимся современным состоянием исторической науки.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	5
Раздел 1. «На переломе эпох»:	
археология Юго-Восточной Прибалтики в XX—XXI веках	
<i>Воробьёва А. В.</i> Технология изготовления керамики из могильника Ливенское ...	8
<i>Морозов Д. О.</i> Три орнаментированных наконечника копий эпохи викингов с территории пруссов: результаты новых исследований	17
<i>Литвиненко И. В.</i> Первые результаты археологического обследования городища Ленценберг в 2024 году	29
<i>Денисов С. А.</i> Археологическое исследование кирхи в поселке Железнодорожном в 2023 году	42
<i>Воробьёв К. С.</i> Секуляризация в Восточной Пруссии в контексте материальной культуры: предварительные итоги археологических разведок 2024 года в районе поселка Осокино Багратионовского муниципального округа	54
Раздел 2. «Витязь на распутье»:	
современные подходы к осмыслению истории России	
<i>Атанов П. А.</i> Комплексное использование данных различных дисциплин в «варяжском вопросе»	65
<i>Гусева С. В.</i> Концепция «городов-государств Древней Руси» И. Я. Фроянова: зарождение, развитие, перспективы	74
<i>Сыроватко Л. В.</i> Из истории Российского императорского флота. Роберт и Марта Кроун: материалы к биографии.....	83
<i>Никулин В. Н.</i> Некоторые проблемы волостного самоуправления сибирских крестьян второй половины XIX — начала XX века	95
<i>Логутова А. В.</i> Историко-изобразительные источники в изучении художественных выставок XIX — начала XX века в России.....	104
Раздел 3. «Секретная история» (Восточной) Пруссии и Калининградской области:	
проблемы и перспективы изучения регионального прошлого	
<i>Полякова И. А.</i> Исторические источники XVI века о янтаре по рукописным материалам «Прусской хроники» Грегора Дункера.....	111
<i>Олексин В. В.</i> Отто Виттрин — «школьный монарх» в лучшем смысле слова.....	123
<i>Макарычев А. С.</i> От Орши до Калининграда: семейный архив железнодорожника-переселенца А. И. Оскерко	128
<i>Полх П. П.</i> Архивные источники по истории организаций управления народным хозяйством Калининградской области периода ее становления	136
<i>Лузянин Н. Г.</i> Легкопромышленные объекты промысловой кооперации Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-е годы.....	144
<i>Фостова С. А.</i> Озеро на острове, гребной канал вместо реки: архитектурно-планировочные решения центра Калининграда (рубеж 1960—1970-х годов).....	153

<i>Захаров И. В.</i> Краеведческие инициативы культурно-исторического общества «Возрождение» и культурно-исторического центра (историко-археологического музея) «Пруссия» (1988—1995).....	162
<i>Новиков А. С.</i> Калининград или Кёнигсберг? История одного эксперимента.....	170
<i>Чаплыгина М. К.</i> «Биржевая полька», скрипка Страдивари, джаз и «поющий лоцман»: материалы к истории музыкальной жизни знакового для Кёнигсберга-Калининграда памятника архитектуры	179
<i>Колбанева С. Б.</i> Памятники искусства и истории в ландшафте Калининградского зоопарка.....	194

Раздел 4. «Постижение истории»:

от историографии к исследованиям коллективной памяти

<i>Полатовский С. А.</i> «Спор Фишера» и историческая политика в ФРГ.....	202
<i>Назарова Е. Л.</i> Формирование исторической памяти о советском периоде в Латвии после восстановления независимости республики: внутренние и внешние факторы.....	209
<i>Якубинская А. Д.</i> Воинские захоронения Первой мировой войны в культурном ландшафте белорусской деревни.....	219

Раздел 5. «О пользе и вреде истории для жизни»:

опыт преподавания истории

<i>Самсонова Е. Н.</i> Особенности проведения практических занятий по истории на направлении «Лингвистика» (на примере семинара 2 «Лингвистический анализ в исторических исследованиях»).....	228
<i>Тишакова Е. Н.</i> Особенности преподавания дисциплины «История мировой и отечественной культуры» на направлении подготовки «История».....	237
<i>Чумаков А. Д.</i> Особенности преподавания истории стран Азии и Африки студентам-историкам: традиции и новации	243

Приложение. Из прошлого исторического факультета университета в Калининграде

<i>Ярцев А. А.</i> «Явление» Дмитрия Кирбаева историческому факультету. Мемуарный опыт	256
--	-----

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В 2024 году университетскому историческому образованию в Калининграде исполнилось полвека. Конечно, нельзя забывать о том, что подготовка историков с высшим образованием началась в Калининградской области еще в 1948 году — тогда в государственном педагогическом институте был создан исторический (с 1951 года — историко-филологический) факультет. В 1965 году прием студентов на специальность «История» был прекращен и возрожден лишь в 1974 году — уже в Калининградском государственном университете. Первый выпуск дипломированных историков произошел в 1979 году, после возникновения самостоятельного исторического факультета (просуществовавшего в статусе факультета до 2012 года). Именно с того времени высшее историческое образование в Калининградской области развивалось на университетской основе и по университетским учебным планам.

Сегодня подготовка историков по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры осуществляется в Высшей школе философии, истории и социальных наук Института гуманитарных наук и образования Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. За полстолетия многократно менялась организационная структура высшего исторического образования, несколько раз был переименован вуз, прошли друг за другом несколько поколений преподавательских кадров. Однако память об основателях исторического факультета сохраняется и во второй четверти XXI века.

Среди первых преподавателей, которые, к сожалению, уже ушли из жизни, были Геннадий Павлович Жидков, Александр Исаакович Юделевич, Василий Гаврилович Бирковский, Сергей Михайлович Кузнецов, Владимир Константинович Коржавин. Вместе с ними начинали трудовую деятельность в Калининграде молодые выпускники вузов Алексей Алексеевич Кузнецов, Наталья Юрьевна Никулина, Виктор Сергеевич Суворов, Константин Борисович Шустов... К сожалению, всех этих коллег с нами уже нет. Но мы храним светлую память о них. Благодаря им и другим ушедшим коллегам складывался преподавательский состав исторического факультета.

Но жизнь не останавливается, каждый год выпускники завершают обучение на направлении «История», а на первый курс поступают новые абитуриенты. Учебный процесс не прерывается. Среди тех преподавателей, кто трудится в университете с конца 1970-х годов, — Валерий Иванович Гальцов и Виктор Владимирович Сергеев. Именно они руководили факультетом и коллективом историков в непростые времена — в годы Перестройки и в первое двадцатилетие постсоветской эпохи. Вместе с ними начинали трудовой путь в Калининграде Юрий Владимирович Костяшов и Валерий Николаевич Никулин; вышли на заслуженный отдых, но сохраняют связи с институтом Елена Викторовна Каменецкая, Иван Александрович Гордеев, Алла Станисла-

вовна Забоенкова, Александр Владимирович Золов, Марина Александровна Клемешева и Марина Геннадьевна Шендерюк. С 1990-х годов активное участие в подготовке историков принимает Геннадий Викторович Кретинин. За прошедшие десятилетия трудоустроивались в *alma mater* и выпускники: Александр Дмитриевич Чумаков, Виталий Николаевич Маслов, Андрей Анатольевич Ярцев, Эдвин Борисович Зальцман, Павел Петрович Полх, Екатерина Николаевна Самсонова, Илья Олегович Дементьев, Людмила Николаевна Жданович, Елена Николаевна Тишакова, Илья Павлович Максимов, Дмитрий Владимирович Манкевич, Алексей Анатольевич Давиденко и многие другие... В течение последнего десятилетия в Калининград переехали и коллеги из российских регионов — Елена Вячеславовна Баранова и другие. В настоящее время круг преподавателей-историков в БФУ им. И. Канта расширяется — к проведению занятий активно привлекаются выпускники.

Исторический факультет и направление «История» не могли бы полноценно функционировать, если бы не деятельность наших уважаемых специалистов, должности которых назвались по-разному — секретари, лаборанты, машинистки, методисты, заведующие кабинетами, документоведы. Сегодня историков курирует ведущий документовед Марина Игоревна Медюшко.

Университет в Калининграде (специалитет, бакалавриат, магистратуру, аспирантуру) за 50 лет окончили более 2 тысяч историков. Они живут в разных регионах и странах, трудятся в разных сферах жизни общества.

Юбилею университетского исторического образования в Калининграде была посвящена конференция, которая прошла 21—22 ноября 2024 года. Форум стартовал в административном корпусе вуза. Пленарное заседание открыл президент Балтийского федерального университета им. И. Канта А. П. Клемешев, участников приветствовали руководитель Службы государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области Е. А. Маслов (выпускник исторического факультета КГУ) и сенатор РФ от Калининградской области А. В. Шендерюк-Жидков.

На пленарном заседании с докладами выступили заместитель директора Института археологии РАН по науке (Москва) А. В. Энговатова, заместитель председателя Федерального учебно-методического объединения по укрупненной группе направлений подготовки 06 «Исторические науки» О. В. Воробьева (Институт всеобщей истории РАН, Москва), и. о. директора Высшей школы философии, истории и социальных наук БФУ им. И. Канта В. Н. Маслов, профессора БФУ им. И. Канта В. В. Сергеев, В. И. Гальцов и В. Н. Никулин, профессор РАНХиГС и МПГУ Н. П. Танышина (Москва), зав. кафедрой истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета П. С. Крючек (Минск, Беларусь), старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Е. Л. Назарова (Москва), зав. кафедрой истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета В. Н. Барышников.

В пяти секциях прозвучало 63 доклада исследователей из Калининграда, Брянска, Ленинградской области, Москвы, Самары, Санкт-Петербурга. Ак-

тивное участие в работе секций приняли аспиранты и студенты. В рамках конференции прошли и мероприятия на базе организаций — партнеров университета. В Калининградском областном институте развития образования состоялся семинар для педагогов «50 лет исторического образования в БФУ им. И. Канта: Фокус на общее образование», а в Государственном архиве Калининградской области — научно-методический семинар «Подкасты — новое цифровое пространство для сохранения истории первых переселенцев в Калининградскую область».

В предлагаемом вниманию читателя сборнике публикуются материалы некоторых докладов, прозвучавших на конференции. Они посвящены ряду проблем исторической науки, активно развивающейся в современном мире: археологии Юго-Восточной Прибалтики, отечественной и всеобщей истории и историографии, методике преподавания исторических дисциплин в высшей школе.

Университетское историческое образование в Калининграде перешагнуло важный рубеж и уверенно движется к следующему юбилею. На этом пути калининградских историков ждут новые вызовы. Бережное сохранение памяти, передача традиций следующим поколениям, готовность использовать современные технологии — условия успешного развития направления «История» в самом западном российском регионе в XXI столетии.

Раздел 1

«НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ»: АРХЕОЛОГИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ В XX—XXI ВЕКАХ

УДК 902/903.023

А. В. Воробьева

Технология изготовления керамики из могильника Ливенское

Охарактеризованы результаты технико-технологического анализа керамического комплекса из биритуального могильника V—VI веков н. э. Ливенское в Краснознаменском городском округе Калининградской области. Могильник был изучен Самбийской археологической экспедицией ИА РАН под руководством Э. Б. Зальцмана в полевом сезоне 2022 года. Исследование проведено в рамках историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разработанного А. А. Бобринским. Рассмотрены характеристики исходного глинистого сырья, составы формовочных масс, виды обжига и приемы конструирования сосудов. Установлено, что гончарные традиции на раскопанном участке могильника гомогенны и не обнаруживают свидетельств смешения населения в недавнем прошлом.

Ключевые слова: Калининградская область, эпоха Великого Переселения народов, могильник, керамика, гончарные традиции, историко-культурный подход

Введение

Биритуальный могильник Ливенское расположен на берегу реки Шешупе в Краснознаменском муниципальном округе Калининградской области. В ходе раскопок в 2022 году на нем были выявлены ингумации и кремации, находящиеся под распаханными курганными насыпями и датирующиеся V—VI веками [6, с. 45]. Погребальный обряд, характеризуемый набором инвентаря на этом могильнике, содержит в себе скаловский, судовский, а также восточно-литовский компоненты [5, с. 111].

Целью исследования стал технико-технологический анализ керамического комплекса из могильника Ливенское. Для этого была сделана выборка из 82 образцов от разных сосудов. В нее вошли 8 венчиков, 70 стенок и 4 донца лепных сосудов. В рамках выборки 9 тонкостенных лощеных сосудов могут быть отнесены к «парадным», остальные 73 — к хозяйственным сосудам. Непосредственно из погребений происходят 15 образцов.

цы из пятна культурного слоя и объектов. Большинство образцов происходит из прикуранных ровиков, в которых обнаружено большое количество развалов лепных сосудов [6, с. 46], предположительно связанных с проведением тризн и поминальных обрядов.

Исследование осуществлено в рамках историко-культурного подхода к изучению древней керамики, разработанного Александром Афанасьевичем Бобринским (1930—2010) во второй половине XX столетия на основе изучения археологической керамики, этнографических данных и результатов научного эксперимента [1]. Основным объектом исследования в историко-культурном подходе являются следы на поверхностях и изломах глиняных сосудов, образовавшиеся вследствие применения различных навыков труда на всех этапах изготовления сосудов [8, с. 95].

Для коллекции образцов из могильника Ливенское при помощи бинокулярной микроскопии были изучены характеристики исходного глинистого сырья (пластичность и ожелезненность), конечное состояние глинистого сырья, рецепты формовочных масс, режимы обжига и способы конструирования сосудов.

Результаты исследования

Конечное состояние исходного сырья. Все исследованные сосуды изготовлены из природной глины. Зафиксировано, что при составлении формовочных масс 68 сосудов глина была использована в сухом дробленном состоянии, на что указывает комковатость в изломе черепков и наличие в формовочной массе нерастворившихся фракций сухой глины размерами 1—2 мм (рис. 1). Четыре сосуда сделаны из влажной глины, еще для 10 сосудов конечное состояние глинистого сырья определить не удалось (табл. 1).

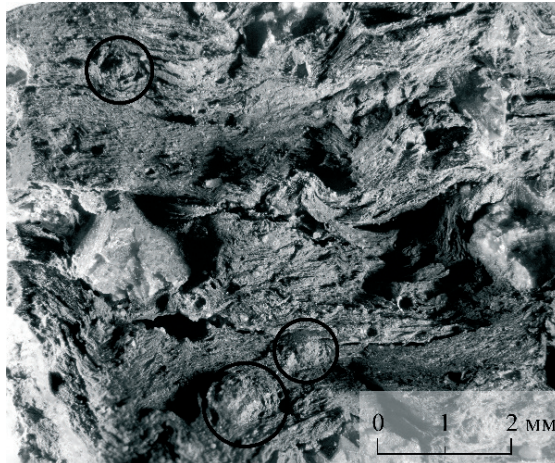

Рис. 1. Нерастворившиеся фрагменты сухой глины в формовочной массе.
Фото С. А. Воробьёва

Таблица 1

Конечное состояние исходного сырья

Состояние	Хозяйственные		Парадные		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Сухое	63	76,83	5	6,09	68	82,93
Влажное	4	4,88	—	—	4	4,88
Неопределимо	6	7,32	4	4,88	10	12,19

Пластичность глины. Пластичность глины определялась через степень ее естественной запесоченности на основе выводов, предложенных О. А. Лопатиной и А. А. Каздымом [7]. Зафиксировано, что 25 сосудов сделаны из слабозапесоченной («жирной», высокопластичной) глины, 44 — из среднезапесоченной (среднепластичной), а 13 — из сильнозапесоченной («тощей», низкопластичной) (табл. 2). В большинстве случаев (69 образцов) размер песчинок составил менее 0,5 мм, в 13 сосудах размер естественного песка достигал 1 мм. Среди парадных сосудов наблюдается та же вариативность степени пластичности глины, что и для хозяйственных.

Таблица 2

Степень пластичности (естественной запесоченности) исходного сырья

Глина по степени запесоченности	Хозяйственные		Парадные		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Сильнозапесоченная	10	12,19	3	3,66	13	15,85
Среднезапесоченная	43	52,44	1	1,22	44	53,66
Слабозапесоченная	20	24,40	5	6,09	25	30,49

Ожелезненность глины. Степень ожелезненности глины была определена посредством вторичного обжига образцов в муфельной печи и сравнения с эталонной шкалой из коллекции группы «История керамики» Института археологии РАН, полученной Ю. Б. Цетлиным в результате научного эксперимента [9]. Такое исследование было проведено для 5 фрагментов хозяйственных сосудов, 4 из которых оказались изготовлены из слабоожезненной глины, а 1 — из среднеожезненной.

Рецепты формовочных масс. Были зафиксированы 3 рецепта формовочных масс (табл. 3):

- 1) глина + дресва + органический раствор (80 образцов);
- 2) глина + дресва + песок + органический раствор (1 образец);
- 3) глина + просо + органический раствор (1 образец).

Таблица 3

Рецепты формовочных масс

Рецепт	Хозяйственные		Парадные		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
ГЛ+ДР+ОР	72	87,80	8	9,76	80	97,56
ГЛ+ДР+ПЕС+ОР	1	1,22	—	—	1	1,22
ГЛ+ПРОСО+ОР	—	—	1	1,22	1	1,22

В самом распространенном рецепте ГЛ+ДР+ОР (рис. 2, *а*) дресва содержится в концентрации от 1:3 до 1:5—6. Наиболее часто встречаются пропорции 1:4 и 1:4—5. При этом размерность включений дресвы колеблется от 0,3 до 10 мм, поскольку в большинстве случаев дресва не калибровалась по размеру.

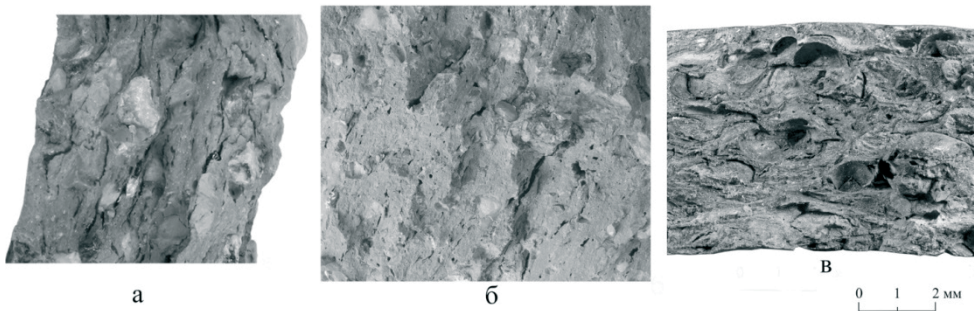

Рис. 2. Рецепты формовочных масс из могильника Ливенское:
а — ГЛ+ДР+ОР; *б* — ГЛ+Р+ПЕС+ОР; *в* — ГЛ+ПРОСО+ОР. Фото С.А. Воробьева

Также в одном образце зафиксирован смешанный четырехкомпонентный рецепт формовочной массы: ГЛ+ДР+ПЕС+ОР (рис. 2, *б*). В нем присутствует дресва размером 0,5—2 мм в концентрации 1:5—6 и песок размером 0,5—1 мм в концентрации 1:4—5.

Еще один образец с экзотическим рецептом формовочной массы — лощеный «парадный» сосуд с примесью зерен и половы проса в формовочной массе¹ (рис. 2, *в*). Включения имеют размер 1—2 мм и добавлены в концентрации 1:2. Зерна и полова сохранились на сколах сосуда. На обеих поверхностях зафиксированы отпечатки половы. Сосуды с такими примесями редко, но встречаются на памятниках эпохи ВПН Калининградской области.

¹ Благодарю за определение младшего научного сотрудника лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А.Ю. Сергеева.

Органический раствор встречен во всех 82 образцах. Он обладает следующими признаками, зафиксированными на свежих изломах сосудов:

- «паутинки» оттенков от бежевого до коричневого в порах и вокруг включений дресвы, после вторичного обжига в муфельной печи приобретающие оттенки от красных до черных;
- блестящие черные и коричневые пленки;
- прозрачные маслянистые пленки;
- остатки карбонизированной органики, в том числе единичные включения мелких травинок;
- узкие мелкие поры;
- видно течение формовочной массы.

Совокупность этих признаков позволяет предположить, что органический раствор представляет собой выжимку из навоза животных (рис. 3).

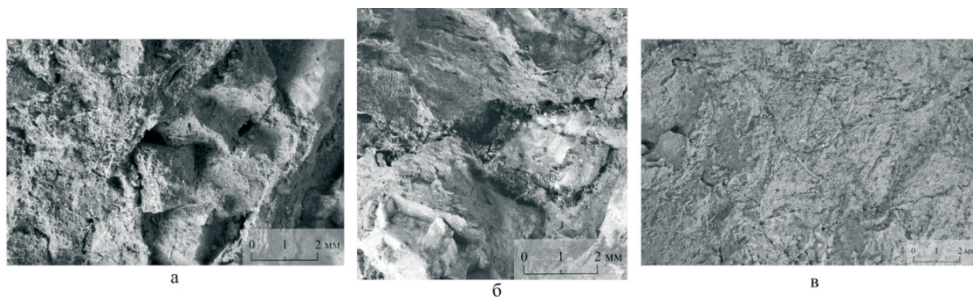

Рис. 3. Следы органического раствора на керамике из могильника Ливенское:
а, в — пленки и «паутинки», б — остатки карбонизированной органики
вокруг включения дресвы. Фото С. А. Воробьёва

Режимы обжига. Режимы обжига сосудов изучались на основе шкалы признаков, разработанной Ю. Б. Цетлиным [8, с. 140—145]. Зафиксировано, что все исследуемые образцы были обожжены при температуре выше 650°C : 40 образцов — высокотемпературным обжигом вида 1 (с быстрым поднятием температуры, выдержкой не более 5 минут и быстрым остыванием); 16 — высокотемпературным обжигом вида 2 (с быстрым поднятием температуры, выдержкой не более 12 минут и быстрым остыванием); 14 — высокотемпературным обжигом вида 3 (с быстрым поднятием температуры, выдержкой от 5 до 19 минут и медленным остыванием); 2 образца — высокотемпературным обжигом видов 3 или 5 (с медленным поднятием температуры, выдержкой более 20 минут и медленным остыванием); 4 образца подверглись длительному обжигу при высокой температуре (на что указывает полная прокаленность черепка); для 6 образцов режим обжига определить не удалось (табл. 4).

Таблица 4

Режимы обжига сосудов

Режим обжига	Хозяйственные		Парадные		Всего	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
Высокотемпературный вида 1	34	41,46	6	7,32	40	48,78
Высокотемпературный вида 2	16	19,51	—	—	16	19,51
Высокотемпературный вида 3	13	15,85	1	1,22	14	17,07
Высокотемпературный видов 3, 5	2	2,44	—	—	2	2,44
Высокотемпературный длительный	4	4,88	—	—	4	4,88
Неопределим	4	4,88	2	2,44	6	7,32

При этом корреляция между толщиной образца и зафиксированным на нем режимом обжига выявлена не была: как высокотемпературный обжиг вида 1, так и высокотемпературный длительный фиксируются на образцах разной толщины (от 0,3 до 1,8 см).

Способы конструирования. Определить способ конструирования сосуда удалось у 45 образцов из 82. Все 45 образцов сконструированы методом лоскутного налепа (рис. 4), что четко реконструируется по многослойности в изломах сосудов [2, с. 78—79]. Зафиксирован комковатый двухслойный лоскутный налп [3, с. 9—12] с размерами строительных элементов около 5 × 5 см. Ввиду малого количества донных частей сосудов в выборке можно только предположить, что бытовали донно-емкостные начини, сконструированные методом свободной лепки на плоскости. Следов использования форм-моделей, часто сочетающегося с конструированием лоскутным налп [1, с. 139], не обнаружено. Также нет следов выбивания.

При этом выявлены признаки зонирования при конструировании сосуда лоскутным налп: сосуды распадаются по саям кольцевых зон.

На трех донных частях сосудов, вошедших в выборку, зафиксирована подсыпка из дресвы, которая может выступать альтернативным признаком укрепления сосуда на поворотном столике (РФК-1) [1, с. 39].

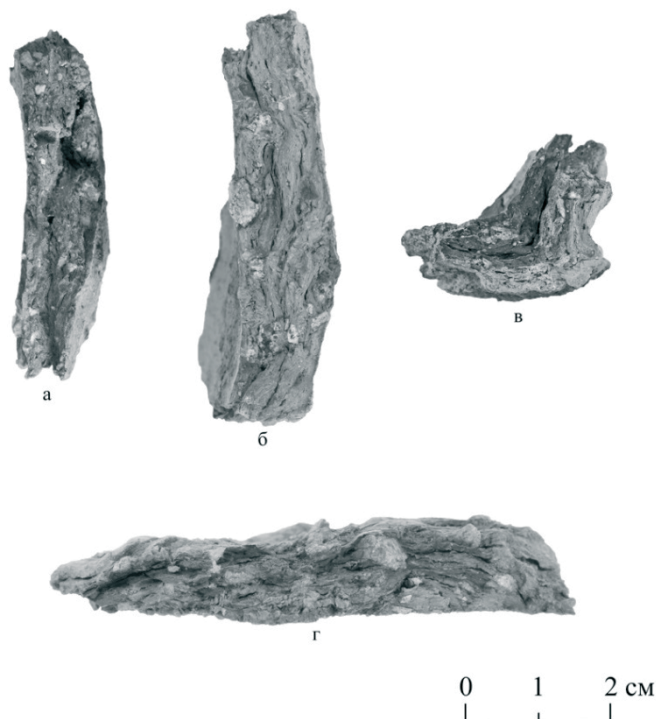

Рис. 4. Сосуды, сконструированные методом лоскутного налепа:
а, б — фрагменты стенок; *в* — фрагмент придонной части; *г* — фрагмент донца.
Фото С. А. Воробьева

Выводы

В ходе исследования были рассмотрены как приспособительные навыки гончаров (критерии отбора исходного сырья, составы формовочных масс), реагирующие на смешение гончарных традиций в течение нескольких лет, так и субстратные (способы конструирования сосудов), которые меняются в течение 150—180 лет [8, с. 192, 245—246]. Признаков, свидетельствующих о смешении как приспособительных, так и субстратных гончарных традиций, на могильнике Ливенское не обнаружено.

Также не обнаружено существенных различий между парадными и хозяйственными сосудами, кроме того что в группе парадных сосудов размер дресвы колеблется от 0,3 до 2 мм, что связано с их миниатюрностью и небольшой толщиной стенки. Способ конструирования для всех парадных сосудов определить не удалось ввиду малых размеров образцов.

Более 97% сосудов на могильнике сделаны из формовочной массы, составленной по рецепту ГЛ+ДР+ОР. Этот рецепт наиболее распространен среди лепной керамики I тысячелетия н. э. на территории современной Калининградской области [4, с. 10].

В составах формовочных масс выявлены продукты земледелия (зерна и полова проса) и скотоводства (выжимка из навоза животных), что дает представление о хозяйственной деятельности населения, оставившего могильник.

Анализ керамического материала не позволяет прийти к выводу о том, что отмеченное ранее исследователями [5; 6] наличие скаловского, судовского и восточнолитовского компонентов в погребальном обряде свидетельствует о смешении разных групп населения в пределах изучаемого памятника. Однако получены новые данные о технологии производства керамики и особенностях хозяйствования населения Нижнего Понеманья в V—VI веках н. э.

Список литературы

1. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
2. *Васильева И. Н., Салугина Н. П.* Лоскутный налеп // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 72—87.
3. *Волкова Е. В.* Систематизация приемов лоскутного налепа // Российская археология. 2023. № 2. С. 7—19.
4. *Ефремов Л. А.* Прусская керамика V—XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.
5. *Ивкин И. А.* Могильник Ливенское в контексте памятников эпохи Великого Переселения народов Юго-Восточной Прибалтики // Новые материалы и методы археологического исследования: история vs источниковедение : материалы VII конф. молодых ученых. М., 2023. С. 110—111.
6. *Зальцман Э. Б.* Отчет об археологических раскопках на ОАН «Археологический комплекс Ливенское (стоянка каменного века, курганный могильник, селище, грунтовый могильник)» в Краснознаменском м. о. Калининградской области в 2022 г. Том 1 // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. Б/н.
7. *Лопатина О. А., Каздым А. А.* Естественная примесь песка в древней керамике // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 46—57.
8. *Цетлин Ю. Б.* Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. М., 2017.
9. *Цетлин Ю. Б.* Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 421—425.

Об авторе

Анна Владимировна Воробьева — старший лаборант, Институт археологии РАН, Москва, Россия.

E-mail: annu-kovaly@yandex.ru

A. V. Vorobyova

Pottery technology from the burial ground Livenskoye

The article presents the results of the technical and technological analysis of the ceramic complex from the biritual burial ground of the 5th-6th centuries AD Livenskoye in the Krasnoznamensky urban district of the Kaliningrad Oblast. The burial ground was studied by the Sambian archaeological expedition led by Edwin B. Zaltsman during the field season of 2022. The study was carried out within the framework of the historical and cultural approach to the study of ancient ceramics developed by Alexander A. Bobrinsky. The article considers the characteristics of the raw materials, the blends of the pottery pastes, types of firing process and techniques of vessel making. The research states that the pottery traditions in the excavated area of the burial ground are homogeneous and do not reveal evidence of population mixing in the recent past.

Keywords: *Kaliningrad Oblast, era of the Great Migration of Peoples, burial ground, pottery, pottery skills, historical and cultural approach*

The author

Anna V. Vorobyova, Senior Assistant, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Kaliningrad, Russia.

E-mail: anny-kovaly@yandex.ru

Три орнаментированных наконечника копий эпохи викингов с территории пруссов: результаты новых исследований

Рассмотрены три археологические находки XI века из некрополей Калининградской области (Коврово, Клинцовка, и Цветное) — наконечники копий, втулки которых украшены инкрустацией, формирующей мотив «петли / пламени». Происхождение этого орнаментального мотива связывают с мастерскими острова Готланд и регионов Южной Швеции, откуда скандинавские наконечники копий импортировались на Самбийский полуостров. Местные мастера заимствовали мотив орнамента и развили его, наделив уникальными чертами и украсив им наконечники копий. Анализ предметов выявил различия в способах инкрустации скандинавских и прусских изделий. Выдвинуто предположение, что способ инкрустации может быть хроноиндикатором для рассматриваемого типа орнамента.

Ключевые слова: наконечники копий, эпоха викингов, пруссы, Коврово / Dollkeim, Клинцовка / Ирзекапинис / Wickiau, Цветное / Kallen, орнамент, инкрустация

Введение

Копье было самым распространенным видом вооружения среди прусских воинов IX—XI веков. Наибольший интерес исследователей вызывали инкрустированные цветными металлами наконечники копий, которые были массово распространены на территории Самбийского полуострова в финальную стадию эпохи викингов [8, с. 13], демонстрируя высокий статус своих владельцев. Цель данной статьи — представить результаты исследования конструктивных и технологических особенностей процесса изготовления трех наконечников копий с территории Калининградской области.

Эти находки происходят из грунтовых могильников Клинцовка-1 / Ирзекапинис (бывш. нем. Wickiau), Коврово-1 (бывш. нем. Dollkeim) и Цветное-1 (бывш. нем. Kallen), расположенных на Самбийском полуострове (совр. Калининградский полуостров). На грунтовом могильнике Ирзекапинис в 1977—1986 годах проводились археологические раскопки под руководством В. И. Кулакова [5]. За это время было обнаружено 163 погребальных комплекса, сооруженных по обряду кремации и датированных V—XII веками. Первым исследователем, проводившим полевые работы на могильнике Доллькайм в 1879 году, был О. Тишлер, раскопавший не менее 240 погребений [6, с. 8]. Следующие раскопки на этом памятнике проводил В. И. Кулаков в 1992—2002 годах [7]. За этот период было обнаружено 127 погребений, не включая

разрушенные комплексы. Хронологические рамки функционирования памятника охватывают период с I по XIV век. Последний из рассматриваемых наконечников найден в ходе разведывательных работ Самбийской экспедиции на грунтовом могильнике Цветное-1 и, по всей видимости, происходит из разрушенного погребения.

При описании наконечников копий мы будем обращаться к трем классификациям. Типология для североевропейских наконечников была введена норвежским исследователем Я. Петерсеном [9, с. 56—68]. Основываясь на форме пера, втулки, а также некоторых орнаментальных особенностях, он выделил 17 типов, обозначив их латиницей от А до М. Более подробная типология, основанная на типологии Я. Петерсена, была предложена Б. Солберг [17]. Анализируя комбинации морфологических, технологических и орнаментальных признаков норвежских наконечников копий 550—1100 годов, она смогла выделить двенадцать групп наконечников (I—XII), из которых к эпохе викингов относятся семь (VI—XII). Они, в свою очередь, делятся на типы (обозначены арабскими цифрами) и подтипы (обозначены латиницей). Для нашего исследования не менее важна типология М. Атгазиса, систематизировавшего наконечники копий Латвии [10, l. 38—68]. Автор охарактеризовал две группы по способу крепления к древку: черешковые и втульчатые наконечники. Основываясь на морфологических и конструктивных особенностях, М. Атгазис разделил каждую группу на типы (обозначены латиницей) и их варианты (обозначены латиницей и арабскими цифрами). Первая группа насчитывает четыре типа (A—D), вторая — семь (A—G).

При рассмотрении наконечников копий будут использоваться три типологии — по Я. Петерсену, Б. Солбергу и М. Атгазису. К первой относятся обозначения латинскими буквами (G, K, M), ко второй — сочетание римских, арабских цифр и латиницы (VII.2C), к третьей — сочетание латиницы и арабских цифр (B1).

Помимо морфологических и конструктивных особенностей наконечников не меньший интерес вызывает орнамент на их втулках (рис. 1—3).

При характеристике формы орнамента разные исследователи вводили разные определения. Прусский археолог В. Ла Бом первым описал подобный орнамент на четырех наконечниках копий, найденных на грунтовых могильниках Самбийского полуострова Коврово (бывш. Dollkeim), Лужки (бывш. Kiauten) и Ветрово (бывш. Ekritten). Он назвал его «ромбом, стоящим вертикально», тем самым указав на два возможных расположения фигур. Второй вариант встречен на наконечнике копья из Ветрово, орнамент которого состоит из рядов мелких горизонтальных ромбов [15, S. 26—28]. М. Стромберг рассмотрела аналогичный орнамент на четырех наконечниках копий с острова Готланд (Boge, Tingstäde), из Южной Швеции (Åsum) и Германии (Paretz) и ввела определение «петля» для обозначения узора [18, S. 411]. Другое значение этому орнаментальному мотиву придал В.И. Кулаков, назвав его на примере наконечников копий из Ирзекапиниса «пламевидным» [4, с. 37—41]. Литовский исследователь В. Казакавичус при атрибутизации наконечника

копья из могильника Vilkijos в Литве с орнаментом, аналогичным обнаруженному на наконечнике из Ирзекапиниса, выделил этот узор в отдельную группу, обозначив его как «полосато-тканый», или «прусский», и датировал XI веком (рис. 2, 3) [13, л. 115].

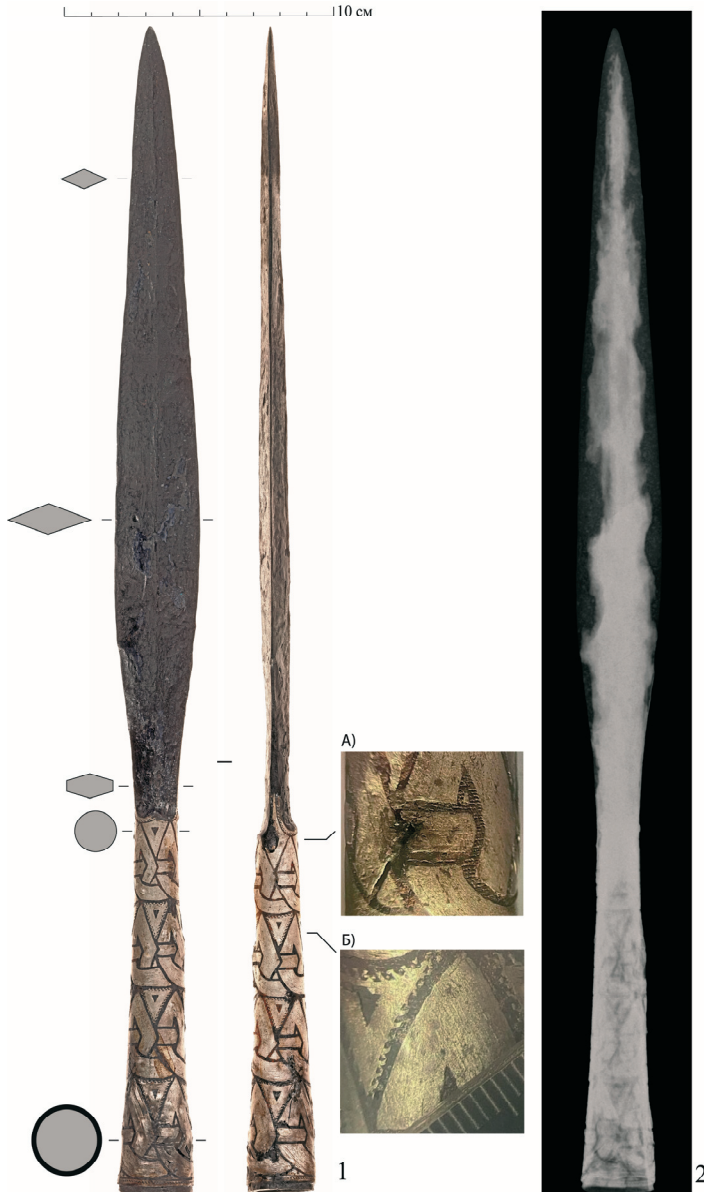

Рис. 1. Наконечник копья из Коврово (Dollkeim):
 1 — общий вид; А — горизонтальные канавки; Б — проволоки, набитые поверх канавок;
 2 — рентгеновский снимок. Фото С. А. Воробьева и автора

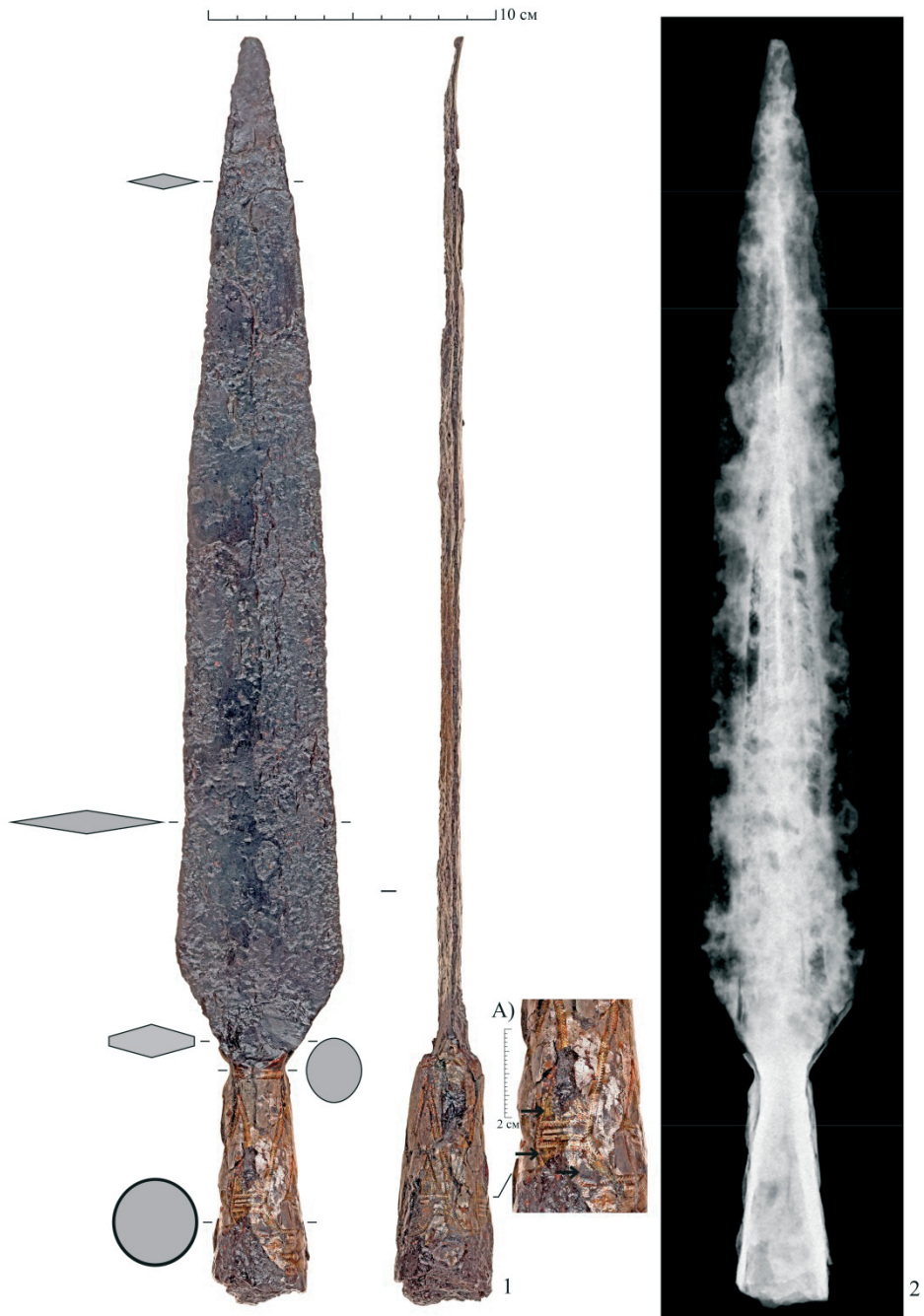

Рис. 2. Наконечник копья из Ирзекапиниса (Wickiau):
1 — общий вид; А — внутренняя петля и участки с латунной проволокой;
2 — рентгеновский снимок. Фото С. А. Воробьёва и автора

Рис 3. Наконечник копья из Цветного (Kallen):

1 — общий вид; 2 — рентгеновский снимок.

Фото автора

При обозначении формы орнамента на наконечниках из Коврово, Ирзекапиниса и Цветного далее будет использоваться определение, предложенное М. Стромберг, — «петля». Это понятие не только лучше отражает композицию орнамента, но и носит универсальный характер, подходя для описания петель геометризированной формы, как на наконечниках из Тингстэде и Паретца [18, S. 416—418].

Характеристика наконечников копий

Наконечник из Коврово

При раскопках археологического памятника Коврово-1, проведенных под руководством В. И. Кулакова в 1992—2002 годах, было исследовано грунтовое двухъярусное погребение (Do-344) с конем в нижнем ярусе [7, с. 56—57]. В составе погребального инвентаря были обнаружены два наконечника копья [Там же, с. 274]. В настоящей статье рассматривается только один из них (Калининградский областной историко-художественный музей (КОИХМ), 1/50, 18888.2).

Наконечник копья имеет ланцетовидную форму. Его острие частично обломано. Сечение втулки округлое, пера — ромбическое (рис. 1, 1). Наконечник имеет хорошую сохранность. Общая длина сохранившейся части наконечника копья составляет 42,3 см, длина пера — 29,3 см, ширина пера — 3,1 см, толщина пера — 1,1 см, ширина шейки — 1,77 см, толщина шейки — 0,9 см, диаметр втулки — 2,5 см. Вес с учетом сохранившейся части древка внутри втулки равен 299 г. Данный тип наконечников копий впервые был выделен Б. Солберг. Он относится к подтипу VII.2С и характеризуется отсутствием плечиков, плавным переходом от втулки к перу и более коротким лезвием по сравнению с классическим типом К по типологии Я. Петерсена [17, р. 87]. По мнению Б. Солберг, эти наконечники возникают в начале X века и прекращают использоваться в первые десятилетия XI века [Ibid., р. 98—99]. В. И. Кулаков датирует погребение, в котором был найден данный наконечник, концом X — началом XI века, что соотносится с хронологией наконечников типа VII.2С [7, с. 57—58].

Помимо размерных характеристик и формы наконечника интерес представляет еще одна конструктивная деталь. Нижний край втулки отступает от орнамента на 3 мм, эта часть по окружности сточена на глубину 1—1,5 мм. Схожая технологическая особенность, со значительно большим отступом от орнамента, встречается на наконечнике копья типа К [9, с. 64—65] с аналогичным декором из погребения 12 могильника Ветрово-1 (бывш. Ekritten) [14, S. 85—86]. Вероятнее всего, при креплении копья к древку это место фиксировалось обмоткой — такая гипотеза косвенно подтверждается фактом отсутствия отверстий для гвоздиков или штырьков.

Этот наконечник копья был исследован с помощью рентгенографии¹. На участках пера отсутствуют дамаскировка и сварные швы, что может говорить о простой технологии его изготовления и исключать наварку стальных лезвий (рис. 1, 2)².

Как известно, инкрустация цветного металла на железную основу наносилась двумя основными способами. Они подробно разобраны на примере мечей эпохи викингов в работе С. Ю. Каинова и В. В. Новикова [2, с. 64]. При первом способе (*всечке*) отрезки проволоки *вбивались* в канавки, прорезанные на поверхности железных деталей рукояти. В этом случае инкрустированные отрезки могли располагаться вровень с железной поверхностью основы или же выходить за края канавки под укладку проволоки, формируя два вида поверхности: цветной металл чередовался с железной основой или проволоки образовывали сплошную поверхность из цветного металла.

При использовании второй технологии (*насечки*) цветной металл *набивался* на железную поверхность, на которой заранее прорезались либо параллельные, либо диагонально пересекающиеся тонкие канавки (сетка).

Качество и трудоемкость инкрустации определяется композиционной сложностью орнамента, ровностью и плотностью укладки проволоки. Для того чтобы отразить эти критерии, обычно при описании всечки берется такой показатель, как плотность проволочек и, соответственно, канавок на 1 см. Наибольшая плотность укладки проволочек зафиксирована на мечах типа V — 30 проволок на 1 см [12, с. 13].

Охарактеризовав использовавшиеся техники инкрустации, перейдем к описанию композиции и способа инкрустации наконечника копья из Коврово.

Орнамент обрамляет втулку по всей окружности и состоит из четырех зон. В каждой зоне ряд состоит из четырех петель, образованных широкими лентами и поясками, проходящими с перерывами через ленты. Поля между петлями заполнены малыми и крупными треугольниками, вторые на внешних сторонах имеют «нити», составленные из скрутки проволок серебра и медного сплава. Также инкрустация выходит на плечики наконечника плавно сужающейся полосой, составлявшей угол ромбической фигуры. Все перечисленные фигуры и части орнамента, в свою очередь, составлены из плотно уложенных проволочек серебра шириной 0,4—0,5 мм (рис. 1, *1Б*). Линии, разделяющие части серебряного узора, и поля, расположенные внутри треугольников, были заполнены проволокой из медного сплава. Границы орнамента по краям втулки оформлены скрученной проволокой из серебра и медного сплава. Сочетание проволок из серебра и медного сплава составляет полихромный орнамент, заполняющий всю втулку.

¹ Исследование этого и двух других наконечников проводилось на рентгеновском аппарате Juno DRF в ГКБСМП 24 октября 2024 года. Размер зерна 148 мрк. Автор выражает благодарность К. Н. Скворцову, мл. науч. сотр. отдела сохранения археологического наследия ИА РАН, за предоставленные материалы.

² Металлографический анализ рассматриваемых наконечников не проводился, поэтому выводы о технологии изготовления наконечника не являются исчерпывающими.

Технология инкрустации наконечника из Коврово состояла из следующих этапов. Сначала на втулке параллельно прорезались горизонтальные канавки плотностью 24—26 на 1 см (рис. 1, 1А). Затем серебряные проволоочки, составлявшие горизонтальные участки фигур (пояски и верхние перекладыны треугольников), вбивались в эти канавки. На всех остальных участках серебряные проволоки набивались поверх горизонтальных канавок. Плотность укладки проволок серебра достигает 22—24 проволоочек на 1 см. Из соотношения с плотностью канавок (24—26 на 1 см) становится ясно, что даже горизонтально расположенные проволоки не всегда полностью вбивались в канавку. Данный способ нанесения орнамента отражает гибридный характер инкрустации, когда часть проволок набилась поверх горизонтальных канавок, а часть укладывалась вдоль них.

Наконечник из Ирзекапиниса

Следующий наконечник копья был найден при раскопках грунтового могильника Клинцовка-1 (Ирзекапинис), проводившихся В. И. Кулаковым в 1977—1986 годах. В погребении 67, совершенном по обряду трупосожжения, было найдено два наконечника копья, один из которых содержал орнамент на втулке (рис. 2, 1) [5, с. 240].

Наконечник имеет относительно хорошую сохранность пера, орнамент в нижней части втулки почти не сохранился (КОИХМ 1/49, 17567.1). Острие пера немного изогнуто. Наконечник копья имеет широкое перо удлиненно-треугольной формы. Общая длина наконечника составляет 43,5 см, вес вместе с сохранившейся частью древка внутри втулки равен 459 г, длина пера — 35,4 см, ширина пера — 5,8 см, толщина пера — 0,8 см, ширина шейки — 1,95 см, толщина шейки — 2,65 см, диаметр втулки — 3,4 см. Втулка имеет округлое сечение, перо ромбическое.

Данный наконечник копья соответствует типу G, для которого характерна короткая толстая втулка с прямым, реже вогнутым переходом к перу [9, с. 62]. Перо у подобных наконечников обычно плоское с наибольшим расширением в нижней части. Типу G соответствует тип IX.1A по Б. Солберг [17, р. 120—125]. Данный тип датируется второй половиной X — XI веком. Погребение, в котором найден наконечник, датируется началом XI века. Широко представлены данные наконечники в Прибалтике, где они продолжают существовать и в XII веке.

Я. Петерсен и Б. Солберг отмечают еще одну конструктивную особенность — удлинение втулки за счет треугольного сужающегося выступа, перетекающего в нижнюю часть пера [9, с. 62; 17, р. 120], как на прибалтийских наконечниках копий [11, S. 127—135; 16, S. 93—113]. На рассматриваемом наконечнике данный технологический элемент отсутствует, вместо этого втулка имеет резкий переход у основания пера толщиной 1 см. Подобный

технологический элемент может свидетельствовать об изготовлении наконечника прусским мастером, не обладавшим достаточным навыком, чтобы сделать более прочное крепление.

Другая технологическая особенность наконечника из Ирзекапиниса была выявлена с помощью рентгенографии (рис. 2, 2). Результаты исследования позволили определить следующую технологию изготовления пера. Наиболее вероятно, что центральная часть формировалась из бруска, состоявшего из двух стальных и двух железных полос, поочередно сваренных между собой. Брусок был согнут, образуя ряд из 4 железных и 3 стальных полос, в средней части пера полосы достигали ширины 0,4—0,6 мм и 0,2—0,3 мм соответственно. Затем к полученному центру пера наваривались стальные лезвия. Технологию изготовления наконечников копий исследовал А. А. Антейн, выделив 17 групп по типу узора на поверхности пера [1, с. 65—66]. Исследуемый наконечник соответствует технологической схеме X и становится вторым в этой группе, соответствуя наконечнику копья из памятника Весилахти в Финляндии [Там же, с. 76]. Данный экземпляр дополняет другие виды технологических схем наконечников копий могильника Ирзекапинис [3, с. 96].

Переходя от конструктивных особенностей данного наконечника копья к способу инкрустации, следует отметить, что орнаментальный мотив схож с мотивом предыдущего наконечника, однако композиции орнаментов различаются.

В данном случае скрученная проволока из серебра и медного сплава образовывала «елочный» узор, который инкрустировался на поверхность втулки способом насечки [2, с. 64], намечая границы орнамента и формируя двойную петлю (внешнюю и внутреннюю) или ее двойной контур (рис. 2, 1А). Орнамент состоял из четырех таких петель. Далее отрезки серебряных проволочек набивались на участки внутри больших петель и между ними. «Через» петли проходили пояски, состоящие из двух скруток (нижней и верхней) и проволочек из серебра и медного сплава между ними. Пояски соединяли внутреннюю и внешнюю петли. Помимо стандартных меди и серебра треугольные поля внутренних петель и поля ниже поясков, соединявших внутреннюю петлю с внешней, заполняли латунными проволочками (рис. 2, 1А). Необычным является еще один вид орнамента на втулке, выполненный из скрутки проволоки из серебра и медного сплава и расположенный ниже петли. Она набивалась несколькими рядами, создавая впечатление чередующихся диагонально инкрустированных проволок. По нижнему и верхнему краю втулки набивался «елочный» орнамент.

Наконечник из Цветного

Наконечник копья из грунтового могильника Цветное-1 был найден в ходе разведок Самбийской экспедиции и происходит из разрушенного погребения (рис. 3, 1) (КОИХМ 1/50, 18992.2).

Наконечник имеет плохую сохранность, лезвия в средней части пера сохранились фрагментарно, орнамент также сильно поврежден. Общая длина наконечника составляет 22,2 см, вес — 113 г, длина пера — 16,3 см, ширина пера — 3,5 см, толщина пера — 0,5 см, ширина шейки — 1,4 см, толщина шейки — 1,4 см, диаметр втулки — 2,2 см. Втулка имеет округлое сечение, перо — ромбическое.

По типологии М. Атгазиса экземпляр из Цветного более всего соответствует варианту В1 [10, л. 49—50]. Вариант В1 датируется XI—XII веками и характеризуется среднешироким заостренным лезвием, втулкой средней длины, плечики немного изогнуты, а наиболее широкая часть приходится немного ниже середины пера. Этот вариант наконечников в типологии М. Атгазиса соответствует типу М по Я. Петерсену [9, с. 67]. М. Атгазис отмечает еще одну свойственную этому типу черту — массивное ромбическое сечение [10, л. 49—50]. Наиболее отчетливо это прослеживается только у острия пера из-за плохой сохранности средней части. На одной из сторон расположено отверстие под гвоздик для крепления наконечника к древку копья.

Рассмотренный наконечник также был исследован с помощью рентгенографии (рис. 3, 2). Сварные швы на пере обнаружены не были, в данном случае можно лишь исключить технологию изготовления с помощью наварки стальных лезвий.

Наконечник копья из Цветного-1, как и наконечник из Ирзекапиниса, имеет четыре петли и совпадает с ним по способу инкрустации. На железной поверхности втулки прорезались тонкие пересекающиеся канавки (сетка). В первую очередь набивалась скрутка из серебряной и медной проволоки, которая служила центрообразующим элементом петли. Вдоль нее по обоим краям поочередно набивались проволоки из серебра и медного сплава. Пояски, соединявшие петли, состояли из чередовавшихся проволок серебра и медного сплава. Поверх частей втулки, не занятых петлей, вертикально набивались проволоки из серебра. По краям втулку ограничивали пояски «елочного» узора, выходившие на плечики наконечника.

Заключение

Орнаментированные наконечники копий с мотивом «петли» наглядно демонстрируют расхождения в морфологических, технологических и конструктивных признаках. Кроме того, имеется существенное отличие в способе инкрустации и композиции орнамента. Композиция орнамента осуществлялась для каждого наконечника индивидуально — это зависело в первую очередь от решений мастера. Способ инкрустации на наконечниках с мотивом «петли» наносился двумя основными способами. При первом способе на скандинавских экземплярах вбивавшиеся в горизонтальные канавки проволоки (всечка) комбинировались с проволоками, набивавшимися поверх них. Второй способ (насечка) характерен для прусских изделий, где цветной металл набивался на сетку. Смена способа инкрустации наконечников копий на рубеже X—XI веков предположительно может являться хроноиндикатором.

В этом случае наконечники копий с горизонтальными канавками датируются преимущественно X — началом XI века, а наконечники с пересекающимися канавками (сеткой) относятся к XI веку и позднее.

Автор выражает искреннюю благодарность кандидату исторических наук Сергею Юрьевичу Каинову и Антону Романовичу Малахову за советы и поддержку при подготовке данной статьи.

Список литературы

1. Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973.
2. Каинов С. Ю., Новиков В. В. Новые находки мечей в Гнёздове (2017—2020 гг.). М., 2024.
3. Кулаков В. И., Толмачёва М. М. Технология изготовления копий пруссов (по данным могильника Ирзекапинис) // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). М., 1987. Вып. 190. С. 94—101.
4. Кулаков В. И. Погребения военачальников прусской дружины // КСИА. М., 1989. Вып. 198 : Средневековая археология Восточной Европы. С. 35—44.
5. Кулаков В. И. Ирзекапинис // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 211—273.
6. Кулаков В. И. Доллькайм — Коврово. Исследования 1879 г. Минск, 2004.
7. Кулаков В. И. Доллькайм — Коврово. Исследования 1992—2002 гг. Минск, 2007.
8. Кулаков В. И. Изображения на плакированных серебром железных изделиях пруссов и куршей // *Res Humanitariae*. Klaipėda, 2016. Vol. 20. P. 10—30.
9. Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб., 2005.
10. *Atgāzis M.* Tuvēņas ieroči Latvijā 10.—13. gadsimtā. Rīga, 2019.
11. Ebert M. Zu den Beziehungen der Ostseeprovinzen mit Skandinavien in der ersten Hälfte des 11. Jahrhunderts // *Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte: Arbeiten des baltischen Vorbereitenden Komitees für den XVI. Archäologischen Kongress in Pleskau*, 1914. Berlin, 1914. S. 126—139.
12. Kainov S. Yu. Swords from Gnėzdovo // *Acta Militaria Mediaevalia*. Kraków ; Rzeszów ; Sanok, 2012. T. 8. S. 7—68.
13. Kazakevičius V. Ietigalis sidabru inkrustuota įmova iš Vilkijos // *Archaeologia Litwana*. Vilnius, 2002. T. 3. P. 104—120.
14. La Baume W. Ein spätprussisches Reitergrab mit Helm und verzierten Lanzen aus Ekritten, Kr. Samland // *Alt-Preußen*. 1940. Jg. 4, H. 4. S. 84—87.
15. La Baume W. Zur Technik der Verzierung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit // *Alt-Preußen*. 1941. Jg. 6, H. 2. S. 22—29.
16. Leppäaho J. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland. Schwertinschriften und Waffenverzierungen des 9.—12. Jahrhunderts. Helsinki, 1964.
17. Solberg B. Norwegian spear-heads from the Merovingian and Viking periods. Bergen, 1984.
18. Strömberg M. Eine silbertauschierte wikingerzeitliche Speerspitze in einer Schönschen Privatsammlung // *Swiatowit*. Warszawa, 1962. T. 24. S. 409—420.

Об авторе

Дмитрий Олегович Морозов — студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Научный руководитель — кандидат исторических наук С. А. Денисов.

E-mail: morozdmitriy382@mail.ru

D. O. Morozov

The three ornamented Viking Age spearheads from the territory of the Old Prussians: the results of new research

The article considers the three archaeological finds of 11th century from necropolises in the Kaliningrad Oblast (Kovrovo, Klintcovka, and Tsvetnoye) — namely spearheads with sockets decorated with inlays that form a loop / flame motif. The origin of this ornamental motif is associated with workshops on Gotland Island and regions of southern Sweden, from where Scandinavian spearheads were imported to the Sambian Peninsula. Local craftsmen borrowed the motif of the ornament and developed it, giving solid features to the sockets and decorating them with copies of the tips. The analysis of the objects revealed differences in the inlay methods of Scandinavian and Old Prussian items. The article suggests that the inlay method may be a chronological indicator for the type of ornament under consideration.

Keywords: *spearheads, Viking Age, Old Prussians, Kovrovo / Dollkeim, Klintcovka / Irzekapinis / Wickiau, Tsvetnoe / Kallen, ornamentation, inlay*

The author

Dmitriy O. Morozov, Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: morozdmitriy382@mail.ru

Первые результаты археологического обследования городища Ленценберг в 2024 году

Проведенные в 2024 году на известном по средневековым хроникам и документам городище (замке) Ленценберг археологические работы позволили установить этапы ведения на данной территории хозяйственной деятельности. Полученные материалы свидетельствуют о том, что на данном участке уже в конце I тысячелетия до н. э. функционировало поселение, претерпевшее позднее, вероятнее всего во времена доорденской Пруссии, структурные изменения и преобразованное в укрепленную валом и рвом площадку. Орденская крепость Ленценберг подверглась значительным разрушениям в ходе прусского восстания 1246 года и была сожжена во время событий 1260 года, но окончательно канула в небытие вследствие активной хозяйственной деятельности землевладельцев в XIX веке. На данный момент за исключением небольшого количества фрагментов круговых сосудов из серожгущейся глины, собранных с территории городища, ничто не свидетельствует о присутствии рыцарей Тевтонского ордена в данном месте.

Ключевые слова: городище, поселение, пруссы, Тевтонский орден, Ленценберг, Ушаково

В полевом сезоне 2024 года сотрудниками Самбийской археологической экспедиции Института археологии РАН под руководством автора статьи с целью определения границ территории и характеристик культурных напластований памятника были проведены археологические разведки на городище Ленценберг¹, расположенном на берегу Калининградского (Вислинского) за-

---

© Литвиненко И. В., 2025

¹ В отечественной историографии можно встретить написание как Ленценбург [1, с. 49; 2, с. 164], так и Ленценберг [7, с. 46]. Данное разночтение обусловлено наличием различных вариантов написания топонима в созданных на латыни и немецком языке летописных, картографических источниках и научных исследованиях по прусской истории. В «Хронике» Петра из Дусбурга мы встречаем написание *Lencenbergk* [26, S. 98]. В комментариях к изданию хроники в сборнике «Scriptores rerum Prussicarum» [Ibid.] этот топоним отождествляется с названием *Lemptenburc*, встреченным в документе за 1246 год, где рассматривалось решение епископа Кульмского Гейденриха по территориальному спору между Любеком и Тевтонским орденом, и в сборнике «Preußisches Urkundenbuch» [24, S. 129], а также с *Lemetenberch* в документе №28 (раздел «Дипломатия») из сборника документов, связанных с историей Вармии [13, S. 51]. Следует отметить, что *Lemetenberch*, судя по тексту, скорее всего, имеет отношение к топониму *Lenzen* — названию другого городища, расположенного в 12,5 км севернее Эльблонга (Польша). У Каспара Хенненбергера локация обозначена как *Lenzenburg* [17, S. 252], при этом на карте его же авторства — *Lentzeberg*. На

лива к западу от русла реки Прохладная, впадающей в залив на территории пос. Ушаково Гурьевского муниципального округа (рис. 1). Городище состоит в перечне объектов культурного наследия под названием «Ушаково, городище» и является памятником федерального значения с 1991 года, у которого тем не менее до сих пор не были определены границы территории. Обследование городища, проведенное в 1977 году Балтийским отрядом Института археологии АН СССР под руководством В. И. Кулакова, носило визуальный характер. На основании подъемного археологического материала, включавшего фрагменты лепной и гончарной керамики, памятник был датирован XI—XIII веками н. э. [3, с. 2—3].

Рис. 1. Аэрофотосъемка участка месторасположения городища (вид с юго-востока).
Фото автора, дата съемки 10.11.2024

карте Ф.Л. Шреттера (1803) городище обозначено как *Lenske Berg* [25]. В отечественной литературе в результате сложившегося многообразия написаний и существования на территории бывшей Восточной Пруссии двух городищ с созвучными названиями — Ленценберг под Бранденбургом (район совр. пос. Ушаково Гурьевского муниципального округа) на берегу Калининградского залива и Ленцен под Эльблонгом, — наблюдается определенная путаница. В результате созвучности данных топонимов можно встретить утверждения о том [4, с. 49], что городище Ушаково (Ленценберг на территории Калининградской области) подвергалось раскопкам довоенным немецким археологом Р. Дорром [15], хотя на самом деле Дорр исследовал городище под Эльблонгом. В настоящей статье автор будет придерживаться написания *Ленценберг*.

На территории Юго-Восточной Прибалтики в эпоху Средневековья можно было наблюдать сложившуюся систему городищ (укрепленных поселений), расположенных на различного типа природных возвышенностях. Сами городища получили свое развитие гораздо раньше, с эпохи раннего железного века (РЖВ), и в эпоху римских влияний уже играли значимую роль в системе расселения в регионе [10, с. 62]. Зачастую городище образовывало единый комплекс с примыкающим к нему неукрепленным поселением. В целом информация о поселенческой ситуации в регионе в исследованиях немецких археологов довоенного периода достаточно скудна (совсем иначе обстояло дело со степенью изученности грунтовых могильников и курганов), но определенные данные все же ими были получены. Это, во-первых, данные собранные в 1820-х годах топографом И. М. Гизе, составившим карту нескольких сотен укрепленных поселенческих объектов Восточной Пруссии [21, S. 8—13]. В списке Э. Холлака (1908) в отношении городища Ленценберг имеются сведения о выявлении на нем индивидуальной находки позднеязыческого периода — серебряного витого перстня [19, S. 181]. Также оно упоминается в обобщающей статье Х. Кроме «Карта и справочник укреплений доисторического и раннего периода в Восточной Пруссии» (1937), посвященной городищам на территории провинции. Проведенное археологом исследование показало, что всего в Восточной Пруссии существовало 376 городищ [14, S. 99], представлявших собой вально-земляные укрепления. Городище у населенных пунктов Brandenburg (совр. пос. Ушаково) и Korschenruh (совр. пос. Ладыгино), ставшее объектом археологической разведки 2024 года, Кроме отнес к прусской культуре [Ibid., S. 106].

Замок Ленценберг был основан в 1240 году на месте занятой Тевтонским орденом прусской крепости [1, с. 164] на начальном этапе завоевания прусских земель. Данный участок был важен для ордена тем, что давал возможность поддерживать снабжение в условиях блокировки Бальги. Во время восстания пруссов 1246 года крепость была сожжена, но затем орден ее восстановил. Замок с двором здесь в ту эпоху упоминается картографом и хронистом XVI века Каспаром Хенненбергером, составившим карту Пруссии (рис. 2) [17, S. 252]. В 1260 году случилось событие, о котором пишет в «Хронике земли Прусской» Петр из Дусбурга [8, с. 285]. Легенда гласит, что фогт Вармии и Натангии Вольрад Мирабилис (лат. «достойный удивления») узнал об очередном готовящемся восстании пруссов. Он заманил обманом 12 прусских нобилей в замок, где запер их и поджег. Замок сгорел и более не перестраивался. С учетом того, что в непосредственной близости от мыса, на котором расположено городище, было невозможно обустроить полноценную гавань, был выбран более удобный участок для возведения замка к востоку от Ленценберга — неподалеку от места впадения реки Фришинг (Frisching, ныне Прохладная) в залив. Там и был в 1266 году основан замок Бранденбург.

Рис. 2. Фрагмент карты Пруссии К. Хенненбергера [18] с указанием месторасположения городища Ленценберг (Lentzeberg)

Городище расположено на высоком берегу Калининградского залива. С учетом территории склонов и вала площадь городища составляет порядка 16000 м². Площадка городища трапециевидной формы размером около 45 × 90 м (вытянута по линии запад — восток) с северной стороны защищена крутыми склонами, с южной стороны просматривается на данный момент в значительной степени оплывший подковообразный вал высотой 1,5—2 м (рис. 3). Согласно разработанной типологии раннесредневековых прусских городищ данное мысовое городище относится к типу А [6, с. 156]. Вал и площадка городища подверглись значительным разрушениям в ходе боевых действий в 1944—1945 годах в результате возведения на них окопов с землянками. В северной части площадки городища фиксируются остатки нескольких блиндажей. С обеих сторон городище огибали небольшие речки, ныне ставшие пересыхающими в засуху ручьями. С южной стороны вала продолжается достаточно ровный участок речной террасы. На данный момент городище сильно заросло. При этом на спутниковой карте 1966 года площадка практически не была заросшей (только склоны).

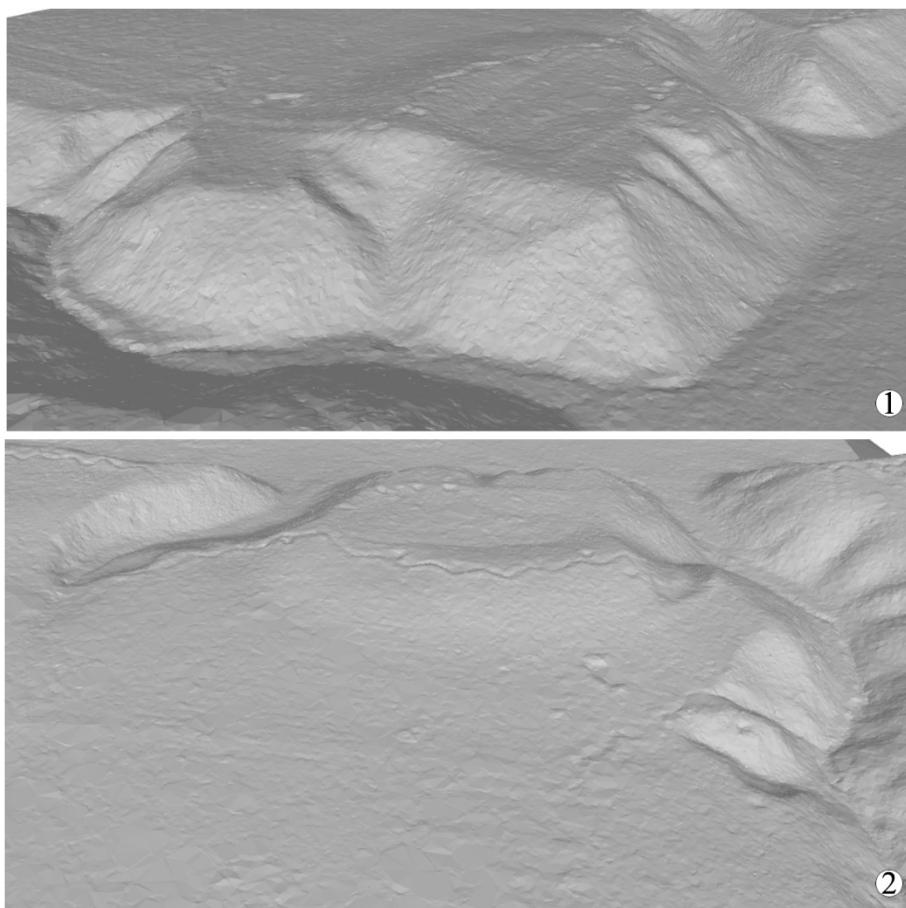

Рис. 3. Цифровая 3D-модель городища Ленценберг¹:
1 — вид с северо-востока; 2 — вид с юго-востока. Автор модели А. М. Фатьков

Ровная площадка с южной и юго-западной сторон в послевоенное время подвергалась сельскохозяйственной деятельности, в том числе распахке. В настоящее время у подножья городища среди прочих зарослей произрастают яблоневые деревья. В довоенных источниках встречается информация о том, что с южной напольной стороны существовали остатки заплывшего уже на тот момент рва [16; 23; 27], но на данный момент его контуры нечитаемы.

Интересные детали в отношении городища сообщает немецкий писатель и путешественник XIX века Л. Пассарге. Рассказывая о поездке на городище

---

¹ Автор благодарит сотрудников ГБУК «НПЦ по охране памятников» К. Л. Юганова и В. Н. Пахомова за лидарную съемку, с помощью которой была выполнена цифровая 3D-модель объекта.

Ленценберг [23, S. 10], он приводит данные о том, что высота вала с внешней стороны составляла около 15 футов ($\approx 4,5$ м) и уменьшилась она примерно на 5 футов ($\approx 1,5$ м) в недавнее время в результате сельскохозяйственной деятельности землевладельца. Важную информацию также предоставляет ремарка о том, что активные земляные работы на участке не привели к обнаружению каких-либо каменно-кирпичных кладок, которые можно было бы ассоциировать с возведенным Тевтонским орденом укреплением, в связи с чем писатель подвергает сомнению возможность существования на этом месте полноценного рыцарского замка, для которого данная площадка была мала по размеру.

Немецкий археолог Г. Буяк в 1876 году в лекции о некоторых укрепленных поселениях на территории региона в ходе заседания Общества по изучению древностей «Пруссия» [27] упомянул, что площадка городища, превращенного в замковую площадку, ранее была отделена от территории на юге рвом, который владелец земли засыпал, чтобы объединить эти участки в единое пространство для удобства сельскохозяйственных работ. Для засыпки рва в 1856 году был снят на 1,5 м верх вала. В грунте содержались многочисленные фрагменты керамических сосудов и древесный уголь. Любопытная деталь обнаруживается и в записях Буяка, из которых можно узнать, что землевладелец Балло смог набрать из разрушенного вала несколько центнеров (!) древесного угля, которые затем продал в кузницу [11]. Остается только догадываться, каково было происхождение столь значительного объема угля на городище и имело ли оно отношение к сожженной Вольрадом Мирабилисом деревянной крепости.

Писатель и краевед Э.И. Гутцайт, живший и работавший в Восточной Пруссии, вспоминал, что во время посещения им Ленценберга в 1920-е годы еще были различимы очертания вала и рва. Гутцайтом был собран подъемный материал в виде фрагментов лепных сосудов, неорнаментированных, поэтому не поддавшихся датировке [16].

Как видно из этих свидетельств, интерес к легендарному городищу у исследователей существовал. Тем не менее это не уберегло памятник от значительных разрушений, ставших следствием решения землевладельцами хозяйственных задач, а полноценных археологических работ на городище не проводилось. В результате вся имеющаяся и несомненно заслуживающая внимания информация о легендарном для истории Восточной Пруссии месте, обнаруживаемая в работах довоенных исследователей, нуждалась в уточнении.

В процессе разведочных работ 2024 года были заложены шурфы, охватившие всю территорию городища: площадку, вал и часть напольной стороны.

Шурф 1, заложенный в восточной части площадки городища, позволил установить, что в данной части поселения мощность культурного слоя, представленного серым песком с включениями угля и светло-серого песка, составляет 0,35—0,5 м. В этом слое были выявлены фрагменты лепных и ран-

негончарных керамических сосудов. Линейная орнаментация последних позволяет датировать слой концом X — первой половиной XI века н. э. Также в шурфе были зафиксированы две столбовые ямы, впущенные в материк.

В шурфе 2, выполненном на валу (в его восточной части), на глубине $-0,75 / -0,8$ м от дневной поверхности были обнаружены остатки сгоревшей деревянной столбовой конструкции (рис. 4). Можно предположить, что она служила своего рода каркасом для укрепления вала. Внутренние деревянные конструкции фиксировались ранее и в валах других городищ на территории Восточной Пруссии, например в Веклице, Белянах Велких и Толмицко (совр. Эльблонгское воеводство, Польша), Котельникове и Дружном в Зеленоградском районе и в Правдинске (Калининградская область РФ) [4, с. 47—57]. При зачистке данного объекта на уровне выявления в слое, непосредственно связанном с объектом, были зафиксированы фрагменты лепных керамических сосудов, которые могут быть интерпретированы как относящиеся к прусскому периоду. В то же время в заполнении шурфа рядом с объектом встречены два фрагмента лощеной керамики, чье происхождение определено более раннее и, вероятно, относится к периоду конца I тыс. до н. э. (РЖВ).

Рис. 4. Городище Ленценберг. Шурф 2. Следы сгоревшей деревянной столбовой конструкции в массиве вала. Фото автора, дата съемки 26.10.2024

В шурфе 3, также расположенном на валу (в его западной части) и показавшем сложную стратиграфию в виде многочисленных прослоек различного заполнения (в том числе зольно-углистых), преимущественно из песка различных оттенков с различными вариациями связанных с процессом возведения вала включений (часть прослоек на разных глубинах в структуре вала содержала значительные включения угля), были выявлены фрагменты лепной керамики, датируемые концом I тыс. до н. э. (РЖВ). При этом они содержались не только в переотложенных слоях, ставших следствием возведения вала, но и в объекте, выявленном на уровне материка на глубине $-2,4$ м от дневной поверхности. Данный факт свидетельствует в пользу того, что вал на городище был сооружен в более поздний период существования поселения, нежели период РЖВ.

В шурфе 4, выполненном в западной части площадки городища, был зафиксирован объект со следами интенсивного горения. Большое количество пещины и угля дало возможность предположить, что, вероятнее всего, этот объект был связан с керамическим производством. Фрагменты раннегончарных сосудов, найденных при зачистке объекта, могут быть датированы по аналогиям рубежом X—XI веков н. э. [28, S. 112—113] (рис. 5, 1—4).

Шурф 8, заложенный с южной napольной стороны городища, дал интересную картину культурных напластований памятника. Культурный слой, представленный темно-серым суглинком с углем, мощностью до 20 см, выявленный на глубине около $-0,8$ м от дневной поверхности, содержал фрагменты раннегончарных сосудов. Фрагменты сосудов с аналогичной орнаментацией можно увидеть в материалах могильника Ирзекапинис, где они датируются серединой XI века н. э. [5, с. 237], а также на городище Орново-Лешак (в воеводстве Оструда, совр. Польша), где датировка аналогичных материалов соответствует концу X — первой половине XI века н. э. [28, s. 122] (рис. 5, 5). Данный слой лежал на материке. На уровне материка в данном шурфе было зафиксировано несколько объектов, из которых границы лишь одного удалось с помощью прирезки выявить полностью. В его заполнении также присутствовали фрагменты раннегончарных сосудов. Сверху данный слой был перекрыт слоем светло-коричневого суглинка с редкими частицами угля, содержавшим фрагменты лепных сосудов, — возможно, это слой, образовавшийся в результате возведения вала, а выше — образовавшимся, вероятно, в ходе сельскохозяйственной деятельности на данной территории в Новое и Новейшее время достаточно мощным дерново-подзолистым слоем серой супеси, в котором присутствовал разнородный материал (фрагменты как лепных, так и раннегончарных, и даже круговых сосудов Нового времени).

В ходе разведок шурфы были также заложены на территории, примыкающей к городищу с юга и юго-запада (с внешней стороны разрушенного вала и засыпанного рва). В них был выявлен археологический материал (фрагменты лепных и раннегончарных керамических сосудов), предварительная датировка которого позволяет утверждать, что данная территория была заселена начиная с конца I тысячелетия до н. э. и вплоть до начала II тысячелетия н. э.

и образовывала с городищем единый комплекс. Более ранние материалы локализуются в западной и юго-западной части территории, в южной части в шурфах зафиксированы фрагменты керамики, относящиеся к началу II тысячелетия н. э.

Рис. 5. Фрагменты раннегончарных сосудов:
1—4 — шурф 4; 5 — шурф 8. Фото автора, дата съемки 15.11.2024

Кроме того, в пользу более раннего, чем в Средневековье, заселения территории городища и прилегающих к нему участков, свидетельствует обнаруженный в западной части площадки городища в отвале сооруженного окопа бронзовый браслет (рис. 6) с признаками стиля пластинчатых украшений. Его морфологические характеристики (браслет выполнен в форме литья, с разомкнутыми концами, орнаментирован тремя горизонтальными поясками, уплощенный, близкий местным формам змееголовых браслетов, регулярно встречаемых в древностях самбийско-натангийской культуры) позволяют датировать находку периодом около 150—220 годов н. э. (фазой B2/C1 — C2 эпохи римского влияния) [9, с. 282, рис. 5, с. 283; 12, S. 72, Abb. 8; 22, Taf. 107].

Рис. 6. Подъемный археологический материал: браслет бронзовый.
Фото автора, дата съемки 15.11.2024

Пребывание людей на территории городища Ленценберг на разных этапах истории побережья Вислинского залива не является картиной уникальной для городищ Юго-Восточной Прибалтики. Подобные случаи были неоднократно зафиксированы археологами в ходе разведок и раскопок на городищах региона. Реконструкция периодов антропогенной деятельности производилась не только на основании археологических находок, но и с помощью проведенного впоследствии радиоуглеродного анализа образцов [20, p. 153].

В пользу ведения хозяйственной деятельности на городище Ленценберг в орденский период на данный момент свидетельствуют лишь косвенные факты: в ходе сбора подъемного материала найдены единичные фрагменты круговых сосудов из серожгущейся глины.

Результаты археологической разведки на территории городища Ленценберг (объекта культурного наследия «Ушаково, городище») позволяют сделать некоторые выводы:

1. В конце I — начале II тысячелетия н. э. городище было заселено представителями прусских племен. Среди археологических находок преобладают фрагменты сосудов (как лепных, так и раннегончарных), относящихся к периоду заселения городища пруссами.

2. Наличие культурного слоя и объектов (находки из них относятся к культуре доорденской Пруссии), выявленных в шурфах на площадке городища, говорит о том, что городище не несло чисто оборонительную функцию, когда население прилегающих неукрепленных поселений в случае опасности могло найти там укрытие.

3. В то же время найденные не только в переотложенных слоях, но и на объекте фрагменты лепных керамических сосудов, датируемых концом I тысячелетия до н. э., свидетельствуют о том, что на территории исследуемого памятника существовало поселение РЖВ, а находка браслета эпохи римских влияний — о продолжении антропогенной деятельности в первой половине I тысячелетия н. э.

4. О следах перепланировки на поселении (возведение вала) можно говорить, вероятнее всего, применительно к доорденской Пруссии (наличие фрагментов керамики периода РЖВ вместе с прусской керамикой в мешаных прослойках насыпи вала).

5. Локализованное с напольной стороны городища поселение в период конца I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. в отсутствие рва и вала на тот момент было единым целым с пространством нынешней площадки городища.

Проведенные археологические разведки позволили уточнить прежние, основанные преимущественно на письменных источниках представления о событиях, имевших место на территории городища Ленценберг.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№НИОКТР 124012400322-9).

Список источников и литературы

1. Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии : справочник. Калининград, 2005.
2. Бахтин А. П. Немецкий орден. Калининград, 2020.
3. Кулаков В. И. Отчет о работе Балтийского отряда ИА АН СССР в Калининградской области в 1977 году. Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 6184.
4. Кулаков В. И. Древности пруссов VI—XIII вв. М., 1990.
5. Кулаков В. И. Ирзикапинис // *Stratum plus*. 1999. № 5. С. 211—273.
6. Кулаков В. И. Прусские городища по данным письменных и фольклорных источников // *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации: XXXI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто*. М., 2019. С. 156—157.
7. Кулаков В. И. Прусские городища в истории Янтарного края // *Вестник Брянского государственного университета*. 2020. № 2 (44). С. 45—53.
8. Матузова В. И. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. Текст, перевод, комментарий. 2-е изд., перераб. М., 2024.

9. *Хомякова О. А.* Пластинчатые браслеты самбийско-натангийской культуры // Германия — Сарматия II : сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина / ред. О. А. Щеглова и др. ; сост. О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград; Курск, 2010. С. 277—288.

10. *Хомякова О. А.* Городища в системе расселения самбийско-натангийской культуры Юго-Восточной Прибалтики I тысячелетия // Российская археология. 2024. № 1. С. 59—74.

11. *Abschrift* aus dem Nachlass von Dr. Bujack // Berlin Museum für Vor- und Frühgeschichte Berlin (MVF). PMA* (Prussia-Museum Archiv). Ortsakten Kr. Heiligenbeil, Brandenburg_0169_Bd_01. URL: https://akademieprojekt-baltikum.production.easydb.de/index?eadb_frame=_top&easydb=sigftqgdr3b573n9b4nn51o91n&ls=2&grid=BildsucheFrames&grid_id=26760&chksm=7a6b247784a33c645221ba0be216980930794944 (дата обращения: 18.01.2025).

12. *Blume E.* Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Teil 1: Text. Würzburg, 1912.

13. *Codex Diplomaticus Warmienseis* oder Regesten und Urkunden zur Geschichte Ermlands. Mainz, 1860. Bd. 1 : Urkunden der Jahre 1231—1340 / hrsg. von C. P. Woelky, J. M. Saage.

14. *Crome H.* Karte und Verzeichnis der vor- und frühgeschichtlichen Wehranlagen in Ostpreussen // Altpreußen. Vierteljahrsschrift für Vor- und Frühgeschichte. 1937. Bd. 2. S. 97—125.

15. *Dorr R.* Der Burgwall bei Lenzen // Schriften der Naturforschenden Gesellschaft in Danzig. 1887. Bd. 4. S. 142—154.

16. *Gutzzeit E. J.* Die Lenzenburg. Sagen und Funde von einer verschwundenen Burg // Das Ostpreussenblatt. 1963. 5 Jan. S. 18.

17. *Hennenberger C.* Erclerung der Preussischen grössern Landtaffel oder Mappen. Königsberg, 1595.

18. *Hennenberger C.* Prussia Accurate Descripta // Theatrum orbis terrarum sive novus (...) / apud Ioannem Guiljelmi F. Blaeu. Amsterdami, 1649. URL: <https://rcin.org.pl/dlibra/publication/15754/edition/7412/content> (дата обращения: 18.01.2025).

19. *Hollack E.* Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreußen. Glogau ; Berlin, 1908.

20. *Ibsen T.* Spatial and temporal distribution of hillforts on the Sambian peninsula in Russia // Fortifications in their natural and cultural landscape: From organising space to the creation of power / ed. by T. Ibsen, K. Ilves [et al.]. Bonn, 2022. P. 141—166.

21. *Malliaris M.* Die „Guise-Zettel“ aus dem Fundarchiv des Prussia-Museums. Bilder „Vaterländischer Altertümer“ in Ost- und Westpreußen aus den Jahren 1826—1828 // Preußenland. 2003. № 1. S. 8—13.

22. *Nowakowski W.* Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg ; Warszawa, 1996.

23. *Passarge L.* Ein Ausflug zur Lenzenburg // Passarge L. Aus Baltischen Landen : Studien und Bilder. Glogau, 1878. S. 1—18.

24. *Preußisches* Urkundenbuch. Politische Abteilung. Königsberg, 1882. Bd. 1 : Die Bildung des Ordensstaats. Erste Hälfte.

25. *Schroetter F. L.* Composite Map: Karte von Ost-Preussen nebst Preussisch Littauen und West-Preussen. URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMS/EY~8~1~289569~90061658:Composite-Map--Karte-von-Ost-Preuss?sort=pub_list_no_ini

tialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no&qvq=q:schroetter;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_list_no%2Cseries_no;lc:RUMSEY~8~1&mi=1&trs=29 (дата обращения: 18.01.2025).

26. *Scriptores rerum Prussicarum*. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. Leipzig, 1861. Bd. 1.

27. *Sitzung* 21. Januar 1876 // *Altpreussische Monatsschrift*. 1876. Bd. 13. S. 180—181.

28. *Wadył S.* Badania weryfikacyjno-sondażowe Grodzisk wczesnośredniowiecznych w dorzeczu górnej Drwęcy (Domkowo, Lipowiec, Ornowo-Lesiak, Morliny) // *Archaeologica Hereditas* 2, Grodziska Warmii i Mazur 1. Stan wiedzy i perspektywy badawcze / red. Z. Kobyliński. Warszawa; Zielona Góra, 2013. S. 109—124.

Об авторе

Ирина Владимировна Литвиненко — младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, Москва, Россия.

E-mail: irina_litvinenko@inbox.ru

I. V. Litvinenko

First results of the archaeological field study of the hillfort Lenzenberg in 2024

Archaeological work carried out in 2024 at the Lenzenberg hillfort (castle), known mainly from medieval chronicles and documents, made it possible to establish the stages of economic activity in this territory. The obtained materials indicate that in this area the settlement had been functioning from the end of the 1st millennium BC until the 1st quarter of the 2nd millennium AD, when structural changes in the form of a platform fortified with a rampart and ditch took place. The Order's castle Lenzenberg suffered significant destruction not only during the Prussian uprising of 1246, after which it was burned during the events of 1260, but also finally sank into oblivion due to the active economic activities of landowners in the 19th century. At the moment, with the exception of a small number of fragments of wheel pottery made of grey-burning clay collected from the territory of the settlement, nothing indicates the presence of knights of the Teutonic Order in this place.

Keywords: hillfort, settlement, Old Prussians, Teutonic Order, Lenzenberg, Ushakovo

The author

Irina V. Litvinenko, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: irina_litvinenko@inbox.ru

Археологическое исследование кирхи в поселке Железнодорожном в 2023 году

Представлены результаты археологических разведок, проведенных на территории кирхи в пос. Железнодорожном Правдинского городского округа Калининградской области в 2023 году. Цель исследования состояла в установлении состава и глубины заложения фундаментов кирхи, а также в выявлении культурного слоя и объектов, предшествующих ее возведению или связанных с ее функционированием. В результате работ выявлены некрополь XIV — начала XX века, к которому относятся 7 погребений; предположительно поселение I тысячелетия н. э., существовавшего внутри кирхи в XVI — начале XIX века; фундаменты несущих стен и башни, сложенные из валунов и булыжников длиной 0,1—1,08 м и высотой 0,08—0,6 м, верхние два-три ряда которых скреплены известковым раствором. Выявленные объекты, связанные с освоением участка, свидетельствуют о расширении системы расселения пруссов после покорения Тевтонским орденом и об их инкорпорировании в новую социальную систему.

Ключевые слова: пруссы, некрополь, Тевтонский орден, кирха, фундамент, поселение

Введение

Одним из ключевых инструментов политики Тевтонского ордена, направленной на покорение Пруссии, стало формирование системы церковных приходов, которые облегчали христианизацию автохтонного населения и его инкорпорирование в новую социальную систему [20; 25, S. 162.118—164.151; 33, s. 45—52]. Однако контроль за приходской жизнью обеспечивал не Тевтонский орден, имевший своей задачей в первую очередь дальнейшую экспансию в Юго-Восточной Прибалтике, а церковь, средства которой на территории прусских земель были крайне ограничены. Этим объясняется медленная катехизация и длительное сохранение среди пруссов пережитков языческого мировоззрения, что зафиксировано в погребальном обряде второй половины XIII — XV века [3; 4].

Определение принципов, на основе которых формировалась система церковных приходов, подразумевает выявление, помимо типа административного регулирования, ряда факторов: выбора места для строительства кирх, способов возведения зданий и формирования вокруг них некрополей.

Перечисленные вопросы рассматривались в историографии отдельно друг от друга. Это в первую очередь касается историко-архитектурных исследований кирх [16; 18, S. 99—101] и археологического изучения некрополей, сформировавшихся при них [3; 4; 13], что не позволяло взглянуть на поставленную проблему комплексно.

В октябре 2023 года сотрудники Самбийской археологической экспедиции Института археологии РАН провели исследование кирхи, расположенной в пос. Железнодорожном (бывший Гердауэн) Правдинского городского округа Калининградской области. Его цель состояла в установлении состава и глубины заложения фундаментов кирхи, выявлении культурного слоя и объектов, предшествовавших ее возведению или связанных с ее функционированием.

Исследуемая местность представляла собой в Средневековье прусскую волость с центром в городище Гирдава и была частью земли Бартия. Городище занимало важное стратегическое положение на правом берегу реки Омет (ныне река Железнодорожная) и принадлежало местной знати из рода Рендалиев, а после прихода в Бартию Тевтонского ордена стало в 1257 году резиденцией местного комтура [1, с. 64]. Во время второго этапа Великого прусского восстания (1261—1274) Рендалии остались на стороне ордена, вследствие чего замок был осажден около 1270 года восставшими под руководством вождя Диване и сожжен [24, S. 109, № 113]. После подавления восстания замок был построен заново: основу комплекса, законченного в 1325 году, составили каменные постройки [1, с. 64]. Для привлечения пруссов на свою сторону Тевтонский орден использовал не только военное давление, но и пожалования земельных владений в обмен на военную службу и выплату налогов. В результате данной политики в округе замка в 1324—1376 годах сформировалась система ленных владений, принадлежавших 61 пруссу [26, S. 464, № 700; 27, S. 204, № 282; S. 271, № 395; 28, S. 323, № 461; S. 532—533, № 649; S. 649, № 759, 760; 29, S. 647, № 721; 30, S. 221—222, № 393; 31, S. 140, № 244; S. 175, № 308; S. 217—218, № 394; S. 223, № 404; S. 251—252, № 444; 32, S. 305, № 541; S. 405, № 709; S. 455—458, № 791—798; S. 496, № 854; S. 533, № 917]. В это же время на близлежащей к замку территории была построена мельница, для которой была запружена река Омет, а на противоположном ее берегу возникло поселение, получившее в 1398 году городские права [15; 34, S. 34, № 569]. Одним из центральных сооружений поселения стала кирха, построенная в 1345 году. Здание имело прямоугольную форму и размер 43,5 × 17,2 м. Хоры отсутствовали, ризница и притвор располагались на южной стороне. Юго-восточная стена кирхи выполняла функцию городской стены и потому не имела окон. В XV веке с юго-запада была возведена башня высотой 42 м. В Новое время на фасадах кирхи были сделаны окна, а у юго-вос-

Некрополь

Горизонт некрополя (рис. 2) выявлен в шурфах 1, 2, 4, 5 на уровне $-7 / -54$ см от дневной поверхности и представлен слоями коричневой и темно-коричневой супеси, содержащими кости индивидов и включения коричневой глины и кирпичной крошки мощностью 0,56—1,34 м. При его разборе в шурфе 4 найдены 2 предмета:

1) венчик кругового сосуда из красножгущейся глины¹, черновой край которого отогнут наружу и плотно прижат к внешней поверхности, имея вид массивного валика, разделенного посередине на две части. Относится к типу 4.3 по В. Ю. Ковалю [10, с. 101]. По аналогии с керамикой из культурного слоя Кёнигсберга предмет датируется XVII веком [8];

2) донце фарфорового сосуда с вертикальным выступом на нижней части, служившим основанием сосуда. По аналогии с материалом из поселения Чкаловск (нем. Танненвальде) данный фрагмент можно датировать XIX веком [9, с. 224—228].

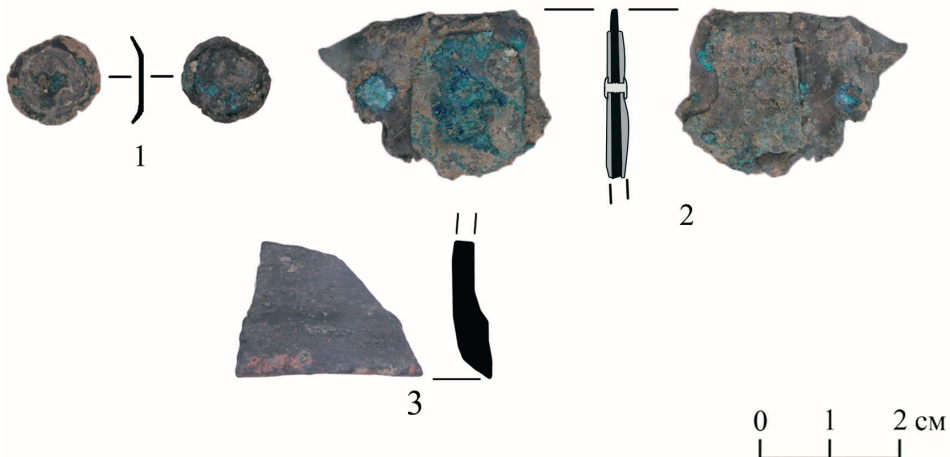

Рис. 2. Горизонт некрополя. Находки:
1 — серебряный брактеат; 2 — венчик бронзового котла;
3 — фрагмент бронзового колокола. Фото автора, 2024

Ниже указанных напластований выявлен материк, сложенный коричневым песком, на уровне которого зафиксированы 7 погребений, совершенных по обряду ингумации и ориентированных по оси запад — восток с отклоне-

¹ Красножгущаяся керамика сделана при окислительном обжиге со свободным доступом воздуха. Сосуды, относящиеся к данной группе, имеют цвет поверхности и на сколе от красного до темно-коричневого.

ниями 15—30° к северу или югу. При этом 6 погребений, датируемых второй половиной XIX — началом XX века, выходили за границы шурфов и были законсервированы на уровне выявления. Одно погребение, выявленное в шурфе 2, исследовано полностью. Его размеры составили 1,4 × 0,58—0,6 × 0,23 м. Заполнение состояло из слоя темно-коричневой супеси с коричневой глиной. Скелет индивида представлен полностью за исключением кистей, берцовых костей и стоп. Череп поврежден. Инвентарь отсутствует. Согласно антропологическому заключению, погребенный индивид — мужчина 40—45 лет¹. Восточная часть объекта уничтожена при возведении фундамента башни в XV веке, что свидетельствует о существовании некрополя в это время на исследуемом участке. Основываясь на стратиграфической ситуации, выявленное погребение можно датировать XIV веком.

В шурфе 3 на уровне –88 / –100 см от дневной поверхности выявлен слой темно-коричневой супеси с костями индивидов, расположенный на материке и являвшийся частью перезахоронения при строительстве притвора в Новое время.

При его разборе были обнаружены серебряный брактеат с изображением короны, отчеканенный в 1337—1345 годах [23, tabl. VII, t. 11.9—10], фрагмент бронзового колокола с рельефной поверхностью и заостренным краем и венчик бронзового котла. Схожий по форме, но больший по размеру колокол представлен в кирхе Фридланда (ныне Правдинск) и датируется XVIII веком [17, № 81649, 81650], что предположительно определяет хронологические рамки исследуемого предмета. Фрагменты бронзовых котлов представлены на селище Привольное-1 (XI—XIII века) [14, с. 308] и в городе Альт-Вартенбург (XIV век, совр. дер. Барчевко, Польша) [22], исходя из чего хронологические рамки предмета можно определить как XI—XIV века.

Круговая керамика представлена 9 фрагментами сосудов из серожгущейся глины (рис. 3)². К ней относятся 7 стенок и донце без выступов и технологической подсыпки с внешней стороны (тип 2 по В. Ю. Ковалю) [10, с. 58—63]. По аналогии с керамикой из поселения Мильзен (ныне Холмы) [6], а также из городов Альт-Вартенбург [21, s. 301—303] и Лёбенихт (в черте современного Калининграда) [12, с. 170, рис. 149. Löb-785] рассматриваемый фрагмент датируется XIV—XV веками.

Общая датировка горизонта исходя из стратиграфической ситуации и состава находок охватывает XIV — начало XX века. При этом собранный материал, относящийся к XIV веку, находит аналогии в погребениях прусских некрополей, наиболее детально из которых изучен некрополь Альт-Велау [3, с. 138—139]. Это позволяет говорить о том, что среди комплексов некрополя

¹ Выражаю благодарность научному сотруднику Института археологии РАН И. К. Решетовой за антропологическое определение костных останков.

² Серожгущаяся керамика произведена при восстановительном обжиге при ограниченном доступе воздуха. Такие сосуды имеют темно-серый или серый цвет поверхности и на сколе.

находились прусские погребения. Важно отметить, что наряду с выявленным комплексом на правом берегу реки Железнодорожной существовал еще один некрополь, датируемый второй половиной XIII — XV веком [11, с. 63]. Увеличение числа погребальных комплексов, функционировавших синхронно в XIV—XV веках, свидетельствует о расширении системы расселения пруссов под власть Тевтонского ордена.

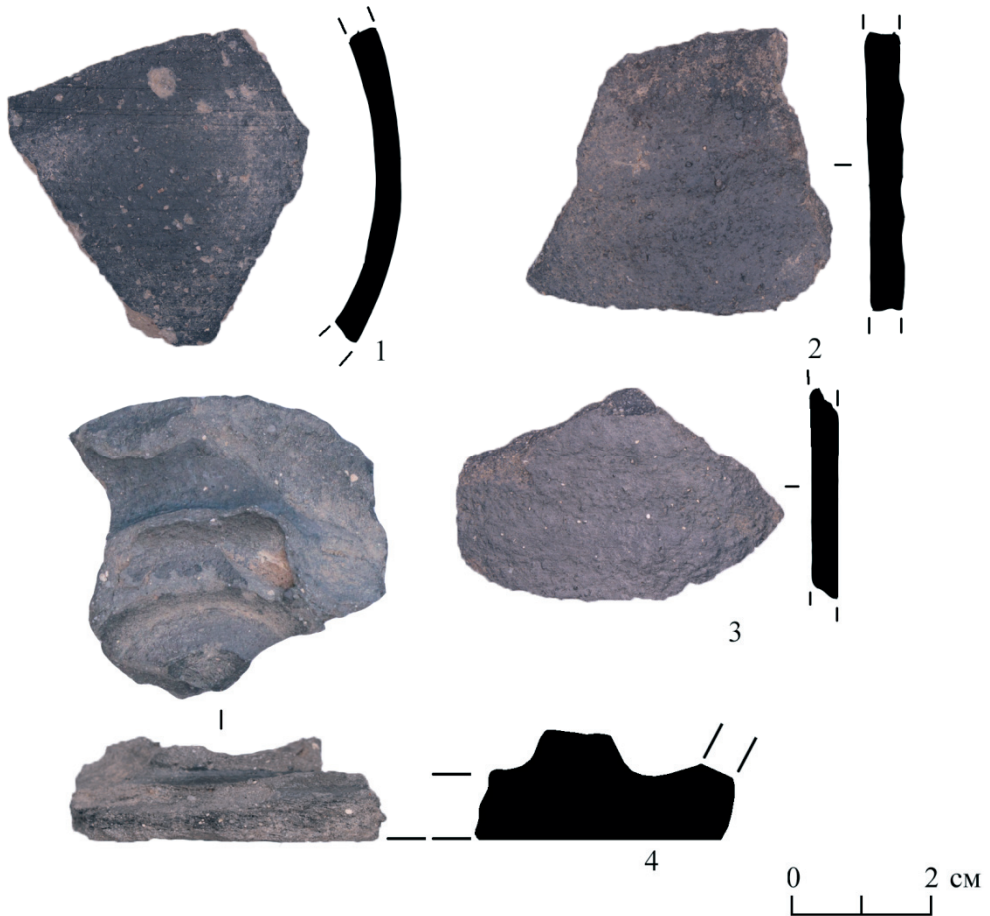

Рис. 3. Горизонт некрополя. Фрагменты сосудов из серожгущейся глины:
1—3 — стенки; 4 — донце. Фото автора, 2024

Функционирование некрополя в более позднее время подтверждается картографическим и фотографическим материалом. На плане Германской империи 1913 года и на фотографии начала XX века участок некрополя обнесен оградой, а с запада и юга к нему примыкали жилые и хозяйственные постройки (рис. 4, 5).

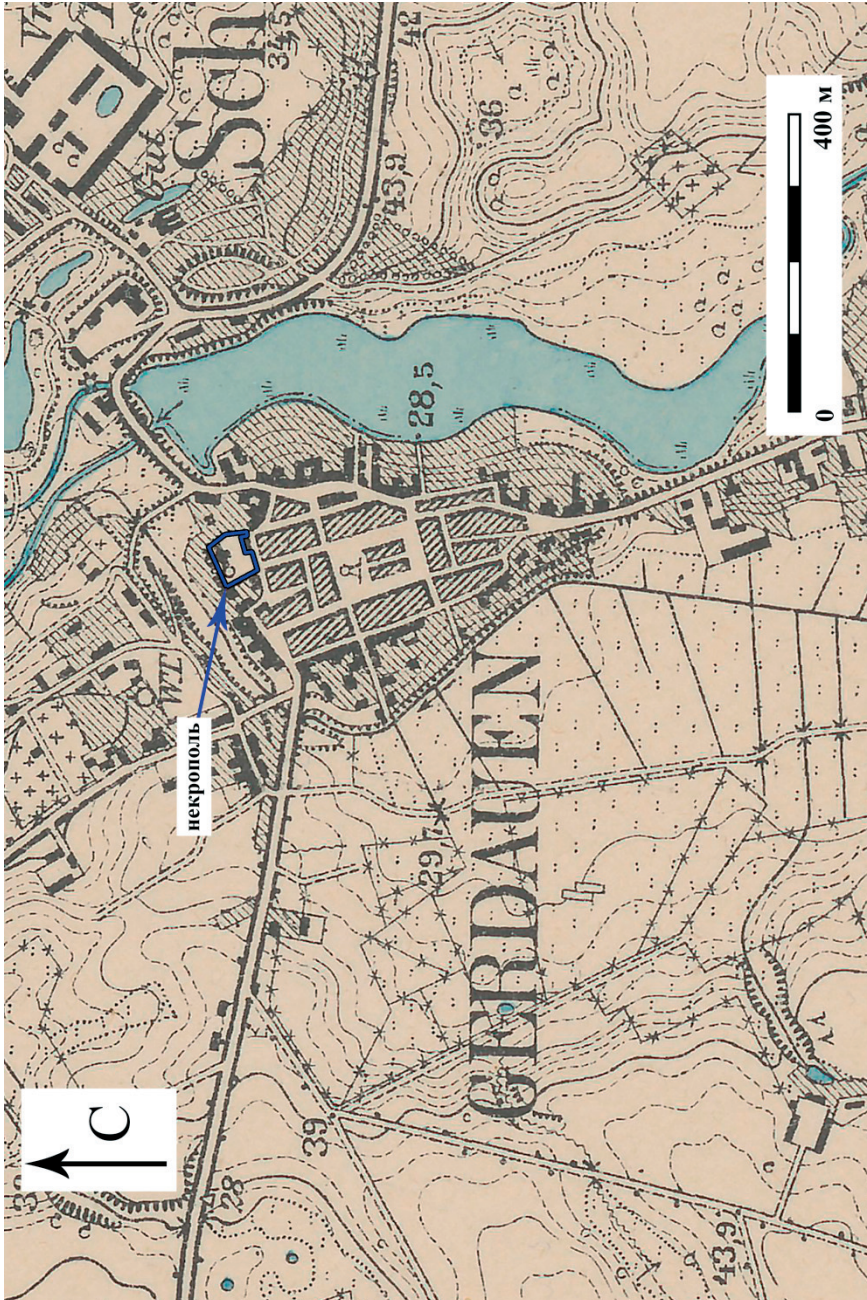

Рис. 4. Некрополь при кирхе на карте Германской империи 1913 года [19, S. 407]

Рис. 5. Вид на кирху и некрополь с юго-востока.
Фотография начала XX века [17, № 130775].

Стратиграфическая ситуация внутри кирхи

В шурфе 6 на уровне $-22 / -24$ см от дневной поверхности был выявлен участок пола, сложенный из кирпичей размером $20—22 \times 13—20 \times 5$ см. Пол располагался на прослойке желтого песка мощностью $0,04$ м; в ней обнаружена серебряная монета «1 эре 1593 г.». Основная часть пола сохранилась в центральной части шурфа, на остальной площади он был разобран и его место занимал слой коричневой глины с коричневым песком и включениями темно-коричневой супеси мощностью $0,24—0,64$ м, выявленный на уровне -40 см от дневной поверхности. В верхней части слоя на глубине -45 см от дневной поверхности найдена медная монета «1 шиллинг 1810 г.», появление

которой, вероятно, связано с разбором пола. Это позволяет определить время функционирования пола как конец XVI — начало XIX века. Основная часть упомянутого слоя располагалась ниже уровня пола и представляла собой, судя по составу и стратиграфическому положению, выбросы из фундаментного рва кирпичи, насыпанные в XIV веке. Ниже, на уровне $-58 / -98$ см от дневной поверхности, выявлен слой темно-коричневой супеси с включениями угля мощностью $0,16—0,3$ м. При разборе слоя обнаружены 8 стенок лепных сосудов, содержащих в формовочной массе примесь дресвы и песка (среди них 3 из красножгущейся, 3 из серожгущейся глины). По составу формовочной массы и способу изготовления данные фрагменты по аналогии с материалом из селищ Гусев-1 и Кострово, а также городищ Грачевка и Логвиново [5, с. 369—372, 436, 438—442; 7, с. 10—13; 11, с. 57] датируются I тыс. н.э. Находки и стратиграфическая ситуация позволяют предположительно отнести исследуемый слой к поселению, существовавшему здесь до возведения кирпичи.

Архитектурные элементы кирпичи

К основным архитектурным элементам относятся фундаменты несущих стен и башни.

Фундаменты несущих стен кирпичи были выявлены в шурфах 1, 3, 4, 6. Общая протяженность зафиксированного участка фундаментов составила 7 м. В шурфе 4 выявлен цоколь северо-восточной стены кирпичи, расположенный на уровне $-80 / -86$ см от дневной поверхности. Фундамент сложен из 4—6 рядов валунов и булыжников длиной $0,1—1,08$ м и высотой $0,08—0,6$ м. В шурфах 3, 4, 6 верхние два-три ряда валунов и булыжников были скреплены известковым раствором, пространство между остальными рядами заполнено коричневым материковым песком с кирпичным боем, мелкими камнями и включениями темно-коричневой супеси. В шурфе 1 валуны скреплены известковым раствором на большей части фундамента, пространство между ними заполнено мелким булыжником и битым кирпичом. В южном углу шурфа валуны не были скреплены раствором, пространство между ними заполнено коричневым материковым песком. Предположительно закрепление валунов известковым раствором представляет собой результат ремонта кладки. Фундаменты заглублены в материк на $0,2 / 0,8$ м. Их нижняя граница зафиксирована на уровне $-159 / -246$ см от дневной поверхности.

Фундамент юго-западной стены башни зафиксирован в шурфе 2. Протяженность участка составила 1 м. Фундамент состоял из 4 рядов валунов длиной $0,4—0,6$ м и высотой $0,3—0,34$ м. Верхние два ряда скреплены известковым раствором с кирпичным боем и мелкими камнями. Пространство между остальными рядами заполнено коричневым материковым песком с кирпичным боем и мелкими камнями. Линия цоколя выявлена на уровне $-27 / -34$ см от дневной поверхности. Фундамент заглублен в материк на $0,94 / 1,04$ м. Его нижняя граница зафиксирована на уровне $-232 / -245$ см от дневной поверхности.

Заключение

Таким образом, выявленные археологические комплексы поселения, некрополя и кирхи позволяют определить этапы освоения участка. В I тысячелетии н. э. на высоком левом коренном берегу реки Железнодорожной функционировало поселение. Позднее, в XI—XIII веках, участок активно не осваивался, а хозяйственная деятельность была сосредоточена на правом берегу реки в округе замка Гердауэн. После прихода Тевтонского ордена освоение местности стало более интенсивным, что отразилось на структуре расселения пруссов: на левом берегу реки возникло поселение, внутри которого была построена кирха и организован церковный приход. Принципы возведения кирхи подразумевали расположение здания на фундаментах высотой 1,59—2,45 м, сложенных из валунов и булыжников длиной 0,1—1,08 м и высотой 0,08—0,6 м, верхние два-три ряда которых скреплены известковым раствором. Перечисленные этапы освоения участка свидетельствуют о расширении системы расселения пруссов после покорения Тевтонским орденом и их инкорпорировании в новую социальную систему.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№НИОКТР 124012400322-9).

Автор благодарит арендатора кирхи Маргариту Максимовну Пырко за помощь в проведении работ, а также Анну Лангнер (Anna Langner) и Визуальный архив Восточной Пруссии (Bildarchiv Ostpreußen) за разрешение опубликовать изображение кирхи (рис. 5).

Список источников и литературы

1. Бахтин А. П. Замки и укрепления Немецкого ордена в северной части Восточной Пруссии. Калининград, 2005.
2. Браславская М. А., Егорова В. И. Железнодорожный // Малые города Калининградской области : энцикл. справочник. Калининград, 2011. С. 86—96.
3. Валуев А. А. Сохранение элементов языческих традиций и культуры пруссов в орденское время (по материалам археологических раскопок могильника Альт-Велау у пос. Знаменск Гвардейского района Калининградской области // Археологические исследования в Калининградской области / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград, 2006. С. 136—149.
4. Валуев А. А., Денисов С. А., Скворцов К. Н. Амулеты-подвески «медвежий коготь» из погребений XIII—XV вв. некрополя Альт-Велау // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 290—306.
5. Гуревич Ф. Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тыс. н. э. // Древности Северо-Западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. / отв. ред. М. А. Тиханова. М. ; Л., 1960. С. 328—452.
6. Денисов С. А., Скворцов К. Н., Зубков А. В. Комплекс сооружений XIV—XV вв. на поселении Мильзен // КСИА. 2022. Вып. 269. С. 190—207.

7. *Ефремов Л. А.* Прусская керамика V—XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2010.
8. *Зоц Е. П.* Красноглиняные неполивные горшки в Кёнигсберге и его округе в XVI — первой половине XIX века // *Время музея* : сб. ст. Калининград, 2022. Вып. 5. С. 291—303.
9. *Зубков А. В.* Отчет о полевых археологических работах (раскопках и наблюдениях), проведенных на территории ОАН «Поселение Чкаловск» в г. Калининграде Калининградской области в 2021 г. Т. 2. М., 2023 // *Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. Б/н.*
10. *Коваль В. Ю.* Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М., 2016.
11. *Кулаков В. И.* Древности пруссов VI—XIII вв. М., 1990.
12. *Кулаков В. И.* Раскопки Лёбенихта в 1999 г. Кёнигсберг под Калининградом. Калининград, 2005.
13. *Кулаков В. И.* Terminus post quem кирпичи в Агнау / Родники // *Зборнік дакладаў і тэзісаў VII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў»* (Мінск, Беларусь, 24—25 лістапада 2016 года). Мінск, 2017. Т. 1. С. 143—150.
14. *Прасолов Я. В., Скворцов К. Н.* О контактах жителей селища Привольное-1 на Калининградском полуострове в конце XI — XIII в. // *КСИА. 2023. Вып. 271. С. 303—320.*
15. *Рогачевский А. Л.* Учредительная грамота г. Гердауэна: (К 600-летию города) // *Калининградские архивы. Калининград, 2000. Вып. 2. С. 33—48.*
16. *Bachtin A., Doliesen G.* Vergessene Kultur. Kirchen in Nord-Ostpreussen. Eine Dokumentation. Husum, 2000.
17. *Bildarchiv Ostpreussen.* URL: www.bildarchiv-ostpreussen.de (дата обращения: 16.01.2025).
18. *Boetticher A.* Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen. Königsberg, 1898. H. 2 : Natangen.
19. *Karte des Deutschen Reiches.* Berlin, 1913.
20. *Klimek R.* Pierwsze kościoły na Warmii i ich wpływ na rozwój dróg lokalnych // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2021. №3 (313). S. 459—472.
21. *Koperkiewicz A.* “Anno 1354 Kynstute, Algard... festinant in Wartenberg”. O trudnykh początkach Barcewa // *Homini qui in honore fuit. Księga pamiątkowa poświęcona śp. Profesorowi Grzegorzowi Białuńskiemu* / red. A. Dobrosielska, A. Pluskowski, S. Szczyński. Olsztyn, 2020. S. 285—308.
22. *Koperkiewicz A., Strobin J.* Bitwa o kocioł. Wydobycie i restauracja średniowiecznego kotła z Barczewka // *Gdańskie studia archeologiczne.* 2020. №8. S. 35—60.
23. *Paszkiewicz B.* Brakteaty — pieniądz średniowiecznych Prus / *Złota Seria Uniwersytetu Wrocławskiego.* Wrocław, 2009. T. 3.
24. *Petri de Dusburg* Chronicon terrae Prussiae // *Scriptores rerum prussicarum.* Leipzig, 1861. Bd. 1 / hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. S. 21—219.
25. *Preussisches Urkundenbuch.* Königsberg, 1881. Bd. 1, H. 1 / hrsg. von R. Philippi.
26. *Preussisches Urkundenbuch.* Königsberg, 1932. Bd. 2, Lfg. 1—3 / hrsg. von M. Hein, E. Maschke.
27. *Preussisches Urkundenbuch.* Königsberg, 1944. Bd. 3, Lfg. 1 / hrsg. von M. Hein.
28. *Preussisches Urkundenbuch.* Marburg, 1958. Bd. 3, Lfg. 2 / hrsg. von H. Koeppen.
29. *Preussisches Urkundenbuch.* Marburg, 1964. Bd. 4 / hrsg. von H. Koeppen.

30. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1969. Bd. 5, Lfg. 1—3 / hrsg. von K. Conrad.
31. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 1986. Bd. 6, Lfg. 1 / hrsg. von K. Conrad.
32. *Preussisches Urkundenbuch*. Marburg, 2000. Bd. 6, Lfg. 2 / hrsg. von K. Conrad.
33. *Radzimiński A.* Kościół w państwie zakonu krzyżackiego w Prusach. 1243—1525. Malbork, 2006.
34. *Regesta historico-diplomata Ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198—1525*. Göttingen, 1948. Pars 1 : Index Tabularii Ordinis S. Mariae Theutonicorum Regesten zum Ordensbriefarchiv. Vol. 1 : 1198—1454 / bearb. von E. Joachim, W. Hubatsch.

Об авторе

Сергей Александрович Денисов — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-1080-223X

E-mail: Densera@yandex.ru

S. A. Denisov

Archaeological research of the church in the settlement Zheleznodorozhny in 2023

The article presents the results of archaeological exploration carried out on the territory of the church in the settlement Zheleznodorozhny in Pravdinsky city district in the Kaliningrad Oblast in 2023. The goal of research was to define the composition and depth of the church's foundation and to identify the cultural layer and objects preceding its construction or related to its functioning. As the result the excavations identified a number of objects, which included: the necropolis of the 14th — the beginning of the 20th centuries with 7 graves that belonged to it; presumably settlement of 1st millennium BC, represented by the cultural layer of 0.16—0.3 metres; the section of the brick floor that existed inside the church in the 16th — the beginning of the 19th centuries; the foundations of the load-bearing walls and tower of the church that were made of boulders and cobblestones of 0.1—1.08 metres long and 0.08—0.6 metres high, the upper 2—3 rows of which are fixed with lime mortar. The revealed objects are related to development of site and indicate the extension of Old Prussians' system of settlement after their conquest by the Teutonic Order and their incorporation in the new social system.

Keywords: *Old Prussians, necropolis, Teutonic Order, church, foundation, settlement*

The author

Dr Sergey A. Denisov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-1080-223X

E-mail: Densera@yandex.ru

**Секуляризация в Восточной Пруссии в контексте материальной культуры:
предварительные итоги археологических разведок 2024 года
в районе поселка Осокино Багратионовского муниципального округа**

Цель исследования заключается в соотнесении результатов исторических исследований и данных картографических источников с материалами археологических разведок на территории основанного в начале XV века монастыря Св. Троицы, также известного как Патоллен, владения которого образовали в ходе Реформации поместье Гросс-Вальдек. При обращении к монастырскому периоду истории этого места ставилась задача охарактеризовать его как центр хозяйственного комплекса и местный религиозный центр. В истории поместья особое внимание уделено свидетельствам о земляных и строительных работах. Картография XVI—XX веков позволяет изучить изменения в пространственной репрезентации местности, а также изменения топонимики и ландшафта. Предпринята попытка соотнести выявленные в ходе археологических работ культурные напластования, в том числе фундаменты и слой разрушения, с этими изменениями.

Ключевые слова: Патоллен, монастырь, Гросс-Вальдек, Реформация, секуляризация

В апреле 2024 года автором статьи были проведены археологические разведки в районе пос. Осокино Багратионовского муниципального округа Калининградской области. Их целью стало выявление и исследование культурных напластований, которые можно ассоциировать с позднесредневековым монастырем Св. Троицы, также известным под названием Патоллен (*Patollen*, от имени прусского бога смерти Патолло), в ходе секуляризации Тевтонского ордена преобразованным в поместье Гросс-Вальдек (*Gross-Waldeck*, нем. «большой лесной угол»). Последнее, в свою очередь, после Второй мировой войны было переименовано в поселок Осокино. Археологические исследования монастырских комплексов на территории Калининградской области ранее не проводились.

Монастырь Патоллен (1402—1524)

Авторы XVI века Симон Грюнау (Simon Grunau, 1470—1530/1537) и Каспар Хенненбергер (Caspar Hennenberger, 1529—1600) считали, что монастырь был размещен на месте прусской священной рощи Ромове (Romove, Ric-

kooyot). Согласно второму, это произошло после того, как маршал Тевтонского ордена Хеннинг Шиндекопф (Henning Johann Schindekopf, ок. 1330—1370) по приказу верховного магистра Винриха фон Книпроде (Winrich von Kniprode, ок. 1310—1382) срубил вечнозеленый дуб, располагавшийся в центре роши. После того как языческие приношения продолжились, на этом месте Петром Нагелем (Peter Nagel vom Sehe) был основан посвященный святой Троице монастырь августинцев-отшельников [8, S. 342, 348; 11, S. 464—466]. Первая часть истории легендарна, поскольку Шиндекопф был комтуром Бальги (1354—1359), затем маршалом ордена в Кёнигсберге (1359—1370), но никогда не был комтуром Бранденбурга, к которому относился Патоллен [7, S. 380—382].

Монастырь был основан в начале XV века. В мариенбургской казначейской книге 1399—1409 годов среди записей о денежных выдачах монастырям зафиксированы выдачи Петру Нагелю (Peter Nagel (Nayl, Nayle, Nagil, Nagyl)) из места Патоллен (Patollen, Patollin, Pacollen). В 1402 году он упоминается как монах, а запись о выдаче сделана с формулировкой “zu syns closters buwe” («на строительство его монастыря»); с 1404 года в записях появляется монастырь Патоллен [6, S. 83, 97, 199, 319]. Вероятно, основатель монастыря принадлежал к рыцарскому роду Нагель из замка Кёнигсбрюк (Königsbrück) в княжестве Равенсберг. Прозвание “vom Sehe” данное Петеру Нагелю у Грюнау [8, S. 348], по всей видимости, происходит от ближайшего озера, которое называлось Ункензее (Unkensee), а позже получило название Монкентайх (Mönchenteich) [7, S. 383—384].

В ходе Голодной войны (1414) монастырь захватили польские войска, которые убили настоятеля и уничтожили картину над алтарем; материальный урон составил 100 марок. Тогда же Патоллен получил от вармийского епископа пастырское попечение над церквями в Альменхаузене (Almenhausen, совр. Каштаново) и Абшвангене (Abschwangen, совр. Тишино) [Ibid., S. 386; 9, S. 199].

Со второй половины XV века известно о складывании земельных владений монастыря из пожалований верховного магистра и вкладов по завещаниям. В 1465 году магистр пожаловал монастырю 8,5 гакенов «в поле Дрипситтен (Dripsitten)» (позднее деревня вошла в Гросс-Вальдек), а в 1466-м Патоллен по завещанию капитана из Тапиау (Tapiau, совр. Гвардейск) Фолькеля Родера (Volkel Roder) получил деревню Плакхайм (16 хуфенов) (Plackheim, совр. Дальнее) [7, S. 384—385; 9, S. 200]. В 1508 году монастырь вступил в спор с представителями ордена из-за имущества под Кремиттенном (Kremitten, совр. Лозовое), находившегося на орденской земле. Тогда же путем обмена он получил от магистра права на деревни и поместья Кониттен (Konitten, ныне не существует) и Моститтен (Mostitten, ныне не существует) [Ibid., S. 203].

В ходе Тринадцатилетней войны на стороне Тевтонского ордена воевали отряды наемников, члены которых после войны получили в качестве платы от ордена земельные владения. В 1483 или 1484 году группа таких феодалов

во главе с новым владельцем замка Домнау (Domnau, совр. Домново) Кунцем фон Эглофштайном (Cunz von Egloffstein) передала монастырю крупный денежный вклад в 390 марок. За это следовало устроить у больших дверей монастырской церкви часовню с алтарем для погребения донаторов и их наследников [14, S. 7—17]. Согласно булле Бонифация VIII от 1303 года, августинцы-отшельники не имели права на погребение мирян в своих церквях, выдача этого разрешения монахам Патоллена позволяла связать новых соседей с монастырем [9, S. 204].

Поскольку Патоллен был монастырем отшельнической ветви августинцев, одним из видов его деятельности был сбор милостыни. Генеральный капитул ордена в Перудже определил Кёнигсберг как место сбора пожертвований для монахов из Патоллена [Ibid., S. 203]. Сохранились письма от 1498 года, в которых верховный магистр выдавал монастырю ежегодное разрешение для сбора милостыни. Первоначально разрешение касалось только Замланда, в 1517 году также был упомянут Кремиттен. В письме к пфлегеру Лохштедта (Lochstedt) (1512) указано, что монахи могут по старому обычаю собирать рыбу и милостыню на Фрише Нерунг (Frische Nehrung, совр. Балтийская коса). При выдаче разрешений на сбор пожертвований особо оговаривался запрет на сбор янтаря [Ibid., S. 201—202].

О наличии производства пива в монастыре свидетельствует разбирательство монастыря с владельцем Домнау Мельхиором фон Крейтценом (Melchior von Kreytzen, 1475—1550) в 1516—1517 годах: оспаривались его права на продажу этого напитка в таверны, на кирпичные производства и в другие места [Ibid., S. 203—204]. Монастырь имел право ежегодно проводить ярмарку на день св. Троицы.

Из монастырской библиотеки сохранилась (была вывезена в герцогскую библиотеку в Кёнигсберге, а после Второй мировой войны — в библиотеку Торуньского университета) рукопись второй половины XIII века с комментариями Иоанна из Абвиля на Псалмы, подаренная монастырю в 1483 году викарием собора в Кёнигсберге Михаилом Блюменау (Michael Blumenau) [7, S. 386—387; 5, s. 95—98; 3].

Патоллен был известен как место паломничества благодаря иконе Богородицы, перенесенной туда из церкви в Георгенау (Georgenau, совр. Рошино) близ Фридланда (Friedland, совр. Правдинск) [7, S. 386]. В XIV—XV веках в регионе активно развивается богородичный культ: возникают небольшие центры, объектом поклонения в которых являются изображения или природные объекты. Помимо Патоллена, такие центры располагались в Кульме (Culm, совр. Chełmno), Юдиттене (Juditten), Липах Любавских (Lipy Lubawskie), Ривалде (Rywałd), Хайлигелинде (Heiligelinde, совр. Święta Lipka) и Торне (Thorn, совр. Toruń) [16, s. 202—203]. В 1520 году монастырь, вероятно, пострадал в ходе нашествия польской армии, которая взяла Домнау и разорила его окрестности.

На монастырь рано оказали влияние реформационные процессы. В 1519 году пфлегеру Бартена (Barten, совр. Barciany) было поручено задержать и вер-

нуть в обитель беглого монаха, который некоторое время прожил в Дитрихсхофе (Dietrichsdorf, совр. Dzietrzychowo). В 1524 году епископ Замланда, реагируя на сведения о настроениях клириков и монахов из Хайлигенбайля (Heiligenbeil, совр. Мамоново) и Патоллена, предписал в случае плохого управления поместить в обителях братьев ордена и запретил вывозить или уничтожать монастырское имущество — в частности, наложил запрет на компенсации для тех, кто покидает обитель. Вероятно, так регулировался исход из нее монахов [7, S. 386—387; 9, S. 205—206].

Августинские монастыри в Пруссии принадлежали к саксонской провинции этого монашеского ордена, как и основоположник протестантизма Мартин Лютер, поэтому его влияние было особенно сильным именно в этом отделении ордена. Патоллен стал одним из восьми монастырей, закрытых в саксонском отделении августинцев в 1523—1524 годах; всего вплоть до 1538 года эта участь постигла 35 монастырей [15, p. 39].

Поместье Гросс-Вальдек (1526—1945)

В 1526 году прусский герцог Альбрехт передал всю собственность монастыря своему советнику и приближенному Генриху фон Киттлицу (Heinrich von Kittlitz). Новый хозяин участвовал в подписании Краковского мира с Польшей в 1525 году, в 1527-м стал гофмейстером герцогини Доротеи, а в следующем году — ландгофмейстером. К нему перешли Дриписиттен, Вальдек, Кониттен и Моститтен с озером Ункен. Бывший рыцарь ордена Филипп фон Крейтц (Philipp von Kreutz) обвинял фон Киттлица в том, что тот захватил монастырское имущество, превратил обитель в свое поместье и приказал перешить ризы в одежду [7, S. 387—390; 9, S. 207].

Новые владельцы сначала использовали здание монастыря как жилой дом. Согласно описанию начала XVIII века, он состоял из коридора со множеством келий, двух комнат и различных чердаков. В топонимике «монастырское» название еще долго было закреплено за трактиром, мельницей и озером [7, S. 390; 9, S. 206—207].

В 1700 году в поместье проводились работы по сносу части старых стен, и тогда была обнаружена каменная вымостка, под которой были найдены золотые предметы: небольшое распятие и кольцо в форме треугольной призмы с магической надписью, завершающейся словами «тетраграмматон» и «Адонай». К XVIII веку сложилось предание о том, что после уничтожения прусского святилища и основания монастыря на его месте в обители начали происходить сверхъестественные явления. Монахи прибегли к помощи экзорциста, чтобы изгнать дьявола. Автор сообщения о находке кольца и распятия в 1725 году склонялся к тому, что появление этих предметов связано с увлечением оккультизмом при герцогском дворе в XVI веке, но уже в XIX столетии история о средневековом экзорцизме и найденных предметах, связанных с ним, была зафиксирована в фольклорной традиции [13; 19, S. 19—21].

В 1776 году последняя наследница поместья из семьи Киттлиц в возрасте 18 лет вышла замуж за лейтенанта Отто фон Застрова (Otto von Zastrow, 1753—?). Застров, вероятно, был плохим хозяином, так как в 1801 году ему пришлось продать поместье. В это время оно было окружено большим водоемом, частично карповыми прудами. Позднее они были осушены и образовали луга и пастбища [9, S. 210]. К этому времени относится еще одно свидетельство об открытиях в ходе земляных работ в усадьбе: в статье 1792 года историк Людвиг фон Бачко сообщал, что в главном здании усадьбы под полом было выявлено помещение, в котором обнаружены золотое кольцо и монеты первой половины XVII века, а в ходе осушения мельничного пруда он наблюдал на его дне кирпичный бой и проглядывающие фундаменты [2].

В 1801 году поместье ушло с молотка и было куплено каноником Паулем Готфридом фон Полем (Paul Gottfried von Pohl). В 1810-х годах оно несколько раз выставлялось на аукционе, пока в 1823 году не перешло к сыну управляющего и племянницы Поля Генриху Маулю (Heinrich Maul, 1773—1832). Ему удалось удержать Гросс-Вальдек и привести его к определенному уровню процветания, несмотря на аграрный кризис 1823—1827 годов [9, S. 210, 211]. В 1827 году поместье посещал лейтенант Иоганн Михаэль Гизе, который обнаружил в Гросс-Вальдеке «кирпичные кресты из монастыря» [4, S. 12], а в парке поместья, вероятно под оранжереей, были найдены остатки фундамента монастыря [9, S. 206, 210, Anm. 113]. В 1832 году Генрих умер, ему наследовали два сына, хозяином Гросс-Вальдека стал старший из них, Август (1805—1873). При нем в 1849—1850 годах был построен новый усадебный дом [Ibid., S. 212]. При строительстве дома использовались остатки монастырских сооружений [7, S. 390].

Поскольку двое сыновей Августа Мауля умерли в детстве, ему наследовала старшая дочь Елизавета, в замужестве фон Штуттерхайм (Elisabeth von Stutterheim, 1838—1920). Она стала хозяйкой поместья Гросс-Вальдек после смерти мужа Эрнста в 1887 году. В ходе Первой мировой войны на территории вблизи деревни произошло сражение между русской и немецкой армиями. Наследником Елизаветы, потерявшей всех троих сыновей до своей кончины, и последним владельцем поместья стал Вернер фон Штуттерхайм (Werner von Stutterheim, 1873—1945). Зимой 1944/45 года жители Гросс-Вальдека бежали от наступающей советской армии в Померанию, но там у них были реквизированы лошади и повозки, а сами беженцы отправились обратно. Вернер фон Штуттерхайм умер в этом пути недалеко от Гуттштадта (Guttstadt, совр. Dobrze Miasto).

В первый послевоенный год господский дом служил офицерским клубом, затем стал лагерем для заключенных и подневольных рабочих [9, S. 212—215]. Впоследствии на территории усадьбы располагалась школа.

Картографические источники

Впервые исследуемое место появляется на картах Каспара Хенненберге-ра. Он приехал в Кёнигсберг в 1550 году и на протяжении 1550—1580-х годов совмещал занятия картографией со службой пастором в приходах Георгенау, Домнау и Мюльхаузене (совр. Гвардейское), располагавшихся в пределах 10 км от поместья Гросс-Вальдек. На карте Пруссии, опубликованной в 1584 году, Хенненбергер разместил между ними населенный пункт с подписью *Dreifaltigkeit*, то есть «Троица». Несмотря на популярность языческого варианта, здесь отражено католическое название монастыря. Водоем в источниках называется «монашеским озером» (*Munken se*) [12].

Авторству Хенненберге-ра приписывается карта «*Prussia vetus*» (Старая Пруссия), опубликованная в 1684 году и иллюстрирующая географию региона в дохристианский период его истории. Языческий центр Ромове помещен в том же месте, что и монастырь Троицы на «современных» картах картографа [10].

На карте Фридриха Шреттера (опубликована в 1796—1802 годах) отдельно стоящее поместье и деревня на другом берегу реки получают название «Гросс Вальдек». На ней обозначена мельница, рядом с которой к западу располагается мельничный пруд, а также «монастырский» трактир [17; 18].

На карте Германской империи конца XIX века ландшафт приобретает вид, сохраняющийся в общих чертах до нынешнего времени. Вдоль дороги к северу от реки находятся строения деревни, а в парке, разбитом южнее, расположено само поместье. К юго-востоку все так же располагается «монашеский пруд» (*Monken Teich*). Обращает на себя внимание изменение ландшафта: мельничный пруд к западу от поместья исчезает, но появляется другой пруд еще в одном притоке, расположенном севернее.

В результате исторических и картографических исследований в качестве места полевых работ был выбран поросший лесом (одичавшим парком) холм, на котором расположены фундаменты строений усадьбы.

Археологические разведки

Археологические полевые работы предварялись геомагнитными разведками [1]; остеологический материал был осмотрен И. А. Ужастовой.

Первый шурф был размещен у южной стены фундамента, определенного как главное здание усадьбы. Геомагнитным исследованием была выявлена горизонтальная граница, которая «может маркировать погребенный почвенный слой, который образовался... при подсыпке территории» [1, с. 7—8]. В шурфе под крупными обработанными камнями фундамента выявлен слой битого кирпича и черепицы, ниже которого располагался еще один фундамент из нетесаных камней, скрепленных известковым раствором, — вероятно, фундамент предшествующего строения. В стратиграфии других стенок шурфа

слою битых строительных материалов соответствовал ниспадающий к югу слой с большим количеством извести и кирпичной крошки — вероятно, слой разрушения (рис. 1). Материалы из шурфа включали керамику различных типов обжига, в том числе красноглиняный поливной изразец, фрагмент лепного сосуда и фрагмент сероглиняной кружки с ручкой.

Рис. 1. Стратиграфия северной стенки шурфа 1: фундамент здания усадьбы 1849—1850 годов постройки, слой битого кирпича и черепицы и второй фундамент ниже. Фото автора, 2024

Шурфы 2 и 5 были разбиты на вершине холма. В первом из них были обнаружены два слоя, разделенных двумя прослойками, одна из которых содержала переотложенный материковый суглинок и известь, а другая, более широкая, — песок. В шурфе 5 в стратиграфии читался лишь один слой. Среди находок обнаружена также керамика различных типов обжига, в том числе поливная; в шурфе 2 при переборке отвала был выявлен солид королевства Пруссия 1777 года. Шурф 4 был разбит на южном склоне холма. Он также содержит слой с кирпичной крошкой и известью.

Шурф 6 был разбит с внешней стороны небольшого, со сторонами меньше 10 м, фундамента из крупных камней. Было исследовано его устройство (отсутствие раствора), а также выявлены единственные в этих работах мате-

риковые объекты — несколько ям и неглубокая траншея. Материалы из шурфа включали поливную керамику Нового времени; при разборе одного из объектов были обнаружены находки, в том числе резная костяная рукоять с отверстием (предположительно из грифельной кости лошади) и фрагменты круговой керамики различных типов обжига. Выявленный фундамент по устройству сходен с верхним фундаментом главного здания.

Шурф 7 был заложен у северного угла главного здания усадьбы. В ходе геомагнитного исследования на том участке были выявлены аномалии, которые «могут являться погребенными руинами» [1, с. 8—9]. В ходе исследований была обнаружена керамическая составная труба в песочной подсыпке, под которой выявлен культурный слой (рис. 2). В его верхней части помимо керамики найдено большое количество костных остатков. Согласно остеологическому исследованию, около трех десятков из них принадлежали поросянку, плохое состояние зубов которого свидетельствовало о плохом корме либо о его смерти в момент перед выпадением молочных зубов. На костях этой особи не было обнаружено следов антропогенного воздействия. Керамический материал из этого слоя также представлен как сероглиняной, так и поливной красноглиняной керамикой.

Рис. 2. Восточная стратиграфия шурфа 4: мощная песочная подсыпка с керамической трубой и культурный слой под ней. Фото автора, 2024

Шурф 10 был заложен у подножия северо-восточного склона холма, вблизи протоки, расположенной к северу от исследованного холма. В стратиграфии можно наблюдать два слоя, один из которых характеризуется кирпичным боем и фрагментами формованной вручную черепицы. В нижнем слое они присутствуют в виде редких включений, заполнение ила сменяется торфяной

прослойкой; на этом уровне в шурф поступали грунтовые воды. Материал, в том числе керамические фрагменты как сероглиняной, так и красноглиняной, в частности поливной, керамики были выявлены начиная с первого пласта.

Шурф 11 был заложен на северном склоне холма, также недалеко от кромки воды. Культурные напластования имеют меньшую мощность, но в нижней их части выделяется слой разрушения с большим количеством фрагментов кирпичей и черепицы крупного размера ручной формовки.

В XV — начале XVI века в исследуемом месте сложился монастырский комплекс, который являлся религиозным и экономическим центром местного масштаба. На протяжении своей истории он как минимум дважды подвергался вооруженным нападениям, пережил оставление монахами и секуляризацию. В период существования поместья можно проследить значительное антропогенное воздействие на ландшафт: руины старых строений разбирались, водоемы вокруг осушались, а в середине XIX века главное строение усадьбы было возведено заново.

Устройство фундамента главного здания усадьбы, под которым находится слой разрушения и еще один фундамент, соответствует представлению о двух этапах строительства: таким образом, нижняя часть может быть соотнесена с XV—XVIII веками. Зачастую в слое соседствует керамика различных типов обжига — как из серожгущейся глины, характерная для орденского периода (XIII—XVI века), так и из красножгущейся, распространившейся в XVI веке и использовавшейся в Новое время. Это, как и выявленный повсеместно слой разрушения, в свете сведений о многочисленных случаях донатажа монастырских сооружений позволяет предположить, что культурные напластования в основном были сложены в ходе строительной деятельности в поместье. Выявленные в ходе археологических работ культурные напластования могут быть широко датированы XV — началом XX века.

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№НИОКТР 124012400322-9).

Список источников и литературы

1. Шшиков Д. Л., Кацюбинский Ю. С., Клочко А. А. и др. Технический отчет по инженерно-геофизическим исследованиям в Осокино (Калининградская область). М., 2024.

2. Baczko L. von. Von einigen auf dem Adel. Gute Groß-Waldek gefundenen Alterthümern // Annalen des Königreichs Preussen. 1. Quartal / hrsg. von L. von Baczko, Th. Schmalz. Königsberg ; Berlin, 1792. S. 115—118.

3. Biblioteka Uniwersytecka w Toruniu, Ms 9/I. URL: <https://kpbc.umk.pl/dlibra/publication/85095> (дата обращения: 01.03.2025).

4. Boetticher A. Die Bau- und Kunstdenkmäler der Provinz Ostpreußen. Königsberg, 1898. Н. II : Natangen.

5. *Czyżak M.* Digitalizacja najcenniejszych średniowiecznych rękopisów Biblioteki Uniwersyteckiej w Toruniu. „Sermones super Psalterium” Jana de Abbatisvilla z 2 połowy XIII w. (Rps 9/I). Problemy związane z identyfikacją tekstu // *Folia Toruniensia*. Torun, 2015. T. 15. S. 95—106.
6. *Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399—1409* / hrsg. von E. Joachim. Königsberg i. Pr., 1896.
7. *Eysenblätter M.* Die Klöster der Augustiner-Eremiten im Nordosten Deutschlands // *Altpreussische Monatsschrift*. Königsberg, 1898. Bd. 35. S. 357—391.
8. *Grunau S.* Simon Grunau’s preussische Chronik. Leipzig, 1876. Bd. 1.
9. *Guttzeit E. J.* Das Kloster Patollen (zur heiligen Dreifaltigkeit) innerhalb der Geschichte des Rittergutes Groß Waldeck, Kreis Pr. Eylau // *Studien zur Geschichte des Preussenlandes: Festschr. für Erich Keyser zu seinem 70. Geburtstag dargebracht von Freunden u. Schülern* / hrsg. von E. Bahr. Marburg, 1963. S. 195—215.
10. *Hennebegero (sic!) C.* Prussia vetus. S. l., 1684. URL: https://www.europeana.eu/item/9200517/ark__12148_btv1b8469504w (дата обращения: 15.01.2025).
11. *Henneberger K.* Erklärung der Preussischen grössern Landtaffel oder Mappen [...] [Acc.:] Der See Ströme und Flüßer Namen [...]. Königsberg, 1595.
12. *Hennenberger K.* Prvssiae regionis Sarmatiae Evropaе nobiliss. vera et nova descriptio. Antwerpen [Antwerpia], 1584. URL: <https://polona.pl/item-view/c807045d-c17b-4330-a79f-7ef2cb02d162?page=0> (дата обращения: 15.01.2025).
13. *Lilienthal M.* Erleutertes Preussen, oder Auserlesene Anmerkungen ueber verschiedene zur Preußischen Kirchen-, Civil- und Gelehrten-Historie gehörige besondere Dinge, woraus die bisherigen Historien-Schreiber theils ergänzt, theils verbessert, Auch viele unbekannte historische Warheiten ans Licht gebracht werden. Königsberg, 1726. T. 3. S. 284—297.
14. *Mülverstedt G. A. von.* Fromme Stiftungen in Preußen // *Neue Preußische Provinzial-Blätter*. Königsberg, 1856. Bd. 10 / hrsg. von A. Hagen.
15. *Ocker C.* Church Robbers and Reformers in Germany, 1525—1547: Confiscation and Religious Purpose in the Holy Roman Empire. Leiden, 2006.
16. *Rozynkowski W.* Omnes Sancti et Sanctae Dei. Studium nad kultem świętych w diecezjach pruskich państwa zakonu krzyżackiego. Malbork, 2006.
17. *Schroetter F. L. von, Engelhardt F. B.* Karte von Ost-Preussen nebst Preussisch Litthauen und West-Preussen nebst dem Netzdistrict aufgenommen unter Leitung des Königl. Preuss. Staats Ministers Frey Herrn von Schroetteer in den Jahren von 1796 bis 1802. Sect. XI. Berlin, 1804.
18. *Schroetter F. L. von, Engelhardt F. B.* Netzdistrict aufgenommen unter Leitung des Königl. Preuss. Staats Ministers Frey Herrn von Schroetteer in den Jahren von 1796 bis 1802. Sect. VI. Berlin, 1802.
19. *Tettau W. J. A., Temme J. D. H.* Die Volkssagen Ostpreußens, Litthauens und Westpreußens. Berlin, 1837.

Об авторе

Константин Сергеевич Воробьев — младший научный сотрудник, Институт археологии РАН, Москва, Россия.

E-mail: original_don@kanet.ru

K. S. Vorobyov

Secularisation in East Prussia in the context of material culture:
preliminary results of archaeological surveys in 2024 in the area of the village of Osokino,
Bagrationovsky municipal district

The aim of the study was to correlate the results of historical research and data from cartographic sources with archaeological survey materials on the territory of the Patollen Monastery of the Holy Trinity, founded in the early 15th century and transformed into the Gross-Waldeck estate during the Reformation. When referring to the monastic period of the history of this place, the task was to characterize it as the centre of an economic complex and a local religious centre. In the history of the estate, I paid special attention to evidences of earthworks and construction work. Cartography of the 16th—20th centuries allows us to study changes in the spatial representation of the area, as well as changes in toponyms and landscape. Finally, I attempted to correlate the layers discovered during archaeological surveys, including foundations and a destruction layer, with these changes.

Keywords: Patollen, monastery, Groß-Waldeck, Reformation, secularization

The author

Konstantin S. Vorobyov, Junior Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: original_don@kanet.ru

Раздел 2

«ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ»: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 94(47).02

П. А. Атанов

Комплексное использование данных различных дисциплин в «варяжском вопросе»

Содержание «варяжского вопроса» — исследование роли варягов в формировании древнерусской государственности и народности на начальных этапах нашей истории, и прежде всего во времена «призвания варягов», во времена Рюрика («призванного» князя). Наличие вполне конкретных выводов, к которым привело изучение данной роли, несомненно. Плодотворность этого изучения обсуждается в представленной статье. Показано, как сравнение сведений письменных источников с данными археологии, нумизматики, топонимики, лингвистики, палеогеографии, палеоботаники, палеозоологии, геногеографии позволяет прийти ко вполне определенным выводам. Взаимодополняемость материалов разных наук позволила увидеть реальность «призвания варягов», решить вопрос о месте первой резиденции Рюрика и пролить свет на его этническое происхождение. В перспективе же взаимодействие различных дисциплин в «варяжском вопросе» ведет к его решению в целом.

Ключевые слова: «варяжский вопрос», данные различных дисциплин, русы, варяги, Ладога, Рюрик, генетический код

«Варяжский вопрос» (или, иначе говоря, норманнская проблема) — многогранное направление (причем, думается, одно из самых многогранных) в отечественной историографии. Его основательная разработка возможна лишь в том случае, если принимать во внимание данные самых разных научных дисциплин. К примеру, целесообразным и даже, мы бы сказали, плодотворным является сравнение сведений письменных источников с археологическими данными, с данными нумизматики, данных ономастики — с данными палеотопоники и лингвистики. Примеры можно перечислять и дальше. Сравнение данных различных дисциплин позволяет найти вполне конкретные ответы на отдельные, прежде дискуссионные, вопросы норманнской проблемы. То, как междисциплинарное взаимодействие помогает решить эти вопросы, мы и намерены показать в настоящей статье.

Благодаря такому взаимодействию нашли, например, подтверждение летописные сообщения о варяжской дани, имевшей место примерно в 840—850-х годах. ПВЛ сообщает: «Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнѣх, на мери, и на всѣх, кривичѣх» [5, с. 18]; Новгородская первая летопись (НПЛ) также пишет о том, что словене, меря, кривичи и чудь «дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици» [4, с. 106]. Выражение «по бѣлѣи вѣверици», скорее всего, означало «по серебряной (белой) монете и белке» (др.-р. веверица — белка) и указывало на взимание варягами дани как беличьим мехом, так и серебряными монетами (надо полагать, арабскими дирхемами).

Сведения ПВЛ и НПЛ подтверждаются, во-первых, свидетельством другого письменного источника — сочинения арабского автора Ибн-Русте «Дорогие ценности» («ал-А'лак ан-нафиса»), где сообщается о торговле русов (они же варяги) мехами, в числе которых назван и мех белки [1, с. 48]. Получали же русы мех белки, очевидно, в результате сбора дани с коренного населения восточноевропейского севера.

Во-вторых, в существовании варяжской дани убеждают и данные нумизматики. Дирхемы варяги получали в результате как сбора дани, так и торговли беличьим (и не только) мехом. Дирхемы, полученные как в виде дани, так и торговым путем, частично поступали в Скандинавию, а частично оседали в кладах Восточной Европы. Если говорить о Скандинавии, то на ее территории в четвертом десятилетии IX века наблюдается резкий рост количества арабских монет по сравнению с предшествующим периодом. В конце VIII — первой трети IX века в трех скандинавских кладах отложилось 83 дирхема. Дирхемов же, датированных 840-ми годами, у скандинавов (в частности, на Готланде) накопилось 589 [19, с. 66—68].

На севере Восточной Европы на первую половину IX века выпадает ряд кладов. Можно отметить и клад на Земляном городище Старой Ладogi, который относится к горизонту E₂, имеющему дендродату 845—863 годы [11, с. 38]. находка клада дирхемов в Ладoge показательна, так как именно Ладога стала опорным пунктом для варяжских экспедиций за данью. Обнаружены на восточноевропейском севере и другие клады. В. Я. Петрухин говорит о кладах на небольших поселениях по Волхову, на Сарском городище — в земле летописной мери. Исследователь отмечает, что эти данные соответствуют летописным [18, с. 89].

Г. Ф. Корзухина связывает значительное количество кладов восточных монет VIII—IX веков в бассейне Верхней Волги, в Приильменье, в бассейне реки Великой и Старой Ладoge с варяжской данью [14, с. 36]. Так что нумизматический материал севера Восточной Европы — свидетельство достоверности летописных известий о взимании варягами дани с чуди, словен, мери и кривичей.

Красноречивый пример того, как данные разных дисциплин удачно дополняют друг друга, предоставляет рассмотрение вопроса об изгнании варягов, летописные известия о котором благодаря этому дополнению нашли свое

подтверждение. Речь идет об известии НПЛ: «И вѣсташа Словене и Кривици и Меря и Чудь на Варягы и изгнаша я за море и начаша владети сами собе и города ставити» [4, с. 106] и, кроме того, о сообщении ПВЛ под 862 годом: «И изыгнаша варягы за море и не даша им дани...» [Там же, с. 18].

Археологические данные подтверждают эти летописные сведения. Упомянутый выше горизонт Земляного городища E₂, верхней границей которого является 863 год (что составляет разницу всего в один год с летописной датой изгнания варягов), отделен от последующего горизонта прослойкой пожара. Синхронность этого пожара с летописным изгнанием варягов не может не наводить на мысль о том, что Ладога была сожжена славянами и финно-уграми, изгнавшими варягов. Сожжена же она была, потому что являлась варяжским опорным пунктом, откуда норманны совершали экспедиции за данью. Г. С. Лебедев подчеркивает, что «варяжская дань» (кавычки исследователя) закончилась катастрофой Ладоги. Археолог отмечает, что сокрушительный пожар 863 года смел застройку на Земляном городище. Он указывает также на фрагментарность тех горизонтов Варяжской улицы (другой участок раскопанного Староладожского поселения), которые относятся к рассматриваемому времени, делая отсюда правильный вывод о нестабильности застройки второй половины IX века [17, с. 480].

Дополнительно убеждают в достоверности известия об изгнании варягов данные нумизматики. Примерно в одно время с этим событием наступает резкий спад поступления арабского серебра в Скандинавию. В 850-е годы к скандинавам поступило всего 277 дирхемов из одного клада [19, с. 69]. Такое небольшое количество монет уже не позволяет вести речь о дани, сбор которой, по-видимому, в это время прекратился. В. М. Потин отмечает, что ничтожное количество находок и монет в них может говорить скорее о каком-нибудь разбойничьем набеге, чем о сборе дани с обширной территории [Там же, с. 68—69]. Прекратился же сбор дани, очевидно, потому, что Ладога (которая, как отмечалось, служила варяжским опорным пунктом, откуда норманны совершали свои экспедиции за данью) была сожжена, о чем, как сказано выше, свидетельствует прослойка пожара, а варяги — изгнаны, о чем сообщают летописи.

В том, что касается изгнания варягов, мы наблюдаем совпадение сведений летописи, археологических и нумизматических данных. Все они дополняют друг друга, бесспорно свидетельствуя, если рассматривать их в комплексе, о реальности данного изгнания.

Важность взаимодействия различных дисциплин подтверждается и следующим обстоятельством. В исторической науке долгое время дебатировался вопрос о том, где располагалась первая резиденция Рюрика — в Ладоге или в Новгороде? В пользу Ладоги эту дискуссию в значительной мере решил тщательный сравнительный анализ различных летописных источников, проведенный Т. Л. Вилкул, показавшей достоверность тех летописных известий, в которых первым городом, где правил Рюрик, была Ладога [8] («И придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе и срубиша город Ладога») [2, стб. 14].

Однако не менее (если не более) важное в месте в вопросе о первой резиденции Рюрика занимают данные археологии, которые подтверждают упомянутое летописное сообщение и делают этот вопрос окончательно решенным. В Ладоге были обнаружены связанные с торгово-ремесленной деятельностью парцеллы — равные по площади участки земли, разделенные канавами. Возникновение этих парцелл примерно синхронно «призванию варягов» и явно было связано с приходом сюда нового населения, с появлением здесь нового этнического субстрата [13, с. 28]. Очевидно, что деятельность представителей этого нового субстрата была вызвана именно «призванием варягов». Речь идет о датчанах, точнее, о датских викингах, вождь которых, Рёрик Ютландский, скорее всего, и был летописным Рюриком. Неслучайно в Дании, а именно в Риббе, были открыты парцеллы, аналогичные ладожским. В частности, общим для Ладоги и Риббе являлся порядок землепользования и распределения стандартных участков [12, с. 91]. Рассматриваемые парцеллы — свидетельство пребывания в Ладоге датчан и, следовательно, свидетельство того, что «призвание варягов» было связано с Ладогой.

Но это не единственное археологическое свидетельство прихода варягов в Ладогу. В окрестностях Ладоги, в урочище Плакун, был открыт скандинавский курганный могильник, наиболее ранние погребения которого датированы временем не позднее второй половины IX века [20, с. 41]. Таким образом, рассматриваемый некрополь возник примерно тогда же, когда произошло «призвание варягов». Этот могильник явно был оставлен датскими поселенцами, поскольку в нем есть следы погребального обряда и датчан-язычников — трупосожжения в ладье, и датчан-христиан — ингумации в камерной гробнице (обряда, заимствованного у франков). Содержит этот археологический памятник и предметы датского происхождения, в частности связанные с влиянием франкского церковного искусства [7, с. 150—151]. Велика вероятность того, что в Плакуне был захоронен и Рёрик Ютландский, который, как следует из «Саги о Скьелдунгах», был христианином [22, с. 122] и, как об этом говорится, к примеру, в Фульдских анналах, вассалом франкских правителей [6, р. 39].

Таким образом, существование скандинавского могильника Плакун, так же как и наличие в Ладоге рассмотренных парцелл, подтверждает упомянутое летописное сообщение о приходе Рюрика в Ладогу.

Существование явно связанных с «призванием варягов» скандинавского некрополя и датских парцелл вносит определенность и в вопрос об этническом происхождении варягов — указывает на то, что они являлись скандинавской (датской) этнической общностью, и опровергает распространенный взгляд на варягов как на славян [15; 16, с. 439—462]. О датском происхождении самого Рюрика, точнее, о его тождественности с упомянутым датским конунгом Рёриком Ютландским косвенно свидетельствует и отсутствие каких-либо сведений о нем во франкских хрониках в промежутке между 857 и 863 годами. Возможно, в это время Рёрик находился в Поволховье.

Тождество Рюрика и Рёрика Ютландского можно с большой долей вероятности допустить и в том случае, если сделать вслед за В. Г. Волковым вычисление (примерное). Ученый отмечает, что если отсчитывать от года рождения Ярослава Мудрого (978), то его дед Святослав вполне мог родиться раньше 945 года. Он, согласно ПВЛ, был в это время младенцем [5, с. 42], и если он был таковым в 945 году на самом деле, то никак не мог быть внуком (скорее правнуком) Рёрика Ютландского, умершего в 882 году. Исследователь обращает внимание на то, что сыновья Святослава были поставлены им на княжение в 970 году, и заключает, что старший сын Святослава Ярополк родился не позже 955 года, из чего, в свою очередь, следует, что Святослав не мог быть младенцем на момент гибели Игоря в 945 году и родился в 930 году или раньше. Отмечает ученый и то, что послы Святослава уже упомянуты в договоре с Византией 944 года. Вывод В. Г. Волкова состоит в том, что в таком случае Святослав мог быть внуком Рюрика и отождествление последнего с Рёриком Ютландским хронологически вполне правомерно [9, с. 34].

В вопросе о происхождении Рюрика перспективными могут быть материалы другой научной дисциплины — генетической генеалогии, которой в настоящее время известно, к какой гаплогруппе принадлежали потомки Рюрика. С помощью данной науки исследовалась Y-хромосома современных князей, родословная которых строго по мужской линии восходит к Рюрику. Это исследование проводилось с целью определить генетический код рода Рюриковичей.

Было установлено, что нашедшиеся среди современных князей потомки Владимира Мономаха, который приходился Рюрику правнуком правнука (в частности, правнуком Рюрика и прадедом Владимира Мономаха являлся Владимир Святой), принадлежат к скандинавской ветви гаплогруппы N1c1 [Там же, с. 12]. Следовательно, вероятнее всего, и сам Рюрик принадлежал к скандинавской ветви упомянутой гаплогруппы.

Большую ясность в этот вопрос, думается, в будущем может внести палеогенетика, которая способна провести генетические исследования по отношению к самим Рюриковичам. Но при этом должно быть соблюдено одно условие — достоверность захоронения. Необходимо установить, что захороненный действительно являлся Рюриковичем. Исследования в этой области ведутся и, можно надеяться, завершатся вполне конкретным ответом на вопрос об этническом происхождении Рюрика.

Однако если в палеогенетике еще предстоит прийти к конкретным результатам, то обращение к данным ономастики уже позволяет сформировать вполне определенное видение этнических корней рода Рюриковичей.

Так, окружение следующего после Рюрика представителя династии Рюриковичей, Олега, было, по-видимому, скандинавским (главным образом скандинавским). На это указывают имена послов Олега, заключавших договор с Византией: «Карлы, Инегелдь, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ, Гуды, Руалдь, Карнь, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидул, Фостъ, Стемид» [5, с. 25].

Из имен послов Олега только имена Карн, Актеву, Стемид невозможно этимологизировать на скандинавской почве. Все остальные 12 имен — Карл (Карлы), Ингелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуд (Гуды), Руалд, Фрелав, Руар, Труан, Лидул, Фост (или Фаст, как в договоре Игоря [Там же, с. 34]) — явно скандинавские.

Кроме того, окружение Игоря, сына Рюрика, было тоже более скандинавским, чем славянским. В договоре с Византией 944 года (по ПВЛ — 945 года [Там же]), несмотря на уже шедший в то время процесс ассимиляции скандинавов с восточными славянами, среди фигурирующих имен послов и купцов имен скандинавских по-прежнему больше (пусть уже и ненамного), чем нескандинавских.

ПВЛ сообщает: «Мы от рода рускаго съли (послы. — *П. А.*) и гостье Иворь соль (посол. — *П. А.*) Игоревъ, великаго рускаго и обьчии сли: Вуе-фастъ Святославль, сына Игорева; Искусеви Ольги княгини; Слуды Игоревъ, нети (племянник. — *П. А.*) Игоревъ; Улебъ Володиславль; Каницаръ Передъславинъ; Шихъбернъ Сфанъдръ, жены Улебле (от жены Улеба. — *П. А.*); Прасътень Туръдуви; Либиаръ Фастовъ; Гримъ Сфирьковъ; Прастенъ Акунъ, нети Игоревъ; Кары Тудковъ; Каршевь Туръдовъ; Егри Евлисковъ; Воистъ Воиковъ; Истръ Аминодовъ; Прастенъ Берновъ; Ятвягъ Гунаревъ; Шибридъ Алданъ; Коль Клековъ; Стегги Етоновъ; Сфирка...; Алвадь Гудовъ; Фудри Туадовъ; Мутуръ Утинъ; купецъ Адунъ, Адулбъ, Иггивладъ, Олебъ, Фрутанъ, Гомоль, Куци, Емигъ, Туръбидъ, Фуръстенъ, Бруны, Роалдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Туръбернъ, Моны, Руалдъ, Свень, Стирь, Алданъ, Тилен, Апубьксаръ, Вузлевъ, Синко, Боричъ, послании от Игоря, великаго князя рускаго и от всякоя княжья и от всехъ людей Русския земля» [Там же, с. 34—35].

Посмотрим, сколько среди этих имен скандинавских: Ивар (Ивор), Вуе-фаст, Улеб (Оулеб), Шигоберн, Турдуви, Грим, Акун, Кари (Кары), Шибрид, Алдан, Стегги, Сфирько (Сфирка), Турбид, Фурстен, Гунастр, Фрастен, Ингелд, Турберн, Моне (Моны), Руалд, Свен, Стир. Итого в перечне купцов и послов Игоря фигурирует 22 скандинавских имени. Нескандинавских же имен в нем обнаруживается 18. Происхождение оставшихся имен из рассматриваемого перечня не установлено.

Как видим, окружение первых Рюриковичей было в большей мере скандинавским, чем нескандинавским, что красноречиво указывает на скандинавское происхождение Рюрика.

Не менее убедительно свидетельствуют об этом его собственное имя и имена следующих двух князей из его рода. В. Г. Волков отмечает, что имя Рюрик в форме Ререк (Hrerek) часто встречалось у скандинавов той эпохи [9, с. 34] (согласно данным лингвистики, начальное *h* не произносится).

Имя второго Рюриковича, Олега, происходит от скандинавского имени Хельгу. Имя третьего Рюриковича, сына Рюрика Игоря, происходит от скандинавского имени Ингвар.

Возвращаясь к окружению первых Рюриковичей, отметим, что на его скандинавское происхождение указывают и данные палеотопонимики. ПВЛ

сообщает, что Рюрик и его братья привели с собой «русь» [5, с. 18], то есть дружину. С другой стороны, византийский император Константин Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» дает славянские и «росские» названия днепровских порогов. Причем «росские» названия звучат по-скандинавски: Улворси, Геландри, Аифор, Варуфорос, Леанди, Струкун [3, с. 49]. Значит, в это время на Руси жили такие скандинавы, которые назывались росами (скорее всего, русами, так как «росы» — термин, употреблявшийся исключительно в византийской литературе). Что это были за русы? Очевидно, это были потомки той «русии», которую привел с собой Рюрик, которые, несмотря на ассимиляцию, еще, по-видимому, оставались такими же скандинавами, какими являлись представители приведенной Рюриком «русии».

К тому же русов знают и восточные авторы. Деятельность русов, какими они предстают в сочинениях этих авторов, и их обычаи аналогичны деятельности норманнов и норманнским обычаям. Речь и о морских нападениях русов (и прежде всего на славян) [1, с. 48—49, 58], и об их погребальных обрядах: захоронение в могиле, которая по виду напоминает большой дом [Там же, с. 50, 59] (очевидно камерная могила), и трупосожжение в ладье [Там же, с. 72—76].

Таким образом, русы — скандинавы, в том числе, надо думать, и те русы («русь»), которые пришли с Рюриком.

Вряд ли при этом против скандинавского происхождения Рюрика могут свидетельствовать славянские названия городов, в которых сели его братья.

Во-первых, эти братья были легендарными [7, с. 134—137]. Во-вторых, Изборск и Белоозеро, по крайней мере Белоозеро точно, были основаны намного позже «призвания варягов». Другого мнения придерживается В. В. Фомин, считающий, что Белоозеро было основано во времена Рюрика и двух его братьев [21]. К такому мнению исследователя привело его доверчивое отношение к известиям ПВЛ и порожденное этой доверчивостью нежелание сопоставлять сведения ПВЛ с данными археологии. Так, С. Д. Захаров на основе археологического материала отмечает, что начало развития Белоозера относится к середине X века и что разрыв между первым упоминанием города в летописи и реальным возникновением Белоозера составлял не менее $\frac{3}{4}$ века [10, с. 219]. Эту датировку не принимает В. В. Фомин, и именно по той причине, что она противоречит ПВЛ, которая, как считает этот исследователь, является главным источником по истории Руси IX—XI веков [21, с. 12]. ПВЛ, конечно, важна для изучения истории Древней Руси, но при определении возраста городов первостепенную значимость имеют археологические источники. Если датировки ПВЛ противоречат информации археологического материала, значит, они неверны. И в целом при решении дискуссионных вопросов отказываться от сопоставления данных различных дисциплин едва ли целесообразно.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что взаимодополняемость данных разных наук позволила с большой долей вероятности вести речь о вполне конкретном этническом происхождении Рюрика (датском) и полностью за-

крыла бывший ранее весьма спорным вопрос о реальности «призвания варягов», позволив утверждать, что приход варяжского вождя с дружиной — несомненный факт. Плодотворность такой взаимодополняемости проявляется не только в том, что касается Рюрика и его варягов, но и при решении многих других вопросов ранней русской истории. Эти вопросы мы оставили за скобками нашего рассмотрения. Но надеемся, что и настоящая статья внесет определенный вклад в методологию изучения истории Древней Руси.

Список источников и литературы

1. *Древняя Русь в свете зарубежных источников* : хрестоматия. М., 2009. Т. 3.
2. *Ипатьевская летопись*. М., 2001.
3. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарии. М., 1991.
4. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М. ; Л., 1950.
5. *Повесть временных лет*. М. ; Л., 1950. Ч. 1.
6. *Annales Fuldenses*. Hannoverae, 1891.
7. *Атанов П. А.* Древнерусская народность и ее скандинавский компонент. СПб., 2021.
8. *Вилкул Т. Л.* Ладога или Новгород? // *Palaeoslavica*. 2008. Т. 16, №2. Р. 272—279.
9. *Волков В. Г.* Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимины в свете последних генетических исследований // *Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования*. СПб., 2012. С. 11—40.
10. *Захаров С. Д.* Белоозеро // *Русь в IX—X веках: археологическая панорама*. М. ; Вологда, 2012. С. 212—241.
11. *Кирпичников А. Н.* Ладога VIII—X вв. и ее международные связи // *Славяно-русские древности*. СПб., 1995. Вып. 2 : *Древняя Русь: новые исследования* / под ред. И. В. Дубова, И. Я. Фроянова. С. 28—53.
12. *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.
13. *Кирпичников А. Н.* «Сказание о призвании варягов». Легенда и действительность // *Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской*. Старая Ладога, 22—23 декабря 1996 г. : материалы к чтению. СПб., 1996. С. 28—29.
14. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX—XIII вв. М. ; Л., 1954.
15. *Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // *Вопросы истории*. 1974. № 11. С. 55—82.
16. *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
17. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
18. *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. М. ; Смоленск, 1995.
19. *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // *Исторические связи Скандинавии и России (IX—XII вв.)*. Л., 1970. С. 64—80.
20. *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры*. М. ; Л., 1945. Вып. 11. С. 30—41.

21. Фомин В.Я. Фальсификация истории Белоозера — фальсификация истории России // Белоозеру Синеуса — 1160 лет : материалы междунар. науч. форума / Белоозерск, 22—23 сентября 2022 года. Липецк, 2022. С. 4—21.

22. Olrik A. Skjoldungasaga i Arngrim Jonssons Udtog. Særtryk af Aarbøger for nordisk Oldkyndighed 1894. København, 1894.

Об авторе

Павел Александрович Атанов — кандидат исторических наук, Сосновый Бор, Россия.

E-mail: atanov@sbor.net

P. A. Atanov

Comprehensive use of data from various disciplines in the “Varangian question”

The content of the “Varangian question” is a study of the role of the Varangians in the formation of ancient Russian statehood and nationality at the initial stages of our history and, above all, during the time of the “vocation of the Varangians”, during the time of Rurik’s (the summoned prince). There is no doubt that there are very specific conclusions to which the study of this role has led. The fruitfulness of this study is discussed in the submitted article. The article shows how a comparison of written sources with data from archaeology, numismatics, toponymy, linguistics, paleogeography, paleobotany, paleozoology, and genogeography allows us to come to quite definite conclusions. The complementarity of materials from different sciences made it possible to see the reality of the “vocation of the Varangians”, to resolve the issue of the place of Rurik’s first residence and to shed light on his ethnic origin. In the long run, the interaction of various disciplines within the “Varangian question” leads to its solution, in general.

Keywords: “Varangian question”, data from various disciplines, russ, Varangians, Ladoga, Rurik, the genetic code

The author

Dr Pavel A. Atanov, Sosnovy Bor, Leningrad Oblast, Russia.

E-mail: atanov@sbor.net

**Концепция «городов-государств Древней Руси» И. Я. Фроянова:
зарождение, развитие, перспективы**

Концепция развития Руси как городов-государств, разработанная И. Я. Фрояновым, стала новаторской для исторической науки конца XX века. Она была изложена в монографии И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко «Города-государства Древней Руси», вышедшей в издательстве Ленинградского государственного университета в 1988 году. На протяжении десятилетий эта концепция развивается в трудах учеников и последователей.

Цель статьи — показать роль концепции в отечественной историографии, ее современную значимость как для исторической науки о Средневековье, так и для формирования общественного сознания в России. Концепция развития городов и земель Руси в XI — начале XIII века в форме республик представляет демократические основы политической жизни древнерусской народности. Важнейшими категориями в жизни восточных славян были свободолюбие, выборность власти, самоуправление, что было убедительно показано на материале исторических источников авторами книги «Города-государства Древней Руси». На данный момент намечены перспективы развития концепции как вглубь (обращение в работах А. Ю. Дворниченко к истории общины у славян, дальнейшее изучение Киевской Руси), так и вдале (выявление черт городов-государств в политическом устройстве Руси XIV—XV веков в трудах Ю. В. Кривошеева).

Ключевые слова: *города-государства Древней Руси, территориальная община, И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, Санкт-Петербургский государственный университет*

Научное наследие Игоря Яковлевича Фроянова (1936—2020) — это творчество ученого и мыслителя. К определению «русский мыслитель» я отношу тех деятелей науки и культуры, которые жили верой в Россию. И. Я. Фроянов был из числа тех исследователей, кто понимал не только историю Древней Руси, но и свое время. Результаты его научной деятельности имеют непреходящее научное значение, а также служат формированию сильного российского общества.

Представление о зарождении русской государственности через этап развития городов-государств XI—XIII веков — это не только личное открытие ученого, но и одно из больших достижений советской исторической науки, которую он представлял.

Книга «Города-государства Древней Руси» вышла в 1988 году в соавторстве с А. Ю. Дворниченко. В 1980-е годы темы, затронутые И. Я. Фрояновым, были очень созвучны времени: истоки русской демократии, город как общественный институт, вечевое самоуправление на Руси. Концепция «городов-государств» сложилась в связи с анализом ученым социально-экономического и социально-политического устройства Киевской Руси, пересмотром господствовавших в науке взглядов на феодализм в древнерусском обществе [22; 23]. В монографии «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» (1980) впервые была сформулирована идея о такой форме организации общественной жизни на Руси, как «город-государство» [23, с. 216—243]. Определяющую роль в формировании концепции сыграло сотрудничество И. Я. Фроянова с учеными кафедры истории Древней Греции и Рима Ленинградского государственного университета, прежде всего с Э. Д. Фроловым, а также с А. Ю. Дворниченко [28], защитившим в 1983 году кандидатскую диссертацию по истории городов-государств Верхнего Поднепровья и Подвинья [7]. Обстоятельства зарождения и развития концепции были изложены уже в самой монографии 1988 года, что говорит о важности этого вопроса для авторов [29, с. 3—4, 14—21]. К настоящему времени взгляды И. Я. Фроянова на развитие древней и средневековой Руси проанализированы в публикациях А. Ю. Дворниченко, В. С. Брачева, В. В. Пузанова, а также в сборнике статей памяти ученого (составители Ю. В. Кривошеев и Л. И. Фроянова) [1, с. 121—137; 6; 9, с. 272—280; 10; 11; 18; 19, с. 87, 92—93].

В конце XX века с изменениями российского общества менялись и взгляды на историю России. Это глобальным образом нашло отражение в творчестве И. Я. Фроянова. Новаторством в его концепции было то, что ведущую роль в развитии Древней Руси он отдавал народу, создавшему свою государственность на основах демократии и свободолюбия. Важнейшим было представление о славянском городе как об общественном союзе. Ученый писал о том, что города возникают тогда, когда «организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной» [29, с. 29]. Исключив как условие для образования городов и складывания государства в Древней Руси наличие развитых феодальных отношений, И. Я. Фроянов совершенно иначе представил историю Древней Руси.

По И. Я. Фроянову, В. В. Мавродину и А. Ю. Дворниченко, древнерусские города возникли в период господства родоплеменных отношений у восточных славян, и новым этапом их развития стало время перехода от родовой общины к территориальной (конец X — начало XI века). Согласно концепции И. Я. Фроянова, города как «общественные союзы» вобрали в себя основные функции регулирования жизни общества. Уже в работе «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» ученый развернуто показал жизнь древнерусского города, выполнявшего функции общественного союза. Город «являлся административным, военным и культурным (религиозным) цен-

тром. В нем пребывали местные власти: князь, совет старейшин, народное собрание. В нем формировалось народное ополчение... Здесь же располагались центральные капища и кладбища» [23, с. 232].

Важной чертой книги «Города-государства Древней Руси» стал широкий взгляд авторов на вопросы развития общества. Ключевым моментом было признание городов-государств универсальной формой организации общественной жизни. Авторы представили историю Древней Руси в духе социологии, отдав предпочтение общественным системам регулирования, а не давлению государственной власти. Рассматривая образование города через призму общины, И. Я. Фроянов отказался от трактовки разделения ремесла и земледелия как условия его образования. Город в этой концепции возникает как административный центр, а его связи с земледельческой округой остаются, так как это необходимо для функционирования общины.

И. Я. Фроянов отмечал такой интересный парадокс. В советской исторической науке при условии признания народа творцом истории не было видно самого народа: он либо обозначал себя молчаливым трудом, либо неожиданно, но кратковременно заявлял о себе в ходе восстаний. Ученый писал о необходимости «обращения к исследованию политической активности и творчеству масс не столько в моменты “крупных потрясений”... сколько в обычные времена... заполненные повседневной и многотрудной исторической работой» [29, с. 7]. Он делал вывод, что подходы историографии «обезличивают древнерусский народ»: «Что касается политических институтов, то они предстают насквозь пронизанными феодальным началом. Для народа в них нет или почти нет места» [23, с. 6].

По И. Я. Фроянову, власть в древнерусском городе принадлежала вече — то есть общине, той самой социальной стихии, породившей город. Вече в его концепции и было признано тем политическим институтом, который представлял власть народа. Он писал: «Вече ведало вопросами войны и мира, распоряжалось княжеским столом, финансовыми и земельными ресурсами волости, санкционировало денежные сборы, входило в обсуждение законодательства, смещало неугодную администрацию» [Там же, с. 184]. В монографии «Города-государства Древней Руси» И. Я. Фроянов сформулировал свой вывод уже более определенно: «Пик выражения народоправства — народные собрания-веча, возвышавшиеся над княжеской властью» [29, с. 267].

Появление новой концепции изучения истории Древней Руси было очень смелым шагом по нескольким причинам: тема городов-государств в советской историографии была разработана слабо, все еще сохраняли силу позиции старой советской школы, в которой господствовали представления о Киевской Руси как о феодальной формации. Новой была и главная цель автора — представить роль народа вне классовой (революционной) борьбы.

Основной вывод авторов монографии «Города-государства Древней Руси» в отношении русского города XI—XII веков прозвучал в 1980-е годы новаторски и обнадеживающе: «...городские волости-земли этого времени — не княжества-монархии, а республики, принявшие форму города-государств-

ва» [Там же, с. 266]. Для авторов было очевидно, что у славян была своя демократия, родившаяся на собственной почве общины и укоренившаяся в городах-республиках времен Киевской Руси.

Выводы монографии 1988 года взволновали научное сообщество. Кажется, тут проявилась вся гамма человеческих реакций: критика и неприятие, восхищение, замалчивание, глубокое понимание и признание значения. Одним из первых по проблемам истории древнерусского города в полемику с И. Я. Фрояновым вступил П. П. Толочко в своей монографии «Древнерусский феодальный город», обратившись к вопросам о происхождении города, составе веча, роли князя, тысяцкого и воевод [21, с. 33, 74, 170, 206—211]. Он оставался на старых позициях советской историографии, защищая представление об органах городского управления как об институтах княжеской власти.

Важнейшим шагом на пути становления и дальнейшего развития концепции стало исследование А. Ю. Дворниченко городов-государств Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV веках, то есть земель, впоследствии вошедших в состав Великого княжества Литовского. В 1993 году увидела свет его монография «Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий и государственности», по которой автор защитил докторскую диссертацию [8].

Выводы И. Я. Фроянова и его учеников о значении территориальной общины в формировании русской государственности получили высокую оценку со стороны Л. В. Даниловой. В монографии «Сельская община в средневековой Руси» (1994) она писала: «В Средние века община — исходный базовый институт, на котором сформировалась структура и все основные институты существовавшего тогда сословно-классового общества... Применительно к раннесредневековому периоду (Киевская Русь), когда продолжался начавшийся в прогосударственный период процесс перерождения родоплеменной организации в территориальную, главный вклад в разработку общетеоретической концепции принадлежит И. Я. Фроянову, А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошееву и их единомышленникам... В высшей степени плодотворной является постановка и конкретно-историческая разработка ими проблемы повсеместной распространенности в раннесредневековой Руси города-государства. Названные ученые убедительно доказали, что формирующееся государство представляло собой систему общин» [2, с. 109].

Автор монографии о жизни и деятельности И. Я. Фроянова В. С. Брачев относил к школе Фроянова 18 ученых-историков (в том числе 8 докторов наук) [1, с. 229—230]. Очень важно, что А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, В. В. Пузанов взяли на себя миссию популяризации концепции, представляя ее выводы в учебной и научно-популярной литературе [5; 13; 20].

Ю. В. Кривошеев применил концепцию И. Я. Фроянова к истории Северо-Восточной Руси XII—XIV веков. Уже в своей кандидатской диссертации исследователь рассмотрел историю Ростова, Суздаля, Владимира XI—XIII столетий через соперничество городских общин. Далее эти взгляды получили

развитие в докторской диссертации и отдельных работах, исследователь обратился к вопросам складывания государственности в условиях монголо-татарского ига [13; 14, с. 301—363]. Новаторский подход Ю. В. Кривошеева по отношению к советской историографии уравновешивался наличием историографических предпосылок в дореволюционных исследованиях (прежде всего в трудах И. Д. Беляева и М. Ф. Владимирского-Буданова). Дальнейшей разработкой этой темы и приложением концепции городов-государств к истории Москвы стала коллективная монография Ю. В. Кривошеева, Р. А. Соколова и С. В. Гусевой «Москва в эпоху Средневековья. Очерки политической истории XII—XV столетий» (2021). Ю. В. Кривошеев сформулировал такой вывод: «Москва — яркий пример древнерусского пригорода, осознавшего свою экономическую и политическую силу и стремящегося выйти из “пригородного” состояния» [16, с. 38]. В книге были приведены примеры того, как политику московских князей можно рассматривать через призму концепции: борьба Ивана Калиты с другими городами-государствами — это волостное противостояние, ликвидация Дмитрием Донским института тысяцких — уничтожение прежних форм управления (тезис И. Я. Фроянова) [24, с. 902—903]. По мнению авторов, единое Русское государство с центром в Москве — это «государственное образование, исторически закономерно соединившее и вобравшее прежние государственные структуры — города-государства» [16, с. 126].

В отдельной главе монографии (автор С. В. Гусева) московская усабица второй четверти XV века была представлена как переломный и во многом завершающий период в существовании формы городов-государств, волостных и вечевых традиций управления на Руси. Обращение к сложному периоду княжения Василия II Темного (1425—1453) имеет свою историографию среди петербургских исследователей фрояновской школы [12; 17]. На мой взгляд, именно традиции самоуправления территориальных общин, а не феодальные отношения легли в основу длительного противостояния между Василием II, с одной стороны, и Юрием Звенигородским с сыновьями — с другой. Следует согласиться с А. Ю. Дворниченко, назвавшим события 1425—1453 годов «лебединой песней древнерусских городов-государств» [5, с. 287].

Рассматриваемая монография, посвященная памяти И. Я. Фроянова, привнесла новый взгляд в изучение темы возвышения Москвы. Она значительно отличается от других исследований по этому периоду русской истории, однако в целом следует признать, что в исторической науке начала XXI века концепция И. Я. Фроянова продолжает стоять особняком. Официальная «московская» историография Киевской Руси и Московской Руси старается ее не замечать. Развитие исторической мысли вновь вернулось в русло описания биографий князей и святых, освещение исторического процесса в Древней Руси главным образом происходит через рассмотрение вертикали власти [3].

Но времена меняются, а потенциал трудов И. Я. Фроянова и выводы его концепции становятся все более востребованными и актуальными. Особенно звучат теперь слова монографии «Города-государства Древней Ру-

си» 1988 года: «Свободолюбие, демократизм, коллективизм сложились в отличительные свойства характера наших предков ещё во времена Древней Руси, ставшей колыбелью трех братских народов — русского, украинского и белорусского» [29, с. 267].

Наличие своего пути развития славян может стать достойным ответом на постоянное идеологическое давление Запада и неутрачивающиеся попытки навязать тезис о несамостоятельности и несостоятельности инструментов власти у славян. Корни этого спора восходят к «норманнской теории». Древнерусская демократическая государственность, представленная в концепции И. Я. Фроянова, — сильнейший аргумент в этой борьбе. Уже в поздних публицистических работах И. Я. Фроянов писал: «Дело в том, что демократия — явление исторически развивающееся, и для каждого народа подходит именно та форма, которая выстрадана его собственной историей» [25, с. 313].

В 2010—2020-х годах А. Ю. Дворниченко выступил с рядом публикаций, посвященных анализу взглядов И. Я. Фроянова на историю древней и средневековой Руси, наметил возможные перспективы их развития. Он обозначил достаточно широкий круг вопросов: это историография, история землевладения, проблема становления княжеской (и великокняжеской) власти, культура и правовые основы русского общества [6; 10; 11]. На мой взгляд, важнейшими из этого ряда вопросов следует считать исследование и анализ черт общей славянской общинной демократии, сравнение восточнославянских городов-государств с подобными институтами власти у других славян, исследование общины славян и ее роли в формировании государственности [4, с. 87—88; 10, с. 18—20]. Сейчас даже сама заявка на эту научную тему звучит чрезвычайно злободневно ввиду сильнейших угроз для славянского мира и его единства.

Концепция «городов-государств Древней Руси» И. Я. Фроянова, по сути, выросла на базе осмысления дореволюционной историографии. И если вначале это ставили ее автору в вину, то позже, особенно при использовании его научного подхода в работах его учеников, стала очевидна его плодотворность. Он позволял рассматривать «поле битвы» панорамно. Внимание к различным аспектам историко-философской мысли задавало более высокий тон исследованию, превращая любую работу по древнерусской истории в комплексное обществоведческое исследование. Глубокий анализ историографии стал отличительной чертой школы И. Я. Фроянова.

Научным завещанием историка явилась его последняя монография «Нашествие на русскую историю» (2020) [26]. В ней представлен анализ взглядов наших современников на историю России. Отбросив академическую манерность, историк личным примером призвал научное сообщество подойти ответственно и бескомпромиссно к тому, как сейчас на базе интерпретации исторического прошлого формируется общественное сознание. Продолжением линии историографических исследований стала подготовка И. Я. Фрояновым курса лекций «Русь и монгольская Орда в отечественной исторической мыс-

ли: историографические заметки», изданного уже посмертно [27]. Именно тему монголо-татарского ига ученый видел как чрезвычайно актуальную для анализа и размышлений в наши дни.

Его ученик и сподвижник Ю. В. Кривошеев так писал о вкладе И. Я. Фроянова в отечественную историографию: «...он заложил основы принципиально нового научно-революционного понимания русской истории» [15, с. 573]. Конечно же, в этом по-фрояновски смелом, всегда источниковедческом, широко обществоведческом подходе к изучению русской истории также заключены большие перспективы для развития современной российской исторической мысли, обращенной к истокам политической культуры и государственности русского народа.

Список литературы

1. *Брачев В. С.* Русский историк: И. Я. Фроянов. Жизнь и творчество. СПб., 2016.
2. *Данилова Л. В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994.
3. *Гусева С. В.* Древнерусские «города-государства» И. Я. Фроянова и «великое княжество московское» А. А. Горского. Современные подходы к изучению тем: возвышение Москвы и создание единого Русского государства // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2024. Т. 34, №3. С. 521—527.
4. *Дворниченко А. Ю.* Славянская общность: альтернативы и мифы // Родина. 2007. №6. С. 87—89.
5. *Дворниченко А. Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия : учеб. пособие. М., 2010.
6. *Дворниченко А. Ю.* И. Я. Фроянов — исследователь Киевской Руси // Русские древности : сб. науч. тр. К 75-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 5—22.
7. *Дворниченко А. Ю.* Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV вв. М., 2013.
8. *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий и государственности. 2-е изд. СПб., 2013.
9. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб. ; М., 2017.
10. *Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси: старые истины, «новые подходы» и некоторые перспективы изучения // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. №2 (10). С. 6—23.
11. *Дворниченко А. Ю.* Фроуанов legacy и главные задачи изучения Великого княжества Литовского, России и других стран Восточной Европы в Средние века // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2023. Т. 33, №1. С. 7—20.
12. *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* «Феодальные войны» или демократические альтернативы? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 3—12.
13. *Кривошеев Ю. В.* Русская средневековая государственность. СПб., 2008.
14. *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. 3-е изд. СПб., 2015.

15. *Кривошеев Ю. В.* Об И. Я. Фроянове, Руси и монголо-татарах // Фроянов И. Я. Русь и монгольская Орда в отечественной исторической мысли: историографические заметки. СПб., 2024. С. 570—574.
16. *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Гусева С. В.* Москва в эпоху Средневековья: Очерки политической истории XII—XV столетий. СПб., 2021.
17. *Михайлова И. Б.* Смута на Руси во второй четверти XV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 2004. Вып. 12. С. 4—18.
18. *Об Игоре Яковлевиче Фроянове.* Ученики, друзья, коллеги, почитатели. СПб., 2021.
19. *Пузанов В. В.* От праславян к Руси: становление Древнерусского государства. СПб., 2017.
20. *Пузанов В. В., Котляров Д. А.* Государство и право Древней Руси : учеб. пособие. Ижевск, 2021.
21. *Толочко П. П.* Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
22. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.
23. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
24. *Фроянов И. Я.* О возникновении монархии в России // Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 883—907.
25. *Фроянов И. Я.* В начале смутных дел // Фроянов И. Я. Молитва за Россию. СПб., 2008. С. 308—313.
26. *Фроянов И. Я.* Нашествие на русскую историю. СПб., 2020.
27. *Фроянов И. Я.* Русь и монгольская Орда в отечественной исторической мысли: историографические заметки. СПб., 2024.
28. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ: Город и государство / под ред. Г. Л. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986. С. 198—311.
29. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Об авторе

Светлана Владимировна Гусева — кандидат исторических наук, Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Москва, Россия.

E-mail: guseva-svetlana-v@yandex.ru

S. V. Guseva

The concept of “city-states of Ancient Russia” by Igor Froyanov:
origin, development, prospects

The concept of the development of Ancient Russia as city-states, suggested by Igor Ya. Froyanov, was innovative for historical science at the end of the 20th century. It was described in the monograph by Igor Ya. Froyanov and Andrey Yu. Dvornichenko “City-states of Ancient Russia”, published by the Leningrad State University in 1988. Over the

decades, the concept has been developing in the works of students and academic followers. The purpose of the article is to show the role of the concept in Russian historiography, its modern significance both for the historical science of the Middle Ages and for the formation of public consciousness in Russia. The concept of the development of cities and princedoms of Russia in the 11th — early 13th centuries in the form of republics represents the democratic foundations of the political life of the ancient Russian people. The most important categories in the life of the Eastern Slavs were love of freedom, electability of power, self-government, which was convincingly shown by the authors of the book “City-states of Ancient Russia” on the material of historical sources. At the moment, prospects for the development of the concept are outlined both in depth, this is an appeal to the history of the community among the Slavs, further study of Kievan Rus (Andrey Yu. Dvornichenko), and in the distance — identification of the features of city-states in the political structure of Russia in the 14th—15th centuries (Yury V. Krivosheev).

Keywords: *city-states of Ancient Russia, territorial community, Igor Ya. Froyanov, Andrey Yu. Dvornichenko, Yury V. Krivosheev, St. Petersburg State University*

The author

Dr Svetlana V. Guseva, Church and Scientific Centre “Orthodox Encyclopedia”, Moscow, Russia.

E-mail: guseva-svetlana-v@yandex.ru

**Из истории Российского императорского флота.
Роберт и Марта Кроун: материалы к биографии**

Представлены материалы к биографии видного деятеля Российского императорского флота, героя Русско-шведской войны 1788—1790 годов Р. В. Кроуна и его супруги Марты — первой в русской истории женщины, награжденной орденом св. Екатерины за боевые заслуги. На основе документальных и зачастую неизвестных отечественным историкам источников отмечены ошибки и неточности в современных биографиях.

Ключевые слова: история флота, биография, Р. В. Кроун, женщины во флоте, Русско-шведская война (1788—1790), Выборгское сражение, георгиевский кавалер

Взяться за это исследование автора побудили два обстоятельства: работа с архивом Д. Тревенена, друга Кроунов, и отсутствие научной биографии¹ Романа Васильевича (Роберта²) Кроуна (1754—1841), значительного деятеля Российского флота, при обилии популярных текстов, тиражирующих одни и те же ошибки. Так, например, часто встречаются следующие сведения о браке Кроуна:

В 1788 г. Кроун женился второй раз, на Марте Найт (1754—1839)... Свадьба состоялась накануне отъезда будущего адмирала в Россию, 11 февраля 1788 года в Лондоне в Церкви Святого Мартина. Их брак распался до 1825 года... Марта уехала в Англию, где и скончалась 28 августа 1839 года³.

Ту же информацию находим в статье о Ф. Е. Кроуне и его потомках [17]. Источник ошибки установить не удалось, однако Кроуны не могли обвенчаться в Лондоне 11 февраля 1788 года: уже 4 февраля Роберт находился на

© Сыроватко Л. В., 2025

¹ Работает над научной монографией о Р. Кроуне Евгений Анатольевич Михайлов, собравший значительный материал. Он принял решение писать беллетризованную биографию «Капитан Кроун: судьба у русских берегов», о чем сообщил автору в частном письме 21 января 2025 года.

² В семейном кругу его также называли Робинсом.

³ Википедия: статьи «Р. В. Кроун», «Крон, дворянский род» и «Crown Robert» (URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Robert_Crown#References), со ссылкой на [14], где все даты, касающиеся Марты, приведены верно. Согласно [14], Марта и Роберт поженились в 1781 году.

месте присяги [4; 8; 9]; дата присяги также зафиксирована в «Общем морском списке» (Часть III. Царствование Екатерины II. А—К). Должно было смутить и место заключения брака: Св. Мартин-в-полях — храм статусный. Но так ли уж важны эти детали?

Важны. Р. В. Кроун — самый результативный русский капитан времен «войны Густава III». В память его подвигов во флоте принято было иметь корабли «Меркурий» и «Венус»: на «Меркурии», 22-пушечнике (личный состав 106 чел.), капитан-лейтенант Кроун пленил в ближнем бою «Венус», 44-пушечник (экипаж 280—320 чел.); а на «Венусе», опять же в ближнем бою, — линейный корабль «Ретвизан». В Выборгском сражении, во время преследования шведского флота, его призовой счет — 15 судов гребной флотилии, катер «Луиза-Ульрика», 4 галеры, транспорт и канонерская лодка [4, с. 450]. Все это время с ним на борту была жена. Во время сражений она официально отправляла должность подлекаря.

М. Кроун вошла в историю как первая русская женщина, награжденная орденом св. Екатерины за боевые заслуги. Р. Кроун — родоначальник большой династии: все его сыновья, внуки, правнуки и праправнуки связали жизнь с российским флотом и служили на нем с честью.

Краткий очерк биографии Кроуна в так называемой «сытинской» «Военной энциклопедии» заканчивается словами: «Успехом своей блестящей карьеры Кроун был обязан одному себе. Прослужив в России 53 года, сроднившись с нею... он по справедливости считается адмиралом русским, а не только русской службы» [9, с. 316].

Цель статьи — очертить круг материалов документального и мемуарного характера для будущего биографа, систематизировать и, где возможно, сопоставить их; преимущество отдается английским, не использовавшимся в отечественной историографии; российские даны обзорно.

Основной массив сведений предсказуемо относится к периоду Русско-шведской войны. Официальная ее история создана адмиралом А. С. Шишковым, директором Адмиралтейского департамента Морского министерства. Действия Кроуна получили в ней достаточное освещение. Цитируются приказы В. Я. Чичагова, данные Кроуну в период блокады шведского флота под Выборгом: судя по ним, Кроун в это время был основным крейсером. Описан трехчасовой бой с флотилией из 50 канонерских лодок неприятеля [1, с. 209—211]. Отражена роль Кроуна в Выборгском сражении [Там же, с. 222—223], подробно разобранный также в недавно опубликованных в полном объеме мемуарах П. В. Чичагова. Интересно сопоставить точки зрения его [18, с. 516—518] и самого Кроуна (в передаче Эренстрема) на преследование гребного флота противника [13, с. 221]. Ревнивый к чужим заслугам, везде видевший заговоры против отца, Чичагов был всегда благожелателен к Кроуну и ставил его в ряд лучших англичан в русской службе («Грейг, Ельфинстон, Тревенен, Тет, Краун»).

Шканечные журналы «Венуса» и рапорты Кроуна, находящиеся в Российском государственном архиве Военно-морского флота, приведены в книге М. И. Зиброва [12], где дан подробный анализ Выборгского сражения на основе архивных документов и данных морской археологии.

Взгляд на события с точки зрения участника, близкого Кроуну — Ф. Анрепа, в то время его 1-го лейтенанта, — представлен в [2]. Важные детали: Анреп передает от В. Я. Чичагова «словесное приказание... моему Капитану, что “зная его усердие в пользу службы, предоставляет ему действовать соответственно тому, как он найдет за выгоднейшее”» [2, ч. 1, с. 208]); призовые команды имели приказ Кроуна помогать тонущим врагам; король Густав спасся от плена на шлюпке, пересел «на безобразную черную яхту, весьма легкую на ходу» [Там же] и ушел в шхеры (что соотносится со шведскими источниками и расходится с рассказом П. В. Чичагова, будто король прорывался с флотом [18, с. 521]).

Благодаря [2] можно уточнить спорные моменты, в частности пленение фрегата «Грипен». По донесению В. Я. Чичагова, фрегат взят линкором «Кир Иоанн» с помощью «Венуса», однако в нарушение правил морской чести ночью он вновь поднял шведский флаг и ушел. Согласно дневнику Винберга, на фрегате пленили русского офицера с 12 матросами, хотя на его мачте уже развевался русский флаг. Зибров отмечает: «Про эпизод с фрегатом “Грипен” сведения в отечественных источниках весьма скудные... удалось обнаружить упоминание некоего фрегата, с которым произошел бой в конце дня 22 июня. Однако о его пленении, а тем более высадке призовой команды никакой информации нет» [12, с. 313]. Анреп о взятии корабля говорит четко: «В ночи... настигли мы неприятельский фрегат “Гриб”, о 50 пушках; после кратковременного боя он сдался. Мы, имея все наши гребные суда назад при призах, и видя подошедший к нам наш корабль, “Кириан”... предоставили оный ему» [2, ч. 2, с. 211].

Статья соответствует рапортам, дополняя их: цена двухсуточного боя Кроуна, представленного в [1; 13; 18] как сплошной триумф, — повреждения рангоута, давшие сильную течь пробоины в подводной части, недокомплект людей. В этом состоянии «Венус» совершает главный свой подвиг: пленяет «Ретвизан» — один из двух (!) преследуемых им линкоров [2, ч. 2, с. 211]. Автор добавляет: это стало возможным потому, что «команда так хорошо приучена и приуготовлена... и когда начальник... пользуется от оной полным доверием» [Там же].

Еще одна документальная публикация за авторством А. С. Шишкова [19] позволяет рассмотреть период, сведения о котором содержатся лишь в «Общем морском списке» и не вполне точны, — службу Кроуна при Павле I; в кампанию 1798—1799 годов он получил ранг контр-адмирала — как утверждается в современной литературе, за то, что «отличился при захвате франко-голландского флота у мыса Гельдер 29 января 1799 года» [6, с. 130].

Судя по журналам, производство Кроуна в контр-адмиралы не имело отношения к боевым заслугам — это не *подвиг*, а *подвижничество*, итог всей

кампании. Двадцать второго апреля 1798 года флот отправлен «для совокупного действия с Англинским противу общих неприятелей» [19, ч. 1, с. 66]. Шестнадцатого мая учинен депутатский смотр; корабли признаны годными к плаванию. Капитан первого ранга Кроун назначен на «Мстислав». Отстоя от основных сил при блокаде Текселя, он собирал воду с транспортов и больных со всех русских кораблей; выступал ходатаем (наряду с С. Р. Воронцовым) перед британским Адмиралтейством о нуждах флота, захватывал призы и... спасал корабли. Ремонт, произведенный перед смотром, был «декорумом»: от качки переламывались нагели и даже мачты; щели не конопатились, а замазывались смолой, быстро вымываемой; корабли имели сильную течь. Кроун, перейдя на «Изяслав», возглавил крейсерскую эскадру, которая после нескольких суток шторма обнаружила терпящий бедствие русский линкор «Принц Густав» [Там же, с. 115]. Через трое суток борьбы за живучесть корабля было решено его покинуть. Меры по спасению, трудное решение об оставлении — область ответственности Кроуна. У порта Нор в «ужасную ночь» 3 декабря 1798 года засел на мель с сильнейшей течью и потерял руль фрегат «Св. Петр»; на него перешел Кроун, ему корабль и люди обязаны спасением. Двадцать шестого марта 1799 года он получил ранг контр-адмирала и вернулся на «Изяслав», который немедленно отправил в док Чатема, где тот был найден настолько ветхим, что починить невозможно. Тем не менее «Изяслав» прослужит еще без малого 10 лет самому Кроуну как учебный корабль.

То же происходит и в кампанию 1812—1814 годов. Эскадра Кроуна (8 вымпелов, только что с верфи) вышла из Архангельска, чтобы присоединиться к основным силам в Гётеборге для совместных действий с английским флотом. В океане попали в полосу штормов. Стали явными все недостатки кораблей: кузова сложены из плохого леса, крепление слабо, отсутствует медная обшивка. Хуже всего пришлось флагману «Норд Адлер»: разошлись пазы, течь достигала 86 дюймов, были потеряны во время шторма фор- и грот-стенги; «корабль лежал на правом боку... и, казалось, готов был погрузиться в воду» [16, с. 130]. Адмирал прибег к нестандартному решению: лично спустился в нижний дек и вместе с мичманом Шаблоновским прорубил палубу в двух местах. В интрюм стала поступать вода, «Норд-Адлер» выровнялся. Кроун довел эскадру до станции и, починившись, успешно выполнил боевую задачу, хотя худостью кораблей беды не исчерпывались: экипажи на $\frac{2}{3}$ состояли из рекрутов, не хватало обмундирования, провианта (капитаны получили эскадру уже снаряженной), был недокомплект лекарей, от скудости рациона развилась цинга. По итогам разбирательства был снят главный командир Архангельского порта М. П. Фондезин. Комиссия пришла к выводу: эскадра спасена благодаря адмиралу и его офицерам.

В целом кампании 1797—1799 и 1812—1814 годов являют иной образ Кроуна: не дерзкий, настырный в преследовании «мастиф», но блестящий навигатор, опытный и рачительный флагман, преодолевающий капризы погоды и нестроения службы.

Судьба адмирала находит отражение в наиболее значительных личных архивах России — Воронцовых и Вяземских¹.

Кроуна неоднократно весьма комплиментарно упоминает С. Р. Воронцов, не скрывая гордости за своего протеже: «Мы получили из Копенгагена весть о взятии шведского 44-пушечного фрегата. В этот раз, как всегда и везде, мой малыш Кроун отличился. <...> Г-н Криденер говорит о нем: вот человек, который один делает более, чем другие — вместе... шведы его ненавидят и всю стараются взять. Только что они вооружили на Темзе два больших катера... с целью его атаковать и уничтожить» [3, с. 114]. Из всех англичан, завербованных им в русскую службу, больше всего ценил Воронцов Кроуна и Тревенена.

Последние сведения о Кроуне касаются его участия в морском параде 3 июля 1836 года в Кронштадте, знаменитом тем, что перед флотом выводился ботик Петра I. Приветствуя его, 83-летний адмирал (только что пожалованный орденом Александра Невского) «полез по грот-вантам и добрался до грот-бомсалинга» [8, с. 27]. Анекдот не вполне достоверен — по крайней мере относительно ордена: им Кроун был награжден в 1818 году [24]. Орденская лента хорошо видна на миниатюрном портрете (ЦВММ им. Петра Великого, приобретен у М. Н. Кроуна в 1945 году, в ГК РФ отсутствует), который, судя по стилистике, создан около 1820 года.

Затронув иконографию, следует сказать о профильном портрете, находящемся в Гринвичском морском музее (миниатюра на кости, акварель, гуашь, NMM, Greenwich, London, ID: MEC3041.2). Портрет не атрибутирован, не датирован. Манера письма, композиция, а также то, что на Кроуне вице-адмиральский мундир образца 1807 года, а в наборе наград отсутствуют оба ордена св. Анны и орден св. Александра Невского, позволяют атрибутировать его П. Э. Рокштулю и датировать 1807—1812 годами.

Переходя к английским источникам, прежде всего хочется отметить краткий некролог Марте, ставящий точку в инсинуациях о мнимом разводе: “March 11. <...> At Cronstadt, 65, Martha; lady of Vice-Adm. Sir Robert Crown, of Imp. Navy” [21], и развернутый — самому адмиралу, с описанием его похорон: «Император... следовал верхом за... катафалком. 12 бригадиров поддерживали балдахин, 8 офицеров генеральского ранга несли гроб; за ними расчеты с 12 пушками для произведения у могилы салюта. Процессия прошла мимо Морского кадетского корпуса. ...Юные моряки (среди коих 6 его внуков) отдали печальный долг телу» [23].

Особый интерес представляет [24], где приведены два письма Кроуна. Без сомнения, адресат первого — Уильям Тук (1744—1820), фигура, известная некогда всему Петербургу, где он прожил более 20 лет, окормляя англикан столицы. Пастор был на Дону и у «диких чукоч»; в 1783-м посетил Кёнигсберг, встречался с Кантом.

¹ Материалы Остафьевского архива [15], мемуары декабриста А. П. Беляева [5], воспоминания Д. И. Завалишина [11] и образ адмирала в «Матросских досугах» В. И. Давля [10] станут предметом отдельной статьи автора.

Статья опубликована сыном преподобного, У. Туком-мл., в 1822 году, но основные события ее относятся к 1814 году в связи с пребыванием Кроуна, флагмана русской эскадры, в Англии во время дипломатического визита Александра I: «Адмирал прибыл в Лондон, чтобы встретиться с Е.И.В. и герцогиней Ольденбургской... и был представлен ими принцу-регенту. ...Его иностранный титул был признан¹, и всюду обращались к нему “сэр Роберт Кроун”» [24, р. 301].

Кратко повествуется о подвиге «Меркурия» и о Марте, которая все время была с мужем, оказывала помощь раненым, в том числе пленным. Подчеркивается, что ни один иностранный моряк не был удостоен стольких отличий на русской службе, кроме Ф. Лефорта и С. Грейга: кавалер почти всех высших орденов империи, полный адмирал². Приводится эпизод, не упомянутый нигде: во время перевозки русского воинского контингента из Кале в 1817 году Кроун воспротивился произволу администрации, конфисковавшей грузы и затребовавшей гигантский налог с «купцов», которые снабжали его эскадру и вынужденно укрылись на рейде от шторма. Под угрозой нацеленных на город пушек всех отпустили; моряки и войска получили провиант.

Первое письмо датируется по контексту 1818 годом: «Император [Александр I] вновь оказал мне честь пребывания на борту в сопровождении короля Пруссии <...> прибыл курьер с пожалованным мне орденом Александра Невского... Мне нечем отплатить принявшей меня стране... кроме того, чтоб, в дополнение к преданному сердцу, быть готовым в любое время подвергнуть свои седины войне или шторму» [Ibid., р. 303]. В том же письме приводятся сведения о семье: у адмирала 4 сына, все принадлежат к российскому флоту, волонтеры в Англии. Третий сын, Кампердаун, и второй, Платон-Валериан (1-й лейтенант на шлюпе «Херувим», крестник Зубовых), отличились в бою; «старший, Джордж, — капитан-лейтенант без назначения. Младший, Эдмунд, мичман на фрегате “Фазтон”... Моя единственная дочь Анна недавно вышла замуж за прекрасного человека, русского врача, также связанного с флотом. У меня был еще сын с выдающимися способностями, самый многообещающий и милый мальчик, когда-либо рожденный на свет, чтобы стать утешением своих родителей; мой Кампердаун погиб от жестокой болезни, желтой лихорадки, на острове Тринидад, в 17 лет, гардемаринном на борту фрегата “Скамандр”» [Ibid., р. 303—304]. Публикатор добавляет: «Платон Валериан также стал жертвой желтой лихорадки; леди Кроун недавно умерла. Изнемогая от жестоких ударов... он утешается тем, что ценит больше всего в жизни, — любовью своей новой Отчизны» [Ibid.].

¹ Это подтверждается письмом от принца-регента вице-адмиралу Р. Кроуну от 25 апреля 1814 года (Royal Collection Trust, WIV I, GEO/MAIN/45061). В письме выражается удовлетворение «выдающимися заслугами Кроуна на посту вице-адмирала российского флота». Герцог заверяет, что «высоко ценит эту службу и всегда будет заинтересован в благополучии всех ее офицеров и нижних чинов».

² Все известные автору отечественные источники (за неимением места укажем только [4; 6; 9]) датируют возведение в этот ранг 1824 или 1836 годом.

Приводится часть письма, полученного Туком-мл., — краткая автобиография, тем более ценная, что сведений об английском периоде жизни адмирала почти нет:

Жену сокрушили удары судьбы; она приметно слабеет и становится не скажу ворчливой или плаксивой, но порой раздражительной из-за упадка тех естественных преимуществ, что связаны с молодостью и телесной силой; она менее философ, чем я, и часто называет меня «железным человеком»; ну что ж, имеет право. Должно быть, я и правда железный, ибо не раз терпел тяжелые удары, как наковальня, от молота судьбы. ...Я самым верным образом служил в Ост- и Вест-Индии во время Американской войны... Когда от тропической лихорадки слегли старшие, полтора года командовал кораблем; до того дважды тонул; в первый раз без обуви и почти без одежды, изломанный и окровавленный, доплыл и смог вскарабкаться на острые скалы, второй раз был выброшен волною и вовсе голый на раскаленные пески побережья Красного моря. Не говорю о баталиях; это рутинная войны. Море, оставившее нестираемые следы на теле моем и конечностях, — свидетель тщетных усилий честно служить своей стране, которая, когда я стал не нужен, вышвырнула меня нищим в Портсмутские доки, сказав голосом лорда Хоу, что дает свободу добывать в поте лица хлеб свой тем способом, каким смогу: вот человечность, справедливость и милосердие, коими благоденствующая отчизна одарила того, кто на посту мастера и командера верно служил ей и до сих пор нежно любит и всё ей прощает. Я не устану славить благое Провидение, которое привело меня в землю, где, хотя я и был чужаком, меня сочли достойным доверия, превосходящего мои заслуги; какими бы ничтожными ни были они сравнительно с оказанной мне честью служить такой стране — всегда составляли мое единственное средство продвижения по службе [Ibid., p. 301—302].

Среди английских источников выделяются эпистолярный и дневники Джеймса Тревенена (James Trevenen, 1760—1790). Это единственное известное автору статьи подробное свидетельство о событиях кампаний 1788, 1789 и 1790 годов, фиксировавшееся на столь короткой (порой всего несколько часов от описываемых событий) временной дистанции. Издатель [20] отмечает, что «повествование Тревенена... является одним из двух, оставленных британскими офицерами, служившими во флоте Екатерины Великой; другое представляет собой отчет о действиях в Средиземном море в 1770 году» [Ibid., p. XI].

Тревенен — участник третьей кругосветной экспедиции Кука. В начале 1787 года подал меморандум о развитии Камчатки и организации русской кругосветной экспедиции, не состоявшейся из-за Русско-шведской войны; капитан первого ранга, кавалер св. Георгия и св. Владимира, пал в Выборгском сражении. Во владении шести потомков сестры Тревенена Джейн и брата Джона¹ — около 3000 л. (с об.) его писем, не менее 300 л. (с об.) дневников.

¹ Пользуясь случаем, выражаю огромную признательность Лавдей Дженкин (Loveday Elisabeth Trevenen Jenkin), Конану Дженкину (Conan Jenkin), Джону Джонатану Алмсу (JJ Alms), Деборе Хендерсон (Debby Henderson) и Морвенне Дженкин (Morwenna

Архивы не упорядочены, без пагинации (ссылки на них далее обозначены литерами *КА* с указанием, где возможно, названия документа). Также архивы находятся в Гринвичском морском музее — список с части эпистолярия, материалы к биографии Тревенена, собранные в 1791—1820 годах адмиралом Ч. В. Пенроузом (1759—1830) и составляющие 835 листов фолио (с об.) (далее — *ЧП*). Рукопись частично опубликована племянником Пенроуза и Тревенена, преподобным Д. Пенроузом [22]. Также на основе рукописи Пенроуза опубликованы мемуары [20]. При цитировании отдается предпочтение публикациям; восстановленный текст выделен квадратными скобками, курсивом указан его источник.

Архив (изученная часть) содержит немногочисленные, но яркие заметки о чете Кроунов. Ниже приведена краткая их хронология.

1788, конец января. Знакомство с Робертом и Мартой (упоминание о вехе у о. Тука, где они присутствуют).

1788, апрель — декабрь. Влюбившись, Тревенен напоминает себе, что моряк не должен жениться. Судьба флотских жен и вдов горька: «Марта опять скинула. Был мальчик. Бедный К[роун]. Спросил его (риторически), думал ли он, что будет с нею в случае плена. Как я и предполагал: он дал ей слово, что сам заколет. — Вот, сказал он, одна из причин тому, что в драке я свирепею, как мастиф. — Нищета их не поддается описанию. Я по сравнению с ним богат, как Крѐз, и удачлив, как Поликрат» (*КА*, дневник от 12.11.1788).

Ноябрь 1788 — март 1789. Встречи на борту и в Кронштадте. Выразительный портрет Кроуна: «летает по мачтам с пылкостью юного мичмана», «низкорослый, но не круглый: лицо из углов и желваков — поэтическая разновидность шотландской мужественности» (*КА*, дневник от 17.03.1789).

1790, май — июнь. Запись о попытке С. Смита накануне Выборгского сражения вывести из русской службы лучших английских капитанов: «*17 июня.* Меня посетил Кроун, который рассказал о значении виденного нами белого флага. Капт. Смит приехал переводчиком с офицером, возвращавшим вещи командира нашего линкора. <...> Смит сказал, что уполномочен заявить: все английские офицеры, которые вернутся домой, будут обеспечены, получают ранг тот же, что и в этой службе, или выше. <...> [Особо интересовали его старина Кроун и я... Был лучшего мнения о нем: джентльмен не может брать на себя такие комиссии.] <...> Спор с Кр. о том, как лучше всего атаковать шведов; мне показалось, что он смотрит только на пустяковые предметы и судит без рассмотрения всех обстоятельств. [Но какая, в сущности, разница. Верю: в бою он примет наилучшее решение и окажется гораздо полезнее меня самого... ибо у него будет свобода действий, а у нас — нет.]» ([20, р. 233—234]; *КА*, дневник).

Jenkin за содействие в исследовании архива Дж. Тревенена и Ч. В. Пенроуза, за доверие, понимание и одобрение. Особые слова благодарности — матриарху семьи, хранительнице фамильной памяти и корнуолльского наследия Дороти Энн Тревенен Дженкин (Dorothy Ann Trevenen Jenkin, 1930—2024).

В июне много заметок о «погонях» Кроуна за гребными и разведывательными судами противника. Тон их сочувственный: «19-е. <...> Кроун опять погнался с наветренной стороны за фрегатом... вечером снова вышел, и между ним и канонерскими лодками произошла перестрелка... набирая всего 10 футов воды, они гораздо лучше приспособлены для гонок среди камней, чем “Венус”, что набирает 18 футов. ...Бедняга всегда один гоняется в этом мелком месте. [Должно быть, состояние обшивки уже худо — вспоминая Гангут и Барезунд, весь ежился, соболезуя ему.]» ([20, с. 235]; КА, дневник).

В день Выборгского сражения смертельно раненный капитан Тревенен спрашивает у капитана Деннисона, поднявшегося на борт проститься: «Что Кроун? Жив?» На ответ «Погнался за шведами» он «через силу улыбнулся и сказал: “Добро” (Good)» (КА, отчет фон Засса и МакДугалла).

В архивах Тревенена сохранилось письмо Марты Кроун¹:

[15 мая, в открытом море. 58°07' N 17°85' E. Мой доблестный милый пост (Post) Тревенен! Надеюсь, кампания (campaign) не прибавила вам ни шрамов, ни морщин, ни седин. Мы оба, Робин и я, здоровы и благополучны.] 28 апреля мы были посланы от флота на разведку (to reconnoitre) в Карлскруну. С большим трудом прошли через льды, прибыли на нашу станцию 8-го и обнаружили в Карлскруне 15 вымпелов (we arrived on our station, the 8th instant, and observed in Carlsrona fifteen sail of pendants). 14-го числа нас преследовали два фрегата и куттер (we were chased by two frigates and a cutter); и с тех пор так было всегда; только раз из-за тумана мы потеряли их из виду на день или два. Вчера, пытаясь вернуться на нашу станцию (in endeavouring to regain our station), мы снова встретили их и были вынуждены остановиться здесь. 11-го числа мы захватили 12-пушечный куттер (a cutter, mounting twelve guns) и были столь удачливы, что не понесли никакого урона; нам лишь сбили выстрелами часть рангоута (receive no damage but having some of our rigging shot away). Я придерживаюсь мнения, что эта кампания нанесет очень тяжелые удары. Храни Господь вас и всех наших друзей, [кто состоит] в этой службе (in this service). Остаюсь вашей покорной и смиренной слугой, Марта Кроун ([22, p. 256—257]; КА, корреспонденция разных лиц).

Несмотря на небольшую личную часть, демонстрирующую короткость (*post* вместо официального *postcaptain*, эпитеты — *gallant* и *bonny*; дружески-нежное *I hope the campaign has not yet added any scars, wrinkles or hoar to you*, неофициальное *Robin and I*), письмо напоминает рапорт старшему по званию. Неудивительно, что адресат был впечатлен: «Вы упомянули наш бриг, застрявший на Борнхольме. Это корабль нашего друга Кроуна. Сегодня я получил эпистола от него... вернее, от его жены, которая извиняется за то, что муж не может написать сам... <...> Эта леди пользовалась бы большим успехом при дворе Фалестрис (царица амазонок. — Л. С.)» [20, p. 173].

Сведения, обнаруженные в английских архивах, проливают свет на «дороссийский» период жизни Кроуна, о котором известно меньше всего. Уда-

¹ На английском языке в скобках приведены термины и сочетания слов, свойственные языку шканечного журнала.

лось отыскать всего одну публикацию [14], считающуюся сомнительной из-за размещения ее в литературной части «Кронштадтского вестника». Тем не менее факты там изложены верно, хотя и с неточностями. Происхождение (единственный сын арендатора фермы, Пертшир) и дата рождения (02.01.1754) подтверждаются метрическими записями: согласно Old Parish Register, Church of Scotland, 5 января 1754 года в Перте крещен Robert Croon (а не Crown, как писалась позже его фамилия; шотландское croon звучит как английское crown и имеет то же значение — «корона»), родители — William Croon и Margaret Kethall (PN 387, Ref 50/21 Perth). Есть также запись о рождении Croon William, сын John Croon (мать не указана), род. 4 марта 1711 года (PN 357, Ref 20/3, Fowlis Wester, Perth & Kinross), и о браке его с Janet Gall (30.07.1728, PN 387, Ref 180/301, Perth).

Наибольший скептицизм у исследователей вызывали сведения о службе Кроуна на фрегате «Одеон» в составе эскадры адмирала Вернона. В [14] подробно и точно рассказано об осаде Пондишерри. Загвоздка в одном: никакого «Одеона» под Пондишерри не было. Более того: в то время в *Royal Navy* его не было вообще. Е. Михайлов сообщил автору данной статьи о найденных им в Национальных архивах Кью документах, свидетельствующих о прохождении Кроуном с 1778 года службы в *Royal Navy* на 3-мачтовом шлюпе «Баклан» (*HMS Cormorant*) в Красном море. При этом, как он установил, совпадают перечисленные в [14] имена капитанов и обстоятельства их смены: Уильям Оуэн внезапно умирает (по рассказу Кроуна — сорвался с крыши своего дома); его сменяет Charles Moris Pole (в русской публикации — Ч. Пиль), а в 1779-м — капитан Хольм (Roddam Home). С 1779 по 1783 год Кроун — штурман на фрегате «Диана», успешно сдает экзамен на лейтенанта, но, поскольку война закончилась, ранг не утвержден. Для подтверждения этих данных автор произвела поиск в Национальных архивах Кью; согласно найденным документам, 24 ноября 1780 года капитан фрегата Барнаби (William Burnaby) в гавани Портсмута подает прошение о переводе Кроуна со шлюпа «Баклан» «на место мистера Уркхарта, которого сэр Пай назначил исполняющим обязанности капитана “Инвинсибл”» (National Archives, Kew ADM 106/1255/420); еще 22 ноября 1780 года было подано прошение, в котором указан ранг Кроуна — «at present Master [and Commander] of the sloop Cormorant» (NA, Kew ADM 106/1255/216), что полностью соответствует [14].

Как указано публикатором очерка [14] А. П. Выходцевским, очерк представляет собой литературную обработку материалов, записанных Г. С. Лихониным со слов самого адмирала Кроуна. Скорее всего, однако, речь идет о С. Лихонине: по воспоминаниям А. П. Рыкачева, на бриг «Феникс» «для плавания в Балтийском море, по портам Швеции, Дании и России» в кампанию 1817 года из Морского кадетского корпуса «из числа отличных воспитанников по успехам в науках... назначены были П. Станицкий, Дудинский, П. Нахимов и Н. Фофанов, П. Новосильский, С. Лихонин, Д. Завалишин, И. Адамович, А. Рыкачев, В. Даль, Ф. Колычев, И. Бутенев» [7, с. 50]; руководил учебным походом Кроун. При этом для Лихонина кампания с адмиралом была

уже второй, и он исполнял в продолжение ее должность адъютанта командующего [7; 14], что позволяет признать источник сведений достаточно осведомленным и достоверным.

Нетрудно заметить, что документы из английских архивов и публикация У. Тука-мл. коррелируют с записями Лихонина. Таким образом, лакун в общем очерке биографии адмирала не остается: нет сомнений, что боевые навыки были приобретены Кроуном в период Американской войны (в отечественной историографии — Войны за независимость США) и на момент поступления на русскую службу он имел как минимум двухгодичный опыт командования фрегатом пятого класса. Дальнейшее продвижение остановилось по ряду причин — прекращение военных действий; благотворные для Британского флота в целом, но губительные для многих флотских реформы Первого лорда Адмиралтейства Р. Хоу; происхождение (несмотря на то что *Royal Navy* можно назвать самым демократичным флотом в Век паруса, для успешной службы в нем офицеру нужно было принадлежать к кругу *лучших людей* — как минимум джентри).

В свете сказанного выше морская карьера полного адмирала, кавалера пяти высших орденов Российской империи, награжденного золотой шпагой «За храбрость» с алмазами члена свиты двух императоров сэра Роберта Кроуна, не имевшего ни влиятельных родичей, ни особой протекции, уникальна.

Статья подготовлена в рамках проекта «Джеймс Тревенен: опыт биографии», получившего в 2024 году Государственную стипендию для выдающихся деятелей культуры и искусства России и талантливых молодых авторов литературных, музыкальных и художественных произведений при посредничестве ООО «Ассоциация искусствоведов».

Список источников и литературы

1. *А. Ш.* Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 гг., почерпнутые из дневных записок и донесений главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова. СПб., 1826.
2. *Анреп Ф.* Дополнение к статье «Отрывок из записок, веденных на эскадре Д. Н. Севявина» // *Русский Инвалид*. 1833. Ч. 1: № 52. С. 207—208; Ч. 2: № 53. С. 211—212.
3. *Архив князя Воронцова* / ред. П. И. Бартенев. М., 1876. Кн. 9, ч. 2.
4. *Белавенец П. И.* Кроун, Роман Васильевич // *Русский биографический словарь* А. А. Половцова. СПб., 1903. Т. 9. С. 450—451.
5. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном: 1805—1850. СПб., 1882.
6. *Березовский Н. Ю. и др.* Российский императорский флот. 1696—1917. М., 1996.
7. *Богданович Е. В.* Адмирал Павел Степанович Нахимов. СПб., 1902.
8. *Веселаго Ф. Ф.* Сведения о ботике Дедушке русского флота за 200 лет с 1688 по 1888 год. СПб., 1888.
9. *Кроун (Крон, Кровн) Роман Васильевич [Аноним]* // *Военная энциклопедия* / под ред. В. Ф. Новицкого [и др.]. СПб., 1913. Т. 3. С. 315—316.
10. *Даль В. И.* Адмирал Крон // *Матросские досуги*. СПб., 1853. С. 262—266.
11. *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., [1910].
12. *Зибров М. И.* Дневник пастора Винберга. СПб., 2020.

13. *Из исторических записок Иоанна-Альберта Эренстрема* / пер. Г. Ф. Сюннерберга // Русская старина. 1893. №8. С. 210—230.
14. [Лихонин Г. С.], *Выходцевской А. П.* Первые годы жизни адмирала Р. В. Кроуна (Биографич. очерк) // Кронштадтский вестник. Ч. 1: 1878. №46. С. 3—4 ; Ч. 2: №52. С. 2—3.
15. *Остафьевский архив князей Вяземских*. СПб., 1909. Т. 5, вып. 1.
16. *Трескин М. Л.* Замечание на статью Г. Пушкирского // Морской сборник. 1857. Вып. 2. С. 125—131.
17. *Христенко В. Н.* Николаевские адмиралы. М., 2024. Т. 4: К—Л. С. 115.
18. *Чичагов П. В.* Записки / пер. Н. А. Егорова. М., 2023.
19. *Шишков А. С.* Собрание морских журналов или ежедневных записок, содержащих в себе плавание флотов, эскадр и судов российских, начиная с 1797 г. : в 2 ч. [СПб.], 1800.
20. *Lloyd Chr.* A Memoir of James Trevenen. L., 1959.
21. *Obituary* // Gentleman's Magazine. 1822. Vol. 92, p. 1. P. 574.
22. *Penrose J.* Lives of Vice-Admiral Sir Charles Vinicombe Penrose, K. C. B., and Captain James Trevenen... L., 1850.
23. *Sylvanus Urban.* Admiral Sir Robert Crown // The Gentleman's Magazine. 1841. Vol. 16. P. 203—204.
24. [Tooke, William Sr — publ. Tooke, William Jr]. Biographical Notice of Admiral Sir Robert Crown // The Gentleman's Magazine. 1822. Vol. 92, p. 2. P. 301—304.

Об авторе

Лада Викторовна Сыроватко, кандидат педагогических наук, зав. научно-экспозиционным отделом ГБУК «КОМИИ», Калининград, Россия.

E-mail: lvs68@mail.ru

L. V. Syrovatko

From the history of the Russian Imperial Navy. Robert and Martha Crown:
materials for biography

The article provides materials for the biography of a prominent figure in the Russian Imperial Navy, a hero of the Russian-Swedish War (1788—1790) Roman (Robert) V. Crown and his wife Martha, the first woman in Russian history to be awarded the Order of St. Catherine for military merit. By means of analysis of documentary and memoir sources, the author points out errors and inaccuracies in modern biographies.

Keywords: *naval history, biography, Roman V. Crown, women in the navy, Russian-Swedish War (1788—1790), Battle of Vyborg, Knight of the Order of St. George*

The author

Dr Lada V. Syrovatko, Head of Department, Kaliningrad Regional Museum of Fine Arts, Kaliningrad, Russia.

E-mail: lvs68@mail.ru

Некоторые проблемы волостного самоуправления сибирских крестьян второй половины XIX — начала XX века

Рассмотрена история формирования структуры волостных органов самоуправления сибирских крестьян во второй половине XIX — начале XX века на принципах реформы 1861 года. Основное внимание уделено ключевым фигурам крестьянского самоуправления — волостным старшинам и писарям: охарактеризованы их персональный состав, функции и практическая деятельность. Рассмотрены контакты органов крестьянского самоуправления с вышестоящими административными учреждениями. Затронут вопрос о характере отношений органов крестьянского самоуправления с мировыми посредниками, чиновниками по крестьянским делам и крестьянскими начальниками. Показан дуалистический характер волостных органов самоуправления, представлявших крестьянскую общину во внешнем мире. Анализ источников и литературы позволяет сделать вывод о том, что в сибирской деревне в результате административных преобразований активно шел процесс концентрации фискальных и административно-полицейских функций преимущественно в волости, а поземельно-хозяйственных — в сельской общине.

Ключевые слова: Сибирь, крестьяне, община, волостные органы самоуправления, волостной сход, волостное правление, волостной старшина, волостной писарь

Перестройка управления государственными крестьянами Сибири началась с создания «образцовых» волостей, в которых органы управления были такими же, как в общинах государственных крестьян Европейской России. Так, в 1861 году в Томской губернии находилось 15 «образцовых» волостных правлений (из всеподданнейшего отчета губернатора А. Д. Озерского за 1861 год) [1, ф. 1265, оп. 11, 1862 г., д. 131, л. 38].

Администрация образцовых волостей состояла из головы, его кандидата и двух заседателей: одного по полицейской, другого по хозяйственной части, двух добросовестных в волостной расправе и писаря с помощником [2, ф. 3, оп. 4, св. 616, д. 5235, л. 20; оп. 5, св. 693, д. 7222, л. 59—60]. Выборы волостной администрации происходили на волостных сходах.

Во второй половине XIX — начале XX столетия происходит значительное развитие фискальных и административно-полицейских функций органов крестьянского самоуправления, изменение соотношения между государственными и общественными элементами в деятельности общины в пользу бюрократии. Подчинение крестьянской общины интересам государства вырази-

лось в отпадлении и гипертрофированном развитии функций, чуждых крестьянству, сохранении сословной замкнутости и обособленности сельского населения, в превращении органов крестьянского самоуправления исключительно в инструмент сбора податей и взыскания недоимок, исправного выполнения натуральных повинностей и поддержки полицейского порядка в деревне. Над волостными и сельскими органами крестьянского самоуправления возвышались «целые полчища наблюдателей и надзирателей, шлюющих требования, подтверждения, напоминания, подталкивающих, внушающих и взыскивающих» [3, с. 35].

Крупнейшими мероприятиями самодержавия в сфере управления сибирскими крестьянами стало распространение на них положений 19 февраля 1861 года¹ и создание специальных государственных органов надзора и управления в лице мировых посредников, чиновников по крестьянским делам и крестьянских начальников.

По закону 21 ноября 1879 года принципы реформы 1861 года были распространены на западносибирские губернии. Четвертого февраля 1882 года генерал-губернатор Западной Сибири Г. В. Мещеринов телеграфировал в столицу империи, что крестьянское самоуправление введено в Тобольской губернии с 1 октября 1881 года, в Томской — с 15 ноября того же года [1, ф. 1181, оп. 1, 1881 г., д. 126, л. 111]. В 1882 году закон 21 ноября 1879 года был распространен на государственных крестьян Восточной Сибири [4, с. 175—176].

В процессе реформы произошли серьезные изменения в структуре волостей. В многочисленных обращениях в вышестоящие правительственные органы крестьяне выступали против разделения волостей, понимая, что это приведет к серьезному росту сборов на содержание выборных должностных лиц. Однако чиновники в этом вопросе руководствовались иными соображениями, полагая, что волости слишком велики по площади, а между тем «нуждаются в бдительном и строгом надзоре»; при этом они учитывали позицию генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева, который считал необходимым разделение «большой части волостей... на более мелкие единицы в видах надзора за порядком, спокойствием и правильностью хода дел...» [5, ф. 25, оп. 12, св. 217, д. 811, л. 759].

Проведенная реформа позволила унифицировать управление различными категориями сибирских крестьян. В Сибири были созданы органы крестьянского самоуправления, аналогичные соответствующим органам внутренних губерний России. Новые органы крестьянского самоуправления наследовали фискальные и административно-полицейские функции дореформенной административной общины. В их деятельности они получили дальнейшее развитие и законченность, что было логическим следствием отношения высших и местных властей к общине как к инструменту административно-податной

---

¹ Здесь и далее все даты даны по старому стилю.

политики в деревне: «...лестница властей опутывает сибирского крестьянина с головы до ног, — писал М. Н. Соболев, — и превращает его из теоретического субъекта прав в объект административного усмотрения и воздействия» [6, с. 91]. В результате крестьянская община эволюционировала от единицы крестьянского самоуправления до низшего элемента административного аппарата.

Волостные органы крестьянского самоуправления состояли из схода, волостного старшины, его кандидата, волостных заседателей (одного по хозяйственным, другого по административным вопросам), волостных судей и сельских старост.

В пореформенный период все большее значение в жизни волости приобретает не распорядительный орган крестьянского самоуправления — волостной сход, а исполнительный — волостное правление, в котором центральное место занимал старшина. Он единственный из должностных лиц сельских и волостных органов самоуправления давал присягу на верность службе самодержцу [5, ф. 25, оп. 12, св. 209, д. 343, л. 2—3; оп. 24, св. 69, д. 245, л. 1—5]. На волостного старшину возлагались многочисленные и разнородные функции. По полицейским делам он следил за тем, чтобы среди крестьян не распространялись ложные слухи; охранял порядок в общественных местах; принимал меры к задержанию бродяг, беглых, дезертиров; информировал местную полицию о крестьянах, самовольно покинувших волость; сообщал о преступлениях и несчастных случаях; в случае чрезвычайных ситуаций в волости (пожар, наводнение, падеж скота и т. п.) предпринимал все меры для их ликвидации; контролировал исполнение приговоров волостного суда.

Не менее обширными были административно-финансовые функции старшины. Он собирал и проводил волостной сход, приводил в исполнение принятые сходом приговоры, выдавал крестьянам билеты, паспорта и свидетельства на время отлучки из волости, надзирал за школами, больницами, богадельнями и другими общественными заведениями, контролировал сбор и расходование мирских сумм, следил за своевременной уплатой казенных податей и выполнением натуральных повинностей крестьянами. В целом по своей должности волостной старшина обязан был выполнять все требования местной полиции и вышестоящих органов власти (с той оговоркой, что эти требования не должны были противоречить законам) [1, ф. 1291, оп. 38, 1891 г., д. 172, л. 14].

Большое количество выборных должностей превращало общественную службу в тяжелое для крестьян бремя, своего рода натуральную повинность, выполняемую часто уравнительно. Зажиточные крестьяне или стремились занять более выгодные и престижные должности, или уклонялись от выборных должностей, предпочитая действовать через зависимых от них членов общины. В крестьянском управлении состоятельные крестьяне занимали должности волостных старшин, сельских старост и сборщиков податей, оставляя

бедноте и середнякам должности сторожей и рассыльных, исполнение которых было связано с большой потерей времени и различными унижениями [1, ф. 1233, оп. 1, д. 330, л. 42; 7; 8, с. 7; 9, с. 255].

Во всеподданнейшем отчете за 1865 год томский губернатор Г. Г. Лерхе определил главную причину этого: крестьяне «уклоняются от ответственной службы в должностях волостных начальников, отвлекающей их от хозяйственных занятий...» [2, ф. 3, оп. 5, д. 7011, л. 135].

Политика кнута и пряника была составной частью в отношениях между волостным правлением и государственными органами. Всякая нерасторопность представителей волостной администрации в фискально-полицейских делах приводила к наказанию виновных. «Энергичные» же меры, применявшиеся волостным начальством при сборе податей и недоимок, поощрялись губернскими и столичными властями — за рвение в этом деле волостным выборным объявляли благодарность, их награждали похвальными листами, именными часами и медалями «За усердие» [5, ф. 25, оп. 12, св. 216, д. 806, л. 1, 5]. В 1898 году старшина Локтевской волости Змеиногорского округа М. Воронов, бывший старшина Алтайской волости Бийского округа А. Вемосов и волостные писари Л. Чумичёв (Локтевская волость), П. Суворов (Алтайская волость) и Т. Карманов (Сычевская волость Бийского округа) по представлению томского губернатора А. А. Ломачевского были награждены министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным за «усердную и полезную службу» похвальными листами [10]. В 1898 году тобольский губернатор Л. М. Князев объявил благодарность старшине Боровинскому и писарю Вырыпаеву Бобылевской волости Ялуторовского округа, старшине Попову и писарю Желвакину Саламатовской волости того же округа «за успешное взыскание податных сборов с крестьян» [11]. Как видно из приведенных примеров, наряду с преобладающим методом наказания должностных лиц крестьянского самоуправления за провинности сибирские власти достаточно широко использовали методы поощрения.

Решающими факторами, определявшими методы управления волостной администрации, были большие права волостных должностных лиц в отношении населения волости, а также пример, подаваемый чинами земской полиции и крестьянскими чиновниками. Приказ и принуждение, требование и подталкивание, внушение и взыскание — таков далеко не полный перечень административных мер из арсенала волостного начальства. Неграмотность, сословная обособленность и правовая некомпетентность крестьян являлись питательной почвой для злоупотреблений выборной крестьянской администрации. Подобный характер взаимоотношений между сельскими жителями и органами самоуправления вызывал протест со стороны крестьян. Наиболее распространенной формой крестьянского сопротивления была подача жалоб как в местные органы власти, так и в высшие — МВД и Сенат. Иногда возмущение крестьян приобретало острые формы, перерастало в физическую расправу над старшинами и писарями, уничтожение принадлежавшего им имущества.

В марте 1903 года крестьянский начальник 2-го участка Киренского уезда Борковский ходатайствовал перед иркутским генерал-губернатором А. И. Пантелеевым о выдаче пособия старшине Подкаменской волости Дьяконову, «понесшему, вследствие мести подведомственных ему лиц за беспристрастное исполнение служебного долга, имущественный ущерб в сумме 455 руб.». Канцелярия генерал-губернатора потребовала от иркутского губернатора И. П. Моллериуса «принять меры к ограждению должностных лиц крестьянского общественного управления» [5, ф. 25, оп. 10, св. 76, д. 2433, л. 1—2].

Хорошо знавший изнутри характер взаимоотношений между представителями органов крестьянского самоуправления и основной массой сельского населения К. Власов приводит в своих воспоминаниях факт избиения крестьянами во время голода 1891—1892 годов волостного старшины и писаря, ничего не сделавших для голодающих, зато «обиравших их ранее, когда они были сыты» [12, с. 139—140].

Особое место в волостном правлении занимал писарь. Его значение определялось грамотностью, умением разбираться в хитросплетениях законов, знанием канцелярской работы, пронизывавшей деятельность крестьянских учреждений всех уровней. На писаря было возложено все делопроизводство в волости, он писал приговоры волостных сходов, рапорты, прошения, справки и различные обращения в вышестоящие органы [13, с. 31; 14].

А. А. Корнилов, хорошо знавший органы крестьянского самоуправления, отметил, что из-за неграмотности большинства старшин «роль волостного писаря в делах волостного правления часто становится господствующей, а в отдельных случаях волостной писарь фактически олицетворяет в своем лице все волостное правление» [8, с. 32].

Формально считаясь беспрекословным исполнителем воли волостного схода и старшины, фактически писарь нередко выступал в роли главы волости. В ноябре 1882 года в газете «Восточное обозрение» была опубликована обширная статья «Недуги крестьянского самоуправления в Сибири». В ней были указаны основные источники доходов волостных писарей: сбор с крестьян за освобождение детей от воинского призыва, за освобождение от отправления дорожной повинности, за выдачу приговора на открытие кабака, за выдачу паспорта и увольнительных удостоверений. Кроме того, крестьяне выполняли натуральные повинности в хозяйстве писаря — пахали пашню и убирали хлеб, косили сено, заготавливали дрова. Вывод — «власть и значение писаря в волости несравненно больше и шире, чем власть губернатора в губернии или исправника и заседателя в округе» [14]. В отчете за 1874 год томский губернатор А. П. Супруненко заметил, что «волостные начальники только номинально заведуют волостями, фактически же ими управляют писаря, заботящиеся только о своей личной выгоде» [2, ф. 3, оп. 7, св. 800, д. 10640, л. 171].

Формировался корпус волостных писарей из представителей различных социальных и имущественных слоев населения Российской империи — от

бывшего генерала и инспектора Санкт-Петербургской управы благочиния до отставных военных писарей. Значительную часть писарей составляли представители мещанского сословия и грамотные крестьяне. Нередко писарями становились политические ссыльные, хотя занимать такие должности им было запрещено [15, с. 119—120].

В руках писаря реально сосредоточивалась вся распорядительная и исполнительная власть в волости. Учитывая его большое влияние на жизнь волости, уездные власти и крестьянские чиновники фактически назначали писаря, а процедура найма его на волостном сходе была не более чем условностью [1, ф. 1291, оп. 38, д. 150, л. 1; 3, с. 38; 16—18]. От писаря во многом зависело поступление податей и повинностей, успешное взыскание недоимок и своевременное исполнение натуральных повинностей. Он был важным элементом сложной структуры управления крестьянством. «В большинстве волостей, — писал в 1876 году томский губернатор А. П. Супруненко западносибирскому генерал-губернатору Н. Г. Казнакову, — успешный сбор податей зависит от волостного писаря, он указывает волостным начальникам, по каким обществам есть недобор, и он же побуждает их принимать строгие меры ко взысканию недоимок и податного оклада» [2, ф. 3, оп. 9, св. 892, д. 14073, л. 163].

Архивные документы, а также многочисленные публикации в газетах о деятельности и нравственном облике волостных писарей, свидетельства современников убедительно подтверждают, что их деятельность сопровождалась самоуправством, вымогательством, взяточничеством и хищением крестьянских денег [1, ф. 1291, оп. 38, 1892 г., д. 344, л. 1, 4; 19—22]. Когда в 1860-х годах при многих волостных правлениях возникли волостные кассы, использовавшие в своей деятельности мирские волостные капиталы и «сиротские деньги», то довольно скоро эти кассы попали «всюду и сразу» в полное распоряжение волостных писарей [23, с. 6]. Этому в немалой степени содействовали местные чиновники, получавшие от писарей свою часть «прибыли» и за это покрывавшие самые неблагоприятные их поступки [1, ф. 1291, оп. 30, д. 130, л. 1; оп. 38, д. 344, л. 1, 4; д. 150, л. 1; д. 191, л. 2—11; 2, ф. 3, оп. 4, св. 616, д. 6232, л. 1—9, 11, 15—16; св. 670, д. 6478, л. 3—7; оп. 6, св. 722, д. 8084, л. 1—4; 5, ф. 24, оп. 9, св. 1905, д. 189, л. 1—2, 4—5; ф. 143, оп. 1, св. 3, д. 12, л. 37; 17; 18; 24]. Недаром в одной из газет была напечатана рекомендация чиновника по крестьянским делам, адресованная волостному писарю: «Вымогательств не делать, а если добровольно мужик дает — бери, это не взятка» [25]. Такие отношения крестьянских чиновников и волостных писарей были выгодны и тем и другим. Для чиновников писари нередко превращались в сборщиков «дани» с крестьянского населения, а писари приобретали в лице чиновников защитника в своих, не всегда благовидных, делах. Все это позволяло волостным писарям, людям грамотным, умевшим разбираться в хитросплетениях канцелярского делопроизводства, имевшим бога-

тый жизненный опыт, постепенно отодвигать выборное крестьянское начальство на вторые роли. Постоянное общение писарей с представителями местной администрации делало их в глазах местного населения более значимыми фигурами волостного крестьянского самоуправления [15, с. 119—120].

Содержание администрации возлагалось на крестьян и составляло свыше 40 % всех волостных расходов, имевших ярко выраженную тенденцию к увеличению [26, с. 237]. Размеры содержания волостного начальства зависели от расположения волости, ее размеров и численности крестьянского населения. Некоторые крестьянские выборные денежного вознаграждения не получали. Они освобождались от платежа податей, а в иных случаях полностью или частично от выполнения натуральных повинностей. Это были волостные судьи, заседатели, сторожа волостного правления и хлебозапасных магазинов, караульные [27, с. 9—10; 28, с. 39; 29, с. 236; 30, с. 42—43, 51, 57; 31, с. 205]. Содержание волостных старшин колебалось от 5 до 924 руб. в год, заседателей — от 3 до 12 руб., писарей — от 300 до 1800 руб., помощников писарей — от 120 до 270 руб. [1, ф. 1291, оп. 41, д. 275, л. 2, 11; 32, с. 38—39; 33, с. 489; 34, с. 319; 35, с. 187—188, 191, 194, 330—334; 36, с. 101; 37, с. 496—497; 38, с. 12].

Несомненно, что в результате предпринятых государством после крестьянской реформы 1861 года административных преобразований на протяжении второй половины XIX и в начале XX столетия в сибирской деревне шел ускоренный процесс сосредоточения фискальных и административно-полицейских функций преимущественно в волости, а поземельных — в сельской общине.

Список источников и литературы

1. *Российский* государственный исторический архив.
2. *Исторический архив* Омской области.
3. *Сборник* историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах : в 2 т. СПб., 1875. Т. 1.
4. *Полное собрание законов* Российской империи (ПСЗРИ). III собр. СПб., 1886. Т. 2.
5. *Государственный архив* Иркутской области.
6. *Соболев М. Н.* К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1905. № 1. С. 86—99.
7. *Восточное обозрение*. 1894. 4 нояб. № 129.
8. *Корнилов А. А.* О нуждах и вопросах крестьянского дела, обнаруженных при ревизии крестьянских учреждений Иркутской и Енисейской губерний осенью 1899 г. Иркутск, 1900.
9. *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.). Новосибирск, 1976.
10. *Томские губернские ведомости*. 1898. 17 дек. № 50.
11. *Тобольские губернские ведомости*. 1898. 22 дек. № 51.
12. *Власов К.* Голод в Сибири и князь Голицын (воспоминания бывшего волостного писаря) // *Исторический вестник*. СПб., 1913. Т. 132. С. 129—154.

13. *Оршанский И. Г.* Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879.
14. *Восточное обозрение.* 1882. 25 нояб. № 35.
15. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1893. Т. 4, вып. 2 : Енисейская губерния.
16. *Восточное обозрение.* 1884. 24 мая. № 21.
17. *Восточное обозрение.* 1888. 24 апр. № 16—17.
18. *Сибирская газета.* 1884. 11 марта. № 11.
19. *Сибирская газета.* 1884. 1 янв. № 1.
20. *Восточное обозрение.* 1886. 29 мая. № 22.
21. *Восточное обозрение.* 1892. 26 июля. № 30.
22. *Кеннан Дж.* Сибирь // *Старая Сибирь в воспоминаниях современников* / сост. Б. И. Жеребцов. Иркутск, 1939. С. 156—159.
23. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 56 : Томская губерния.
24. *Восточное обозрение.* 1884. 15 февр. № 7.
25. *Сибирская газета.* 1884. 4 марта. № 10.
26. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 15.
27. *Ваганов Н. А.* Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа : в 4 ч. СПб., 1886. Ч. 1.
28. *Ваганов Н. А.* Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа : в 4 ч. СПб., 1886. Ч. 4.
29. *Горлова И. Д.* Материалы комиссии Н. А. Ваганова как источник для характеристики крестьянской общины на Алтае // *Крестьянская община в Сибири XVIII — начала XX века.* Новосибирск, 1977. С. 229—236.
30. *Материалы* по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе : в 2 т. Барнаул, 1900. Т. 2, вып. 4.
31. *Волости* и населенные места 1893 г. Статистика Российской империи. СПб., 1895. Вып. 11 : Енисейская губерния.
32. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1889. Вып. 6.
33. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1890. Т. 1, вып. 8.
34. *Материалы* для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Т. 2, вып. 18.
35. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск, 1893. Т. 4, вып. 5.
36. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. М., 1890. Т. 2, вып. 5.
37. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутская губерния. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 6.
38. *Комиссия* для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы. СПб., 1898. Вып. 15.

Об авторе

Валерий Николаевич Никулин — доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: nikuliny@mail.ru

V. N. Nikulin

Some problems of volost self-government of Siberian peasants in the second half of the 19th — early 20th century

The article considers the history of the formation of the structure of volost self-government bodies of Siberian peasants in the second half of the 19th — early 20th century on the principles of the reform of 1861. The main attention is paid to the key figures of peasant self-government — volost foremen and volost clerks: the author describes their personal composition, functions and work. The article examines contacts of the peasant self-government bodies with higher administrative institutions. The research raises a question of the nature of relations of the peasant self-government bodies with conciliators, officials in peasant affairs and peasant chiefs. The article shows dualistic character of the volost self-government bodies representing the peasant community outside it. The analysis of sources and literature allows to draw a conclusion that in Siberian villages as a result of administrative transformations the process of concentration of fiscal and administrative and police functions actively took place mainly in the volost, whereas in the rural community functions were mainly land and economic.

Keywords: *Siberia, peasants, community, volost self-government bodies, volost assembly, volost board, volost foreman, volost clerk*

The author

Prof. Valery N. Nikulin, Immanuel Kant Baltic Federal Univeristy, Kaliningrad, Russia.

E-mail: nikuliny@mail.ru

Историко-изобразительные источники в изучении художественных выставок XIX — начала XX века в России

Рассмотрены проблемы изучения изобразительных источников с точки зрения применения их в исследованиях по истории организации художественных выставок. Цель исследования состоит в характеристике историко-изобразительных источников и определении их места в междисциплинарном научном подходе. Уточнена терминология, связанная с объектом и субъектом в исследовании, введен в оборот термин «историко-изобразительные источники», дана характеристика специфических свойств изобразительной информации в источниках. Применены методы исторического анализа и интерпретации источников, определены их роли и функции. Реализация междисциплинарного подхода в изучении истории организации художественных выставок, основных принципов и методологии истории и искусствоведения позволяет восстановить целостную картину исторического процесса, осмыслить взаимосвязи в культуре и расширить варианты восстановления событий в художественной жизни России второй половины XIX — начала XX века. Использование историко-изобразительных источников в исследованиях по культурной и художественной жизни общества обогащает визуальное восприятие информации современниками и дает возможность почувствовать дух времени. Показано, что изобразительные источники являются не только визуальными свидетельствами, но и социальными явлениями, отражающими общую атмосферу эпохи.

Ключевые слова: *изобразительные источники, искусство, источниковедение, художественная выставка*

Художественные выставки являются предметом исследования как историков, так и искусствоведов. Первые обращаются к изучению выставок, когда занимаются вопросами истории культуры, общественной жизни, художественного рынка, биографий деятелей искусства и т. д., последние — исследуя историю живописи, скульптуры, архитектуры, фотографии, сами предметы искусства и их интерпретацию.

Художественные выставки — одно из проявлений развития культурной и общественной жизни. Художественная выставка — это, как правило, пространство, в котором предметы искусства в широком смысле предстают перед публикой.

Важную роль в междисциплинарном подходе занимает понимание объекта и предмета исследования. При исследовании художественных выставок в искусствоведении чаще всего объектом будет выступать история искусства, а предметом — художественное произведение (экспонат выставки). В работах по истории объектом чаще всего становится художественная деятельность, общественная, культурная жизнь, а предметом — художественные объединения или принимавшие участие в художественных выставках персоналии.

Если рассматривать историю организации художественных выставок в России во второй половине XIX — начале XX века, то для данной темы исследования объектом будут художественные выставки, а предметом — исторические источники, содержащие сведения об их организации.

Художественная выставка — явление уникальное, ее изучение предполагает междисциплинарный подход различных наук, прежде всего искусствоведения и истории.

В России первая художественная выставка была проведена Санкт-Петербургской академией художеств в 1765 году и предназначалась для узкого круга художников и представителей высшего общества. Постепенно интерес к художественной жизни в России рос, появлялись новые организаторы, мероприятия становились доступны широкой публике. Во второй половине XIX — начале XX века художественные выставки проводили учебные заведения, отдельные художники и меценаты, благотворительные организации и художественные общества. В 1992 году вышел справочник Д.Я. Северюхина и О.Л. Лейкина, в котором представлено 400 художественных обществ и ассоциаций, кружков, союзов и артелей в России, и большинство из них проводили выставки [1].

Для того чтобы выставка стала успешной, необходимо предпринять большое количество усилий в разных областях. Вопросами организации художественных выставок в настоящее время занимается арт-менеджмент [2], который также подразумевает междисциплинарный подход — взаимодействие искусствоведения, истории, экономики и менеджмента.

К вопросам организации художественных выставок относятся следующие процессы: разработка идеи и структуры выставки; деятельность выставочного комитета или другой структуры (отдельной личности), занимающейся организационными вопросами; получение покровительства уважаемых или известных особ; подбор участников выставки; подбор экспонатов; реставрация экспонатов для выставки; деятельность жюри; обеспечение рекламы выставки; упаковка / распаковка предметов; страховка; транспортировка; художественное оформление экспозиции; монтаж / демонтаж выставки; прием официальных делегаций на выставке; подготовка каталогов и другой издательской продукции; оформление всех разрешительных документов; организация сопутствующих программ; продажа издательской продукции, художественных произведений с выставки (на выставке-продаже); составление различных отчетов.

В основе художественной выставки лежит предмет искусства, а интерпретацию художественных произведений в большей степени определяет установка восприятия, усвоенные нормы и идеалы. Эти нормы формировались в результате деятельности определенных лиц, в том числе выставочной. С развитием выставочного рынка организаторы и экспоненты начали понимать, что успех выставки, признание авторов, известность их работ зависят не только от качества произведений, но и от того, как оформлялась выставка, когда, где и в каких условиях она была проведена, как она обеспечивалась рекламой. Таким образом, важную роль в успехе выставки играло умение решать организационные вопросы.

Невозможно изучать историю организации выставок, не затрагивая сами художественные произведения (произведения искусства), поскольку они являются главным «героем», объектами организационной работы, с которыми производят ряд манипуляций напрямую (перевозят, монтируют, демонтируют, реставрируют и т. д.), а также косвенно — о них договариваются, описывают, включают в списки, фотографируют, критикуют, рекламируют и т. д. И часто именно благодаря тому, что художественное произведение в результате этих действий оказывается на выставке, оно становится *произведением искусства*. Успешная выставка — это одна из возможностей для художественного произведения стать предметом изучения искусствоведения.

Произведения живописи, скульптуры и другие варианты экспонатов художественных выставок относятся к *изобразительному типу исторических источников*. Тема изучения изобразительных источников в источниковедении истории России обсуждалась неоднократно, и можно утверждать, что единое понимание вводимых терминов еще не достигнуто, научная дискуссия продолжается.

В 2019 году в Институте всеобщей истории РАН состоялась конференция «Изобразительные источники / источники визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки» [3]. В том же году на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова прошла научная конференция «Роль источников визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки», по итогам которой вышел в свет одноименный сборник научных статей более 100 исследователей из России и других стран [4].

В. В. Алексеев, анализируя в своей статье различные точки зрения специалистов, утверждает, что «изобразительные источники представляют собой материальное воплощение образного мышления людей, когда в какой-либо зрительно воспринимаемой форме при помощи определенных выразительных средств отображается восприятие человеком окружающей действительности или своего внутреннего мира» [5, с. 93].

Исследуя историю организации художественных выставок, можно выделить два типа изобразительных источников — непосредственно сами экспо-

наты (художественные произведения) и все виды исторических источников, которые так или иначе их отражают: карикатуры, фотографии, иллюстрированные каталоги, альбомы, афиши. Таким образом, при создании выставки появляются новые изобразительные источники, которые мы назовем *историко-изобразительными*. При этом причиной их создания становится обработка произведения искусства: его включение в иллюстрированный каталог, в состав списка, в официальное письмо, размещение на афише, его фотографическое изображение и пр.

Историко-изобразительные источники — это исторические источники, содержащие нетекстовую информацию, выраженную посредством визуальной формы (изображения), и текстовую (письменную), выраженную формальными элементами текста (язык и стиль). Например, афиша выставки может включать в себя сведения о названии выставки, месте проведения, участниках, стоимости входного билета. При этом сама афиша представляет собой произведение графического искусства, отражающее художественные тенденции эпохи.

Рассмотрим функции и роль этих источников.

Художественное произведение является самостоятельным изобразительным источником. Изобразительные источники имеют свои особенности: с одной стороны, они достаточно информативны и достоверны, с другой — требуют интерпретации (анализа других видов исторических источников). При их изучении происходит синтез наук — искусствоведения и истории. Произведение искусства, как и любой изобразительный источник, существует только в событийном контексте и является отражением культуры. Художественные произведения — экспонаты выставки — составляют сущность выставки, без них ее не было бы.

Также непосредственно к изобразительным источникам, содержащим информацию об организации художественных выставок, относятся карикатуры и фотографии. Их смысл часто может быть понят только благодаря анализу содержания других документов. Специалисты по источниковедению отмечают, что «при использовании карикатур в исторических исследованиях необходимо помнить, что изображение часто содержит упрощенную картину реальности, во многом может быть необъективно» [6, с. 367].

Действительно, *карикатуры* являются в этом отношении особыми источниками. Они создавались для современников — для тех, кто знал, как выглядят изображаемые персонажи, какие должности они занимают, каковы их особенности, слабости и т. п. Поэтому для объективного понимания показанных в карикатурах событий необходимо детально изучить художественную жизнь того времени. Приведем пример работ карикатуриста П. Е. Щербова. По его произведениям можно определить насущные, злободневные проблемы, касающиеся художественной жизни России, культуры рубежа XIX—XX веков. Он обращался в своем творчестве к выставкам «Мира искусства», Товари-

щества передвижных художественных выставок (1896, 1898), Санкт-Петербургского общества художников (1900), Весенней выставки в Академии художеств (1899), Австро-Венгерской выставки (1900) и др.¹.

Карикатуры Павла Щербова имеют особое значение в контексте российской художественной жизни начала XX века, поскольку проливают свет на сложные взаимоотношения, конкуренцию и критику, окружавшие эту сферу общественной жизни. Карикатуры Щербова намекали на существовавшую конкуренцию и противоречия в художественной среде того времени, показывали, что в художественных объединениях существовали разные точки зрения и интересы, отражали борьбу между различными художественными направлениями и группировками, стимулировали дискуссию о роли искусства в обществе. Подтверждение этой информации содержится и в других источниках — переписке, воспоминаниях, материалах периодики.

Фотографии содержат очень ценную информацию по организации художественных выставок. Во-первых, фотографии — это достаточно точное воспроизведение, изображение оригинала, то есть самого экспоната выставки. Во-вторых, они помогают уточнить состав обществ и их органов, лучше понять личности организаторов выставок. В-третьих, особый интерес представляют фотографии экспозиций выставок. Ярким примером этого служат 8 фотографий «Историко-художественной выставки русских портретов» в Таврическом дворце в 1905 году. На них изображены 6 залов и сад перед входом на выставку. По этим фотографиям можно узнать, как размещались и крепились экспонаты на выставке, как они оформлялись, как использовалась выставочная площадь, как были оформлены этикетки, какие были украшения, где располагались зрители и т. п. [7].

Важно учитывать также, что карикатуры и фотографии сами являются произведениями искусства.

Афиши, содержащие информацию о выставках, публиковавшиеся в рекламных и информационных целях, с одной стороны, содержат точную организационную информацию (название выставки, место проведение, часы работы, иногда и стоимость входных билетов), а с другой — представляют собой самостоятельные произведения искусства, вид прикладной графики. К плакату и афише обращался ряд известных художников, и сделанное ими наложило свой отпечаток на развитие этого искусства. Достаточно вспомнить работы художника Е. Е. Лансере, в частности афиши выставки картин «Мир искусства» (1913) [8] и историко-художественной выставки «Ломоносов и

---

¹ *Щербов П. Е.* Карикатура «Zalzburg» // Шут. 1898. № 6 ; *Карикатура* «Идиллия» // Шут. 1899. № 13 ; *Карикатура* «Вернисаж Санкт-Петербургского общества художников» // Шут. 1900. № 11 ; *Карикатура* «Выставка передвижников» // Шут. 1898. № 13 ; *Карикатура* «Эпизод Австро-Венгерской выставки» // Шут. 1900. № 3 ; *Карикатура* «Выставка работ конкурентов в Академии художеств: Выкуривание Архипа Пустомели» // Шут. 1897. № 49.

Елизаветинское время», состоявшейся в 1912 году в Академии художеств в Санкт-Петербурге и посвященной 200-летию со дня рождения М. В. Ломоносова [9].

Такие источники, как *альбомы* и *иллюстрированные каталоги* к выставкам, следует отнести скорее к группе справочно-информационных материалов. В каталогах, указателях и альбомах сообщаются название выставки, сроки и место ее проведения, представлены сведения об экспонатах.

Иллюстрированные каталоги выставок отличались от простых тем, что включали в себя изображения экспонатов. Многие иллюстрированные каталоги были составлены Николаем Петровичем Собко [10—12].

Близки по своему оформлению *альбомы* и *путеводители по художественным выставкам*. Однако они носят иной характер: это не перечень экспонатов выставки, а авторский текст, содержание которого близко к исследовательской работе, чаще всего по искусствоведению.

Исследуя культурную, общественную и художественную жизнь, очень важно применять междисциплинарный подход, демонстрировать широту мировоззрения, развивать навыки работы с разными видами и типами исторических источников. Также следует придерживаться основных принципов анализа, интерпретации и источниковедческой критики.

Различные роли и функции историко-изобразительных источников позволяют рассмотреть принципы междисциплинарного взаимодействия гуманитарных наук с целью более глубокого изучения явлений культуры.

Список источников и литературы

1. *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР. 1820—1932. СПб., 1992.
2. *Суминова Т. Н.* Арт-менеджмент: теория и практика. М., 2020.
3. *Конференция «Изобразительные источники / источники визуальной информации в информационном обеспечении исторической науки».* URL: <https://igh.ru/events/izobrazitelnye-istochniki-istochniki-vizualnoi-informatsii-v-informatsionnom-obespechenii-istoricheskoi-nauki.html?locale=ru> (дата обращения: 10.01.2025).
4. *Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки* : сб. ст. / сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред. А. Г. Голиков. М., 2019.
5. *Алексеев В. В.* Феномен изобразительных источников / визуальных источников: к вопросу о терминологии и квалификации // *Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки.* М., 2019. С. 90—101.
6. *Источниковедение* / под ред. А. В. Сиренова. М., 2015.
7. *Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Фонд Комитета популяризации художественных изданий.* III. Д. 2332—2339.
8. *Лансере Е. Е.* Афиша к выставке «Мир искусства». 1913. URL: <https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/engraving/gr.lub.-2629/index.php> (дата обращения: 10.01.2025).
9. *Лансере Е. Е.* Афиша к выставке «Ломоносов и Елизаветинское время». URL: <https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/engraving/gr.lub.-2628/index.php> (дата обращения: 10.01.2025).

10. *Иллюстрированные* каталоги 17—24-й передвижных выставок картин Товарищества передвижных художественных выставок / сост. Н. П. Собко. СПб., 1889—1896.

11. *Иллюстрированный* каталог посмертной выставки произведений Василия Григорьевича Перова. СПб., 1882.

12. *Иллюстрированный* каталог скульптурной выставки Евгения Александровича Лансере и Артемия Лаврентьевича Обера в Обществе поощрения художеств / сост. Н. П. Собко. СПб., 1886.

Об авторе

Алена Владимировна Логотова — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

ORCID 0009-0008-0550-9697

E-mail: alenalogutova@ya.ru

A. V. Logutova

Historical and pictorial sources in the study of art exhibitions of the 19th — early 20th century in Russia

The article discusses the problems of studying visual sources from the point of view of their application in research on the history of the organization of art exhibitions. The purpose of the study is to describe historical and pictorial sources and determine their place in an interdisciplinary scientific approach. The article clarifies terminology associated with the object and subject in the study, introduces the term “historical and pictorial sources”, and describes the specific properties of pictorial information in the historical and pictorial sources under consideration. The research applies methods of historical analysis and interpretation of sources, and determines their roles and functions. The implementation of an interdisciplinary approach in the study of the history of the organisation of art exhibitions, the basic principles and methodology of history and art history, allows one to restore a holistic picture of the historical process, to comprehend the interrelations in culture and to expand the options for reconstruction of events in the artistic life of Russia in the second half of the 19th — early 20th century. The use of historical and pictorial sources in research on the cultural and artistic life of society enriches the visual perception of information by contemporary people and gives an opportunity to feel the spirit of the time. The article shows that pictorial sources are not only visual evidence, but also social phenomena reflecting the general atmosphere of the era.

Keywords: visual sources, art, source criticism, art exhibition

The author

Dr Alyona V. Logutova, Senior Lecturer, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: alenalogutova@ya.ru

Раздел 3

«СЕКРЕТНАЯ ИСТОРИЯ» (ВОСТОЧНОЙ) ПРУССИИ И КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО

УДК 930.2: 930.85:(0.032):908(1-924.7/.9)+05+032.387

И. А. Полякова

Исторические источники XVI века о янтаре по рукописным материалам «Прусской хроники» Грегора Дункера

Рассматривается рукопись XVI века, составленная врачом из Кёнигсберга Грегором Дункером (ок. 1465—1543), в настоящее время хранящаяся в библиотеке Герцога Августа в Вольфенбюттеле. В фокусе исследования — тексты, объединённые темой происхождения и использования янтара и предположительно представляющие собой черновую версию книги. Выявлены источники, послужившие базой для теоретического обоснования взглядов Дункера на природу янтара, показаны особенности их рецепции. Важным моментом служит обращение прусского врача к личному опыту в изложении темы медицинского применения янтара, а также его интерес к истории пруссов и использование прусского слова «гентар» для обозначения янтара. Рукопись демонстрирует близость автора окружению герцога Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, представители которого проявляли внимание к янтарию как предмету научного исследования, коллекционирования и медицинской практики.

Ключевые слова: *Грегор Дункер, Прусская хроника, янтарь, XVI век, медицина*

Введение

Сведения о янтаре в литературе раннего Нового времени немногочисленны и фрагментарны. Их системное изложение было предложено лишь в 1546 году Георгом Агриколой (1494—1555) в книге «О природе ископаемых» [6, р. 229—249]. Упоминания в исторических хрониках начала XVI века и более ранних преимущественно касаются экономической и правовой сторон вопроса в период, когда территория балтийского побережья, где располагались месторождения янтара, принадлежала Немецкому ордену.

Впервые в более обширном контексте янтарь представлен в сочинении «Древности Пруссии» врача из Цвикау Эразма Стеллы (1460—1521), опубли-

кованном в 1518 году [33, р. 13—18], и «Прусской хронике» монаха-доминиканца из Толкемита Симона Грунау (ок. 1470—1530 или 1537), написанной между 1517 и 1529 годами, но изданной лишь в 1876 [15, S. 49—54]. Текст был известен по рукописным копиям; фрагмент, посвященный янтарию, в 1677 году опубликовал Филипп Якоб Гартман (1648—1707), профессор Кёнигсбергского университета, в качестве приложения к книге «Естественная и гражданская история прусского янтара» [18, р. 154—164].

Предмет настоящей статьи — рукопись времен экономических и торговых «янтарных» реформ, проведенных прусским герцогом Альбрехтом (1490—1568) в 1530-е годы и сопровождавшихся его инициативами по распространению знаний о главном достоянии Пруссии. Том 1538 года, озаглавленный «Прусская хроника» (*Prutenorum chronica*), в настоящее время хранится в библиотеке Герцога Августа в Вольфенбюттеле [21]. Автор текста — Грегор Дункер, врач из Кёнигсберга, упоминается в литературе XVI—XVII веков [8, unpag.; 9, р. 334—335; 11, р. 34 г — 35 г; 14, Cap. 4, unpag.; 20, S. 34 г; 34, n. pag.]. О себе он сообщает, что занимается исследованиями янтара на побережье уже более 53 лет, а также называет местом своего проживания Фишхаузен¹ [21, f. 101]. Замки Кёнигсберг и Фишхаузен в орденские времена служили епископскими резиденциями Самбийского диоцеза. В актовой книге Фишхаузена (запись 6 мая 1510 года) Грегор Дункер упоминается как замковый комтур (*Hauskomtur*)² и официал (*Offizial*)³ [35]. Вместе с фогтом кирхи, капелланом и секретарем он присутствовал при подтверждении Самбийским епископом Гюнтером фон Бюнау грамоты епископа Генриха на владение деревней Вирдигайтен неким Иоганном фон Баккейном⁴. Умер Дункер, будучи в преклонном возрасте, в 1543 году [11, р. 34 г].

«Прусская хроника» Дункера объединяет выписки из книг, комментарии, наброски авторского текста, стихи, медицинские рекомендации, рисунки гербов и др. До марта 2024 года рукопись просматривалась шесть раз, в том числе трижды русскоязычными исследователями: 29.06.1978 года — И. С. Чичуровым (Москва)⁵, 21.06.1982 года — А. С. Мыльниковым (Ленинград)⁶,

¹ Замок и поселение (позднее — город) в его окрестностях; в настоящее время — город Приморск Калининградской области.

² Комтурство (*Komturei*) — территориально-хозяйственная единица государства Немецкого ордена в Пруссии и Хелминской земле. Замковый комтур замещал главу комтурства в различных видах служебной деятельности, также управлял одним из более мелких округов в составе комтурства (подробнее см.: [3; 10; 24, S. 7—18, 32; 35]).

³ Должностное лицо в структуре ордена [3; 10].

⁴ Сочетание указанных должностей и медицинской профессии Дункера вполне допустимо: достаточно вспомнить биографию его знаменитого современника Н. Коперника.

⁵ Игорь Сергеевич Чичуров (1946—2008) — российский историк-византист, доктор исторических наук.

⁶ Александр Сергеевич Мыльников (1929—2003) — российский историк, доктор исторических наук, исследователь рукописных собраний и истории книгопечатания славянских стран; в 1992—1997 годах — директор Кунсткамеры (Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН).

24.02.1991 года — Ю. А. Мициком (Днепропетровск)¹. Публикации, отражающие результаты вышеупомянутых исследований, к сожалению, выявить не удалось.

Структура тома описана О. Хайнеманом в каталоге рукописного собрания Библиотеки с отметкой, что весь текст рукописи представляет собой автограф Дункера [19, S. 183—184, № 3049]. Интересующая нас часть содержит стихи о включениях в янтаре, очерк о происхождении янтара и его лечебных свойствах, подборку цитат из книг древних и современных составителю авторов, а также рецепт янтарных пилюль.

Стихи о янтаре

Поэтическая часть рукописи включает пять дистихов [21, f. 94 r] и четыре эпиграммы [Ibid., f. 94 v — 95 r], объединенные темой инклюзов в янтаре. Двустушия имеют общий заголовок: «Полиандер о своей гусенице, заключенной в янтаре, которую он получил в дар от своего друга Иоахима Штрекфуса»².

Автор — Иоганн Полиандер (Грауман / Граман; 1487—1541), выходец из Нойштадта-на-Айше (Франкония), лютеранский пастор, теолог, поэт и переводчик, — жил в Кёнигсберге с 1525 по 1541 год. Получив философское и богословское образование в университетах Лейпцига и Виттенберга, он служил кантором, учителем и ректором в школе святого Фомы в Лейпциге, проповедником в Вюрцбурге, Нюрнберге и Мансфельде. Под влиянием идей Реформации примкнул к кругу Лютера и Меланхтона. В Кёнигсберге Полиандер стал проповедником Альтштадтской кирхи, был привлечен герцогом к формированию системы лютеранского образования и новой церковной организации. Ему принадлежит идея учреждения государственного партикуляра (1541), готовившего молодых людей к поступлению в университет. Богатое книжное собрание, завещанное им перед смертью городу, послужило началом городской библиотеки Кёнигсберга.

В контексте темы настоящей статьи следует вспомнить письмо Полиандера (1535) с рассказом о добыче янтара на Самбийском побережье, адресованное ректору Лейпцигской школы Святого Фомы Каспару Борнеру (1492—1547). Копию письма, вложенную в издание «Естественной истории» Плиния Старшего, — экземпляр из библиотеки Полиандера — в 1735 году обнаружил и впоследствии издал профессор Кёнигсбергского университета Карл Генрих Раппольт (1702—1753) [31]. Текст публиковался еще несколько раз [23; 28—30], в том числе в переводе на русский язык [5, с. 98—107].

¹ Юрий Андреевич Мицик (р. 1949) — украинский историк, доктор исторических наук, священник Православной церкви, исследователь украинской археографии, источниковедения и церковной истории.

² *Poliander de eruca sua succino inclusa, quam a Joachimo Streckfuss amico dono acceperat.*

Стихотворные импровизации Полиандера на тему янтаря навеяны творчеством Марка Валерия Марциала (ок. 40 — ок. 104). Очевидны параллели с тремя эпиграммами Марциала, расположенными на следующей странице рукописи [21, f. 94 v]: «О пчеле, заключенной в янтаре» (XXXII), «О змейке, заключенной в янтаре» (LIX), «О муравье, заключенном в янтаре» (XV) (в переводе на русский см.: [4]). Муравью Марциала и гусенице Полиандера подарена «смерть в янтаре», более славная и благородная, чем их жизнь, благодаря чему ничтожные существа обретают ценность. Марциал пишет, что янтарная могила змейки превосходит своим великолепием гробницу Клеопатры, а Полиандер, в свою очередь, иронизирует, что погребенная «без затрат» гусеница смеется над величественными пирамидами «надменного Нила».

Эпиграмма «О мухе, заключенной в янтаре» [21, f. 96 r] написана Иоганном Апелем (1486—1536), уроженцем Нюрнберга, теологом и юристом. Как и Полиандер, Апель учился в Лейпциге и Виттенберге, был близок кругу Лютера и Меланхтона. В числе должностей его профессиональной карьеры — каноник и советник епископа, профессор и ректор университета, ассессор и заседатель суда. С 1530 по 1534 год Апель по приглашению герцога Альбрехта занимал должность прусского канцлера. Вероятно, в этот период и была написана эпиграмма. Полиандер и Апель были знакомы еще по Вюрцбургу: когда первый прибыл в город, второй служил там каноником.

Сюжет эпиграммы — встреча двух «Божьих творений», капли смолы и мухи, — необычен, по крайней мере он не обыгрывается другими авторами стихов о янтаре. «Не слишком умная» муха желает породниться с каплей; та же, презирая «рожденную навозом муху» и величая себя дочерью «прекрасной сосны», обнимает и проглатывает насекомое. Взвешивая на все это Феб гневается на обеих и наказывает их: муха застывает в капле.

Возможно, Дункер собирался использовать поэтические импровизации Полиандера и Апеля в качестве иллюстраций к собственным рассуждениям о природе янтаря. Так, эпиграммы Марциала традиционно включали в каталоги коллекций и даже диссертации того времени. В стихах нашли отражение актуальные вопросы культурного и научного освоения материала. Оба кёнигсбергских поэта не сомневаются в растительном происхождении янтаря. У Апеля янтарная капля — «детище благородной сосны» [5, с. 113]. Полиандер излагает свою позицию в письме Борнеру: «...о веществе же, из которого он (янтарь. — *И. П.*) состоит, я думаю то же самое, что и Плиний, как вследствие многого другого, так и вследствие того огромного количества разных червячков и подобных мелочей, которые находятся в прозрачном янтаре: хотя сегодня ни на этом, прусском, ни на противоположном побережье... нет деревьев, источающих смолу» [Там же, с. 105].

Также вслед за Плинием оба поэта называют янтарь *геммой* (драгоценным камнем). У Апеля не в камень, а в *гемму* превращаются муха и капля; у Полиандера: «гусеница, погребенная в прусской *гемме*»; «Этот род камня хранит и украшает умерших червячков. Заслуженно он должен называться

драгоценным». Примечанием к последнему дистиху служит ссылка на Плиния (Plin. Hist. XXXVII. 30) [1, с. 35], которую Дункер воспроизводит в рукописи [21, f. 94]¹.

В лютеранской Пруссии, для которой янтарь служил главным природным ресурсом, переосмысление материала происходило в рамках концепции Вселенной как Творения и манифестации Бога. Драгоценный камень янтарь — одно из чудес Творения — интерпретировался как символ Божественного Провидения, особый дар, которым Бог наградил Пруссию. Эта идея, оформившаяся несколькими десятилетиями позже в сочинениях А. Аурифабера, С. Гёбеля Старшего, И. Виганда, И. Баумгартена, уже прослеживается в стихах Полиандера и Апеля.

Дистихи и эпиграммы об инклюзах в янтаре вместе с другими своими стихами Полиандер записывал на страницах книг. Принадлежавший ему конволют, объединивший тринадцать изданий 1502—1532 годов [27], обнаружил в Данцигской городской библиотеке и в 1907 г. опубликовал профессор Отто Гюнтер [17]. На внутренней стороне крышки переплета владельцем написано: «Различные наши стихи вставлены на пустых страницах в этой книге; мы в Пруссии, разумеется, шутили по любому поводу»².

Тема инклюзов в янтаре в XVI и XVII столетиях оставалась предметом научных дискуссий, а подобные образцы были популярными объектами коллекционирования. Захватывающий маленьких существ и запечатывающий их навечно янтарь использовался в качестве метафоры в проповедях лютеранских пасторов. Персонаж двустийший, гусеница в янтаре, — вероятно, один из любимых экземпляров в коллекции автора. Факт существования коллекции подтверждает цикл эпиграмм 1533 года, повествующих о том, как Полиандер обменивал ценные книги из своей библиотеки на куски янтара с включениями у бургомистра Альтштадта Иоганна Белера (1482—1539) [27; 17, S. 360]. Это одно из самых ранних упоминаний о коллекции такого типа в Пруссии. В рукописи Дункера этот цикл отсутствует, хотя ему были известны другие стихи из гданьского тома. Кроме упомянутых выше, в вольфенбюттельской рукописи включены еще два поэтических сочинения Полиандера: «Призыв к изучению литературы»³ (1536) и «От Рождества Христова прошло трижды по 508 лет...»⁴ [21, f. 92 r — 93 v; подробнее см.: 17]. Оба произведения связаны с именем Георга Кунхайма, окружного начальника Тапиау, с которым был дружен Полиандер.

Происхождение, наименования и действие янтара

В следующей части рукописи — «Мнение Грегора Дункера, врача из Кёнигсберга, о происхождении, наименованиях и действии⁵ янтара»¹ [21, f. 100 r —

¹ В обеих рукописях ссылка приведена с указанием главы: Cap. 3.

² Перевод с латинского В. А. Сычинского.

³ *Hortatio ad literarum studia.*

⁴ *Quingentae a Christo nato trieterides...*

⁵ *Kraft*; возможен также перевод «воздействие», «сила».

103 г] — кроме «Естественной истории» Плиния Дункер обращается к «Канону врачебной науки» (*Liber canonis medicinae*) Авиценны (Ибн Сина; 980—1037)², «Согласованию» (*Conciliator*)³ итальянского врача и астролога Пьетро д'Абано (ок. 1250—1316), трактату «О свойствах вещей» (*De proprietatibus rerum*) Бартоломея Английского (ок. 1190 — ок. 1250), сборнику извлечений по древнеримскому праву «Пандекты» («Дигесты»; *Pandecta*). Без указания названий работ он также ссылается на Разеса (ок. 865 — ок. 925)⁴, Серапиона Младшего (Ибн Сераби, XII—XIII века)⁵, Отто Брунфельса (ок. 1488/1489—1539)⁶ и Джорджо Валлу (ок. 1447—1500)⁷.

К натурфилософской части рукописи примыкает раздел, озаглавленный «Извлечения Грегора Дункера из книги под названием “[Новый] мир областей и островов, неизвестных древним”»⁸ [21, f. 103 v — 104 r; 25]. Суждения Плиния Старшего и Тацита о местах рождения янтаря и цитаты из «Естественной истории» о его лечебных свойствах заимствованы из завершающего сборник сочинения Эразма Стеллы «Древности Пруссии» [25, p. 573—574].

Как и сочинители дистихов и эпиграмм, о которых шла речь выше, цитируемые авторы вслед за Плинием считали янтарь продуктом смолы сосновых деревьев. Очевидно, что версия, не согласующаяся с опытом, вызывает у Дункера вопросы: к примеру, как янтарь, если допустить, что он происходит от хвойного дерева, из Норвегии (видно, сосны были известны ему лишь в тех краях) по узким каналам попадает на Замланд? [21, f. 101 v]. В своих размышлениях на данную тему Дункер приводит неполную цитату из «Древностей Пруссии» Стеллы: «Некоторые... полагают, что он (янтарь. — *И. П.*) под действием солнечного зноя струится из ила каких-то гор, но вообще нет смысла ни опровергать это мнение, ни доказывать его истинность [Ibid., f. 103] (у Стеллы: [33, p. 15]).

Андреас Аурифабер в обоснование версии происхождения янтаря ссылается в своей книге на наблюдения Дункера: «Для меня несомненно то, что янтарь вытекает из недр судовского побережья, он есть разновидность битума или горного воска, как это можно понять по его субстанции и действию. Господин Грегор Дункер... пишет, что он вместе с другими неоднократно в

¹ *Von der herkunft, Namen und krafft des Bornsteyns Gregorij Dunckers zu Konigspergk phisici meynung.*

² Полное имя Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина.

³ Полное название — «Согласование противоречий между философами и врачами» (*Conciliator Differentiarum, quae inter Philosophos et Medicos Versantur*, 1472).

⁴ Полное имя Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази.

⁵ Автор медицинского трактата «О простых лекарствах» (*De medicamentis simplicibus / De simplicibus medicinis*).

⁶ Автор богословских трудов, а также трактатов по медицине и ботанике.

⁷ Дункер ссылается на сочинение «О природе простых вещей» (*De simplicium natura*).

⁸ *Ex libro qui nonus Orbis Veteribus incognitarum regionum et Insularum, intitulatur, per Gregorium Duncker excerpta.*

ясную безлунную ночь видел, как из недр земли, что-то выстреливало в море желтовато-голубыми лучами, и полагает, что это был янтарь. Неудивительно, что ему я в этом доверяю больше, чем Плинию» [8, Cap. 3, unpag.].

Дункер, пожалуй, был первым из авторов, настаивавших на том, что янтарный остров Плиния Глесария (Plin. Hist. XXXVII. 42) [1, с. 41] — это Самбийский полуостров (Замланд). Этот факт подчеркивает прусский картограф Каспар Хенненбергер (1529—1600), обозначавший полуостров на картах Пруссии плиннианским наименованием [20, S. 34 r]. Правда, Дункер допустил ошибку, отождествив с янтарем, добываемым на Самбии, описанный Диоскоридом камень, который находили на Самосе в так называемой самосской глине. Он использовался в ювелирном деле для шлифования и полировки и применялся в качестве лечебного средства [21, f. 100 v]. В тексте Диоскорида: «Превосходно, если он (камень. — *И. П.*) крупный и белого цвета. [Этот камень] обладает вяжущими и охлаждающими свойствами и в напитке полезен страдающим болезнями желудка и расстройством ощущений¹. С молоком он хорош как при слизистых выделениях из глаз, так и при нарывах. Кажется, он ускоряет роды и защищает беременных женщин, которые его носят» (MM V, 154) [13, p. 398]. На путаницу топонимов у Дункера обратил внимание ботаник и врач Валерий Кордус (1515—1544) [11, p. 34], что свидетельствует о знакомстве с рукописью ученых из окружения прусского герцога (Кордус дружил с Аурифабером, советником и лейб-медиком Альбрехта).

В рассуждениях о применении янтаря в лечебных целях Дункер также подчеркивает авторитет Плиния: «Я же больше доверяю Плинию, который говорит, что янтарь имеет разнообразное применение в медицине» [21, f. 103]. В тексте приведена ссылка на греческого врача Каллистрата, популярная у многих авторов, включая современных, где янтарю приписаны функции амулета и лекарства (Plin. Hist. XXXVII. 51) [1, с. 44—45].

Некоторые советы Дункера по лечению янтарем заимствованы из медицинских трактатов Авиценны и Марцелла Эмпирика (IV—V века)², как, например, рекомендация пить для укрепления сердца воду, настоянную на янтаре [21, f. 102 r]. Один из рецептов, напоминающий фрагмент из Диоскорида о самосской глине, со ссылкой на Дункера приводит Аурифабер: чтобы избавиться от желтухи и отеков, рекомендуется принять теплую ванну из процеженного кипяченого козьего молока и измельченного в порошок янтаря. Действие ванны приписано свойству янтаря открывать, осушать и уничтожать жидкости [8, Cap. 10, unpag.].

Обращаясь к современной практике медицинского применения белого янтаря, считавшегося прусской разновидностью минерала, Дункер цитирует

¹ Возможно, имеется в виду гипестезия.

² Автор неоднократно издававшего медицинского трактата «Книга об эмпирических, физических и рациональных лекарствах» (*De medicamentis empiricis, physicis et rationalibus liber*).

Стеллу: «Германские женщины используют его (белый янтарь. — *И. П.*) для стимуляции родов. Многие свидетельствуют, что с помощью янтаря измельчаются и извлекаются камни в почках и в мочевом пузыре. От испарений горящего янтаря обеззараживаются яды и зараженный воздух. Если принять его внутрь в питье, то у раненых прекращается кровотечение, полезна наложенная на рану припарка из янтаря с козьим жиром» [21, f. 103—104]¹.

Дункер неоднократно упоминает и о собственной медицинской практике. Он экспериментировал с изготовлением янтарного масла, используя рецепты из средневековых сочинений [Ibid., f. 102 v]. Настаивал масло на янтарных четках с добавлением травы орегано [Ibid.], «усовершенствовал» совет Марцелла вымачивать янтарь в соли, а также замачивать его в хорошем масле. В качестве испробованного рецепта он рекомендует измельченные в порошок ржаной хлеб и янтарь в равном количестве завернуть в платочек и сжечь на углях; полученную золу использовать как средство от зубной боли [Ibid., f. 103 r].

«Великими достоинствами» камня, его способностью облегчать действие ядов и выводить их обусловлено, по словам Дункера, использование янтаря во время эпидемии чумы. Он добавляет: все, кто в 1538 году применял янтарный порошок длительное время, убедились в его эффективности [Ibid.].

Янтарные пилюли

В названии янтарных пилюль — *Pilulae de Gentario*, — подробный рецепт которых приводит Дункер в тексте, использовано не привычное в то время латинское наименование янтаря «сукцидум» (*succinum*) или немецкие «бернштайн» (*Bernstein*) и «агтштайн» (*Agtstein*), а прусское «гентар» (*gentar; e terra genitum* — «рожденный из земли»), встречающееся в тексте неоднократно и знакомое нам по письму Полиандера 1533 года [5, с. 101; 21, f. 101 r].

В составе пилюль — измельченный в порошок янтарь, смола мастикового дерева, алоэ, агарик, аристаролия круглая (кирказон), сироп полыни или сок бетоники (буквицы лекарственной). Спектр применения необычайно широк: рекомендовано ежедневное использование пилюль для предохранения желудка от болезней и внутренних повреждений, предотвращения загнивания в нем жидкостей, избавления от головной боли, нормализации работы сердца, очищения почек и матки (букв. «материнской утробы»), а также в качестве целебного средства для глаз.

Аналогичный рецепт встречается в нескольких фармакопеях второй половины XVI — XVII столетий (правда, в названии используется латинское наименование янтаря *Pilulae de Succino*). Авторство приписывается Иоганну Крато фон Крафтхейму (1519—1585), ученому, придворному врачу трех императоров Священной Римской империи — Фердинанда I, Максимилиана II и

¹ Перевод с лат. В. А. Сычинского.

Рудольфа II. Однако в Лондонском диспенсатории 1649 года рецепт озаглавлен: «Янтарные пилюли Андреаса Ауриф[абера]» (*Pilulae de Succino. Andreas Aurif.*) [12, p. 131].

Заключение

Копия рукописи Дункера хранится в библиотеке Польской академии наук в Гданьске в составе материалов Каспара Хенненбергера [26]. Аккуратно переписанные тексты о янтаре, в отличие от остальных, не являются автографом. Еще одна копия (судя по ссылкам, неполная, без поэтической части) известна в Тайном государственном архиве Прусского культурного наследия в Берлине. Работавший с данным экземпляром Т. Ансельмино отмечает, что сочинение написано на немецком языке и воспроизводит его структуру, соответствующую фрагменту (f. 100 r — 103 r) вольфенбюттельской рукописи (GStA PK, XX. HA, EM, Tit. 16a Nr 5; цит. по: [7, S. 106]). На те же места в тексте ссылается в своей статье Р. Кинг [2, с. 90, 92; 22, p. 196]. Приписанный Дункеру рукописный экземпляр «Трактата о янтаре» (второе название совпадает с заглавием вышеупомянутой части оригинала) из библиотеки университета Касселя не является копией, так как в текст внесены изменения, в том числе произведена замена некоторых слов [36].

Грегор Дункер, осуществлявший надзор за добычей янтара еще с орденских времен, составлял записки, которые, вероятно, должны были перерасти в отдельное сочинение, написанное на немецком языке и, следовательно, предназначавшееся для широкого круга читателей. Эту задачу спустя тринадцать лет выполнил Андреас Аурифабер, профессор Кёнигсбергского университета, который наряду с суждениями о янтаре авторитетных древних и современных авторов, таких как Плиний и Агрикола, принял во внимание и мнения Дункера как человека, чьи знания о янтаре опирались на собственный многолетний опыт.

Несмотря на заглавие, рукопись Дункера сложно отнести к жанру исторической хроники: составляющие том материалы заимствованы из известных источников, где материал прусской истории представлен более полно и системно. Наличие большого количества пустых листов, в том числе между тематическими блоками, позволяет предположить, что текст не был завершен. Возможно, поэтому обращавшиеся к рукописи историки не удостоили ее внимания в своих публикациях. Отдельного исследования требуют изображения гербов и комментарии к ним.

Однако часть вольфенбюттельской рукописи, посвященная янтарию, отражает важный этап в культурном освоении материала, участниками которого стали представители разных профессий из окружения прусского герцога. Это первый известный в настоящее время текст, иллюстрирующий пересечение тех сфер, где в 1530-е годы сосредоточился интерес к янтарию: естественнонаучные и натурфилософские исследования, практики коллекционирования, медицина и фармация. Способами формирования новой идентичности материала стали «переосмысление янтара как Божественного дара лютеранской

Пруссии, а также возобновившийся интерес к его медицинскому применению и расширение его спектра» [22, р. 199]. Дункер направил свой исследовательский поиск по второму пути, стремясь дополнить общепринятые образцы теоретической презентации темы результатами собственной многолетней практики изучения и применения янтаря.

Исследование поддержано грантом Библиотеки Герцога Августа в Вольфенбюттеле (Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel) от 05.07.2019 г., № В 2186 «Янтарь в Пруссии раннего Нового времени: культурный контекст практик коллекционирования».

Список источников и литературы

1. *Гай Плиний Секунд*. Естественная история. Книга XXXVII / пер. с лат. Э. Н. Михайлова; науч. ред. А. И. Любжин, Д. Д. Новгородова; отв ред. И. А. Полякова; примеч. и коммент. Э. Н. Михайлова, Д. Д. Новгородовой, И. А. Поляковой; Калининградский областной музей янтаря. Калининград, 2022.

2. *Кинг Р.* «Предметный взгляд»: предметы из янтаря периода раннего Нового времени с целебными, предохраняющими и лечебными свойствами // Янтарь в истории медицины: материалы междунар. науч. конф. / под ред. И. А. Поляковой, Т. Ю. Суворовой; Калининградский областной музей янтаря. Калининград, 2016. С. 89—106.

3. *Котов А. С.* Перемещение официалов Немецкого ордена в XII — первой четверти XVI в. через призму методов визуализации // *Saurus*. 2024. Т. 3, № 3. С. 34—49. doi: 10.34680/Saurus-2024-3(3)-34-49.

4. *Марк Валерий Марциал*. Эпиграммы / пер. Ф. А. Петровского. СПб., 1994.

5. *Полякова И. А.* Иоганн Полиандер (1487—1541): гимн янтарю / Калининградский областной музей янтаря. Калининград, 2012.

6. *Agricola G.* De ortu et causis subterraneorum; De natura eorum quae essunt ex terra; Dea natura fossilium... Basileae, 1546.

7. *Anselmino Th.* Medizin und Pharmazie am Hofe Herzog Albrechts von Preußen (1490—1568). Heidelberg, 2003.

8. *Aurifaber A.* Succini historia: ein kurtzer, gründlicher Bericht / woher der Agtstein oder Börnstein ursprünglich komme / dass er kein Baumhartz sey / sonder ein geschlecht des Bergwachs, und wie man inen manigfaltiglich in artzneien möge gebrauchen... Königsberg in Pr., 1551.

9. *Bauhin J.* Historia plantarum universalis nova et absolutissima cum consensu et dissensu circa eas. Ebroduni, 1650. Т. 1.

10. *Biskup R.* Das Domkapitel von Samland (1285—1525). Toruń, 2007.

11. *Cordus V.* In hoc volumine continentur Valerii Cordi Simesusij Annotationes in Pedacij Dioscoridis Anazarbei de Medica material libros 5. longe aliae quam ante hac sunt euulgatae. Argentorati, 1561.

12. *Culpeper N.* A physical directory, or, A translation of the London dispensatory made by the Colledge of Physicians in London... L., 1649.

13. [*Dioscorides.*] Pedanius Dioscorides of Anazarbus. De Materia Medica / transl. by L. Y. Beck. Hildesheim; Zurich; N. Y., 2005.

14. *Göbel S. der J.* Einfeltiger Jedoch gründtlicher Bericht und Bedencken / vom Ursprung des Agadt oder Börnsteins / woher der selbige komme / und in wasserley Krankckheit er gaebrauchet / wie auch von dem Ohl so darauß distiliret wird... Königsberg, 1616.

15. *Grunau S.* Simon Grunau's preussische Chronik herausgegeben von Dr. M. Perl-
bach : in 3 Bdn. Leipzig, 1876. Bd. 1.
16. [*Günther O.*] Katalog der Handschriften der Danziger Stadtbibliothek. Danzig : L. Sau-
nierschen Buch- und Kunsthandlung, Bd. 2, t. 2.
17. *Günther O.* Lateinische Gedichte des Johannes Poliander. Aus seinen eigenhän-
digen Niederschrift // Zeitschrift des Westpreußischen Geschichtsvereins. 1907. H. 49.
S. 351—381.
18. *Hartmann Ph.J.* Succini Prussici Physica et Civilis Historia: Cum demonstratione
ex autopsia & intimiori rerum experientia deducta. Francofurti, 1677.
19. *Heinemann O.* Kataloge der Herzog-August-Bibliothek Wolfenbüttel. Die Alte
Reihe. Nachdruck der Ausgabe 1884—1913. Die Augusteischen Handschriften 4. <...>
4. Codex Guelferbytanus 77.4. Aug. 2° dis 34 Augusteus 4°. Frankfurt a/M, 1966. Bd. 7.
20. *Hennenberger K.* Kurtze und warhafftige Beschreibung des Landes zu Preussen.
Item... Königsberg in Pr., 1584.
21. *Herzog August* Bibliothek Wolfenbüttel. 14.11. Aug. 4°.
22. *King R.* The Reformation of the Rosary Bead: Protestantism and the perpetuation
of the amber Paternoster // Religious materiality in the early modern world / ed. by S. Iva-
nič, M. Laven and A. Morrall. Amsterdam, 2019. P. 193—210.
23. *Mentz A.* Der Bernstein und die Sudauer // Mitteilungen des Vereins für die Ge-
schichte von Ost- und Westpreussen. 1929/30. 4. S. 61—68.
24. *Milthaler F.* Die Grossgebietiger des deutschen Ritterordens bis 1440. Ihre Stel-
lung und Befugnisse. Königsberg (Pr.); Berlin, 1940.
25. *Novus orbis* regionum ac insularum veteribus incognitarum, una cum tabula cos-
mographica, et aliquot aliis consimilis argument libellis, quorum omnium catalogus sequ-
enti patebit pagina. Basiliae, 1532.
26. *PAN* Biblioteka Gdańska. Ms 1263.
27. *PAN* Biblioteka Gdańska. Ms 2436.
28. [*Poliander J.*] Johannes Poliander über den Bernstein und die Sudauer // *Scriptores*
rerum Prussicarum. Bd. VI. Frankfurt a/M, 1968. S. 331—336.
29. [*Poliander J.*] Poliandri description sudinorum Gessum captantium // Rost F.W.E. Me-
moria Joannis Poliandri. Lipsia, 1808. P. 30—35.
30. [*Poliander J.*] *Tschackert P.* Urkundenbuch zur Reformationgeschichte des Her-
zogthums Preußen. Leipzig, 1890. Bd. 2. S. 334—336. № 1015.
31. *Rappolt C.H.* De Origine Succini in Littore Sambiensis, Meditatio Epistolaris. Quam
excipit Joannis Poliandri, Celeberrimi Viri, Descriptio Sudinorum Glessum Captantium:
Nuuc primum in lucem prolata ex autographo. Regiomonti Prussorum, 1737.
32. *Recherchemöglichkeiten* im Deutschen Rechtswörterbuch. URL: <https://drw-www.adw.uni-heidelberg.de/drw-cgi/zeige?index=lemmata&term=hauskomtur> (дата обращения: 14.01.2025).
33. [*Stella E.*] Erasmi Stellae Libonothani De Borussiae Antiquitatibus Libri Duo.
Basileae, 1518.
34. *Thilo I.* Dissertatio physico-historica de succino Borussorum prima, nomina, des-
criptionem et materiam eius exhibens. Lipsia, 1663.
35. *Universität Hamburg.* Das virtuelle Preußische Urkundenbuch: Regesten und Tex-
te zur Geschichte Preußens und des Deutschen Ordens <...> Universität Hamburg, in Zu-
sammenarbeit mit der Historischen Kommission für ost- und westpreußische Landesfor-
schung. PrUB, JH II 3902—1510 V 6. Fischhausen. URL: <https://www.spaetmittelalter.uni-hamburg.de/Urkundenbuch/pub/orden1510.html> (дата обращения: 14.01.2025).

36. *Universitätsbibliothek Kassel, Landesbibliothek und Murhardsche Bibliothek der Stadt Kassel*. 4° Ms. chem. 50. Bacon, R. ([1576/1600] 16. Jh., letztes Viertel). Ps.-Rogerus Bacon. Bernsteintraktat. Turba philosophorum, dt. Chemische und medizinische Rezepte. URL: <https://orka.bibliothek.uni-kassel.de/viewer/image/1540985096476/1/> (дата обращения: 12.01.2025).

Об авторе

Ирина Алексеевна Полякова — кандидат философских наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; главный научный сотрудник, Калининградский областной музей янтаря, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6809-5796

E-mail: i-polyakova@rambler.ru

I. A. Polyakova

The sixteenth century historical sources on amber according to Gregor Duncker's "Prussian Chronicle"

The article explores the 16th century manuscript compiled by Gregor Duncker (ca. 1465—1543), a physician from Königsberg. At present the manuscript is stored in the Herzog August Library (Wolfenbüttel). The texts in question devoted to the theme of origins and use of amber appear to be a draft version of the book. The study identifies sources which served the basis for the theoretical justification of Duncker's views on the nature of amber and shows the features of their reception. An important point is Duncker's appeal to personal experience in presenting the topic of the medical use of amber, as well as his interest in the history of the Old Prussians and the use of the Prussian word 'gentar' for amber. The manuscript demonstrates the author's communication to the entourage of Duke Albrecht of Brandenburg-Ansbach, whose representatives were interested in amber as a subject of research, collecting and medical practice.

Keywords: *Gregor Duncker, Prussian Chronicle, amber, 16th century, medicine*

The work was supported by the grant of the Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel (05.07.2019, №B 2186) in the frame of the project "Amber in Early Modern Prussia: Cultural Context of the Collecting Networks".

The author

Dr Irina V. Polyakova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University; Chief Research Associate, Kaliningrad Regional Amber Museum, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6809-5796

E-mail: i-polyakova@rambler.ru

Отто Виттрин — «школьный монарх» в лучшем смысле слова

Представлена биография одного из самых значительных директоров за всю историю Лёбенихтской гимназии в Кёнигсберге — профессора математики, тайного советника Отто Виттрина. Период деятельности Виттрина приходится на рубеж XIX—XX веков. Ему воздают должное известные историки, о нем сохранили теплые воспоминания выпускники Лёбенихтской гимназии, сведения о его биографии отложилось в кёнигсбергских газетах и адресных книгах. По итогам исследования приведены новые факты и события из жизни Виттрина.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Лёбенихт, Лёбенихтская реальная гимназия, история образования

Первого февраля 1851 года в Кёнигсберге, по адресу Альтштедтише Пульвергассе, 7, в семье надзирателя, работавшего в долговой тюрьме в «Новой башне», родился герой этой статьи — Отто Виттрин (Otto Wittrien). «Новая башня», одна из нескольких башен Альтштадта, располагалась на северо-западной стороне укреплений старого города, вблизи Штайндаммских ворот. Историк К. Фабер отмечал, что среди всех башен Альтштадта к концу XIX века сохранилась только эта башня, служившая первоначально арсеналом для жителей Альтштадта, а позднее использовавшаяся в качестве тюрьмы [9, S. 39]. Можно только догадываться, в каких условиях проходило детство будущего «школьного монарха», одно известно точно: на Пасху 1871 года Отто Виттрин выпускается из Альтштадтской гимназии и поступает в Альбертину, где изучает математику, естественные науки и философию.

В 1876 году окончив Кёнигсбергский университет, Виттрин отправляется проходить воинскую службу [5, S. 341]. Кстати, именно в этот год он впервые лично появляется на страницах адресной книги. Записан он там как кандидат математики, адрес тот же: Альтштедтише Пульвергассе, 7 [4, S. 219]. К сожалению, более подробную информацию о том, как проходила воинская служба Виттрина, на данный момент обнаружить не удалось. Известно, что он демобилизовался в 1879 году, но на протяжении всей жизни периодически участвовал в военных сборах.

В том же 1879 году Виттрин сдает экзамен, получает звание докторанта и устраивается в королевскую гимназию в Данциге (совр. Гданьск, Польша) в качестве стажера. После полугодового пребывания на должности помощни-

ка учителя Виттрин в 1880 году окончательно принят на должность преподавателя в гимназии. Данцигский период в его жизни продлился недолго — уже в 1883 году он принимает приглашение на должность преподавателя в Альтштадтской гимназии в Кёнигсберге, где в течение следующих десяти лет преподает математику и физику в старших классах [Ibid.].

В 1893 году умирает профессор Клейбер (Kleiber), директор соседней Лёбенихтской гимназии. Городским школьным советом на место почившего был предложен и впоследствии назначен 42-летний Отто Виттрин. Воспоминания об этом событии сохранились в отчете о деятельности Альтштадтской гимназии за 1893/94 учебный год. Директор Альтштадтской гимназии Х. Бабуке (Heinrich Babuske, 1841—1902) так комментирует уход Виттрина: «Нашей школе пришлось оплакивать еще одну потерю, которая, конечно же, пошла на пользу другому учебному заведению. Мы все с сожалением провожали его, хотя и были рады доверию, оказанному члену нашего коллектива. Учащиеся старших классов не стесняются выражать свою особую, идущую от всего сердца благодарность уходящему учителю. Мы желаем нашему бывшему коллеге успехов на его трудном посту и надеемся, что в новой роли он найдет такое же признание и дружеское доверие, какими он пользовался у нас» [6, S. 12].

Лёбенихтская гимназия — учебное заведение с уникальной историей. В иллюстрированном энциклопедическом справочнике «Кёнигсберг-Калининград» перечислены муниципальные и частные средние школы, лицеи, гимназии и высшие школы Кёнигсберга [2, с. 530—536]. Последние по срокам и программам обучения приравнивались к гимназиям. Всего в списке представлено 76 учебных заведений. Из их числа к началу XX века гимназий (высших школ) оказалось семь, в том числе Лёбенихтская, которая в разных источниках именовалась то как гимназия (Gymnasium), то как высшая школа (Oberschule).

Возглавив Лёбенихтскую гимназию на рубеже веков, Виттрин искренне ратовал за ее развитие. За то время, пока он служил директором, число учителей увеличилось до 19 профессоров, а число учеников — до 439 человек (в 1,5 раза) [10]. Когда в 1910 году из-за нехватки места возникла необходимость в перестройке школы, его упорство позволило начать в 1911 году строительство нового просторного здания — «одной из самых красивых гимназий города», по словам исследовательницы Л. В. Лоховой [3, с. 59]. Двенадцатого июня 1914 года на площади Мюнхенхоф в кёнигсбергском районе Лёбенихт состоялось торжественное открытие Лёбенихтской гимназии, на котором присутствовало множество почетных гостей, в том числе обер-бургомистр Зигфрид Кёрте, обер-президент провинции Людвиг фон Виндхайм — оба выступили с торжественными речами. Речи почетных гостей цитировались в кёнигсбергских газетах [8]. Долгожданное открытие гимназии широко освещалось в прессе, а торжественные мероприятия заняли весь день. «В актовом зале прошел концерт, а затем учителям и почетным гостям были представле-

ны их новые кабинеты. В новом облике предстали долгожданные помещения для уроков рисования, биологии, труда, физики, химии вместе со школьной лабораторией, спортивный и актовый залы — такие, какими они остались в памяти по сей день», вспоминал выпускник Лёбенихтской гимназии Вернер Гродде [10].

Торжественное событие оставило след в памяти и другого выпускника Лёбенихтской гимназии Леопольда Бёма: «Я уже закончил третий класс, когда 12 июня 1914 года состоялось торжественное открытие школы после значительной перестройки и расширения, начавшегося в 1911 году» [7, S. 6]. У Бёма сохранилось еще одно яркое впечатление, связанное с Виттрином: «Был бал выпускников! Он состоялся в Штадтхалле, городском концертном зале возле моста у Замкового пруда. Наш директор Отто Виттрин пригласил мою маму на полонез, открывавший бал» [Ibid., S. 8].

Очевидно, Отто Виттрин был человеком крайне разносторонним. Ему, профессиональному математику, не была чужда и история. В том же 1914 году он опубликовал «Из прошлого Лёбенихтской реальной гимназии в Кёнигсберге» [11] — серьезное исследование, освещающее основные вехи истории как самой гимназии, так и образования в Восточной Пруссии в целом. Помимо данного исторического исследования Виттрин периодически выпускал работы по математике, которые можно найти в некоторых отчетах о деятельности Лёбенихтской гимназии за соответствующие годы. Виттрин состоял в Кёнигсбергском физико-экономическом обществе и в легендарном Обществе друзей Канта. В последнем обществе, которое, кстати, существует по сей день, нет постоянного лидера — его выбирают каждый год по особой традиции: 22 апреля, в день рождения Канта, члены общества выпекают пирог, внутри которого находится боб. Председателем общества с титулом «Бобового короля» на предстоящий год становится тот, кому достался кусочек пирога с бобом внутри. Такая честь единожды выпала и Виттрину, он носил этот титул в 1899—1900 годах.

Личной жизни у Виттрина, по сути, не было. На протяжении всей жизни он содержал мать и сестру. Пока он был простым преподавателем, они все вместе жили по съемным квартирам в Кёнигсберге. В бытность же директором гимназии он проживал на Хаманштрассе, 5 — в здании, находившемся в государственной собственности. Это адрес самой Лёбенихтской гимназии¹, имевшей для директора отдельное жилище, где он и пребывал с момента назначения и до своего выхода на пенсию, продолжая снимать для матери и сестры квартиру вплоть до смерти первой и свадьбы второй.

Историк Кёнигсберга Фриц Гаузе, подводя итог деятельности Виттрина на посту директора Лёбенихтской гимназии, называет его «школьным монархом» в лучшем смысле этого слова (цит. по: [10]). Анализируя его биографию, невозможно не согласиться с этой характеристикой. История жизни От-

¹ В адресных книгах есть примечание «Хаманштрассе 5 — смотри Мюнхенхофплац 8/9». Очевидно, оба адреса относятся к Лёбенихтской гимназии.

то Виттрина, каким бы разносторонним человеком он ни был, в первую очередь говорит о нем как о директоре гимназии, и в этом плане изучение истории его жизненного пути помогает охарактеризовать гимназическое образование в Кёнигсберге на рубеже XIX—XX веков. Через его биографию мы узнаём, как функционировала гимназия, как она росла, насколько была популярна среди учеников и какой след оставила в памяти выпускников. Виттрин предстает перед нами как выдающийся управленец, многое сделавший для развития гимназического образования в Кёнигсберге. Кроме того, он был человеком, сумевшим сделать себе имя в процессе занятия любимым делом. В знак признания больших заслуг он получил звание тайного советника по учебной части [5, S. 341]. К началу XX века это звание утратило первоначальное значение и стало присваиваться просто как титул без обязательного участия в государственном управлении. Виттрину он был присвоен как почетное звание за долгую государственную службу. К обладателю титула, как правило, полагалось обращаться «Ваше превосходительство».

В 1921 году «школьный монарх» выходит на пенсию и перебирается в район Амалиенау (Amalienau) на Хагенштрассе, 81 (Hagen Str.)¹. Точную дату смерти оберштудиендиректора в отставке на данный момент определить трудно. Известно одно: после 1935 года он навсегда пропадает со страниц адресных книг города Кёнигсберга.

Список источников и литературы

1. Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.
2. *Кёнигсберг-Калининград* : иллюстрированный энциклопедический справочник / под общ. ред. А. С. Пржездомского. Калининград, 2006.
3. Лохова Л. В. Страницы прошлого. Кёнигсберг — Калининград. Калининград, 1995.
4. *Adreßbuch der Haupt- und Residenzstadt Königsberg i. Pr.* Königsberg, 1876. Th. 1.
5. *Albinus R.* Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung. Leer, 1985.
6. *Bericht über das Altstädtische Gymnasium zu Königsberg i. Pr von Ostern 1893 bis Ostern 1894 / erstatten von dem Director Dr. H. Babucke.* Königsberg, 1894.
7. *Böhm L.* 550 Jahre Schule in Löbenicht // *Königsberger Bürgerbrief.* 1991. № 37. S. 6—8.
8. *Einweihung der neuen Räume des Löbenichtschen Realgymnasiums // Königsberger Hartungsche Zeitung.* 1914. 12 Juni. Morgenausgabe / Abendausgabe. S. 3.
9. *Faber K.* Die Haupt- und Residenz-Stadt Königsberg in Preussen. Das Werkwürdigste aus der Geschichte, Beschreibung und Chronik der Stadt. Königsberg, 1840.
10. *Grodde W.* “Die Notwendigkeit besserer Erziehung”. Vor 550 Jahren das Löbenichtsche Realgymnasium gegründet // *Das Ostpreußenblatt.* 1991. 17. Aug. № 33. S. 10.
11. *Wittrien O.* Aus der Vergangenheit des Löbenichtschen Realgymnasiums zu Königsberg i. Pr. nebst der Beschreibung des Schulgebäudes: Festschrift zur Einweihung des Erweiterungsbaues am 12. Juni. Königsberg, 1914.

¹ Здание сохранилось, сегодня это д. 91 по ул. Карла Маркса в Калининграде.

Об авторе

Владимир Валерьевич Олексин — специалист по экспозиционной и выставочной деятельности, МАУК «Музей «Фридландские ворота», Калининград, Россия.

E-mail: oleksin2002@mail.ru

V. V. Oleksin

Otto Wittrien — a “school monarch” in the best sense of the word

The article presents the biography of one of the most significant principals in the history of the Löbenicht Gymnasium in Königsberg — Professor of Mathematics, Privy Councillor Otto Wittrien. The period of Wittrien's activity falls on the turn of the 19th—20th centuries. Famous historians pay tribute to him, graduates of Löbenicht Gymnasium kept warm memories about him, information about his biography was found in Königsberg newspapers and address books. As a result of the research, the article gives new facts and events from Wittrien's life.

Keywords: Königsberg, Löbenicht, Löbenicht Real Gymnasium, history of education

The author

Vladimir V. Oleksin, specialist in exposition and exhibition activity, “Friedland Gate Museum”, Kaliningrad, Russia.

E-mail: oleksin2002@mail.ru

От Орши до Калининграда: семейный архив железнодорожника-переселенца А. И. Оскерко

На основе семейного архива охарактеризована трудовая биография железнодорожника-переселенца А. И. Оскерко в период до середины 1950-х годов, когда в основном завершилось становление Калининградской области. Рассмотрено начало его довоенного трудового пути в Орше (Белоруссия), учеба в Московском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта им. Ф. Э. Дзержинского и последующая работа по специальности на Дальнем Востоке в годы войны. Отмечено, что данные этапы трудовой биографии А. И. Оскерко важны для характеристики его социального облика и профессиональной квалификации как переселенца. Уделено внимание переезду А. И. Оскерко в Калининград и его работе в Калининградском отделении Балтийской железной дороги, причинам его перевода на работу в сферу сельского хозяйства и последующей профессиональной переориентации в сторону проектно-конструкторской работы. Завершает рассмотрение семейного архива краткий анализ комплекса документов, связанных с поиском и установлением судьбы довоенной знакомой А. И. Оскерко. Этот сегмент архива характеризует процесс реабилитации жертв политических репрессий в рамках десталинизации советского общества во второй половине 1950-х годов.

Ключевые слова: Орша, Калининградская область, Михаил Иванович Калинин, железная дорога, десталинизация, реабилитация жертв политических репрессий

Изучение первого послевоенного десятилетия Калининградской области предполагает обращение к вопросам экономического восстановления, государственного строительства и общественно-политического развития, демографических процессов и переселенческого движения. Востребована характеристика социального облика первых переселенцев, их жизненного опыта и профессиональной квалификации, а также социокультурной адаптации в новых географических реалиях.

В этом плане семейные (личные) архивы представляют собой хорошее подспорье для историка, помогая выстроить путь к составлению правдивой истории повседневности в ее конкретном событийном наполнении. В большинстве случаев семейные архивы не имеют систематического характера и складываются стихийно, а состав документов в каждом отдельном случае совершенно индивидуален.

Для Калининградской области семейные архивы переселенцев имеют особое значение, поскольку представляют материалы, связанные с рождением и освоением нового советского края. И основным событием, значимым в его истории, стало организованное заселение [7, с. 99].

Это в полной мере подтверждает семейный архив железнодорожника-переселенца Анатолия Иосифовича Оскерко (1905—1984), насчитывающий 65 единиц хранения и поступивший в фонды Калининградского областного историко-художественного музея в январе 2025 года. В нем представлены документы, характеризующие различные периоды трудовой биографии переселенца. Сразу следует оговориться, что под исторический микроскоп попали только те материалы семейного архива, которые связаны с ранним периодом жизни и профессиональной ориентацией А. И. Оскерко, отражают его активную трудовую деятельность до середины 1950-х годов. Изучена также часть личной переписки, связанная с его довоенным прошлым и периодом «оттепели» и десталинизации второй половины 1950-х.

Анатолий Иосифович родился 10 декабря 1905 года (н. ст.) на станции Орша Витебской губернии Белоруссии в семье помощника машиниста паровоза Иосифа Адамовича Оскерко. Он был старшим из шести детей, и, вероятно, именно этим объясняется его позднее поступление в первый класс школы в возрасте 9 лет, совпавшее с началом Первой мировой войны. Надо было помогать матери Варваре Александровне присматривать за младшими и в домашней работе. Учеба в семилетке растянулась на долгие десять лет, которые вместили в себя мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну, военный коммунизм и нэп.

По-видимому, социальный горизонт подростка не ограничивался посещением школы и помощью по дому. Отец знакомил его с железнодорожным хозяйством, а однажды, 12 июня 1919 года, привел на встречу трудящихся Орши с Михаилом Ивановичем Калининым. Сохранилась редкая фотография встречи на фоне вагонов агитпоезда «Октябрьская революция» [6, КГОМ1-19770/1]. Деталь немаловажная, красноречиво свидетельствующая о политической ориентации главы семьи, которая, естественно, была унаследована и старшим сыном. Всероссийский староста говорил о борьбе партии большевиков с хозяйственной разрухой, а также о делах на фронтах Гражданской войны и борьбе с интервенцией [1, с. 13]. Время для оршанских железнодорожников было хлопотное: 8 августа 1919 года польские войска заняли Минск, и приходилось накануне спешно эвакуировать имущество станции и формировать поезд.

Взрослая жизнь для Анатолия началась в 1924 году с окончанием семилетки — вскоре умер отец и пришлось устраиваться на работу, чтобы прокормить семью. Помогли родительские связи, да и особого выбора у паренька не было: чернорабочий на угольном складе, рабочий службы (дистанции) пути и сотрудник слесарной мастерской Оршанского отделения железной дороги — таковы скромные вехи раннего этапа его трудового пути в 1925—1927 го-

дах. Обращает на себя внимание то, что каждая новая должность представляла собой пусть и незначительный, но все же шаг вперед в профессиональном росте.

Эта тенденция была прервана призывом в РККА и службой в 1927—1929 годах в качестве санинструктора 14-го стрелкового полка, дислоцировавшегося в районе Орша — Смоленск, но получила дальнейшее развитие в начале нового десятилетия. Любопытно, что спустя несколько десятилетий первые три года трудового стажа стали предметом оживленной переписки между А. И. Оскерко и органами соцобеспечения Балтийского района Калининграда для назначения различных выплат и определения пенсии. Дело в том, что документальные материалы за довоенный период организаций и предприятий железнодорожного транспорта в пределах границ Белорусской железной дороги не сохранились (погибли) во время немецкой оккупации в 1941—1945 годах, а в графе трудовой книжки «На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)» соответствующая отметка сделана со слов владельца [6, КГОМ1-19770/6].

Между тем в ответном письме Минского отделения архива Белорусской железной дороги содержался совет привлечь соответствующие свидетельские показания для установления стажа работы [Там же, КГОМ1-19770/28]. Учитывая, что в Орше проживал его младший брат Василий Оскерко, поиск нужных свидетелей (Анатолий Владимирович Кордовский, Григорий Николаевич Барсуков, Вера Михайловна Лучиновская) не составил труда. Однако подготовленный ими акт, хотя и имеет некоторые разночтения с автобиографией, отложился в семейном архиве без подписей, поэтому неясно, чем завершилось это дело [Там же, КГОМ1-19770/26]. Нас здесь интересует, конечно, становление профессиональной квалификации будущего железнодорожника-переселенца.

Видимо, служба в РККА сформировала у молодого рабочего понимание того, что без высшего образования сложно рассчитывать на успешную карьеру в провинциальном белорусском городке, и после увольнения в запас он поступает на рабочий факультет Московского индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта, который успешно заканчивает в декабре 1931 года. Выбор следующего учебного заведения — Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта им. Ф. Э. Дзержинского — не был сопряжен с большими размышлениями и сомнениями, Анатолий Оскерко был подготовлен к такому профессиональному выбору своим социальным происхождением и трудовой деятельностью.

Судя по выписке из зачетной ведомости, учеба давалась ему нелегко, и доминирующая оценка была «удовлетворительно» [Там же, КГОМ1-19770/8]. Помимо обязательных дисциплин (политэкономия, диамат, ленинизм и др.), в течение шести лет обучения ему пришлось сдавать экзамены по 44 специальным дисциплинам и выполнить дипломный проект на тему «Реконструкция депо Свердловск в связи с переходом на обслуживание линии паровоза “ФД”»

(Феликс Дзержинский. — *А. М.*)». Двадцать восьмого декабря 1937 года решением ГЭК Анатолию Иосифовичу Оскерко была присвоена квалификация «Инженер-механик по паровозному хозяйству».

Любопытно, что еще до получения диплома он приказом начальника 1-го отделения Паровозной службы Западной железной дороги № 115 от 2 августа 1937 года был назначен на должность инженера по безопасности движения, а уже марте 1938-го направлен служить инженером в паровозное депо ст. Смоляниново Дальневосточной железной дороги. Накануне войны (в феврале 1941 года) Анатолий Оскерко был переведен дежурным инженером на электростанцию Ворошилов-Уссурийский Приморской железной дороги.

Судя по записям в трудовой книжке [Там же, КГОМ1—19770/6], его служба была сопряжена с постепенным приобретением опыта и сменой различных должностей: заместитель начальника колесного цеха паровозо-вагоноремонтного завода, заведующий мерительной лабораторией, инспектор ОТК инструментального цеха... Окончание Великой Отечественной войны застало Анатолия Иосифовича на должности технолога литейного цеха. Такие перемещения, очевидно, вызывались производственной необходимостью, косвенным подтверждением чему служит его награждение в 1944 году значком «Ударник Сталинского призыва» и положительной производственной характеристикой [Там же, КГОМ1-19770/11; КГОМ1-19770/9].

Сложно сказать, что послужило причиной его переезда в Кемерово в сентябре 1946 года. Вероятнее всего, он был направлен туда инженером в составе сводной группы, специалисты которой занимались реконструкцией оборудования котельного и турбинного цехов Кемеровской ГРЭС. Кстати, в Кемерово он встретил своих младших сестер Елизавету и Александру, которые были эвакуированы в 1941 году и осели в центре Кузбасса после войны. Учитывая скоротечность последующих событий, можно утверждать, что пребывание в Кемерово имело определяющее влияние на его дальнейший трудовой путь.

В октябре 1946 года он был уволен по собственному желанию с Кемеровской ГРЭС, а уже в декабре зачислен в штат Калининградского отделения Литовской железной дороги начальником планово-производственного отдела [Там же, КГОМ1-19770/6]. Направление на новое место службы мог выдать только Народный комиссариат путей сообщения, а оформление документов заняло два месяца.

Любопытно, что в новых географических реалиях Анатолий Иосифович продолжил довоенную тенденцию горизонтального социально-профессионального лифта: инженер по ремонту паровозного депо, старший инженер паровозного депо, инженер по безопасности движения поездов при локомотивном отделе НОД-6. Специалистом он был толковым и опытным, но начальником мягким и нетребовательным.

Следует отметить, что, несмотря на структурную подчиненность Калининградского отделения Литовской железной дороге, присвоение персональ-

ных званий лицам начальствующего состава ведомства осуществлялось начальником Западного округа железной дороги на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1943 года. Десятого сентября 1948 года А. И. Оскерко было присвоено звание «инженер-капитан тяги» [Там же, КГОМ1-19770/13].

Восемнадцатого апреля 1950 года в жизни Анатолия Иосифовича произошло важное событие личного плана — он вступил в брак с Надеждой Васильевной (в девичестве Цубе), с которой, по всей вероятности, познакомился на работе. Она также служила в Калининградском отделении Литовской железной дороги бодисткой-телефонисткой, однако еще до заключения брака была уволена в связи с сокращением должности. Здесь исторический интерес представляют прежде всего этнографические аспекты этого брака. Они вполне коррелируют с данными, полученными преподавателями и студентами Калининградского государственного университета от первых переселенцев в ходе интервьюирования, которое проводилось в 1988—1991 годах в ходе реализации проекта по устной истории «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» [3, с. 141—142].

Несмотря на межнациональный характер этого брака (муж — белорус из Орши, жена — украинка из Одессы), каких-либо специфических традиций, свойственных той или иной местности, в семье не придерживались. В начале 1950-х годов проблема выживания людей по-прежнему доминировала, а отсутствие (или дефицит) элементарных материальных условий оставалось мощным сдерживающим фактором для функционирования традиционной народной культуры. По воспоминаниям дочерей, Ирины и Нины (записаны автором 10 сентября 2024 года в Калининграде), родители как-то обмолвились, что свадьбы как таковой у них не было. После росписи в ЗАГСе сделали свадебную фотографию и пошли на работу.

Любопытным эпизодом в трудовой карьере А. И. Оскерко, который хорошо иллюстрирует мобильность рабочей силы и социальные лифты в Калининградской области в первой половине 1950-х годов, является его перемещение в ноябре 1953 года на работу в сельское хозяйство заведующим ремонтной мастерской Садовой МТС в Озёрском районе. Формальным предлогом для перемещения стал приказ начальника Балтийской железной дороги № 1611 от 19 ноября 1953 года, изданный на основании отношения Калининградского областного управления сельского хозяйства № 115 от 14 ноября 1953 года [6, КГОМ1-19770/19]. Первоначальным же импульсом послужило постановление Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», принятое 7 сентября 1953 года.

Причинами серьезного отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства в постановлении названы «неудовлетворительное использование техники... простой машин... низкий уровень инженерно-технической подготовки руководящих кадров МТС» [5]. Следует отметить, что такое усиление тех-

нического потенциала МТС происходило в основном за счет квалифицированных технических специалистов среднего звена различных отраслей промышленности и осуществлялось на временной основе. В августе 1954 года А. И. Оскерко был освобожден от работы в МТС соответствующим приказом Облсельхозуправления [6, КГОМ1-19770/6].

Однако возвращения в Калининградское отделение Балтийской железной дороги не случилось. На несколько лет А. И. Оскерко переходит работать на Калининградский вагоностроительный завод старшим инженером-конструктором ОГК [Там же]. По всей видимости, здесь сыграла свою роль определенная профессиональная переориентация в сторону проектно-конструкторской работы, косвенным подтверждением чему служит его стажировка в Калининградском отделении Лаборатории двигателей Академии наук СССР в 1961 году [Там же, КГОМ1-19770/31].

Кстати, в начале 1957 года в конструкторском отделе старшим инженером-конструктором расчетной группы начинал свой славный трудовой путь Евгений Андреевич Алепин, в будущем крупный ученый, на базе изобретений которого развивается думпкароостроение в Калининградской области и в России в целом [8, с. 83, 85].

Одна из частей архива представляет собой отложившуюся переписку А. И. Оскерко с правоохранительными и судебными учреждениями и частными лицами относительно установления местонахождения и, как выяснилось в ее ходе, судьбы его знакомой по Орше — Нины Сергеевны Дубровской. Фактически эта часть архива соединяет довоенный и послевоенный периоды жизни А. И. Оскерко и косвенным образом связана с историей десталинизации советского общества второй половины 1950-х годов на основе решений XX съезда КПСС.

Семья Оскерко и Дубровских жили на одной улице и дружили с 1920-х годов. Видимо, отношения детей переросли во что-то более серьезное, поскольку они поддерживали переписку и изредка виделись после переезда семьи Дубровских в Брянск. В середине 1930-х годов Нина Дубровская поступила в Ленинградский сельскохозяйственный институт на плодоовощной факультет, но после направления Анатолия Оскерко в 1938 году на Дальний Восток связь и общение были прерваны. Реальные причины этого выяснились намного позднее.

Первые попытки поиска через Центральное справочное бюро Красного Креста успеха не имели, поскольку это учреждение занималось лицами, связь с которыми была утрачена в 1941—1945 годах. Следует отметить, что запрос был сделан в отношении всей семьи Дубровских (трех лиц), а в графе «Национальность» они были указаны как поляки [6, КГОМ1-19770/31/40/41].

Ввиду фрагментарности сохранившейся переписки довольно затруднительно составить точную канву ее развития. Ясно лишь, что ответы различных официальных инстанций давались на соответствующие запросы матери Нины Дубровской, Юлии Мартыновны, и Анатолия Оскерко. В результате они получили ответ, что она была репрессирована и дело в ее отношении пе-

решено военным трибуналом Прибалтийского военного округа 30 октября 1957 года с последующей посмертной реабилитацией [Там же, КГОМ1-19770/60].

Трагические события 20-летней давности развивались стремительно. Нина Дубровская была арестована 9 декабря 1937 года, комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 10 января 1938 года осуждена по ст. 58 п. 6-10-11 УК РСФСР и приговорена к высшей мере наказания, расстреляна в Ленинграде 15 января того же года [4]. Пресловутая «58-я статья» устанавливала ответственность за контрреволюционную деятельность, а конкретизирующие ее пункты предполагали обвинение в шпионаже, пропаганде и агитации с целью свержения Советской власти, распространении (хранении) литературы того же содержания. В свете последующей реабилитации подобные обвинения в отношении студентки плодоовощного факультета сельскохозяйственного института сейчас выглядят нелепыми и дикими. Учитывая ее национальность, вполне можно предположить, что у Н.С. Дубровской нашли «соответствующую» литературу, выражаясь языком того времени, буржуазно-националистической Польши.

Наибольшую ценность в этом сегменте архива представляют не лаконичные ответы соответствующих правоохранительных и судебных органов СССР и РСФСР на запросы А.И. Оскерко, а его переписка с матерью Нины Юлией Мартыновной, которая красноречиво характеризует общественную атмосферу в стране во второй половине 1930-х годов [6, КГОМ1-19770/43].

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать вывод, что архив А.И. Оскерко является интересным, хотя и локальным источником по истории переселенческого движения в Калининградскую область и становления нового советского края в середине прошлого века. Он представляет собой также важную составную часть музейного собрания (фонда) по этой теме и раскрывает понятие мультипровениенции, которая связывает «конкретный документ не только с его создателем, но и с любыми аспектами его создания, хранения или использования» [2, с. 80].

Список источников и литературы

1. *Баренбаум М.Г., Бокштаев В.А., Громаков В.М.* Оршанское локомотивное депо. Минск, 1971.
2. *Иванова О.С.* Метод архивной реконструкции в музееведении (на примере Беларуского музея им. Ивана Луцкевича в Вильно (1921—1945) // *Время музея* : сб. ст. Калининград, 2023. Вып. 6. С. 78—92.
3. *Костяшов Ю.В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.
4. *Ленинградский* мартиролог. URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/person/27021/> (дата обращения: 24.12.2024).
5. *О мерах* дальнейшего развития сельского хозяйства СССР: постановление Пленума ЦК КПСС от 7 сентября 1953 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355213-postanovlenie-plenuma-tsk-kpss-7-sentyabrya-1953-g-o-merah-dalneyshego-razvitiya-selskogo-hozyaystva-sssi#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 24.12.2024).

6. *Фонды* Калининградского областного историко-художественного музея.
7. *Эйдельман И.И.* Из истории формирования фондового собрания Калининградского историко-художественного музея // *Время музея* : сб. ст. Калининград, 2018. Вып. 1. С. 95—110.
8. *Юрченко Э.В.* Инженер-конструктор Е. А. Алепин — «застрельщик» технического прогресса (по материалам собрания Калининградского областного историко-художественного музея) // *Время музея* : сб. ст. Калининград, 2021. Вып. 4. С. 83—99.

Об авторе

Александр Сергеевич Макарычев — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Калининградский областной историко-художественный музей, Калининград, Россия.

E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

A. S. Makarychev

From Orsha to Kaliningrad: Family archive of the railway worker-resettler Anatoly I. Oskerko

The article, based on the family archive, describes the work biography of the railway worker-resettler Anatoly I. Oskerko until the mid-1950s, when the formation of the Kaliningrad Oblast was basically completed. The study examines the beginning of his pre-war career in the city of Orsha (Belarus), his studies at the Moscow Electromechanical Institute of Railway Engineers named after F. E. Dzerzhinsky, and subsequent work in his specialty in the Far East during the war. The author notes that these stages of the work biography of Anatoly I. Oskerko are important for description of his social image as a resettler and professional qualifications. Particular attention is paid to the move of Anatoly I. Oskerko to Kaliningrad and his work on the Kaliningrad branch of the Baltic Railway, the reasons for his transfer to work in agriculture and subsequent professional reorientation towards design and engineering work. The consideration of the family archive is completed by a brief analysis of a set of documents related to the search and determination of the fate of Anatoly I. Oskerko's pre-war acquaintance. This segment of the archive describes the process of rehabilitation of victims of political repression as part of the de-Stalinisation of Soviet society in the second half of the 1950s.

Keywords: *Orsha, Kaliningrad Oblast, Mikhail I. Kalinin, railway, de-Stalinization, rehabilitation of victims of political repression*

The author

Dr Aleksandr S. Makarychev, Senior Researcher, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia.

E-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

**Архивные источники по истории организаций
управления народным хозяйством
Калининградской области периода ее становления**

Рассмотрен потенциал архивных источников (сосредоточенных в Государственном архиве Калининградской области) для выявления и изучения состава учреждений и организаций, действовавших в Калининградской области в период ее становления. Значительное количество подобных структур существовало непродолжительное время и не успело (или такая задача не ставилась) обзавестись фондом в архиве. Автор предлагает возможные пути поиска этих источников.

Ключевые слова: Калининградская область, государственные учреждения СССР, управление народным хозяйством, архивоведение

История Калининградской области как российского (и советского) региона охватывает менее 80 лет, тем больше оснований приглядеться к ней внимательнее. Понятно, что и этот короткий по историческим меркам период охвачен исследованиями неравномерно и очевидный приоритет принадлежит первым годам ее становления.

Между тем именно первые пять-десять лет становления Калининградской области по-прежнему выделяются множеством если не «белых пятен», то по крайней мере недосказанностей, в ряде случаев проявляющихся особенно ярко. Когда необходимо установить факты начала существования того или иного предприятия, организации, учреждения, зачастую оказывается, что несмотря на короткий временной горизонт данные найти удается не всегда.

В чем здесь проблема? Чисто объективно можно было бы сослаться на то, что Государственный архив Калининградской области (ГАКО) был образован лишь в 1949 году, а начало работы большинства учреждений приходится на самые первые годы советской власти в самом западном регионе. Само собой, послевоенная необустроенность, вплоть до нехватки бумаги и пишущих машинок, нераспределенность обязанностей по документированию тех или иных процессов, особенности становления самой системы государственных органов (с учетом их текущей реорганизации в рамках союзной системы) — все это влияло на сохранность документации как на этапе ее создания, так и при передаче ее на постоянное хранение.

Кроме того, некоторые процессы, происходившие в организации архивного дела в СССР, также предопределяли состав фондов — дел, хранящихся в ГАКО. Поэтому неудивительно, что розыск приказа о создании той или иной школы, выявление назначения на должность руководителя значимой структуры (регионального уровня), а то и установление факта существования какой-либо организации порождают отрицательные ответы архивов на соответствующие запросы.

Что следует предпринять в подобной ситуации? Вероятнее всего, следует осуществлять поиск по косвенным признакам или упоминаниям соответствующих структур (с лицами, понятное дело, сложнее) в документах общего, в особенности учетного, характера, претендовавших на максимальную полноту охвата имевшихся объектов. Автор статьи не ставит целью решить все возможные проблемы, но считает важным обозначить некоторые пути их решения, основываясь, в том числе на собственном опыте работы с архивными документами.

Налицо интерес со стороны самих организаций к тому, чтобы знать не только собственную историю, но и историю своих предшественников. Безусловно, в архивы продолжают поступать социально-правовые запросы лиц, требующих справки о своем трудовом стаже и начисленной заработной плате; со временем их дополняют генеалогические и биографические запросы. Но самое главное: относительно небольшой размер области и неплохо сохранившаяся документация позволяют реконструировать историю советского «менеджмента» — управления хозяйством, тесно связанного с управлением всеми общественными процессами, что важно в масштабах не только одного нашего региона.

Правда, ситуация усугубляется в связи с еще одним важным обстоятельством. Становление системы как управляющих организаций в области, так и промышленных предприятий предполагало, что все воссоздаваемое «впишется» в общесоюзную схему министерств (совсем недавно реорганизованных из народных комиссариатов), управлений, трестов, зональных объединений под соответствующими областными наименованиями (некоторые, как «Кенигсбергэнерго» [2, ф. Р-281, оп. 2, д. 4, л. 3], успели отметиться под старыми наименованиями, но большинство возникало как «калининградские»). Между тем в стране постоянно происходила реорганизация управления на всех уровнях. Причем объяснялось это не только окончанием войны и необходимостью переориентации отраслей (так, наркомат танкостроения превратился в министерство транспортного машиностроения [3, с. 229]), но и постоянным поиском модели управления, которая не была до конца выработана в предвоенные годы: в создании пресловутой «административно-командной системы управления хозяйством» СССР был первопроходцем, и готовых рецептов на все случаи жизни не имел.

В канун переименования области в Калининградскую и издания считающегося в нашей области эпохальным постановления Совета министров СССР № 1522 [5] о ее заселении было заявлено о создании трех новых общесоюз-

ных министерств — продовольственных резервов, материальных резервов и трудовых резервов [3, с. 392, 397, 406]. В приказах областного управления по гражданским делам это нашло отражение в виде указания на создание соответствующих областных структур. О каких резервах шла речь? Летом 1946 года уже просматривались контуры будущей «холодной войны», и создание резервов — продовольствия, материальных (под ними понимались прежде всего топливные — уголь, нефть и производные), трудовых (молодые кадры работников с профессиональными навыками, которые в случае необходимости можно было использовать в промышленности и на транспорте с минимальной подготовкой) — было необходимым шагом. Понятно, что для новой области, только начавшей формировать свое население, такая задача если и ставилась на перспективу, то не могла быть оперативно решена на фоне ряда других проблем. Однако специальных оговорок для отдельных регионов не делалось.

Подобных реорганизаций в первые послевоенные годы было немало, ряд министерств просуществовал в течение очень небольшого периода, а в 1953 году практически все подверглись серьезной реорганизации (объединению), после чего уже в самом конце того же года началось их восстановление в прежнем или близком к нему виде, в котором они и «дотянут» до хрущевских совнархозов, созданных реформой 1957 года. Обо все этом приходится напоминать в связи с тем, что в Калининградской области создание той или иной управленческой структуры и подчинение ей предприятий происходило в условиях текущих реорганизаций и осуществлялось не с учетом специфических условий вновь создаваемой анклавной (для РСФСР) области, а исходя из существовавших в конкретный момент реалий. Придумывать что-то особое казалось нерациональным хотя бы потому, что перестраивать было еще нечего.

Все эти факторы не могли не сказаться на ситуации с архивными документами, точнее, с их организацией по фондам и, можем лишь предположить, отбором на хранение и последующей сохранностью.

Сразу оговоримся, что оснований для больших претензий к сотрудникам первых архивов в области нет. Ведомственная система организации управления, при которой вышестоящие организации могут находиться вне пределов области или иметь подчинение, не предполагающее передачу текущей документации в областной архив, создавала существенные сложности для поиска информации последующими исследователями. Добавим к этому обстоятельству, при которых управляющие документы, поступавшие в областные, городские, районные органы власти и передаваемые затем в архив как отдельные дела, списывались с хранения как дублетные: в фондах породивших их центральных учреждений они оставались и передавались на постоянное хранение. Так, в фонде калининградского управления по сбыту нефтепродуктов (относившегося к Министерству материальных резервов) за 1940-е годы крайне мало документов: представлены, например, переписка с центральными структурами, наставления по технике безопасности и бухгалтерские документы, связанные с ликвидацией учреждения [2, ф. Р-187, оп. 6с].

Понятно, что крупные предприятия, просуществовавшие всю советскую эпоху и продолжающие работать сегодня, как правило, имеют свои фонды. Повезло и некоторым предприятиям, переставшим существовать ранее (как, например, катушечная фабрика [Там же, ф. Р-16]). Как ни странно, но аграрные структуры (колхозы, совхозы и ликвидированные в 1958 году машинно-тракторные станции), хотя и не все, имеют свои фонды, количественно превосходящие число фондов промышленных предприятий.

Наверное, еще хуже дела обстоят с предприятиями сферы услуг. В масштабах всей страны архивисты дискутировали, нужно ли сохранять документы столовых, прачечных, ателье проката [1, с. 126—131]. Резонный аргумент «Места для хранения не хватит» всегда разбивается о другой — можно полностью утратить память о каких-либо социальных явлениях, без которых картина эпохи будет неполной. Наверное, еще более актуален этот вопрос применительно к учреждениям культуры, здравоохранения, образования. К слову, многие городские школы Калининграда сталкиваются с проблемой, когда они не могут отыскать в архивах приказ о собственном создании, и дату юбилея организации приходится определять по каким-то косвенным данным.

Вместе с тем в ГАКО, как и в большинстве региональных архивов, сколько-нибудь значимых катаклизмов в послевоенную эпоху не наблюдалось, так что большая часть документации, предписанной к постоянному хранению, осталась в составе его фондов. Наверное, наилучшей с точки зрения полноты и сохранности следует признать систему партийной документации. До 1991 года она накапливалась архивом при обкоме и райкомах КПСС, затем перешла под эгиду Центра хранения и изучения документов Новейшей истории Калининградской области и в конце концов осела в фондах ГАКО. Сохранившиеся протоколы бюро и пленумов районных и городских комитетов партии, как правило, включают в себя информацию обо всех промышленных предприятиях, располагавшихся на их территории, а значит, и о фактах их существования и успешности производственной деятельности, причем, что немаловажно, в режиме «реального времени»: если предприятие только восстанавливалось и предусматривалось к вводу, вынужденно прекратило свою деятельность или каким-то образом обратило на себя внимание партийного начальства, это находило свое отражение в обсуждении на соответствующих совещаниях. Другое дело, что далеко не все хозяйствующие субъекты могли оказаться в сфере партийного контроля на момент проведения любого из подобных форумов.

Определенный интерес представляет документация плановых органов, прежде всего облплана. Несмотря на то что речь в ней должна была идти о грядущих успехах, основания для будущего брались из достигнутых показателей и тенденций ускорения / замедления за предшествующие годы. Правда, на областном и районном уровнях хорошо отражены показатели развития сельского хозяйства (урожайность, поголовье, объем заготовленных кормов [2, ф. Р-514, оп. 1, д. 12, 42, 51 и др.]) и данные о жилищном строительстве и

социокультурном развитии. Промышленность представлена в основном местная, что отчасти уже потому, что в большинстве своем небольшие предприятия либо перестали существовать (как, например, сульфитно-спиртовые заводы [Там же, ф. Р-3, 368, 518], создававшие в довоенный период сырье для синтетического горючего и некоторое время, до 1948 года, проработавшие в области), либо влились в состав более крупных предприятий. Однако плановые показатели чаще представлены общими данными, выраженными в стоимости валового продукта, а не в названиях конкретных заводов.

Что же в таком случае сказать о многочисленных магазинах (не говоря уже о ларьках) различной ведомственной принадлежности (не только военторга)? А ведь были еще так называемые гортопы и райтопы — организации, призванные заготавливать, транспортировать и передавать в пользование граждан уголь, торф и дрова [Там же, ф. Р-75, оп. 1, д. 1, л. 51—56]. Напомним, во многих районах Калининграда от автономных котельных в подвалах домов отказались лишь в текущем столетии, а многие двухэтажные дома довоенной постройки вплоть до 1990-х годов отапливались угольными котлами. Помимо жилищно-коммунальных функций гортопы выполняли вполне производственные задачи. Еще больше вопросов вызывает существование различных заготовительных и снабженческих контор, организованных по функциональному либо ведомственному признаку. Большая часть из них прекратила существование в 1950-х годах. В 1960 году согласно постановлению, принятому четырьмя годами ранее [6], во всей РСФСР были ликвидированы артели производственной кооперации. В плане сохранности документов им повезло больше — существуют фонды структур, которые ими непосредственно управляли (Центросоюз и руководивший артелями инвалидов Коопинсоюз), а также специального уполномоченного по делам таких артелей в области, хотя даже из этих документов не всегда удается узнать дату окончательного упразднения или перепрофилирования каждой из артелей.

Наиболее полную картину, дающую горизонтальный хронологический срез народно-хозяйственного комплекса Калининградской области, могли бы обеспечить документы областного управления статистики. Конечно, и здесь крупные предприятия (например, завод № 820 — будущий судостроительный завод «Янтарь») могут быть не представлены ввиду ведомственной подчиненности и понятной непубличности основных показателей, однако есть особые документы, позволяющие добраться до информации о конкретных хозяйствовавших субъектах. К таковым можно отнести материалы различных всесоюзных переписей (подчеркнем: речь не идет о переписях населения, которые до 1959 года в послевоенной стране не проводились). Это переписи скота, торговые переписи, переписи плодово-ягодных насаждений и, что самое важное, переписи административного и технического персонала в предприятиях и учреждениях [2, ф. Р-181, оп. 8, д. 55—63]. Как и любые статистические мероприятия, переписи проводились с целью получить реальную картину дел для принятия дальнейших управленческих решений. Если в слу-

чае с сельскохозяйственными животными или растениями речь могла идти о базе для работы заготовителей и фискальных органов с торгующими организациями, в частности выработки ценовой политики, то административный персонал переписывался именно в целях выявления работников, которых можно было бы перенаправить на производственные нужды, в том числе для более эффективного использования фондов оплаты труда.

При проведении подобной переписи в январе 1947 года (она уже становилась предметом рассмотрения [4, с. 40—41]) государство предложило всем учреждениям заполнить бланки с указанием названия учреждения, ведомственной подчиненности, адреса и точного количества штатных работников с разделением по 43 позициям [Там же, с. 51—53]. Итоговые сводки содержали перечни учреждений по основным сферам деятельности с суммарными показателями всех работников и занятых в административной и вообще непромышленной сфере. Понятно, что Калининградская область продемонстрировала весьма нестабильную картину. Так, только количество школ (как русских, так и немецких) постоянно менялось по месяцам, несмотря на продолжавшийся учебный год [7, с. 14—25]. Работники также могли переходить из одного учреждения в другое с учетом того, что новых структур (особенно управленческих) становилось все больше. Еще раз отметим, что предприятия, ориентированные на военную промышленность, или восстановленные целлюлозно-бумажные комбинаты в статистику не попадали, хотя хозяйства их отделов рабочего снабжения (ОРСы) в отчетах представлены [2, ф. Р-181, оп. 8, д. 54, л. 8 об.]. Тем не менее даже при отсутствии в архивных документах ряда учреждений мы получаем списки организаций, позволяющие представить себе, что в области уже функционировало или предполагалось в таком качестве.

Аналогичная перепись была проведена в 1955 году: форма бланка изменилась, количество итоговых форм добавилось, как и количество позиций для заполнения отдельными организациями. Если перепись 1947 года заняла 9 томов архивных дел вместе с итоговыми материалами, то в 1955-м — 10 только первичных листов [Там же, оп. 12, д. 449—458]. Еще одна перепись, проведенная между двумя указанными, в 1949 году, заняла целых 16 томов [Там же, оп. 8, д. 229—244]. Справедливости ради следует добавить, что административные работники переписывались еще и в 1963 году, однако сохранившиеся бланки дают информацию по управлениям и объединениям предприятий и организаций — проследить отдельные структуры там невозможно [Там же, оп. 15, д. 921—923]. Безусловно, встает вопрос о сопоставимости данных переписей, который, увы, положительно не решается.

Кроме того что множество организаций появилось, объединилось, сменило ведомственную принадлежность, сложности добавляются за счет многочисленных переименований и переездов (причем в большинстве случаев адреса расположения структур не указаны или обозначен только населенный пункт). Обратим внимание и на то, что некоторые учетные переписью пред-

приятия так и не заработали: вопрос о целесообразности восстановления немецких производственных мощностей решался «по обстоятельствам». Так, из восьми переписанных пивзаводов (у которых уже оформлялся управленческий штат) лишь три превратились в работающие структуры [Там же, оп. 8, д. 244, л. 67—69]. Еще более интересна ситуация с маслосырзаводами, которые представляли собой небольшие маслобойни и сыроварни. Они «выявлялись» на протяжении всего 1946 года (возможно, и позже), по мере того как переселенцы в сельскую местность обнаруживали оставленные трофеи. Маслозаводам присваивались номера (вплоть до трехзначных) [Там же, оп. 8, д. 58, л. 122], однако сложности с поиском запчастей и организацией работы приводили к тому, что от их дальнейшей эксплуатации отказывались. Подобная ситуация складывалась и с небольшими предприятиями по производству стройматериалов.

Обращаясь к истории промышленности, следует отметить еще один интересный источник — перечень предприятий местной промышленности 1956 года с ведомственной принадлежностью (включая совхозы), претендующий на исчерпывающий характер [Там же, оп. 15, д. 5, л. 1—43]. Здесь по крайней мере можно говорить об устоявшейся картине, которая позволяет целенаправленно искать следы ранней истории включенных в этот список предприятий и отслеживать их дальнейшую судьбу в свете последующих реорганизаций. Понятно, что огромное количество управленческих контор к этому времени прекратило свое существование, но документы предприятий могут помочь установить факты их деятельности.

Таким образом, ситуация с общим составом предприятий и организаций Калининградской области в первое десятилетие ее становления не выглядит удручающей: факты существования учреждений прослеживаются в различных архивных документах. Другое дело, что исчерпывающего ресурса, который мог бы давать однозначные ответы о сроках функционирования той или иной организации, нет. Необходимость в нем существует, во-первых, для обеспечения эффективности выполнения архивных запросов и, во-вторых, в целях сохранения социальной памяти — памяти о людях, воссоздававших Калининградскую область.

Список источников и литературы

1. Бурова Е. М., Алексеева Е. В., Афанасьева Л. П. Архивоведение (теория и методика). М., 2012.
2. Государственный архив Калининградской области.
3. Коржихина Т. П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 — декабрь 1991 г.). М., 1994.
4. Полх П. П. Перепись административно-управленческого персонала 1947 года — специфический источник по истории становления Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград, 2023. Вып. 19. С. 40—54.

5. *О первоочередных мерах по заселению районов и развитию сельского хозяйства в Калининградской области: постановление Совета министров СССР №1522 от 9 июля 1946 г.* URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4605.htm?ysclid=m7hgsnqm6i165870577 (дата обращения: 15.12.2024).

6. *О реорганизации промысловой кооперации: постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР №474 от 14 апреля 1956 г.* URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355239> (дата обращения: 15.12.2024).

7. *Фуксон Л.М., Кретинин Г.В.* Сразу после войны. Создание и становление системы народного образования Калининградской области в 1945—1950 гг. Калининград, 2005.

Об авторе

Павел Петрович Полх — кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: pav-polkh@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8099-2614

P. P. Polkh

Archival sources on the history of organisations of economy management of the Kaliningrad Oblast in the period of its formation

The article examines the potential of archival sources (stored in the State Archive of the Kaliningrad Oblast) for identification and study of the composition of institutions and organisations operating in the Kaliningrad Oblast during its formation. A significant number of such structures existed for a short period and did not have time (or such a task was not set) to acquire a fund in the archive. The author suggests possible ways to find them.

Keywords: *Kaliningrad Oblast, state institutions of the USSR, national economy management, archival science*

The author

Dr Pavel P. Polkh, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: pav-polkh@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8099-2614

**Легкопромышленные объекты промысловой кооперации
Калининградской области во второй половине 1940-х — 1950-е годы**

Описаны объекты промысловой кооперации, которые создавались в Калининградской области начиная с первых послевоенных лет. В частности, рассмотрены промышленные артели, занимавшиеся производством изделий легкой промышленности и обслуживавшие местное население (химическая очистка одежды, индивидуальный пошив, ремонт обуви). В целом изучено формирование и дальнейшая работа легкопромышленных объектов промысловой кооперации Калининграда и области вплоть до ликвидации отрасли в конце 1950-х годов в связи с преобразованиями на общесоюзном уровне и передачей всех предприятий в ведение государственных органов. На основе анализа архивных материалов, сделан вывод о том, что промысловая кооперация сыграла немаловажную роль на начальных этапах развития промышленности региона. Отрасль оказала соответствующую помощь местной промышленности в удовлетворении потребностей населения в товарах народного потребления. В то же время постепенное создание новых артелей способствовало выполнению государственных планов по формированию на территории региона сети объектов, предоставлявших различные бытовые услуги местному населению.

Ключевые слова: Калининградская область, промысловая кооперация, послевоенный период, промышленные артели, легкая промышленность

Введение

Промысловая кооперация Калининградской области представляла собой сеть небольших объектов, в основном промысловых артелей, занятых в производстве продукции различных отраслей, в том числе товаров народного потребления, и обслуживании местного населения.

Во второй половине 1940-х годов в Калининградской области были организованы различные артели. Бесспорно, многие из них имели легкопромышленное производство, представленное небольшими объектами и мелкими мастерскими.

Артели стали одними из первых местных промышленных предприятий, которые выпускали товары (в том числе легкой промышленности) и предоставляли услуги (индивидуальный пошив, ремонт, химчистка) для жителей области.

Цели статьи — охарактеризовать процесс создания и развития артелей промысловой кооперации Калининградской области, связанных с легкопромышленным производством; определить роль промысловой кооперации в развитии промышленности региона и удовлетворении нужд местного населения.

Для достижения целей поставлен ряд задач: изучить на основе архивных материалов становление промысловой кооперации в области; описать проблемы, с которыми столкнулась данная отрасль в процессе своего развития; охарактеризовать промышленные артели, занимавшиеся производством одежды, обуви, галантереи и других товаров легкой отрасли промышленности.

В ходе исследования были изучены документы фонда «Совет промысловой кооперации Калининградской области» [1], которые хранятся в Государственном архиве Калининградской области. В частности, использованы материалы приказов и производственных планов по Управлению промысловой кооперации (УПК), справки и докладные записки о работе промкооперации, протоколы собраний Совета промысловой кооперации.

В историографии выделяются статьи П.П. Полха [4; 5], в которых уделено внимание условиям формирования и функционирования кооперативных учреждений области в первые послевоенные годы. Автор не только рассмотрел специфику государственной политики в отношении промкооперации, но и охарактеризовал влияние экономических и социальных факторов на развитие данной сферы. В его работах упомянуты и некоторые артели, которые занимались легкопромышленным производством и обслуживанием местного населения.

Первые послевоенные годы

Непосредственная организация артелей промысловой кооперации в Калининградской области началась в 1946 году [5, с. 81]. Первые артели были созданы в областном центре, а затем уже в большинстве городов региона.

Управление артелями промысловой кооперации осуществлялось через Совет промысловой кооперации Калининградской области, существовавший с 18 мая 1946 по 27 сентября 1960 года [1, д. 1, л. 1]. Этот орган власти должен был оказывать всестороннюю помощь артелям, в частности в решении вопросов планирования, финансирования, снабжения сырьем и реализации продукции. Однако с этим нередко возникали проблемы.

По состоянию на 15 августа 1946 года промкооперация области характеризовалась следующими показателями.

1. В начале развития промысловых артелей количество рабочих на 90% составляло немецкое население, проживавшее в городах и районах только что образованной области.

2. Изначально было организовано 11 промартелей.

3. Основной профиль производства артелей — ремонт и пошив обуви и одежды.

4. Непосредственно в областном центре были образованы три Кёнигсбергские (Калининградские) промартели — 1-я, 2-я и 3-я. Помимо прочих они включали швейную, кожеобувную (сапожную) и корзино-щеточную мастерские.

5. Приказом Областного управления по гражданским делам только в 8 районах области из 14 было разрешено организовать на базе существовавших производственных мастерских промысловые артели [Там же, д. 1, л. 1—7; д. 3, л. 8—28].

В целом с конца весны по конец осени 1946 года промартели были созданы практически во всех городах области. Всего в артелях начали функционировать 13 швейных мастерских, 14 сапожных, 1 корзино-щеточная и 1 трикотажная [Там же, д. 3, л. 25].

В легкопромышленном направлении артели области работали в кожевенном, меховом, прядильном деле, текстильно-ткацком, швейном, трикотажном и галантерейном сегментах [Там же, л. 8]. Все это говорит о довольно широком спектре деятельности промысловых артелей.

Меры, принимаемые руководством страны и области, последовательное решение проблем, а также активное развитие региона и труд советских рабочих привели к тому, что Совет промысловой кооперации Калининградской области в 1947 году объединял уже 22 артели промысловой кооперации [Там же, д. 12, л. 13].

Проблемы в развитии отрасли

Тем не менее в развитии промысловой кооперации области имелось небольшое количество проблем. Конъюнктурный обзор (описание условий, при которых протекает деятельность предприятия) по выполнению плана системы промкооперации Калининградской области за пять месяцев 1947 года свидетельствует о том, что производственная деятельность системы характеризовалась серьезным отставанием от производственного плана по валовой продукции. Государственное задание было реализовано лишь на 46%. Из имевшихся на 1 июня 1947 года промысловых артелей ни одна не достигла запланированного результата. В среднем показатели по артелям составляли от 15 до 60%. Некоторым артелям удалось достигнуть и более высоких значений (к примеру, «Красному швейнику» — 82,7%). В то же время задание по выпуску ширпотреба в сумме 3900 руб. было выполнено отраслью в объеме 1706,5 руб., или 43,7% [Там же, л. 17—22] — весьма плачевный показатель.

Основными причинами неэффективной работы системы промысловой кооперации Калининградской области были следующие.

Неудовлетворительное руководство системой со стороны Управления промысловой кооперации (УПК). Подбору руководящих кадров не уделялось должного внимания. Из-за нехватки в области квалифицированных кадров на посты нередко ставились случайные люди [Там же, л. 19]. В результате в ар-

телях наблюдались массовые хищения денежных средств и кооперативной собственности, что подрывало финансовое состояние всей промысловой системы и негативно отражалось на производственной деятельности.

Низкая трудовая и производственная дисциплина, отсутствие требовательности к руководителям низового звена, семейственность, круговая порука и пьянство [5, с. 85—86]. Все это способствовало развалу системы и приводило к срыву выполнения производственного плана. В результате в 1947 году все руководство УПК было отдано под суд.

Еще одной существенной проблемой было *отсутствие квалифицированной рабочей силы на объектах промысловой кооперации*. На тот период основную массу рабочих составляло немецкое население, демонстрировавшее низкий уровень производительности труда [1, д. 12, л. 19—20]: немцы привыкли быть кустарями и частными ремесленниками, а не рабочими в коллективном производстве.

Отчасти производственный успех имели швейные и обувные промышленные направления. Это объяснялось тем, что немалое количество местных немцев по своей профессии были портными и сапожниками [Там же, л. 20]. Однако проблему полностью решить не удавалось, а после депортации немецкого населения она даже обострилась. Таким образом, еще одна причина низкой эффективности системы промкооперации — *текучесть рабочей силы*. Мало того что немецкое население выехало в Германию, так еще и советские граждане в силу различных причин (плохие условия труда, неравномерный график работы, низкая заработная плата, переезды ввиду личных обстоятельств, отсутствие хорошей социальной инфраструктуры) не стремились закрепиться в артелях на длительный срок работы [5, с. 84, 88].

Система промысловой кооперации области не располагала достаточными производственными площадями. Особенно остро это сказывалось на работе артелей, расположенных в Калининграде [1, д. 12, л. 20]. Артели не имели закрепленных за собой производственных помещений, а без этого УПК не могло производить затраты на капиталовложения. В то же время без выделения фондовых средств артели не могли нормально функционировать и развиваться, в том числе организовывать свою производственную территорию. Разорвать этот порочный круг было весьма непросто.

Оборудование артелей отличалось крайней скудостью. Немало оставшихся после войны станков и производственных машин было вывезено и продано за пределы области прежним руководством в целях спекулятивной наживы. Фиксировались и случаи поломки оборудования работниками вследствие незнания особенностей эксплуатации и правил работы с машинами и станками, доставшимися от предшественников [Там же, л. 21].

Остро стоял вопрос сырьевой базы. По существу, на тот период система промысловой кооперации ее еще не имела. Основное сырье, получаемое артелями в централизованном порядке, поставлялось на производство неравномерно. При этом выделенный фонд сырья был весьма незначительным. Вме-

сте с тем большая его часть предназначалась для ремонтно-реставрационных работ в кожевенно-обувном и швейном производстве, ориентированном исключительно на бытовое обслуживание населения — ремонт и пошив изделий [Там же, л. 22].

В конъюнктурном обзоре был зафиксирован и рост числа артелей. Однако этот процесс происходил за счет *разукрепления (разрушения внутренних связей) действующих артелей с целью их специализации*, что было преждевременным и чреватым неблагоприятными последствиями [Там же]. Были образованы карликовые и маломощные артели, неспособные нормально функционировать и реагировать на изменявшиеся условия, что резко снизило выполнение производственного плана и предопределило убыточность артелей.

Таким образом, некомпетентность руководства, несвоевременность принимаемых мер, попустительство и отсутствие должного контроля привели в 1947 году к колоссальному паданию производительности и работоспособности артелей. Политика разукрепления была пересмотрена, и итогом стало объединение артелей или включение одних артелей в состав других. Важно, что на этот раз рассматривался каждый отдельный случай, взвешенные решения выносились с учетом различных показателей. Так, например, в Советске были объединены артели «Победа» и «Знамя Победы» [Там же, д. 131, л. 20—21]. Это решение было целесообразным, потому что артели имели одинаковые производственные направления, но из-за своей «карликовости» работали по отдельности из года в год убыточно. Вместе же они получали больше шансов на успешную работу и могли легче справляться с разными трудностями. Повышалась их работоспособность, что влияло на рост объемов производства.

Артели: выпуск товаров народного потребления

В 1950-е годы специализация легкопромышленных артелей сохранялась в основном на швейно-трикотажном и кожевенно-обувном производстве. Действовало немало артелей, в круг задач которых входило, помимо прочего, легкопромышленное производство и обслуживание населения. Приведем ряд примеров.

1. «Швейник» (товары детского ассортимента), «Труд» (чулочно-носочные изделия, головные уборы и обувь — чуни резиновые, сандалии, кирзовые сапоги), «Труд инвалида» (кожаная обувь и одежда, бумажники, ученические портфели), «Красный швейник» (строчевышивные изделия и головные уборы, детская обувь и галантерея из рогокопытного сырья) в Калининграде [Там же, д. 37, л. 12—13, 112—113 об., 151—152; д. 125, л. 99].

2. «Знамя Победы» и «Победа» в Советске. До объединения они занимались выпуском простых изделий домашнего обихода. «Победа» изготавливала ковры, головные уборы, игрушки, осуществляла химчистку и окраску одежды [Там же, д. 37, л. 113].

3. «Звезда» (химчистка и окраска) и «Путь в коммуну» (швейные изделия) в Черняховске.

4. «Универсал» в Зеленоградске (швейные изделия).

5. «Искра» в Багратионовске (пошив детских платьев из поплина и различных салфеток по индивидуальным заказам).

6. «Смычка» в Правдинске (головные уборы и швейные хлопчатобумажные изделия).

7. «Восход» в Мамоново (женские туфли, шила; ремонт мужских костюмов и детских платьев).

8. «Прогресс» в Гвардейске (детские костюмы и кепки; обувь; вожжи, постромки и пуговицы) [Там же, л. 112—113].

9. «Красный октябрь» в Полесске (изготовление и ремонт хлопчатобумажных детских платьев, поясов, головных уборов, в том числе шапок-ушанок, суконных беретов; производство ковриков, резиновых сапог и бурок) [Там же, л. 112 об].

11. «Слава» в Озёрске, «Вперед» в Славске, «Красный партизан» в пос. Большаково выпускали и ремонтировали обувь, занимались индивидуальным пошивом одежды, а артель «Маяк» в Пионерском также занималась химчисткой и окраской [Там же, д. 3, л. 1—7, 74—77; д. 37, л. 112—114, 151—152; д. 248. л. 1—2].

Наиболее же продуктивными, то есть передовыми, артелями в швейном производстве легкой отрасли промышленности региона были «Швейник» и «Красный швейник», которые отличались перевыполнением планов производства [Там же, д. 37, л. 12].

Новый этап

Дальнейшее функционирование промысловой кооперации было отмечено процессом объединения ряда маломощных отдельных артелей с районными (РПК) и городскими (ГПК) промышленными комбинатами. Так, в соответствии с решением Калининградского облисполкома от 1 апреля 1955 года № 298 в системе Калининградского облпромсовета 5 артелей («Смычка», «Искра», «Промкооператор», «Слава» и «Строитель») в силу крайней маломощности и убыточной работы были объединены с РПК местной промышленности [Там же, д. 142, л. 26—27]. Эти меры позволили сохранить производство промышленной кооперации, рабочие места и сделать артели более устойчивыми к различным материально-финансовым трудностям.

В 1959 году особую роль для промкооперации сыграл XXI съезд КПСС [Там же, д. 204, л. 11—12], который сделал ставку на значительное повышение благосостояния народа и «решающий шаг в создании материально-технической базы коммунизма» [6]. Съездом было особо отмечено, что значительное место в деле производства товаров широкого потребления и удовлетворения нужд населения занимает именно местная и кооперативная промышленность [2].

Решения съезда были подкреплены постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1959 года «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения». К примеру, предлагалось в несколько раз увеличить количество предприятий, предоставлявших бытовые услуги. Артелям разрешили выкупать арендуемые ими здания, получать кредиты в Сельхозбанке с единовременными затратами до 800 тыс. руб. на срок от 1 до 6 лет под строительство пунктов бытового обслуживания, а также приобретать в розницу инструменты, запасные детали, нитки, бортровку (плотную льняную подкладочную ткань), пуговицы, краски [3, с. 561—564].

В итоге большинство артелей уже в первом полугодии добились улучшения в своей работе. Безусловно, положительное влияние на это оказало и техническое, а также технологическое развитие артелей. Не последнюю роль сыграла активность и инициатива рабочих коллективов, взявших на себя повышенные социалистические обязательства. Так, план 7 месяцев 1959 года в целом по системе был выполнен на 106%. Сверх плана удалось произвести товаров на 1,9 млн руб., таким образом увеличив выпуск продукции по сравнению с 1958 годом почти на 6 млн руб. Хорошей работой отличились артели «Труд», «Труд инвалида», «Победа», «Швейник», «Балтшвей» [1, д. 131. л. 3; д. 204, л. 11—12].

На 30% вырос объем ремонтно-бытовых работ, выполненных артелями. В результате план бытового ремонта был выполнен на 114% [Там же, л. 13]. Помимо этого, значительно увеличилось производство ковров, швейных, трикотажных, а также галантерейных изделий. И хотя различные проблемы сохраняли актуальность, артели продолжали функционировать.

Тем не менее переход производственных объектов от промкооперации к ГПК и РПК, закрытие нерентабельных артелей вели к повсеместному свертыванию этой формы организации производства. Артели стали считаться недостаточно эффективными для решения новых задач быстрого экономического роста и создания мощного промышленного потенциала, необходимого для строительства коммунистического общества. А главное, промысловые артели рассматривались как пережиток прошлого, связанный с мелкобуржуазной собственностью и индивидуализмом. Их существование противоречило идеям коллективизма и общественной собственности, которые лежали в основе советской экономической модели.

«Дольше всего держались артели в швейной промышленности, да и то до тех пор, пока не создавались государственные предприятия, принимавшие к себе и производственную базу, и штат артелей» [4, с. 171].

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что промысловые артели Калининградской области, хотя и не сыграли первостепенную роль в промышленности области, все же внесли свой вклад в развитие края. Безусловно, швейные и

обувные артели были первыми в удовлетворении нужд населения области (выпуск товаров, оказание услуг) на местах в период с конца 1940-х по конец 1950-х годов, до образования основных легкопромышленных фабрик, когда на смену кустарщине пришли более современные технологии производства. Все артели были в большей или меньшей степени полезны не только на начальных, но и на последующих этапах существования области. Объекты промысловой кооперации оказали помощь предприятиям местной промышленности в производстве товаров народного потребления, а также стали промышленной основой для части будущих фабрик легкой отрасли края.

Тем не менее со временем артели стали считаться малоэффективными и менее современными формами хозяйствования. Необходимость ускорения экономического роста и укрепления коллективистских принципов также диктовала свои условия развития промышленности. В результате в ходе преобразований 1956—1960 годов еще действовавшие артели были переданы государственным предприятиям. А сам Совет промысловой кооперации Калининградской области был ликвидирован в 1960 году в связи с упразднением всей промысловой кооперации.

Список источников и литературы

1. *Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-519 (Совет промысловой кооперации Калининградской области). Оп. 3.*
2. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 9 : 1956—1960.*
3. *О мерах по улучшению бытового обслуживания населения : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР №245 от 6 марта 1959 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. док. за 50 лет : в 5 т. М., 1968. Т. 4 : 1953—1961 гг. С. 559—564.*
4. *Полх П. П. Женщины и становление промкооперации в Калининградской области в 1945—1960 годах // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII Междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН : в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкарева, И. О. Дементьев, М. Г. Шендерюк. Калининград, 2019. Ч. 1. С. 169—172.*
5. *Полх П. П. Учреждения кооперации инвалидов в Калининградской области в 1946—1953 гг. // Калининградские архивы. Калининград, 2021. Вып. 18. С. 79—90.*
6. *Прохоров А. М. Двадцать первый съезд КПСС // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1972. Т. 7. С. 568.*

Об авторе

Никита Германович Лузянин — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0001-7504-6922

E-mail: n-luzyanin@mail.ru

N. G. Luzyanin

Objects of industrial cooperation in light industry in the Kaliningrad Oblast
in the second half of the 1940s — 1950s

The article deals with the objects of industrial cooperation of the Kaliningrad Oblast, which originated in the region during the initial post-war years. In particular, the study considers industrial artels, which were engaged in the production of light industry products and served the local population (chemical cleaning of clothes, individual tailoring, shoe repair). In general, the research covers the formation and further work of the objects of cooperation in light industry of the Kaliningrad Oblast up to the liquidation of the branch in the late 1950s due to the transformations at the All-Union level and the transfer of all enterprises to the jurisdiction of state bodies. By means of the analysis of archival materials, the author concludes that the industrial cooperation played an important role in the initial stages of industrial development in the region. The industry provided appropriate assistance to the local industry in meeting the needs of the population in consumer goods. At the same time, the gradual establishment of new artels contributed to the fulfilment of state plans to form a network of facilities providing various household services to the local population.

Keywords: *Kaliningrad Oblast, industrial cooperation, post-war period, industrial artels, light industry*

The author

Nikita G. Luzyanin, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0001-7504-6922

E-mail: n-luzyanin@mail.ru

**Озеро на острове, гребной канал вместо реки:
архитектурно-планировочные решения центра Калининграда
(рубеж 1960—1970-х годов)**

Рассмотрены градостроительные планы Калининграда рубежа 1960—1970-х годов — времени начала строительного бума в городе. Охарактеризованы проекты Центральной площади с доминантой — Домом Советом, а также проектные работы участников закрытого конкурса 1972 года по разработке проекта планировки и застройки центра. Изложены причины, по которым проекты остались нереализованными.

Ключевые слова: градостроительство, архитектура, советская история, Дом Советов, Калининград

В 1968 году известный советский художник Ю. И. Пименов в серии «Свидания» нарисовал картину: «Калининград. Дождь». На переднем плане за накрытым столиком ресторана сидит пара немолодых седовласых людей, а в окне позади них видны возвышающиеся руины похожего на крепость сооружения. Принимая во внимание название картины и исторический контекст, очевидно, что Ю. И. Пименов абстрактно изобразил руины Кёнигсбергского замка, чье сохранение вызвало дискуссию в среде профессионального сообщества архитекторов, представителей общественности, областных и городских властей (см.: [21]).

Исследователи творчества художника сошлись на том, что пейзаж на картине символизировал прошлое, и в том числе личные переживания современников Ю. И. Пименова, связанные с войной [18, с. 36; 11, с. 37]. В то же время сюжет картины, по словам Г. С. Кирилловой, был характерен для духовной атмосферы рубежа 1960—1970-х годов, когда «люди вновь и вновь вспоминают о войне, сознавая свой долг перед современностью», «когда поднимается ответственность каждого человека не только за личное, но и за общественное» [11, с. 38].

Похожая риторика сопровождала всю градостроительную историю Калининграда: неизменно подчеркивалась высокая степень разрушения города¹, ставшая, помимо прочего, ценой победы в Великой Отечественной войне, а благоустройство, постепенная ликвидация руин и строительство зданий были

¹ Вместе с тем часто встречающееся в литературе утверждение о совокупном разрушении на 90 % или полном уничтожении города неверны, см.: [13, с. 97—98].

отчасти формой почитания воинского подвига. К примеру, литератор Н. Тихонов в 1974 году писал, что, увидев разрушенный замок, он «радостно удивился той силе, которая разгромила это вековое черное гнездо угнетателей», и, описывая градостроительные успехи города, свидетелем которых он стал, отмечал, что «люди нового, социалистического общества, отдав должное героям, проливающим здесь кровь и освобождавшим эту землю от ига фашизма, преобразовали всю область во имя свободы и справедливости» [20, с. 26]. Таким образом, война в некоторой степени соотносилась с личным трагическим прошлым, а современность — с актуальным общественным благом.

Вместе с тем вплоть до конца 1960-х годов война была не только воспоминанием, но и частью повседневного жизненного опыта жителей города. Так, в 1961 году, как сообщал горожанин В. Новиков, каждому калининградцу были знакомы вопросы от жителей других регионов СССР: «А, так вы — из Калининграда? Много у вас еще развалин осталось?» [14]. По свидетельству первого секретаря обкома Н. С. Коновалова, в городе на момент появления полотна Ю. И. Пименова «в значительной мере не устранены последствия войны» [2, д. 39, л. 2].

В 1964 году московский институт планирования городов «Гипрогор» разработал второй генплан Калининграда, в основу которого был положен микрорайонный принцип застройки с укрупненной сеткой улиц, который было возможно реализовать только на свободных от руин территориях [7, с. 186—187]. Именно этот утвержденный проект исключал из центра оставшиеся после войны фрагменты замка, рядом с которыми среди прочих зданий должен был быть возведен Дом Советов, предусмотренный еще первым генпланом 1953 года. После окончательного решения вопроса о судьбе руин началась реализация программы по возведению крупного административного здания, которому предстояло определить обновленный облик Калининграда.

В июле 1966 года горисполком запросил разрешения Совета министров РСФСР и Госстроя РСФСР на составление индивидуального проекта Дома Советов силами Центрального научно-исследовательского института экспериментального проектирования зрелищных предприятий и спортивных сооружений им. С. Мезенцева Госгражданстроя (ЦНИИЭП)¹.

Необходимость возведения в Калининграде Дома Советов заместитель председателя облисполкома Г. Дружинин обосновывал в письме к Госстрою рядом аргументов. Среди них, в частности, было указание на то, что здания руководящих органов рассредоточены по всему городу, устарели технически, некомфортны, их архитектурный облик не отвечает требованиям современного градостроительства [5, оп. 8, д. 1912, л. 36—38].

Параллельно с московскими специалистами ЦНИИЭПа в 1966—1967 годах архитектуру калининградского Дома Совета концептуализировал местный институт «Калининградгражданпроект», чей проект центра города был

---

¹ Руководителем рабочей группы стал архитектор Ю. Л. Шварцбрейм. В коллектив также входили Л. В. Мисожников, Ю. А. Моторин, Г. А. Кучер.

утвержден Совмином летом 1967 года. При этом на рассмотрение компетентного органа власти было представлено три варианта центра. Все они предусматривали, что будущая главная административная площадь будет располагаться на высоком цоколе, мыслившемся как «видовая площадка» над поймой реки, где, в свою очередь, должен был быть разбит сквер, построены детский спортивный комплекс и, позднее, центральный стадион. При планировании сохранялась и благоустраивалась исторически сложившаяся радиально-кольцевая структура города [19].

Разительным отличием трех вариантов центра стал облик Дома Советов. В одном случае он был решен в форме восьмиэтажной пластины¹, в другом — в виде 16-этажного полого внутри куба на зауженном основании, позволяющем геометрической фигуре визуально «парить в воздухе», в третьем он был частью ансамбля из трех разновысотных (от 16 до 36 этажей) строений [Там же]. На заседании Совмина предпочтение было отдано первой версии административного здания. Именно на основании проекта, подготовленного «Калининградгражданпроектом», в дальнейшем специалисты должны были разрабатывать чертежи отдельных зданий. Однако большинство строений осталось на бумаге, другие же, включая Дом Советов, были реализованы в иных формах².

Московская команда ЦНИИЭПа около года работала над проектом. Результатом ее деятельности, по выражению исследователя архитектуры Калининграда М. Поделя, стал «синтез всех трех вариантов», разработанных ранее «Калининградгражданпроектом»: как в первом варианте калининградцев, Дом Советов московских архитекторов был монолитен; в то же время, как во втором варианте, благодаря узкому основанию он был «плавающим»; при этом он основывался на форме квадрата и, как в третьем варианте, с разных точек зрения распадался на несколько частей [22, S. 270].

Разработки ЦНИИЭПа были рассмотрены калининградскими специалистами на заседании градостроительного совета при главном архитекторе 20 августа 1968 года и удостоились неоднозначных оценок. Например, архитектор Ю.М. Ваганов отметил, что «попытка решить здание скульптурно» интересна, но проект «сырой», так что его нельзя согласовать. Другие указали на

---

¹ Однако в этом варианте в центре Калининграда доминировал не Дом Советов, а 24-этажное здание управлений и проектных организаций министерств морского флота и рыбного хозяйства, на крыше которого предполагалось смонтировать маяк — символ города-порта. Также рядом предусматривались памятник Победы и музей Великой Отечественной войны. В конструкции последнего была интегрирована юго-западная башня Кёнигсбергского замка, руины которого к этому времени уже начали демонтировать.

² Первоначально для калининградского Дома Советов предполагался проект здания, разработанного московским ЦНИИЭПом для Перми, в основу которого, как в первом варианте «Калининградгражданпроекта», была положена форма пластины [5, оп. 8, д. 1912, л. 48—50].

отсутствие решения системы подъезда к зданию, маршрутов для пешеходов, инженерных сетей. Однако начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры облисполкома В. А. Харламов обратил внимание коллег на то, что без утверждения проекта невозможно начать строительство Дома Советов в ближайшем будущем. Того же мнения придерживался главный архитектор города Ю. К. Покровский, предложивший «согласовать представленный проектный материал с последующим предоставлением проектного задания в полном объеме» [6, д. 164, л. 31—32].

Хотя материалы москвичей были отправлены на доработку, уже в октябре 1968 года Министерство строительства СССР согласовало проект здания, разработанного ЦНИИЭПом [5, оп. 9, д. 74, л. 29], а в первые недели 1969 года калининградцы узнали, как будет выглядеть главная доминанта центра города на грядущие десятилетия [9; 12].

Возведение Дома Советов началось в 1970 году и продолжалось активно несколько лет. Однако в конце 1978 года в соответствии с указанием управления делами ЦК КПСС доленое участие обкома партии в строительстве административного здания было прекращено. Более того, выделенные ранее 851 тыс. руб.¹ надлежало вернуть в бюджет ЦК КПСС [5, оп. 10, д. 206, л. 353].

Впоследствии на темпы стройки главного административного здания области повлияли постановления центральных партийных и государственных органов 1980—1981 годов об ограничении строительства административных, зрелищных и спортивных зданий и сооружений в первой половине грядущего десятилетия² в связи с фокусом на финансировании объектов, имеющих «первостепенное народнохозяйственное значение, а также жилых домов, объектов просвещения и здравоохранения» [15; 16]. Эти же запреты негативно отразились на реализации планов застройки центра Калининграда ансамблем культурных и общественных зданий, включавшим в том числе областную библиотеку, концертный зал, межрейсовый дом отдыха моряков, цирк и др. [8].

В январе 1972 года был объявлен закрытый конкурс на разработку проекта планировки и застройки центра. Следует отметить, что конкурсная практика для архитектурного сообщества была традиционной. Однако если в начале истории советского государства, в 1920-е годы, она, как считает историк искусства И. А. Казусь, являлась «стержнем формирования направленности советской архитектуры» [10, с. 116], то с десятилетиями, по мнению культуролога Т. Ю. Прудниковой, вместо «революционного» эффекта в ней стали нарастать обратные тенденции «выхолощенности» и «унификации» [17, с. 123].

¹ Для сравнения: сметная стоимость строительства Дома Советов в 1981 году оценивалась в 5,4 млн руб. [5, оп. 10, д. 625, л. 221].

² На темпы строительства Дома Советом также повлияли Олимпийские игры 1980 года. М. Подель писал, что «из-за концентрации государственных расходов на спортивные сооружения в Москве была введена пятилетняя остановка строительства общественных зданий, включая Дом Советов в Калининграде» [22, S. 296].

Конкурс 1972 года был инициирован горисполкомом и мотивировался во внутренней документации тем, что в «Калининградгражданпроекте» «отсутствуют специалисты градостроительного профиля», а вопрос проекта планировки, застройки и благоустройства центра так и «остался не решенным» [6, д. 205, л. 212]. В прессе же сообщалось, что необходимость конкурса была обусловлена нормой проверки идей городского планирования и необходимостью «сопоставлять их с требованием времени, чтобы не упустить новое, рожденное современной практикой градостроения» [8].

Общая проектируемая территория была обозначена границами Литовского Вала — ул. Дзержинского — проспекта Калинина — ул. Железнодорожной — Гвардейского проспекта¹ и составляла 960 га. Общее планировочное решение центра исходило из утвержденного Совмином в 1967 году генплана [6, д. 277, л. 22].

В положении конкурса для его участников предусматривалась необходимость учета «наиболее ценного из сохранившейся и вновь возникшей (после войны. — С. Ф.) застройки», разработка единого планирования левого и правого берега реки, а также создание очередного проекта центральной площади города [3, д. 60, л. 1 об.].

Свои проекты на суд жюри во главе с заместителем председателя Госстроя РСФСР В. А. Петербуржцевым и секретарем правления Союза архитекторов СССР Н. Н. Улласом представили пять проектных институтов. Работы различались по радикальности, учету особенностей городского ландшафта и выполнению обозначенных в положении требований².

Так, ЛенНИИП градостроительства предложил организовать на острове мемориальный комплекс, который занял бы всю его западную часть. Однако «гипертрофированность эспланады» задуманного мемориала и в целом «излишняя геометричность и жесткость построения» большинства комплексов центра, по мнению экспертов, «не гармонировали с природной средой, отличающейся мягкостью и живописностью» [Там же, л. 2].

Проект Московского архитектурного института Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР был не менее сложным. Специалисты выдвинули идею ликвидировать реку Старая Преголя и создать вместо нее гребной канал, достигающий длины 1800 м, и ряд «живописных озер». Вдобавок предусматривалось уничтожение юго-восточного отрезка старого вального кольца³, что жюри посчитало неприемлемым, а сам план с каналом «нервальным», охарактеризовав весь проект как «абстрактный» [Там же, л. 2 об.].

---

¹ Таким образом, территория соответствовала границам Второго вального кольца Кёнигсберга, сформированного во второй половине XIX века.

² К архивному делу эскизы проектов не приложены. Также их не удалось обнаружить в фондах строительных и управляющих строительством организаций, поэтому описание проектов приводится только по тексту решения жюри.

³ На данном участке располагались инженерные сооружения бывшего Хабербергского фронта, бастион «Прегель», Фридландские ворота.

ЦНИИЭП зрелищных предприятий и спортивных сооружений, занимавшийся разработкой проекта Дома Советов, представил проект, которым предполагалось «практически уничтожить центральный остров, создав на его месте озеро», где на небольшом участке суши сохранился бы Кафедральный собор. На слиянии старой и новой Преголи планировалось «огромное зеркало воды»¹, в самом широком² пространстве которого следовало построить эстакадный мост. Жюри также отметило, что лучше всего ЦНИИЭПом был решен проект площади с Домом Советов, но более чем половина территории (500 га), обозначенной условиями конкурса, вовсе не была учтена в проекте [Там же, л. 3 об. — 4].

Среди участников конкурса был также институт «Калининградгражданпроект». Замысел местных проектировщиков заключался в упорядочении существующей застройки, зонировании центра и создании новых жилых массивов. При этом предлагалась плотная застройка берега реки, а Кафедральный собор восстанавливался. Жюри подчеркнуло, что проект «отличается реалистичностью решений», но при этом «не представляет творческого интереса» [Там же, л. 2 об.]. И тем не менее он был отмечен второй премией [4, д. 112, л. 4].

Выше всех других был оценен проект «Гипрогора» Госстроя РСФСР. Экспертов подкупили грамотное зонирование территории³, использование природного ландшафта, решение вопросов транспорта, комплексность подхода и учет перспективных возможностей развития города. При наличии недостатков⁴ общая концепция была названа «привлекательной», что, на взгляд жюри, «на данный момент является значительным достижением» [3, д. 60, л. 3—3 об.].

По результатам конкурса жюри рекомендовало в течение 1973 года поручить разработку окончательного проекта планировки и застройки центра на принципах, отвечающих условиям конкурса, институту «Гипрогор» с привлечением авторов проекта из института «Калининградгражданпроект». Участие локальных специалистов было с одобрением встречено Калининградским отделением Союза архитекторов СССР. Председатель профессиональной организации В. Г. Еремеев после изучения проекта «Гипрогора» с удовлетворением подчеркнул, что планировочное решение «значительно приблизилось к проекту калининградских архитекторов», добавив, что «стано-

---

¹ Площадью около 17 га.

² По оценке жюри, проектируемая ширина водной глади в 5—6 раз превосходила бы русло реки, находившееся в непосредственной от него близости.

³ Предполагалось проектирование в центре административной, торговой, культурно-просветительской, спортивной, мемориальной и жилой зон.

⁴ Среди них, например, было предложение разместить на Центральной площади высотное здание, значительно превосходившее строившийся Дом Советов, а также объемное здание Дворца спорта и др.

вится ясным, что, только работая непосредственно в городе, учитывая масштаб города, постоянно растущее требование застройки центра, можно создать в реальный обозримый период новый центр нашего города» [4, д. 112, л. 19]. Доработанный проект детальной планировки центра был обсужден 2 июля 1975 года на заседании Государственного комитета Совета министров РСФСР по делам строительства [6, д. 267, л. 3—5].

Вопрос о центре Калининграда с самого начала советской истории города стоял остро, его решение было сопряжено с рядом экономических и политических проблем. К концу 1960-х годов, когда по большей части была преодолена руинированность, увеличились мощности строительной отрасли и решилась многолетняя проблема с замком, концепция нового центра города не была сформирована. Этому мешало отсутствие единого четкого видения перспективы у властей, длительность разработки планов, которые к тому же стремительно устаревали, нехватка кадров, сложная коммуникация между институциями, ответственными за градостроительство, а также, как указывают архитектор О.И. Васютин и публицист А.Н. Попадин, «зависимость архитектора от логики стройиндустрии» и практика «упрощения» проекта в процессе строительства [1, с. 114].

Прибегнув к разработке архитектурно-планировочного решения центра Калининграда на конкурсной основе, власти последовали многолетней традиции. Основные положения конкурса свидетельствовали о стремлении горисполкома и сообщества архитекторов сформировать продуманную единую структуру центра, соответствующую передовым градостроительным нормам того времени. При этом в фокусе внимания организаторов оставались сохранение индивидуального облика города за счет использования богатого природного ландшафта и учет принципов довоенной застройки, в том числе объектов бывшего Второго вального кольца. Экстравагантные концепции участников конкурса должны были реализовать идеи уникальности проектируемого центра Калининграда. Вместе с тем смелость проектных решений была частью самого формата архитектурного конкурса.

На судьбу строительства Дома Советов и проекта центра города с несколькими архитектурными комплексами повлияла и общесоюзная политика в строительной отрасли 1970—1980-х годов, задачами которой, среди прочего, стало повсеместное удовлетворение спроса на жилье, а также подготовка, проведение и урегулирование финансовых последствий Олимпиады-80. В результате ряд запланированных зрелищных, культурных и административных зданий в центре Калининграда, которые позволили бы сформировать уникальный образ города, остался лишь в виде проектов бумажной архитектуры.

Список источников и литературы

1. *Васютин О., Попадин А.* Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945—1990 годы) // Слово. ру: балтийский акцент. 2013. Т. 4, № 1. С. 97—123.

2. *Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. П-1 : Калининградский областной комитет КП РСФСР. Оп. 42.*
3. *ГАКО. Ф. Р-130 : Калининградский проектный институт гражданского строительства, планировки и застройки городов и поселков «Калининградгражданпроект». Оп. 1.*
4. *ГАКО. Ф. Р-135 : Калининградская организация Союза архитекторов СССР. Оп. 1.*
5. *ГАКО. Ф. Р-297 : Калининградский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет.*
6. *ГАКО. Ф. Р-522 : Архитектурно-планировочное управление Калининградского горисполкома. Оп. 1.*
7. *Губин А., Салахов В. Калининград: восстановление и строительство // Запад России. 1996. № 1 (15). С. 180—192.*
8. *Еремеев В. Устремленный в будущее // Калининградская правда. 1972. 5 нояб. С. 4.*
9. *Завтра улицы Московской // Калининградская правда. 1969. 21 февр. С. 4.*
10. *Казуль И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М., 2009.*
11. *Кириллова Г. С. Юрий Пименов (1903—1977). Л., 1980.*
12. *Коновалов Н. С. Развитие Калининграда — наше общее дело // Новатор строительства. 1969. 7 янв. С. 2.*
13. *Манюк Е.С. Советское градостроительство в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда в 1945—1950-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2015.*
14. *Новиков В. Самая западная // Калининградская правда. 1961. 17 окт. С. 3.*
15. *Об ограничении строительства в 1981—1985 годах административных и общественных зданий и сооружений: постановление Совета министров РСФСР от 24 июня 1980 года № 330. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2582554> (дата обращения: 25.01.2025).*
16. *О дальнейшем ограничении строительства в 1981—1985 годах административных, зрелищных и спортивных зданий и сооружений : постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 августа 1981 года № 780. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765705142> (дата обращения: 25.01.2025).*
17. *Прудникова Т.Ю. Архитектурный конкурс в контексте «кумулятивизма» (на примере конкурсов на проект реконструкции и застройки проспекта им. И. В. Сталина 1940—1950-х гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 119—130.*
18. *Сидоров А. Ю. Юрий Иванович Пименов. М., 1986.*
19. *Соскин Л. Таким будет центр Калининграда // Калининградская правда. 1967. 12 июля. С. 3.*
20. *Тихонов Н. В самой западной // На обновленной земле. Калининград, 1974. С. 26—28.*
21. *Фостова С.А. Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950—1960-е годы (Из фондов Государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы. Калининград, 2015. Вып. 12. С. 179—204.*
22. *Podehl M. Architektura Kaliningrada: Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde. Marburg, 2012.*

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-5634-166X

E-mail: fostsa@gmail.com

S. A. Fostova

A lake on an island, a rowing canal instead of a river: Architectural and planning solutions for the centre of Kaliningrad (late 1960s — early 1970s)

The article considers the urban planning plans of Kaliningrad in the late 1960s and early 1970s, the time of the beginning of the construction boom in the city. The purpose of the study is to characterise the projects of the Central Square headed by the House of Soviets, as well as the design work of participants in a closed competition in 1972 to develop a design for the layout and construction of the centre. The research explains reasons why the projects remained unrealised.

Keywords: *urban planning, architecture, Soviet history, House of Soviets, Kaliningrad*

The author

Dr Suzanna A. Fostova, Junior Researcher, Centre for Historical Memory Studies, Institute of Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-5634-166X

E-mail: fostsa@gmail.com

**Краеведческие инициативы культурно-исторического общества
«Возрождение» и культурно-исторического центра
(историко-археологического музея) «Пруссия» (1988—1995)**

По материалам интервью участников, архивных документов и официальной прессы охарактеризована краеведческая деятельность неформальных объединений, действовавших в Калининградской области в 1980—1990-х годах, — культурно-исторического общества «Возрождение» и группы «Пруссия». Описаны направления этой деятельности, изучены примеры взаимодействия указанных групп с общественными и государственными объединениями. Во второй половине 1980-х начался процесс институционализации альтернативных практик в области истории и культуры. Поэтому история рассматриваемых общественных групп может выступать в качестве барометра изменения публичного пространства в годы Перестройки.

Ключевые слова: неформалы, Перестройка, краеведение, «Возрождение», фонд культуры, «Пруссия», Фридрихсбургские ворота

«Возрождение» и «Пруссия» — молодежные объединения, появившиеся в Калининграде в конце 1980-х годов. Их члены принимали активное участие в заседаниях краеведческого клуба, созданного при Государственном архиве Калининградской области (ГАКО), в инициативах областного отделения Советского фонда культуры, музея И. Канта при Калининградском государственном университете (КГУ). Они занимались поисковыми и восстановительными работами, целью которых было сохранение памятников истории и культуры Калининградской области.

Эпоха Перестройки позволяла искать и находить ответы на вопросы об истории региона, в том числе периода до 1945 года. Для большого количества общественных групп и единичных акторов открылось «окно возможностей» для исследования истории и культуры края. Перестройка стала периодом институционализации альтернативных краеведческих практик [6, с. 205]. С утверждением Секретариатом ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и Министерством культуры СССР в мае 1986 года «Положения о любительском объединении, клубе по интересам» у неформальных групп возникла возможность использовать площадки государственных институтов для контактов с их представителями [4, с. 9; 19, с. 5]. В результате стали множиться группы, стремившиеся сохранять памятники истории и культуры. Этот импульс привел в краеведческое движение молодых людей — неформалов, открывавших для себя историю края.

ГАКО стал важной площадкой, где собирались молодые краеведы. Не последнюю роль сыграли материалы и документы частной коллекции А. П. Бахтина (1949—2023). Они стали подспорьем для составления справок и проведения консультаций в архиве, прежде всего для студентов-историков и инициативных краеведов [12, с. 126—127].

Важным звеном в реализации инициатив обеих краеведческих групп — «Возрождения» и «Пруссии» — было областное отделение Советского фонда культуры, учредительная конференция которого состоялась 13 ноября 1987 года. С программным докладом выступил возглавивший фонд писатель и общественный деятель Ю. Н. Иванов (1928—1994). Он заявил о проектах, направленных на изучение истории до 1945 года [10, с. 37]. Во время встреч дискуссионного клуба фонда проявилось стремление краеведческих групп к объединению. Первая попытка такового состоялась еще в 1988 году в форме предложения создать одну из секций фонда культуры [Там же; 11].

В том же направлении действовал Калининградский клуб краеведов, созданный в сентябре 1990 года. Именно его активисты еще в 1988 году пытались создать единую краеведческую группу при фонде культуры [11]. На встречи клуба в ГАКО приходили калининградские краеведы, в числе которых были и участники объединений «Пруссия» и «Возрождение» А. А. Валувев и Н. А. Чебуркин [8, с. 10]. В сентябре 1989 года на одном из заседаний общества «Возрождение» было предложено создать фронт «по охране и пропаганде памятников, связанных с историческим прошлым края» [5, д. 4, л. 14]. Среди участников встречи присутствовали архитектор Ю. И. Забуга (выступавший за восстановление Кафедрального собора), фотограф архива А. П. Бахтин, неформал А. Селизаров, представлявший клуб «Пруссия».

Культурно-историческое общество «Возрождение» было организовано в 1988 году Юрием Нуштаевым при «Молодежном центре» фонда молодежных инициатив Ленинградского райкома ВЛКСМ, но через несколько месяцев отмежевалось от него [1]. В состав группы входили интересовавшиеся историей края учащиеся школ, политехникума и университета, молодые рабочие. Встречи проходили в Калининградском политехникуме под руководством преподавателя В. Ситовенко. Работа началась со сбора фотографий видов города. Группа намеревалась собрать их в альбом-каталог [Там же].

Культурно-исторический центр «Пруссия» был зарегистрирован 20 февраля 1990 года при фонде культуры [8, с. 1]. Эта была одна из двух рабочих групп объединения «Пруссия», которая занималась реставрацией Фридрихсбургских ворот. В этом деле активистам центра помогало то, что с конца 1990 года региональные власти стали ориентироваться не только на учет и сохранение памятников истории и культуры, но и на их восстановление [13, с. 97]. Вторая рабочая группа «Пруссии» — историко-археологический музей — курировала работу неформального музея по довоенной истории, созданного при Доме офицеров. Директором культурно-исторического центра стал А. А. Валувев, машинист железнодорожного крана 11-го механического строительного завода [8].

Опираясь на материалы периодической печати, можно определить цель общества «Возрождение» как «пропаганду и сохранение остатков культуры и истории Восточной Пруссии, сохранение историко-культурного наследия народов, живших на территории Калининградской области» [1]. Участник группы, студент КГУ В. Батищев предлагал способы достижения этой цели: распространение исторических знаний среди калининградцев, содействие выявлению, сохранению и восстановлению памятников истории и культуры, природно-ландшафтных зон, просветительская работа, связанная с возвращением исторических названий улиц [Там же].

О задачах «Пруссии» в своей программной статье на страницах главной областной газеты писал А. А. Валуев [2]. Он осудил ход работ над Фридрихсбургскими воротами в прошлом (см.: [3]) и отметил, что центр взял на себя задачи по реставрации совместно с группой по охране памятников при управлении культуры облисполкома и при поддержке областного архитектурного управления. Были обозначены три необходимые меры для спасения памятника. Во-первых, окончательное выселение арендатора здания — автоколонны № 1114, руководство которой отличалась легкомысленным отношением к эксплуатации ворот. К примеру, в воротах была сделана душевая комната автоколонны, для чего на крыше памятника была размещена емкость для воды [Там же]. Во-вторых, установление охранной зоны, что пытался осуществить «Калининградгражданпроект» еще с 1988 года, и в-третьих, перенесение дороги, проходившей у западной стены ворот.

Более точные данные о цели и задачах объединения «Возрождение» можно получить из документов группы, датированных 1989 годом. В конце весны обозначился перелом в деятельности «Возрождения». Объединение избрало нового председателя — Н. А. Чебуркина, под руководством которого стали оформляться протоколы заседаний [5, д. 4, л. 15]. В ГАКО хранится устав объединения [5, д. 1]. Он был принят на заседании членов общества. Точная дата принятия в документе отсутствует. Однако 27 июня 1989 года прошла встреча с И. Журбой, заведующей отделом культуры горисполкома, с целью регистрации «Возрождения» [Там же, д. 4, л. 7]. В ходе беседы «возрожденцы» узнали о необходимости предоставления ряда документов о деятельности группы. В протоколе заседания по вопросу об этом писалось: «необходимо предоставить устав». О регистрации группы при отделе культуры облисполкома из документов неформалов неизвестно. Можно заключить, что разработка основного документа объединения приходилась на период весны — лета 1989 года. В общих положениях устава были указаны задачи: изучение всех народов, живших на территории Калининградской области, сохранение особенностей архитектурно-природного облика и пропаганда наследия среди населения [5, д. 1].

Общество «Возрождение» и центр «Пруссия» были активными инициаторами краеведческих проектов. Для центра главным среди них стала реконструкция Фридрихсбургских ворот. Члены «Пруссии», по словам А. А. Валу-

ева, продолжали работать над реконструкцией до 1995 года, устраивая субботники по расчистке завалов и противоаварийным работам. Автоколонна больше не располагалась в здании. Были устранены протечки крыши, на деньги Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры (ВООПИиК) подготовлен проект для подключения ворот к инженерным сетям, разобраны пристройки автоколонны, законсервирована разрушенная башня. Дорогу также удалось передвинуть. Проем ворот с западной стороны члены «Пруссии» заделали, прикрепив фальш-ворота [8, с. 1—5].

Одной из важнейших акций «Возрождения» стало участие в общественной дискуссии о переименовании улицы Жданова в областном центре. После выхода постановления ЦК КПСС «Об отмене правовых актов, связанных с увековечением памяти А. А. Жданова» было инициировано обсуждение на страницах областной печати [14; 16]. Предлагались два варианта переименования улицы — в память литовского поэта Кристионаса Донелайтиса или немецкого композитора Иоганнеса Брамса. В феврале 1989 года комиссия рассмотрела более трехсот писем и петиций. На завершающем этапе жителям города предлагалось выбрать между Брамсом и космонавтом Виктором Пацаевым [15]. В этой ситуации члены «Возрождения» обратились с открытым письмом [5, д. 5, л. 1] в отдел культуры горисполкома Калининграда. Они призвали не искать альтернативу принятому жителями решению и отмечали, что имя Брамса соответствовало историческому названию (Brahms-Straße). По мнению авторов письма, имя улицы «созвучно» ее музыкальному облику: обилию исторических зданий, сохранившемуся мосту с барельефами над Парковым ручьем. Письмо подписали 406 человек, многие из них — городские неформалы [Там же, л. 2—8]. По итогам посвященного переименованию заседания исполкома в областной газете вышел краткий отчет заведующей отделом культуры горисполкома И. Журбы [20]: улица получила имя Брамса.

Члены «Пруссии» участвовали и в других реставрационных проектах. А. А. Валуев, например, помогал в работе по возрождению Кафедрального собора, в частности искал артефакты для музея [8, с. 9]. Последнее — не случайность: к тому моменту у неформалов «Пруссии» уже был опыт организации музейного пространства и археологических изысканий. Для этих нужд и был создан историко-археологический музей при объединении «Пруссия». Важным стало знакомство с руководителем Балтийской археологической экспедиции В. И. Кулаковым, инициатором создания музея [Там же, с. 10]. Это знакомство способствовало накоплению неформальной археологической коллекции, включавшей материалы раскопок экспедиции В. И. Кулакова под городом Пионерским и предметов из его личной коллекции, материалы собственных раскопок А. А. Валуева под руководством В. И. Кулакова и находок, собранных после расчистки русла Преголи.

В коллекции неформалов были рисунки друга А. Валуева С. Сараева, фотографии старого города и исторические карты, предоставленные А. П. Бахтиным, а также фотографии гравюр из Валленродской библиотеки, которые передала О. Ф. Крупина (1926—2004), руководившая кабинетом-музеем

И. Канта при КГУ [Там же, с. 3]. А. А. Валуев с улыбкой вспоминает, как в 1992 году музей, разместившийся в Доме офицеров, посетила ответственная за областную культуру заместитель главы администрации области И. С. Кузнецова, ставившая в пример Историко-художественному музею работу «Пруссии» [Там же, с. 6]. Планировалось, что экспозиция будет временной, затем ее намеревались перенести в восстановленные Фридрихсбургские ворота.

«Возрожденцы», выявляя памятники истории и культуры, обследовали городские парки. У полуротонды королевы Луизы в Центральном парке культуры и отдыха им. М. И. Калинина члены объединения обнаружили составные части бюста королевы (установлен в 1874 году, скульптор Х. Д. Раух). Активисты разыскали и постаменты от вазонов [5, д. 4, л. 1—3]. В июне 1989 года «возрожденцы» опрашивали граждан — свидетелей сноса и предания земле монумента «Христос, несущий крест» на кладбище прихода церкви памяти королевы Луизы (сейчас территория между улицами Лесопарковой, Энгельса, Чапаева и проспектом Мира) [7]. Участники группы выяснили, что памятник в начале 1960-х годов разбили кувалдами. Еще один памятник — «Христос на распятии», по версии активистов, был отнесен к забору неподалеку [5, д. 4, л. 5].

Опрос проводился совместно с поисковой группой, организованной при участии фонда культуры. Участник объединения С. Лаурушонис вспоминал позже, что контакт с региональным отделением фонда был взаимовыгодным: неформалы помогали реализовывать инициативы фонда, а он оказывал поддержку в организации деятельности «Возрождения» [9]. Так, неформалы в присутствии писателя Ю. Н. Иванова открыли на главной аллее Калининградского зоопарка памятник Герману Клаасу, первому директору Кёнигсбергского зоосада [5, д. 4, л. 15]. Постамент был обнаружен неформалами у входа в детский сад № 38 на пересечении улиц Кутузова и Огарёва осенью 1989 года [Там же, л. 13].

Содействие общественным инициативам оказывала и О. Ф. Крупина, благодаря чему кооператив неформалов «Старый город» был зарегистрирован по адресу проспект Победы, 200 [9], где, как считалось, находился домик лесничего Вобзера и потому можно было найти массу ценных артефактов. К ним следует отнести два вазона, которые участники группы определили как часть композиции «Скульптуры морских животных» работы Германа Тиле [5, д. 4, л. 9—10]. Эта находка стала отголоском скандала в прессе по поводу исчезновения с постаментов на Верхнем пруду скульптур. «Возрожденцы» публично взялись за поиск пропавших в 1988 году скульптур морских животных и предположили, что найденные артефакты — части композиции [17]. Всего по меньшей мере сорок частей от различных памятников, включая ножку от вазона полуротонды королевы Луизы, было собрано в «домике лесничего» к осени 1989 года [5, д. 4, л. 9—10].

На закате Перестройки члены общества «Возрождение» либо стали самостоятельными деятелями культуры, либо вошли в другие краеведческие группы региона. Например, участник общества С. И. Лаурушонис занялся восста-

новлением арендованного им форта №1 «Штайн». Председатель общества Н. А. Чебуркин впоследствии состоял в центре «Пруссия» и до сих пор участвует в заседаниях Калининградского клуба краеведов.

О судьбе центра «Пруссия» и одноименного музея известно из воспоминаний А. А. Валуева. Центр и музей были частью ассоциации «Возрождение» при управлении культуры (с 1993 по 1994 год — областного комитета по культуре и историческому наследию администрации области). А. А. Валуев рассказывал, что вследствие конфликта между руководителями ассоциация была ликвидирована в 1994 году, а центр и музей потеряли покровительство со стороны администрации региона. Фридрихсбургские ворота были переданы туристической фирме. Экспозицию из Дома офицеров пришлось убрать. Неформальная коллекция «кочевала» по разным площадкам города: экспонировалась в здании Художественной галереи и городской библиотеки им. А. П. Чехова. Часть коллекции была передана в зал истории города в Кафедральном соборе. Попытка найти для археологической коллекции здание в городе не увенчалась успехом. А. А. Валуеву предложили рабочее место в Калининградском историко-художественном музее, туда же он перенес экспонаты музея «Пруссия».

Появлению самой возможности для калининградского неформального краеведческого движения осуществлять инициативы по изучению истории региона и сохранению облика городской среды способствовала турбулентность периода Перестройки. Речь прежде всего о возможности широкой общественной дискуссии об истории региона и месте в ней жителей области. На страницах «Калининградской правды» или на встречах с единомышленниками стало возможным говорить о сохранении и восстановлении памятников довоенной истории. При этом региональная власть не оказывала этим собраниям заметного противодействия и даже порой способствовала расцвету неформального движения и расширению его возможностей. У властей не было нужды в сотнях постановлений, призывах к общественным субботникам, единению краеведческих сил. Приоткрытое «окно возможностей» позволило калининградскому культурному пространству наполниться результатами работы различных общественных групп, способных самостоятельно, решительно и бескорыстно заботиться о памятниках, искать возможности просвещения и объединения в целях преображения родного края. Возможно, ключевую, хотя и парадоксальную, роль в этом сыграл сложившейся до Перестройки официальный дискурс о прошлом региона, согласно которому истории до 1945 года не существовало. Выращенные в нарративе толерантности и уважения к общечеловеческой культуре новые поколения жителей области при появлении первой возможности для свободных действий не могли не взяться за созидательную деятельность.

Подводя итоги, следует отметить, что «Возрождение» и «Пруссия» приняли активное участие в сохранении довоенных памятников истории и культуры. Их инициативы были направлены на формирование культурного обли-

ка Калининградского региона. Для этого члены объединений сотрудничали с государственными и общественными организациями. Ключевым звеном был фонд культуры: «возрожденцы» участвовали в его инициативах, члены «Пруссии» зарегистрировали при нем свое объединение. Оба неформальных объединения контактировали с кружком при музее И. Канта в университете. Госархив стал не только площадкой для получения справок, но и местом сбора инициативных краеведов.

Советские официальные структуры также имели значение — так, Ленинградский райком ВЛКСМ оказался важен для начала легальной работы «Возрождения», именно при нем было зарегистрировано общество. Члены «Пруссии» контактировали с местным отделением ВООПИиК, которое помогало в организации восстановительных работ. Перестройка подготовила необходимые площадки и стратегии для консолидации краеведов, поэтому в своей работе «Пруссия», начавшая работать позже по сравнению с «Возрождением», сталкивалась с меньшим количеством препятствий. В целом через деятельность «Возрождения» и «Пруссии» можно проследить, как происходила институционализация краеведческого движения Калининградской области в Перестройку и в начале 1990-х годов.

Список источников и литературы

1. *Адамов Б.* «Возрождение». Что говорят и что делают члены культурно-экологической группы с таким названием // Калининградская правда. 1989. 12 марта.
2. *Валуев А.* И снова Фридрихсбург. Судьба памятников архитектуры // Калининградская правда. 1990. 20 июня.
3. *Васильева Н.* На помощь пришел «Вектор». Беречь наследие прошлого // Калининградская правда. 1988. 9 дек.
4. *Волгин Е. И.* Общественно-политические объединения современной России на рубеже веков. Ч. 1: Вторая половина 1980-х — 1999 г. Курс лекций. М., 2012.
5. *Государственный архив Калининградской области.* Ф. Р-1221. Оп. 1.
6. *Дементьев И. О.* «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940-х — 1980-е гг.) // Люди и тексты : ист. альманах. М., 2014. Вып. 6. С. 175—218.
7. *Из истории* одного исчезнувшего памятника // Официальная страница ГАКО «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-172721239_22553 (дата обращения: 01.03.2025).
8. *Интервью* с Анатолием Алексеевичем Валуевым, заместителем директора Калининградского областного историко-художественного музея по развитию музейной деятельности и филиалам. 25 июня 2024 г. // Архив автора.
9. *Интервью* с С. И. Лаурушонисом. 19 мая 2024 г. // Архив автора.
10. *Калининградский региональный общественный фонд культуры* // Балтийский альманах. Калининград, 2002. Вып. 3. С. 37—38.
11. *Клубу краеведов — четверть века!* // Балтийский альманах. Калининград, 2015. Вып. 14. С. 3.
12. *Костяшов Ю., Маттес Э.* Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград, 2003.

13. *Костяшов Ю. В., Саенко А. В.* Дискуссия о развитии центра Калининграда в период перестройки. История города // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 4. С. 91—101.

14. *Нисневич Б.* Имя для улицы // Калининградская правда. 1989. 25 янв.

15. *Нисневич Б.* Имя для улицы // Калининградская правда. 1989. 3 марта.

16. *Об отмене* правовых актов, связанных с увековечением памяти А. А. Жданова. В Центральном Комитете КПСС // Калининградская правда. 1989. 19 янв.

17. *Пропали* скульптуры // Калининградский комсомолец. 1988. 20 авг.

18. *Улице* — имя Брамса // Калининградская правда. 1989. 19 марта.

19. *Фоменков А. А.* От разрозненных активистов к массовой политической активности: к истории горьковского политического неформалитета в годы перестройки // Омский научный вестник «Общество. История. Современность». 2017. Т. 2, вып. 4. С. 5—8.

Об авторе

Илья Валерьевич Захаров — магистрант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

Научный руководитель: доцент, кандидат исторических наук Людмила Николаевна Жданович.

E-mail: ilia.zakharov2002@mail.ru

I. V. Zakharov

Local history initiatives of the cultural and historical society “Vozrozhdenie” and the cultural and historical centre (historical and archaeological museum) “Prussia” (1988—1995)

Based on interviews with participants, archival documents and articles in the official press, the article describes the local history activities of the informal cultural and historical society “Vozrozhdenie” and the group “Prussia” in the Kaliningrad Oblast in 1980—1990s. The study outlines the directions of activities of the associations and examines the examples of the interaction of these groups with public and state bodies. In the second half of the 1980s, the process of institutionalising alternative practices in the field of history and culture began. Therefore, the history of the public groups in question can act as a barometer of the changes in public space during Perestroika and in the early 1990s.

Keywords: *informals (neformali), Perestroika, local history, “Vozrozhdenie”, cultural fund, “Prussia” centre, Friedrichsburg Gate*

The author

Илья В. Захаров, Master’s Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ilia.zakharov2002@mail.ru

Калининград или Кёнигсберг? История одного эксперимента

Исследована история эксперимента, проведенного в 1991 году калининградским писателем Ю. Н. Ивановым в рамках кампании по переименованию Калининграда в Кёнигсберг. Проанализированы письма сторонников переименования с их аргументацией. События рассмотрены в контексте кампании по возвращению советским городам их исторических названий.

Ключевые слова: Калининград, Кёнигсберг, переименование, Ю. Н. Иванов

Одним из проявлений политики перестройки, проводимой советским руководством в последние годы существования СССР, стала волна переименований. Многим населенным пунктам стали возвращать их исторические названия. В первую очередь это касалось городов, ранее названных в честь советских государственных деятелей: Брежнев стал Набережными Челнами, Андропов — Рыбинском, Свердловск — Екатеринбургом, Калинин — Тверью, Куйбышев — Самарой, Орджоникидзе — Владикавказом. Наконец и Ленинграду, второму по значимости городу страны, было возвращено первоначальное имя Санкт-Петербург.

Дискуссии о необходимости переименования населенных пунктов начались и в Калининградской области. Более того, в 1989 году состоялась первая Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», организованная Советским фондом культуры и Академией наук СССР. На ней было принято решение поддержать общественную инициативу о возвращении городам их исторических названий. В список был включен и административный центр Калининградской области: «Кёнигсберг (с 1946 г. Калининград). Основан в 1255 г. Родина И. Канта. Существует Калининград в Московской обл. Название Кёнигсберг — памятник истории» [3, с. 134]. В этот же список вошел и Тильзит (Советск) [Там же, с. 135].

Однако серьезным сдерживающим фактором служила сама история региона: возвращение «исторически сложившегося» названия означало бы восстановление не российского, а немецкого топонима. Тем не менее все громче начинают звучать голоса тех, кто выступал за то, чтобы убрать имя М. И. Калинина с карты региона. В сентябре 1990 года в Калининграде было опубликовано обращение «членов тверской инициативной группы “Возвращение”»: «Обращаемся к вам, уважаемые граждане старинного города Кенигсберг, с

призывом убрать имя Калинина из названия вашего города. Ваш прекрасный город с почти 700-летней историей не должен носить имя человека, недостойного памяти потомков» [2]. В октябре с такой же инициативой выступила калининградская городская организация Демократической партии России. Она предложила внести предложение «в Верховный Совет РСФСР, областной и городской Советы народных депутатов о переименовании Калининградской области в Балтийскую область РСФСР и возвращении областному центру его исторического наименования — Кёнигсберг» [10].

Одним из самых активных сторонников переименования областного центра стал калининградский писатель Ю. Н. Иванов, возглавлявший областное отделение Советского фонда культуры. Он справедливо отмечал, что Калининград, будучи советским городом, сохраняет в себе мощный пласт немецкой культуры. И потому «какое бы имя ни носил бывший Кёнигсберг, он всё равно останется Кёнигсбергом. Нашим. Не немецким. И есть только один способ избежать упреков — сделать его столь же цветущим, каким он был до войны. Полагаю, что это и самый верный способ воздать честь павшим за этот край» [7]. А если «Кёнигсберг остаётся Кёнигсбергом», то не следует ли вернуть городу его первоначальное название?

Дискуссии о переименовании Калининграда достигли апогея в 1991 году. Уже во втором номере только что начавшей издаваться газеты «Кёнигсбергский курьер» была опубликована подборка различных мнений по этому вопросу. Характерной была позиция редакции: «Какое имя согласно объективной справедливости более пристало носить нашему самому западному городу России? Ведь теперь уже только малая часть его нынешних обитателей не хочет признавать, что в основу послевоенного переименования Кёнигсберга в Калининград лег принцип своевольный, случайный и никаким участием всесоюзного старосты в судьбе города не обусловленный» [8].

Парадокс, на которые так щедро история, заключался в том, что ярким сторонником переименования стал Ю. Н. Иванов, человек, который пришёл в Кёнигсберг в апреле 1945 года в числе советских бойцов, штурмовавших город-крепость. «В одной из музыкально-похоронных команд был и я, “второй малый барабан”, вчерашний блокадник с Петроградской стороны, заброшенный превратностями военного времени в ненавистный Кёнигсберг, ибо в те дни не только этот город, но и все, что было связано со словами “немец”, “немецкий”, мы ненавидели» [5].

Для того чтобы переосмыслить события и изменить отношение к истории немецкого города, ставшего советским Калининградом, ему потребовалось много времени. Бывший подросток-блокадник, десятилетия спустя — калининградский писатель и общественный деятель, выступил со своеобразным манифестом, призывавшим к возвращению городу прежнего названия — Кёнигсберг. «После смерти “всесоюзного старосты” Калинина по велению Сталина полуразрушенный, но сохранивший столько своеобразия город получил имя — Калининград. Мастер фантазмагорических сюжетов Гофман не доду-

мался бы до такого: древнейший Кёнигсберг — и никогда в нем не бывавший и ничем, кроме верности своему властелину, не прославивший себя тверской крестьянин, вынесенный волной капризной сталинской политики к подножью трона... Калининград — это вчерашний, затхлый, застойный, лживый период нашей жизни, жизни города. И трудно, но пора стряхнуть с себя всю эту отвратительную ложь, идеологическую шелуху, которой застили истину наши великие и мелкие, областные вожди, туманили нам мозги» [Там же].

В итоге размышления о названии родного города привели писателя к идее провести простой эксперимент: «Любой желающий может написать мне, сделав на почтовом конверте надпись “Кёнигсберг”. И я получу это письмо! Вот мой адрес: Кёнигсберг, Бородинская, 13, Фонд культуры¹» [Там же].

Той же теме была посвящена небольшая заметка, опубликованная уже в «Литературной газете»:

Как и четыреста тысяч моих согорожан, я живу в городе со странной сложной и трагической судьбой. Он возник как крепость на берегу реки Прегель. В 1724 году получил название Кёнигсберг — Королевская гора — в честь трех королей — чешского, польского и германского, устроивших по святейшему разрешению папы римского поход в языческие земли пруссов... По велению Сталина наш древний город получил новое имя — Калининград. И вот сколько лет подряд мы произносим слово Калининград, а подразумеваем — Кёнигсберг. Не пора ли восстановить справедливость? Говорят и так: возвращением городу его исторического названия мы вроде бы поощряем надежды в Германии на возвращение ей земель бывшей Восточной Пруссии. Ничего подобного! Подписаны важнейшие государственные документы с Германией о незыблемости сложившихся границ [4].

И вновь предлагалось отправить автору заметки письмо, адресованное в «Кёнигсберг».

Несмотря на весьма своеобразное толкование автором обстоятельств основания Кёнигсберга (в котором, вероятно, отложились его юношеские воспоминания о кёнигсбергском замке как о «замке трех королей»), основной посыл был ясен.

Заметка имела все шансы остаться незамеченной на фоне бурных событий, происходивших в конце 1991 года в РСФСР и готовившихся стать независимыми государствами союзных республиках. Однако ее результатом стал обширный поток корреспонденции, отправленной по указанному автором адресу. В Государственном архиве Калининградской области сохранилось 85 писем, в том числе 6 — против переименования [1, д. 36—38]. Теми, кто выступал «за», обычно в качестве адреса указывался «Кёнигсберг» или, например, «РСФСР, г. Кёнигсберг» [Там же, д. 38, л. 16]. Калининградцы же иногда

---

¹ По этому адресу в здании Калининградской областной детской библиотеки им. А. Гайдара находилось калининградское областное отделение Советского (с 1992 года — Российского международного) фонда культуры.

указывали «Кёнигсберг» и в качестве обратного адреса [Там же, д. 37, л. 25; д. 38, л. 10]. А автор одного из писем решил немного изменить условия эксперимента: «посылаю Вам два (здесь и далее в цитатах сохранены подчеркивания авторов писем. — *А.Н.*) письма — Кёнигсберг и Калининград на конвертах. Бросаю в один ящик вместе. Какое доберется первым? Были с сынишкой в прошлом году в командировке в Вашем городе. Что и говорить: какой это Калининград? Это — Кёнигсберг! Правда, русские подзагадили его... Но — Кёнигсберг! <...> Любопытным было бы знать, сколько откликов Вы получили» [Там же, д. 38, л. 47].

При знакомстве с письмами бросается в глаза, что лишь немногие из них были отправлены из Калининграда, Москвы или недавно вернувшего себе историческое имя Санкт-Петербурга. Их основной поток шел из самых разных городов Советского Союза: Казань, Керчь, Кемерово, Владивосток, Красноярск, Златоуст, Кострома, Якутск, Пермь, Самара, Екатеринбург, Воронеж, Орёл, Иркутск, Гомель, Саранск, Брянск, Кисловодск, Новокузнецк, Челябинск, Ростов-на-Дону, Харьков, Вологда, Тольятти, Дзезказган, Ташкент...

Своеобразным манифестом сторонников переименования среди калининградцев можно считать следующее письмо (причем оно было опубликовано еще до обращения Ю. Н. Иванова):

Я родом из Кёнигсберга (буду так называть свой город). Это он воспитывал во мне интеллигентность, заставлял (исподволь, незаметно для сознания) уважать населявших его людей, тщательным образом уложивших когда-то каждый кирпич в стены добротных домов, каждый камень в мостовые. <...> Но город-то знает, что он Кёнигсберг. И весь мир знает. И мы с вами знаем. И. Кант жил не в Калининграде, а в Кёнигсберге. Бессель и Гофман — тоже. Пётр Первый бывал не Крулевце, не в Каралавичусе, а в Кёнигсберге. <...> Ну, дадим городу другое имя. Но, помяните мое слово, земляки: это опять будет не имя, а кличка. А потом — через годы — вновь набираться мужества и ставить вопрос о возвращении городу его настоящего имени?! Полноте, соотечественники. Оставьте ненужные споры. У города есть уже имя — Кёнигсберг. Надо его вернуть, как возвращают отнятое [11].

Крайне любопытным было письмо еще одного калининградца. По его словам, в 1989 году они с друзьями по школе «создали в своем классе некое общество, так сказать, патриотов своего края. Мы вели агитацию за возвращение городу его имени и даже проводили среди молодежи (ведь жить дальше в городе теперешней молодежи) опрос по поводу названия города» [1, д. 37, л. 23]. Опросный лист (таблица с вариантами названий и подписями под каждым из них) был приложен к письму. За вариант «Кёнигсберг» высказались 28 человек, за «Калининград» — 1 человек, варианты «Кантоград», «Каралачиус» (так в тексте), «еще как-нибудь» не поддержал никто [Там же, д. 37, л. 24].

Множество писем пришло от тех, чьим городам незадолго до этого уже были возвращены их исторические названия. Они видели в предложении Ю. Н. Иванова продолжение процесса восстановления исторической справедливости. «От всей души поддерживаю Ваше предложение о возвращении Вашему городу его исконного имени Кёнигсберг (Königsberg). Мой родной любимый город уже прошёл этот путь. Его первоначальное имя (по немецкому образцу) недавно было ему возвращено, как Вы это, конечно, знаете. Коренная ленинградка из Санкт-Петербурга» [Там же, д. 38, л. 67]. «Пишу, чтобы выразить полное согласие с Вашими соображениями: Надо всем городам вернуть их первоначальные исторические имена. Я до сих пор радуюсь, что моему городу вернули его прежнее название “Самара”!» [Там же, л. 1].

Именно по этой причине высказывалась за переименование основная масса корреспондентов. «Целиком поддерживаю Ваше предложение — вернуть городу его исконное имя — Кёнигсберг. То, что творилось на протяжении 73 лет Сов[етской] власти по отношению ко всякого рода переименованиям, — это святотатство! Живу я далеко от Вашего города, но полностью вас, кёнигсбержцев, поддерживаю — это вернуть прежнее имя городу» [Там же, д. 36, л. 52]. «Я, жительница Камчатки, пенсионерка, за Кёнигсберг! Я вообще всегда возмущаюсь, когда одним махом сметаются исторические названия, будь то города или какие-то учебные заведения» [Там же, д. 38, л. 26]. «Абсолютно согласна с Вами в неперменном возвращении исторических названий нашим городам — всем! И, в частности, Кёнигсбергу. <...> Пока будем жить под псевдонимами, и жизнь наша будет ложной, псевдожизнью. <...> Говорят — это наша история. Но с нами приключилась скверная история, вернее, нам её навязали учителя коммунизма. <...> Только вот помнится мне, что Тильзитский мир был подписан в Тильзите (в настоящее время) переименованном после войны в Советск, которому тоже надо вернуть историческое название-имя. Насчет Тильзита уточните, он к Вам ближе. Русским городам их исторические имена! Да здравствует Кёнигсберг!» [Там же, л. 6—7].

Как видим, не все корреспонденты понимали, что речь идет о бывшем немецком городе, который, не считая нескольких лет Семилетней войны, никогда не был «русским». «Полностью согласен с Вашими доводами о возвращении Калининграду названия Кёнигсберг. Это — уважение к нашей истории, уважение к памяти строивших крепость и живших в городе (не только великим) нашим предкам, наконец, память о погибших в последней войне, бравших в кровопролитной битве не Калининград, а Кёнигсберг!» — писал один из них [Там же, л. 65] (сохранена орфография подлинника). Он даже не замечал существенного противоречия: если в городе жили «наши великие предки», то у кого тогда пришлось его «брать в кровопролитной битве»?

Казалось бы, какое отношение вопрос о переименовании провинциального российского города имеет к Якутии? Тем не менее:

Я приветствую Ваше предложение о переименовании города Калининграда обратно в город Кёнигсберг. Я — житель Якутии, коренной якут, хотел бы пред-

ложить — превратить Калининградскую область в республику для советских немцев, поскольку эта земля близка советским немцам и поскольку здесь родились великие немцы: Иммануил Кант, Гельмгольц, Гофман, Бессель и многие, многие другие. Мне кажется, это будет приветствовать весь советский народ. Создавать же республику немцев Поволжья, по-моему, будет очень затруднительно. По-моему, Федеративная Германия претендовать на эти земли не будет, а и не вправе. Пусть Князь горы — будут городом Советских немцев! Я уверен, Вас поддержат советские люди [Там же, л. 44].

А один из корреспондентов прислал даже письмо в стихах: «Королевской горе — королевские рифмы! Мы выьем клином клин преград, / отринем дутый кодекс-брех: / хоть говорим Калининград, / но в сердце носим Кёнигсберг!» [Там же, д. 36, л. 36]. Правда, на конверте в качестве адреса он указал «Калининград» [Там же, л. 37].

Некоторые из выступавших за переименование в качестве аргумента ссылались на личность философа Иммануила Канта — ведь он жил и работал именно в Кёнигсберге, а не в Калининграде. «Полностью с Вами согласен в вопросе возвращения городу Кёнигсбергу (так в тексте. — А. Н.) его исторического имени Кёнигсберг. Его (города) сегодняшняя кличка просто неприлична. Лично мне стыдно не только перед Кантом (но перед ним в особенности)» [Там же, л. 47]. «Автор “Вещи в себе” был похоронен в Кёнигсберге — сие известно всему миру. Для здравого смысла название этого города — Калининград — трансцендентно» — полагал другой корреспондент [Там же, д. 37, л. 21]. «Возвращение Кёнигсбергу имени необходимо. Город Канта должен непременно вернуться на карту» [Там же, д. 36, л. 1].

Любопытной представляется и позиция ветеранов Великой Отечественной войны. Из шести их писем только одно — против переименования. При этом аргументация «за» отличалась редким единодушием. «Дорогой Юра! Обращаюсь к Вам так, по-свойски, потому что Вы в 45-м были подростком, а я уже тогда был старшим лейтенантом, следовательно, разница в возрасте позволяет мне допустить некоторую вольность в обращении, тем более что мы с Вами оба участники штурма Кёнигсберга, а это почти родные. <...> Я с Вами согласен — имя надо вернуть, тем более что на моей медали написано: “За взятие Кёнигсберга”, а не за взятие Калининграда. Так что я Ваш единомышленник» [Там же, д. 38, л. 11]. Или: «В 1990 г. я был на 45-летию взятия Кёнигсберга, а не Калининграда. Я ветеран 50-й армии, участник боёв в Восточной Пруссии и взятия города-крепости. Благодарность Верховного “За взятие Кёнигсберга”, аналогичная медаль. Историю нельзя переделывать» [Там же, д. 36, л. 23]. И далее в этом же письме: «Жаль уничтоженных двух великолепных кладбищ... Я там часто бывал и встречал массу известных по истории, знаменитых, прекрасных памятников. Если в Вас будет настоящая дружба с немцами, большими ценителями и патриотами своего прошлого, Кёнигсберг станет таким, каким был, и даже краше» [Там же]. Более того, в письме еще одного ветерана упоминалось, что «на встрече [в честь] 45-летия

штурма Кёнигсберга заходил вопрос о восстановлении городу законного названия, и знаю, что большинство с этим были согласны» [Там же, д. 37, л. 11]. Еще одно письмо — гораздо более резкое: «Между прочим, я такого города “Калининград” (!) не знаю. У меня на медали написано, что дали мне ее за взятие Кёнигсберга (я, правда, десантировался в Пиллау)» [Там же, д. 38, л. 1]. И такое: «Я имею награды за взятие КЕНИГСБЕРГА (выделено автором письма. — *А. Н.*). Я теперь живу на этой земле. В моем родном городе все было разрушено немцами, в том числе и мой дом. Время сгладило теперь все обиды и мы должны идти к примирению с народом, который жил на этой земле. Этот народ не меньше нас пострадал от фашизма. В конце концов, у них был Гитлер! А у нас был Сталин. Так что же, будем мстить этому народу и их памяти? <...> Я считаю, пора кончать суесловить и вернуть городу его историческое имя, как и городам Советск, Багратионовск. Остальные — нет особой нужды переименовывать. Для туристов можно ввести и двойное название» [Там же, л. 28].

Как видим, для всех этих совершенно разных, незнакомых друг с другом людей топоним «Кёнигсберг» был связан с их фронтовой судьбой.

Некоторым диссонансом звучали голоса тех, кто выступал против скоропалительных решений. Их позиция диктовалась прежде всего опасениями по поводу возможных притязаний на Калининградскую область как бывшую часть Восточной Пруссии со стороны Федеративной Республики Германия.

Не было бы возражений, если бы город до войны принадлежал России, но было бы ошибкой вернуть бывшему немецкому городу, отошедшему [к] СССР по международному соглашению, его прежнее название. И именно потому, что это явилось бы постоянным, так сказать, раздражающим фактором для определённых кругов немецкой общечественности, в которых еще сильны реваншистские устремления. У меня нет никаких сомнений в том, что через некоторое время, пусть через 10—20 лет, Германией будет поставлен вопрос о возврате ей всей Восточной Пруссии, несмотря на какие-то ни было соглашения [Там же, д. 37, л. 2].

«Сказав “А”, нужно говорить “Б”, — писал другой корреспондент. — Переименование Калининграда в Кёнигсберг непременно повлечет переименование Советска в Тильзит, Балтийска в Пиллау и т. д., до названия области Восточной Пруссией. Я первый проголосую на референдуме (если таковой будет) за переименование Калининграда, но всему же должен быть предел. <...> Решение о переименовании города должно приниматься только по результатам референдума, где в том числе будут для выбора предложены такие названия Калининграда, как Янтарный (центр Янтарного края и СЭЗ “Янтарь”), Княжгород, Царьгород (попытка перевести Кёнигсберг на русский язык), Кантоград (чтобы удовлетворить претензии почитателей И. Канта) и, может быть, Балтийск! А уж народ в выборе не ошибется! И никаких Кёнигсбергов!» [9].

Достаточно взвешенной представляется следующая точка зрения: «Спешу сообщить Вам, что полностью согласен с Вашей точкой зрения по поводу как

названия моего родного города, так и по поводу его нынешнего состояния. <...> И хотя мое сердце протестует против его нынешнего названия и я намеренно избегаю этого слова, т. к. оно коробит слух, старое имя городу вернуть нельзя, ибо Кёнигсберг — умер. Воскресить его невозможно, ибо город умирает не тогда, когда меняют его имя, рушат дома, забывают традиции. Город умирает, когда рушат его кладбища» [1, д. 38, л. 17]. Автор письма точно подметил важное обстоятельство: в течение советского периода изменилась не только архитектура, но прежде всего население и внутренние основы городской жизни. Поэтому возвращение городу прежнего названия не сделало бы его прежним Кёнигсбергом.

Отдельные отклики приходили и из Германии. Самым любопытным из них было письмо следующего содержания: «Кант, пожалуй, самый значимый сын города. Однако историческим является название “Кёнигсберг”. <...> Если бы спросили меня, я бы высказал мнение, что Калининграду следует дать имя “Кант-Штадт-Кёнигсберг”» [Там же, д. 30, л. 2—3].

Насколько можно судить по датам самих писем и почтовым штемпелям на их конвертах, основной поток отправок пришёлся на декабрь 1991 года. Некоторые из них приходили еще в январе следующего, 1992 года. По утверждению Ю. Н. Иванова, в целом он получил «полторы сотни откликов из разных городов и весей новорождённого СНГ», из них против переименования — «всего 6 писем!» [6]. Конечно, с точки зрения методики социологического исследования репрезентативность такой выборки весьма условна. Но нужно учитывать, что прислали письма именно те, кто считал необходимым заявить о своей позиции. «Удивительно, сколько внимания привлекла к себе затронутая тема у далеких Владивостока, Ташкента, Сыктывкара, Екатеринбург, Орла, Ростова... — отмечал Ю. Н. Иванов. — Значит, саднит в душах людей от этой неумной “совковой” привычки переименовывать старину на случайный, неумный лад. Значит, не ушло безвозвратно имя древнего города Кёнигсберга» [Там же].

Следует отметить, что часть писем с предложением переименовать Калининград в Кёнигсберг поступила в адрес редакции газеты «Калининградский комсомолец». К сожалению, в данный момент для исследователей они недоступны.

Последнее слово, безусловно, должно было остаться за самими калининградцами. Но к этому времени распад СССР и связанный с этим социально-экономический кризис, вызвавший резкое падение уровня жизни населения, сделали проблему переименования города малоактуальной. Референдум, о возможности которого упоминали некоторые корреспонденты Ю. Н. Иванова и который был призван решить этот вопрос, так и не состоялся.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-1183 : Фонды личного происхождения. Юрий Николаевич Иванов. Оп. 1.
2. Все помнит Тверь // Калининградский комсомолец. 1990. 15 сент.

3. *Исторические названия* — памятники культуры // Родная речь. 1989. № 5. С. 129—136.
4. *Иванов Ю.* Вернуть городу имя // Литературная газета. 1991. 27 нояб.
5. *Иванов Ю.* Имя твоё — Кёнигсберг // Кёнигсбергский курьер. 1991. № 9.
6. *Иванов Ю.* Кёнигсбергский эксперимент // Кёнигсбергский курьер. 1992. № 3.
7. *Иванов Ю.* Путешествие из Калининграда в Кёнигсберг и обратно // Известия. 1989. 5 окт.
8. *Имя города* // Кёнигсбергский курьер. 1991. № 2.
9. *На конверте* адрес — «Кёнигсберг» // Кёнигсбергский курьер. 1991. № 12.
10. *Обращение* конференции Калининградской городской организации Демократической партии России к депутатам Советов народных депутатов всех уровней, к гражданам Калининградской области // Калининградский комсомолец. 1990. 1 дек.
11. *Почта «КК»* // Кёнигсбергский курьер. 1991. № 8.

Об авторе

Александр Сергеевич Новиков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Калининградский областной историко-художественный музей, Калининград, Россия.

E-mail: history@koihm.ru

A. S. Novikov

Kaliningrad or Königsberg? History of the experiment

The article considers the history of an experiment conducted in 1991 by the Kaliningrad writer Yury N. Ivanov in terms of the campaign of renaming Kaliningrad to Königsberg. The research gives the analysis of letters of supporters of renaming with their arguments. The events are considered in the context of the campaign to restore historical names of Soviet cities.

Keywords: *Kaliningrad, Königsberg, renaming, Yury N. Ivanov*

The author

Dr Aleksandr S. Novikov, Senior Researcher, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Kaliningrad, Russia.

E-mail: history@koihm.ru

**«Биржевая полька», скрипка Страдивари, джаз и «поющий лоцман»:
материалы к истории музыкальной жизни
знакового для Кёнигсберга-Калининграда памятника архитектуры**

Рассмотрена музыкальная история здания Кёнигсбергской биржи в Калининграде с конца XIX по начало XXI века, прежде всего на примере основных коллективов и персоналий. Цель исследования — выявить основные тенденции музыкальной жизни здания в довоенный и советский периоды. Материалами для анализа послужили публикации периодической печати, архивные документы и личная корреспонденция. Обоснованы выводы о значительно возросшем в советский период количестве музыкантов-дилетантов, об увеличении доли современных произведений в репертуаре исполнителей.

Ключевые слова: *локальная история, филармонические сезоны, историческое здание Кёнигсбергской биржи, Калининградский дворец культуры моряков, Макс Броде, Йозеф Иоахим, А. Г. Рубинштейн, квартет, трио, смотр самодеятельности, джаз*

Введение

История здания. Есть ли для нее место в исторической науке? И. М. Савельева и А. В. Полетаев предлагают следующие ступени исторических исследований: «а) всемирная история (история всего “мира” или “человечества”); б) региональная история (история больших территорий, выходящих за пределы государственных границ, история отдельных цивилизаций или культур); в) страновая история (включая историю народов и национально-государственных образований); г) локальная история (от дома или улицы до поселков и городов, штатов, графств, провинций, “субъектов федерации” и т. д.)» [10, с. 174—175]. Таким образом, ответ авторитетных специалистов на поставленный вопрос — положительный.

В фокусе внимания автора настоящей статьи даже не история «дома» (в данном случае — исторического здания), но лишь один аспект этой истории — его музыкальная жизнь. В исторической перспективе возникают следующие вопросы: насколько эта история была специфической, насколько — вписывающейся в общую картину города, страны, эпохи?

Историческое здание кёнигсбергской биржи, построенное в 1875 году по проекту Генриха Мюллера (Heinrich Müller, 1819—1890), было наполнено музыкой с момента своего открытия. Согласно путеводителю для русских

туристов (1911), распорядок работы биржи был таков: в 8:00 она открывалась, в 11:30 сметали рассыпанный главный товар — зерно — и приводили в порядок Большой зал, с полудня до 1:30 здание превращалось в культурный и просветительский центр: в его помещениях проходили выставки, публичные лекции, салоны Кёнигсбергской академии художеств [8, с. 68]...

С 1876 года в этом здании звучала камерная, а затем и симфоническая музыка, проводились балы-маскарады, концерты Баховского и Гайдновского фестивалей. В советский период, в 1960-х годах, бывшее здание кёнигсбергской биржи было превращено в Дворец культуры моряков. С начала 1970-х в ДКМ регулярно проходили городские и районные смотры самодеятельности, победители которых принимали участие в Кремлевских концертах; с шефскими программами выступали музыканты Калининградского музыкального училища и артисты филармонии. В здании бывшей биржи возникла главная площадка калининградского джаза, получившего не только всесоюзную, но и международную известность.

С 2018 года в бывшем здании биржи располагается Калининградский областной музей изобразительных искусств (КОМИИ). Одно из направлений деятельности музейного коллектива — изучение истории места, в том числе и музыкальной.

Цель статьи — проследить развитие и метаморфозы той музыкальной «ауры», которая складывалась вокруг здания биржи в Кёнигсберге-Калининграде с конца XIX по начало XXI века. На первом этапе собраны сведения о наиболее значительных музыкальных событиях, коллективах, исполнителях и произведениях. На основании этих данных можно сделать выводы, как годами менялся репертуар, какими были предпочтения музыкантов и публики, следует ли говорить об их своеобразии или типичности.

При сборе материала был выявлен парадокс: информация о довоенном прошлом оказалась более изученной и частично разработанной для проведения экскурсий. Правда, из публикаций на русском языке, затрагивающих эту тематику, нам удалось обнаружить только статью И. С. Кузнецовой [7]. В этой работе не указаны источники и присутствуют ошибки. Отметим для примера только одну, поскольку она с того времени воспроизводится в СМИ и Интернете: «В... зале биржи в 1876 году состоялось первое исполнение в Кёнигсберге оратории Рубинштейна “Вавилонское столпотворение”, которая еще была не известна на родине композитора» [Там же, с. 258]. Между тем «Вавилонская башня» (раннее название произведения, созданного в 1869 году) «была исполнена первый раз в 1870 году (курсив мой. — М. Ч.) в одном из пограничных с нами городов — Кёнигсберге... Она написана на поэтическое произведение Роденберга и... ближе подходит к концертному, чем к оперному исполнению» [6, с. 98]. Так пишет в биографии А. Г. Рубинштейна (1829—1894) С. Ц. Кавос-Дехтерева, дружившая с музыкантом с 1850-х годов и до конца его жизни. Кавос и Рубинштейн неоднократно выступали вместе, гастролировали; автор биографии вела записи, собрала архив о концертах и лекциях Рубинштейна.

Изучению довоенной музыкальной истории здания биржи послужил широкий ряд источников — это и биографии музыкантов, и мемуары, и личная корреспонденция, и периодика. Так, сведения о Максе Броде (Max Brode, 1850—1917), музыканте и педагоге, одном из организаторов филармонических сезонов в здании биржи, содержатся в сохранившейся в архиве его переписке с А. Г. и Н. Г. Рубинштейнами (нем. яз.) [9, ф. 78, д. 281, л. 1—4 об.; д. 282, л. 1; д. 284, л. 3—3 об.], в воспоминаниях внука Петера [14], а также в материалах периодики — развернутом очерке-некрологе [27] и многочисленных музыкальных обзорах филармонических сезонов критика Эрнста Отто Ноднагеля (Ernst Otto Nodnagel, 1870—1909), одного из лучших музыкальных обозревателей не только Кёнигсберга, но и Берлина начала 1900-х, который преподавал в консерватории вокал в 1900—1903 годах [23—25]. Следует сказать, что переписка композиторов А. Г. Рубинштейна и его брата Н. Г. Рубинштейна (1835—1881) позволяет выявить имена многих знаменитых музыкантов, дававших концерты в здании биржи: Георга (Джорджа) Геншеля (George Henschel, 1850—1934), англо-британского баритона, дирижера, композитора и педагога, автора пособия «Артикуляция в пении» (*Articulation in Singing*, 1926) — в 1878 году [9, ф. 78, д. 281, л. 1 об.]; выдающегося скрипача и композитора Генрика Венявского (Henryk Wieniawski, 1835—1880) — в октябре 1878 и в начале 1879 года (Венявский Г. Письма Николаю Григорьевичу Рубинштейну из Кёнигсберга: от 5 октября 1878 г.; от 21 ноября 1878 г., Берлин) [Там же, ф. 37, д. 964, л. 2—2 об.; д. 965, л. 3]; Карла Шейдемантеля (Karl Scheidemann, 1859—1923), оперного и концертного певца из Дрездена, которого называли «украшением Байрейта», — в декабре 1894, с симфоническим оркестром и «вагнеровской» программой¹.

Музыкальная история советского периода в настоящей статье представлена на основе официальной документации деятельности ДКМ и программ концертов и смотров самодеятельности, хранящихся в Государственном архиве Калининградской области. О некоторых персоналиях и явлениях говорится в печатных изданиях — сборниках статей, монографиях, о других информация была получена из электронных ресурсов, посвященных коллективам, которые ранее действовали на базе ДКМ.

Кёнигсбергский период музыкальной истории биржи

Впервые музыка зазвучала на биржевых балах-маскарадах, которые проводились ежегодно и приурочивались к открытию Промышленной ярмарки и праздникам годового цикла. Летом 1876 года Адольф Эриксон (Adolf Erichson, работал в 1870—1906) специально для исполнения на этих танцевальных ве-

¹ Шейдемантель в письме к ректору Московской консерватории В. И. Сафонову (1852—1918) настаивает на дате планируемого последнего концерта в России 3 декабря, так как он должен был успеть на концерт в Кёнигсберг (Карл Шейдемантель — Василию Ильичу Сафонову. Письмо от 19 сентября 1894 г., Дрезден, нем. яз.) [9, ф. 80, д. 1558, л. 4—4 об.].

черях создал Кёнигсбергскую биржевую польку, первое издание нот которой [16] находится сейчас в постоянной экспозиции КОМИИ. Эриксон, который в 1860—1870-х годах работал в Кёнигсберге, затем перебрался в Берлин. Будучи довольно плодовитым композитором, он отметился в разных жанрах и писал для разных инструментов: к моменту создания биржевой польки число его опусов перевалило за 60. По-видимому, Эриксон проявлял определенный интерес к экзотике: среди наиболее исполняемых его произведений — казачий танец «На берегах Дона» для скрипки и клавира, «романтическая опера» «Сицилийская вендетта» с кровавым, как следует из названия, сюжетом и комическая «из китайской жизни» «Мандарин». Также он сочинял и виртуозные произведения, и романсы на стихи Генриха Гейне. Как композитору — интерпретатору Гейне, Адольфу Эриксону посвящена статья в книге Гюнтера Метцнера (Günter Metzner) «Гейне в музыке» [21].

В том же 1876 году композитор создал для исполнения в бирже еще несколько полек: Кёнигсбергскую ресурсную (или финансовую), «Память о Кобленце» и польку жителя Рейна [22, S. 111, 172, 272].

Важнейшими музыкальными событиями в стенах биржи были, однако, не балы, а филармонические сезоны. Душой сезонов и их главным двигателем был, без сомнения, М. Броде, не только выдающийся музыкант, но и человек энтузиастического склада (рис. 1).

Рис. 1. Генрих Вольфф. Портрет музыканта (профессор Макс Броде).

Кёнигсберг, 1906—1907. Офорт, акватинта, рулетка, сухая игла.

Из собрания ГБУК «Калининградский областной музей изобразительных искусств».

Инв. Г-11037 КОМИИ КП-14090

До приезда в Кёнигсберг Броде был уже сложившимся исполнителем-виртуозом. В Лейпциге он выступал с Ференцем Листом (Franz Liszt, 1811—1886). В 19 лет стал первой скрипкой струнного квартета в Митаве, где его услышал Антон Рубинштейн; маэстро рекомендовал молодого музыканта Йозефу Иоахиму (Joseph Joachim, 1831—1907), считавшемуся лучшим педагогом-струнником и исполнителем тех лет. В конце жизни, в 1907 году, Иоахим назвал Броде самым способным учеником, который у него когда-либо был. В 1874 году Броде стал преподавателем игры на скрипке. Графиня Фуггер, в семье которой он давал уроки, в благодарность подарила ему скрипку Страдивари — с нее началась коллекция редких музыкальных инструментов Броде, которую он выставлял в бирже. Из-за болезни нервов руки скрипач перешел к дирижированию. В 1876 году, в возрасте 26 лет, поступил в Кёнигсбергский городской театр концертмейстером и в том же году договорился о выступлениях на постоянной основе в Большом зале биржи. Сам вел переписку с выдающимися иностранными исполнителями и композиторами, неустанно обходил богатых горожан-меценатов.

Создание симфонического оркестра оказалось делом непростым. К 1900 году Броде «по частям» собрал официальный городской оркестр. Поначалу — из своих учеников, фактически камерный; партии духовых заменяла игра на рояле в четыре руки. Репетиции «проходили по воскресеньям в относительно небольшом помещении на 3-м этаже Новой Кёнигсбергской биржи с окнами на остров Кнайпхоф» [27, S. 5]. Участвовали музыканты театра — но только в то время, когда не шел спектакль; однако силы этого ансамбля были недостаточны для исполнения музыки периода романтизма, особенно позднего. Вот почему Броде объединил музыкантов с артистами филармонии, которую возглавлял с 1891 года, и Инструментальной ассоциации, основанной еще в 1838-м. Оркестр стал таким мощным, что исполнял Вагнера.

Все симфонические концерты проходили в Большом зале биржи до 1912 года, когда эту задачу взял на себя специально построенный городской зал, Штадтхалле (совр. здание Калининградского областного историко-художественного музея), но и после того их можно было услышать на прежнем месте. Филармонические сезоны в бирже имели огромный успех и, как писала пресса, превратили культурное захолустье в подлинную музыкальную столицу [18, S. 176].

Еще одно начинание Броде — регулярные вечера струнных квартетов и трио, проходившие по абонементу главным образом в бирже. Квартет Броде выступал там более двух десятилетий, примерно с начала 1890-х. Почти столько же выходил на сцену и квартет Эрнста Венделя (Ernst Wendel, 1876—1938). Броде сочинял и аранжировал для этих ансамблей музыку вместе с Э. д'Альбером (Eugène Francis Charles d'Albert, 1864—1932) и А.Г. Рубинштейном.

Венцом подобных вечеров стали, по крайней мере по своей значимости для Кёнигсберга, концерты с Йозефом Иоахимом. Он выступал в Кёнигсберге с 1872 года, в качестве солиста в симфонических концертах — регулярно с

1876-го, то есть в период, который смело можно назвать Биржевым. Именно его концертом открылся первый филармонический сезон в бирже в 1876 году — Бетховенским вечером, на котором сам маэстро исполнил скрипичный концерт Бетховена (ор. 61). Иоахим неоднократно выступал в Кёнигсберге и со своим знаменитым струнным квартетом (вторая скрипка — Генрих де Ана (Heinrich Karl Hermann de Ahna, 1832—1892)).

Маэстро был любим публикой. Почтовые карточки с изображением профессора Иоахима (рис. 2) по популярности не уступали открыткам с Моцартом и Бетховеном. Они продавались и в России. Характерен текст на открытке — один из учеников М. А. Балакирева (1837—1910), Ф. И. Попов (1865—1923), преподаватель музыки из Новочеркасска, пишет, что, будучи проездом в Петербурге, купил много нот и «дюжину открыток с маэстро Иоахимом для своих учеников и друзей» (текст на обороте открытого письма).

Рис. 2. Йозеф Иоахим. Открытое письмо. Начало XX века.
Из частной коллекции Л. В. Сыроватко

Сохранился критический обзор Э.О. Ноднагеля, посвященный *Joachim-Matinee* (дневному концерту, начавшемуся в Кёнигсбергской бирже в полдень 10 ноября 1900 года). Из этой статьи мы узнаем программу не только текущего, но и предыдущего концерта Иоахима в бирже, а также о том, что его выступления там стали ежегодной традицией. Однако Ноднагель был на этот раз недоволен маэстро. Иронизируя, он пишет: «Как и каждый год, музыкальному сообществу Кёнигсберга было дозволено использовать присутствие своего первосвященника для демонстрации эзотерической преданности». В «состоянии квартетов» критик отдает первенство Венделю [23, S. 1].

В 1853-м Иоахим познакомился с Брамсом, а через него — с Шуманом; Брамс, Иоахим и Клара Шуман образовали «тройственный союз друзей» до конца своих дней. Это следует отметить особо, поскольку именно линия Шуман — Брамс — Иоахим определяла общую музыкальную тональность Кёнигсберга. Через Иоахима сошелся с Брамсом Броде; в Кёнигсберге им были исполнены все симфонии Брамса. В биографии великого композитора читаем: «С 1868 года и в последующее десятилетие гастрольные поездки становились все короче и короче — но при этом все более частыми. Бреслау, Берлин, Кёнигсберг, Галле, Гамбург, Мюнхен... часто видели и слышали его» [20, S. 764]. Однако пока не удалось найти точных сведений о том, где именно и с какой программой выступал Брамс.

Иоахим был директором Берлинской высшей школы музыки с момента ее основания (1869). Среди его учеников — выдающийся скрипач А. Виттенберг (Alfred Wittenberg, 1880—1952), последний ученик Г. Венявского; русский виртуоз, профессор Московского филармонического училища, первая скрипка в квартете герцога Мекленбургского К. Григорович (Charles Gregorowitsch, 1868—1921) — по широте и плавности тона его сравнивали с Эмилем Соре (Émile Sauret, 1852—1920) и Пабло де Сарасате (Pablo Martín Melitón de Sarasate y Navascués, 1844—1908); основатель русской скрипичной школы, дирижер, композитор, профессор Санкт-Петербургской консерватории Л. Ауэр (Leopold Auer, 1845—1930), воспитавший свыше 300 учеников-виртуозов, в том числе — К.К. Горского (1859—1924), М.Б. Полякина (1895—1941), Я. Хейфеца (1901—1987), Е.А. Цимбалиста (1889—1985), М.С. Эльмана (1891—1967), И.Ю. Ахрона (1886—1943), Д.С. Бертье (1882—1950), Ц.Г. Ганзен (1897—1989). В 1873 году Ауэр стал солистом Императорских театров, а в 1874-м получил звание солиста Его Величества. В 1880 году занял пост дирижера симфонических концертов придворной певческой капеллы. В 1881 году совершил с выдающимся успехом концертное турне по России и Западной Европе, посетив и Кёнигсберг. С 1888 по 1892 год дирижировал симфоническими концертами Императорского Русского музыкального общества и стоял во главе его квартета, пользовавшегося большой известностью как в России, так и за рубежом [2].

Иоахим любил устраивать турне своих выдающихся учеников в тех городах, где работали другие его протеже. Потенциально все указанные виртуозы могли выступать и в филармонических сезонах биржи, что открывает про-

стор для дальнейших изысканий. Броде совершенно определенно приглашал квартет Ауэра выступить в концертах филармонических сезонов (Ауэр — Гинцбургу без даты) [9, ф. 2303, оп. 1, д. 16, л. 1 об.].

Часто принимал участие в филармонических сезонах также Кёнигсбергский квартет, в состав которого входили Гедвиг Вик-Гулиш (Hedwig Wieck-Hulisch, 1888—1965, альт) и ее муж с 1924 года Курт Вик (Kurt Wieck, 1880—1968, первая скрипка с 1925 года) — родители известного музыканта и мемуариста, автора книги «Закат Кёнигсберга» Михаэля Вика (Michael Wieck, 1928—2021). Руководил этим коллективом Август Хеверс (August Hewers, 1885—1945, первая скрипка), виолончель — Герман Хёнес (Hermann Hönes, 1900—1978). Репертуар включал произведения Бетховена (были исполнены все его струнные квартеты во время лекций Й. Мюллера-Блаттау (Joseph Maria Müller-Blattau, 1895—1976) в Кёнигсбергском университете и в бирже [18]), П. Хиндемита, Б. Бартока, А. Шёнберга. Впервые прозвучали в исполнении квартета произведения кёнигсбергского композитора Отто Беша (Otto Besch, 1885—1966) [29, S. 22]. В его творчестве большое место занимала интерпретация наследия Гофмана, в частности он написал оперу «Эрнст Теодор Амадей Гофман».

Следует отметить, что филармонические сезоны считали «слишком академическими», а Броде — консерватором (в частности, за то, что он не любил и не исполнял Густава Малера). Но в бирже звучала новая музыка: состоялась концертная премьера (в Германии) оперы Ж. Бизе «Кармен», в 1890-е прозвучали все симфонии П. И. Чайковского. Приветствовались дебюты молодежи, например вундеркинда Вернера Хаймана (Werner Richard Neumann, 1896—1961). Даже для 1920-х годов Кёнигсберг выглядел передовым, если сравнивать его с другими городами, где новая музыка звучала в узких кругах на «квартирниках» [19].

Регулярно исполнялись новые опусы местных композиторов. Часто выходил на сцену в Большом зале биржи Эмиль Кюнс (Emil Kühns, 1866 — после 1938), скрипач, дирижер, директор Кёнигсбергской консерватории; да и практически все преподаватели консерватории выступали в здании. Консерватория была основана 21 февраля 1881 года Юлиусом Гебауром (Carl Julius Gebauhr, 1809—1881), всемирно известным фабрикантом фортепиано, щедро дарившим свои рояли консерватории, театру и бирже [17, S. 90]. Данные о первых годах ее существования можно найти в юбилейном адресе, посвященном двадцатилетию институции (копия хранится во вспомогательном фонде ГБУК «КОМИИ»).

Двадцатилетний юбилей учреждения отмечался 21—23 февраля 1901 года в залах Палестры Альбертины, а юбилейный концерт состоялся в бирже; как отмечено в адресе, он «не был затянут и прошел блестяще». Программа, которую исполняли преподаватели консерватории со студенческим оркестром и женским хором, состояла всего из двух номеров — тройного фортепианного концерта Баха и «Песни песней» для женского хора, солистов и фортепиано,

написанной кёнигсбергским композитором, преподавателем консерватории К. Бернекером (Constanz Berneker, 1844—1906) (дирижировал сам автор). Упомянувшийся выше Э. О. Ноднагель исполнял соло баритона.

Рецензия Ноднагеля на большой симфонический концерт в бирже 11 ноября 1901 года, в котором с постановкой «Гензель и Гретель» приняли участие преподаватели и студенты консерватории наряду с такими звездами, как Иоахим и Броде, свидетельствует о высоком уровне исполнительства этих музыкантов [24].

Не раз слышали в бирже игру преподавателя консерватории, пианиста Рудольфа Винклера (Rudolf Winkler, 1889—1970), учившегося в Кёнигсберге, Мюнхене и консерватории Штерна в Берлине, где он получил медаль имени Ф. Листа. Тяжело раненный в Первую мировую, три года он был пациентом клиники Г. Хёфтмана в Кёнигсберге, его прооперировали 11 раз. Н. А. Чебуркин полагает, что как участник Первой мировой войны Винклер проходил курс лечения и реабилитации у самого профессора, доктора-ортопеда Генриха Хёфтмана в Заведении для инвалидов «Дом Гинденбурга». В частной же ортопедической клинике Хёфтмана лечение было платным [13]. После относительного излечения в его обязанности входило давать концерты на всех площадках города и вести посвященные музыке радиопередачи на Кёнигсбергской радиовещательной станции.

В музыкальной жизни Кёнигсберга всегда был значимым вклад талантливых и образованных любителей. Важную роль в ней играло Кёнигсбергское музыкальное общество (Königsberger Musikverein), основанное в 1896 году. Представление об обществе может дать оцифрованная коллекция Лотте Симон (Lotte Simon, 1896—1991), которая была скрипачкой общества с 1912 года до своего отъезда из Германии в 1932 года. Сохранились уставы, отчеты, программки и 31 рецензия на концерты за 1909—1924 годы. В 1896 году Кёнигсбергское музыкальное общество образовало Симфонический оркестр дилетантов. Его руководителем стал Вендель. Этот оркестр также постоянно выступал в бирже, а сам Вендель, блестящий музыкант, в разное время работавший концертмейстером Чикагского и Бременского оркестров и имевший крепкие связи с Россией, неоднократно выступал как дирижер в Москве в рамках сезонов С. Кусевицкого с такими выдающимися мастерами, как А. В. Нежданова (1873—1950) и Н. К. Метнер (1880—1951). В 1913 году в Петербурге он впервые в России исполнил 9-ю симфонию Брукнера. В феврале 1930 года Вендель приезжал уже в советский Ленинград. В программе его шести концертов с Филармоническим оркестром в Большом зале были все симфонии Бетховена, а также три симфонии Чайковского, только что с блеском исполненные в Кёнигсберге.

Кёнигсбергские гастроли Артура Шнабеля (Artur Schnabel, 1882—1951), великого австрийского пианиста, педагога, композитора, — тема, достойная отдельной статьи, как и гастроли Пабло Казальса (Pablo Casals, 1876—1973). Шнабель выступал в бирже неоднократно и в составе всех своих трио; он предпочитал эту площадку всем прочим по причине прекрасной акустики,

настоятельно рекомендовал ее своим ученикам. Когда в ночь с 29 на 30 декабря 1917 года внезапно скончался от сердечной недостаточности Броде, первое известие о его смерти было получено музыкальной общественностью города на *Matinee* в Большом зале биржи; концерт давало трио Шнабель — Флеш (Carl Flesch, 1873—1944) — Беккер (Hugo Becker, 1864—1941). После скорбного объявления в наступившей тишине Шнабель экспромтом сыграл *Marche funèbre* из сонаты для фортепиано № 2 (op. 35) Шопена [26].

Вероятнее всего, именно в бирже слышали и ученика Шнабеля — советского пианиста и теоретика Михаила Друскина (1905—1991), который был близок к Герману Шерхену (Hermann Scherchen, 1891—1966), с 1928 года работавшему на Кёнигсбергском радио и активно сотрудничавшему с биржей [28]. Молодой музыкант по крайней мере трижды посетил Кёнигсберг с интересной формой «лекция-концерт». Программа его выступлений точно неизвестна, но можно восстановить ее по статьям о его выступлениях в других городах Германии (личное дело Друскина М. С. в архиве Санкт-Петербургской государственной консерватории [1, д. 178, л. 81—122]; см. также: [15; 19]). Он знакомил слушателей с музыкой русского авангарда; впоследствии вспоминал, что произведения Стравинского были самым консервативным из всего, что он тогда играл. Друскин пропагандировал новую русскую музыку, исполняя произведения Щербачёва, Шостаковича, Мосолова, Рязанова и других композиторов [1, д. 178, л. 81—122; 11]. В Германии он писал для советской периодики корреспонденции о музыкальной жизни страны. Возможно, в этих репортажах можно найти что-то и о Кёнигсберге.

В заключение краткого очерка кёнигсбергского периода биржи отмечу, что для пограничного, торговавшего с Россией города интерес к русской культуре и, в частности, к музыке постоянен. Она часто звучала — в широком диапазоне от Мусоргского (любивший его Броде создал симфоническое попури на хоры «Хованщины» и «Бориса Годунова»), ораторий Рубинштейна, симфоний Чайковского, сонат Метнера до авангарда. Обычен был и обмен исполнителями.

Советский период музыкальной истории здания бывшей биржи

Переходя к советскому периоду в истории биржи, стоит сказать, что работа над этой темой еще продолжается: даже после изучения материалов, выявленных в Государственном архиве Калининградской области, перспективу исследования образует просмотр периодики и интервьюирование очевидцев деятельности творческих коллективов.

Итак, в 1970-е годы, когда Калининградский морской торговый порт реконструировал руинированное здание бывшей биржи под Дворец культуры моряков, начался новый этап его музыкальной жизни. В силу самого назначения ДКМ этот этап был связан прежде всего с художественной самодеятельностью.

Наиболее полную информацию дают программы концертов и смотров. В истории самодеятельности в СССР 1970-е годы характеризуются ориентацией на повышение художественного уровня вплоть до профессионального: об этом свидетельствует и появление «народных консерваторий» (преподавание там велось профессионалами, но на общественных началах), и репертуар (исполнение самодеятельными коллективами опер и даже симфоний), а также то, что к 1975 году более 4,5 тыс. коллективов самодеятельности получили звание народных. Смотры помогали выявлять и поощрять коллективы и солистов наиболее высокого уровня; в жюри принимали участие профессиональные музыканты.

С февраля по апрель проходили сначала районные, затем городские и областные творческие состязания, по итогам которых район-победитель получал переходящий приз [5, ф. Р-632, оп. 1, д. 263, л. 21]. Этот приз бережно реставрировали и гравировали [Там же, л. 17].

Из 46 тыс. работающих Балтийского района города по статистике 1977 года в самодеятельности было задействовано 20% [Там же, д. 255, л. 43]. Исполнителями музыки, танца, пьесы могли стать все — моряки, портовые рабочие, шоферы, инженеры. Репертуар музыкантов состоял в основном из произведений советских композиторов — А. А. Бабаджаняна, М. М. Магомаева, В. Я. Шаинского, М. И. Блантера, В. И. Мурадели и др. [Там же, д. 228, л. 23].

В первые годы работы ДКМ на его сцене часто выступал вокально-инструментальный ансамбль «Балтийские чайки» — второй в СССР полностью женский коллектив (рис. 3). Руководителями его были Владимир Зорин, Александр Ечин и Анатолий Гольдинский [4].

Рис. 3. Ансамбль «Балтийские чайки». Начало 1970-х.
Вспомогательный фонд ГБУК «КОМИИ»

В 1973 году в ДКМ насчитывалось по два хоровых и танцевальных коллектива и по три — музыкальных и драматических. На постоянной основе работали ансамбль народного танца (рук. М. Василевская), оркестр народной песни (рук. А. Ложкин), оркестр народных инструментов (рук. А. М. Латкин (1919—1999)), эстрадный оркестр (рук. А. Шахалиев), вокальный ансамбль (рук. В. Баранюк). В 1976—1977 годах в ДКМ даже базировался цирковой коллектив, репетировал мужской вокальный ансамбль торгового порта [5, ф. Р-1261, оп. 1, д. 7]. Особенно стоит отметить Литературный театр (режиссер А. С. Михайлов, 1938—2021) и ансамбль бального танца «ОНиОНА» (руководитель Н. И. Бушкевич, с 1983 года — С. В. Мартыненко); оба коллектива существуют и по сей день и широко известны в Калининграде.

Уникальным исполнителем был баритон Александр Некрасов, который успешно совмещал дело лоцмана и пение. Еще его дед пел в шахтерском хоре. На заключительном концерте смотра художественной самодеятельности в 1974 году Некрасов исполнял произведения прибалтийских композиторов А. Ойта и Л. Сийга [Там же, ф. Р-632, оп. 1, д. 236]. Без отрыва от работы закончил музыкальное училище, брал частные уроки в Ленинградской консерватории. Его репертуар включал сложные оперные арии, романсы, народные песни. «Поющий лоцман» как минимум дважды удостоивался чести выступить в Кремле [3, с. 120—128].

В 1975 году на базе ДКМ проходит масштабный смотр художественной самодеятельности, посвященный 30-летию Победы, на котором от Калининградского Дома офицеров выступал «военнослужащий Владимир Слободян» (род. 1950, впоследствии известный пианист и педагог) [5, ф. Р-632, оп. 1, д. 245, л. 14—17].

На рубеже 1970—1980-х годов ДКМ стал «базовой» площадкой калининградского джаза благодаря деятельности М. В. Пиганова (род. 1964). Здесь проводились первые в стране джемы, фестивали джаза. ДКМ прославился как один из центров независимого музыкального творчества, андеграундного искусства. Именно здесь впервые выступал и известный московский (в то время) джазмен А. С. Козлов (род. 1935). Впоследствии его жизнь была тесно связана с нашим городом, а ансамбль Козлова «Арсенал» неоднократно выходил на сцену ДКМ [12].

Со второй половины 1980-х годов учащаются поездки творческих объединений ДКМ в союзные республики, создаются программы по обмену с Германией [5, ф. Р-1261, оп. 1, д. 3, л. 17—26]. Документация этого периода в архиве представлена слабо.

Девяностые годы принесли новые формы коллективов — школу хороших манер «Очарование» и детский театр классического балета «Апломб». Из существовавших в прежние десятилетия организаций на базе учреждения работает лишь Литературный театр. Возрастной состав в новых объединениях значительно «моложе», чем в 1970-е [Там же, ф. Р-1261, оп. 1, д. 3, л. 27—48]. Например, в театре «Радость» подавляющему большинству участников было от 14 до 20 лет [Там же, л. 33].

Экономические сложности и появившиеся у творческих коллективов широкие возможности для независимой от объединяющего центра работы послужили причинами падения популярности ДКМ. В 2000 году он был реформирован в государственное учреждение — Областной центр культуры молодежи.

Пожалуй, одно из главных отличий музыкальной культуры в здании биржи советского периода от культуры периода немецкого — значительно возросшее количество непрофессиональных музыкантов. Подавляющее число исполнителей имели основную профессию, как правило, не связанную с музыкой. Если репертуар кёнигсбергских исполнителей включал по преимуществу классику — произведения Бетховена, Моцарта, Гайдна, Брамса, Вагнера, а современность была представлена в основном камерными коллективами и отдельными исполнителями, то калининградские музыканты чаще выбирали современных отечественных композиторов.

Классическая музыка звучала в здании в основном на так называемых «шефских» концертах, организованных преподавателями Калининградского музыкального училища (впоследствии — колледжа им. С.В. Рахманинова). Интересно, что «рубинштейновская» тема была продолжена исполнением в 1980-х годах трио П. Чайковского «Памяти великого художника» (ор. 50) ансамблем в составе Е. Сыроватко (фортепиано) — Т. Оболенская (виолончель) — Л. Козак (скрипка).

Краткое рассмотрение музыкальной истории здания биржи в Кёнигсберге-Калининграде, связавшей множество жанров, разнородных коллективов и прославленных солистов, позволяет утверждать, что значение здания как одного из центров музыкальной жизни города сохранялось на протяжении всего периода с конца XIX по начало XXI века. Этот центр способствовал развитию коммуникаций в музыкальном сообществе как в пределах города, так и в нескольких европейских странах. В Кёнигсберге выступали русский композитор А. Рубинштейн и великий австрийский музыкант А. Шнабель, из Калининграда в Европу выезжали с репертуаром коллективы ДКМ, а певец и лоцман А. Некрасов переехал в эстонский город Маарду, где впоследствии множество раз выходил на сцену.

Собранный материал может стать основой для дальнейших исследований истории здания в контексте городского развития.

Автор статьи выражает признательность директору ГБУК «КОМИИ» Г.В. Заболотской и научным сотрудникам Л.В. Сыроватко, Э.В. Иванкову и В.И. Чиченковой за всемерную поддержку исследования и возможность работать в библиотеке, архиве музея, пользоваться сведениями о фондовых предметах, а также краеведу Н.А. Чебуркину за консультативную помощь.

Список источников и литературы

1. Архив Санкт-Петербургской государственной консерватории.
2. Ауэр Л. Среди музыкантов / пер. с англ. И. Явнэ. Л., 1927.

3. *Бабин А.* Прогулки по Маарду. Таллин, 2017.
4. *ВИА «Балтийские чайки».* URL: https://abrgen.ru/muzika/luchshie_otechest/baltiyskie-chauki/ (дата обращения: 08.01.2025).
5. *Государственный архив Калининградской области.*
6. *Кавос-Дехтерева С.* Рубинштейн А.Г. Биографический очерк. Музыкальные лекции (курс фортепианной литературы). СПб., 1895.
7. *Кузнецова И.* Русский след в музыкальной культуре Кёнигсберга // Слово.ру: балтийский акцент. 2010. № 1—2. С. 251—260.
8. *Путеводитель по Кенигсбергу и прилегающим морским курортам для русских путешественников.* Второй год издания. Кёнигсберг, 1911.
9. *Российский национальный музей музыки.*
10. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Теория исторического знания : учеб. пособие. СПб., 2007.
11. *Селиверстова Н. Б.* Друскин Михаил Семенович : [Биографическая справка]. URL: <https://www.conservatory.ru/esweb/druskin-mikhail-semyonovich-1905-1991> (дата обращения: 16.02.2025).
12. *Саульский Ю. С.* Метаморфозы «Арсенала» // Советский джаз. Проблемы. События. Мастера : сб. ст. М., 1987. С. 240—251.
13. *Чебуркин Н. А.* Доктор Генрих Хёфтман // Балтийский альманах. Калининград, 2023. Вып. 22. С. 28—32.
14. *Brode P. E.* Max Brode (1850—1917). Violonist und Dirigent in Königsberg (1876—1917). URL: <http://kultur-in-ostpreussen.de/images/stories/Brode/Bio%20Peter%20Brode.pdf> (дата обращения: 02.01.2025).
15. *Druskin M.* Rundfunk. Musik in Sowjetrußland // Musikblätter des Anbruch. 1931. № 8—10. S. 183—186.
16. *Erichson A.* Königsberger Börsen Polka für Pianoforte. L., 1876.
17. *Huchzermeyer H.* Beiträge zu Leben und Werk des Kirchenmusikers Ernst Maschke (1867—1940) sowie zur Geschichte der Kirchenmusikinstitutionen in Königsberg/Preussen (1824—1945) : Diss. (Ph. D). Paderborn, 2012.
18. *Kroll E.* Musikstadt Königsberg. Geschichte und Erinnerung. Freiburg; Zürich, 1966.
19. *Laux K.* Mannheim: Spiegel der Provinz // Melos. 1932. № 11. S. 150.
20. *Mandyczewski E.* Brahms // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1903. Bd. 47. S. 760—767.
21. *Metzner G.* Heine in der Musik : in 2 Bdn. Tutzing, 1989—1994.
22. *Musikalisch-literarischer Monatsbericht über neue Musikalien, musikalische Schriften und Abbildungen.* Leipzig, 1876.
23. *Nodnagel E. O.* Joachim-Matinee 10.11.1900. URL: <http://kultur-in-ostpreussen.de/images/stories/EON/Koenigsberg/Kritiken/Einzelkonzerte/1900.11.01%20ca%20-%20Joachim.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
24. *Nodnagel E. O.* 11.11.1901 Konzerte. URL: http://kultur-in-ostpreussen.de/images/stories/EON/Koenigsberg/Kritiken/SinfKonzerte/Brode/1901_11_11_2_Sinf_Kzt_KMusA_bd_Joachim.pdf (дата обращения: 16.02.2025).
25. *Nodnagel E. O.* Kritiken Königsberger Sinfoniekonzerte: 1899—1902. URL: <http://kultur-in-ostpreussen.de/eonkbgbsinfk> (дата обращения: 16.02.2025).
26. *Professor Max Brode* // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1917. 31 Dez. № 609. S. 3.

27. Stern S. Max Brode zum Gedächtnis // Sonntagsblatt der Königsberger Hartung-schen Zeitung. 1918. 20 Jan. S. 1—5.
28. Strobel H. Scherchens Funkreise // Melos. 1929. № 12. S. 547—548.
29. Wieck M. Zeugnis vom Untergang Königsbergs. Ein “Geltungsjude” berichtet. Hei-delberg, 1988.

Об авторе

Мария Константиновна Чаплыгина — студентка, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: mkc06@inbox.ru

M. K. Chaplygina

“Stock Exchange polka”, Stradivari violin, jazz and a “singing pilot”:
Materials for the history of the musical life of a landmark architectural monument
in Königsberg-Kaliningrad

The article observes musical history of the building of the Königsberg Stock Exchange in Kaliningrad, namely the main groups and personalities from the end of the 19th to the beginning of the 21st century. The purpose of the study is to identify the main trends in the musical life of the building in the pre-war and Soviet periods. Publications of periodicals, archival documents and personal correspondence became the materials for the analysis. The author substantiates a conclusion about the significant increase in a number of amateur musicians in the Soviet period, the increase in the share of works of the time in the repertoire of performers.

Keywords: local history, philharmonic seasons, historical building of the Königsberg Stock Exchange, Kaliningrad Palace of Culture of Sailors, Max Brode, Joseph Joachim, Anton Rubinstein, quartet, trio, amateur performance review, jazz

The author

Maria K. Chaplygina, Student, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: mkc06@inbox.ru

Памятники искусства и истории в ландшафте Калининградского зоопарка

Калининградский зоопарк основан в 1896 году как Кёнигсбергский зоосад. С первых лет его работы большое внимание уделялось формированию садово-паркового ландшафта, украшению территории зоосада посредством произведений искусства. После 1945 года эта тенденция продолжилась. В настоящее время Калининградский зоопарк владеет рядом скульптур, наделенных статусом объектов культурного наследия, имеющих художественное и историческое, а зачастую и музейное значение. В статье предпринята попытка первичной систематизации «неживых» экспонатов коллекции Калининградского зоопарка, даны краткие описания истории появления и бытования памятников. Основные принципы классификации — хронологический (время создания и появления в зоосаде) и тематический (мемориальный либо анималистический характер). Особую группу представляют произведения, изначально не предназначенные для зоопарка. Интерес к истории и культурному наследию в зоопарке растет, это доказывает рост числа посетителей — за 2024 год здесь побывали почти 700 тыс. человек. Изучение предметов архитектуры и искусства позволит создать экскурсионный маршрут и усилить интерес публики.

Ключевые слова: Калининградский зоопарк, Кёнигсбергский зоосад, памятники истории, скульптура, объект культурного наследия, Герман Клаасс, Вальтер фон дер Фогельвейде

Калининградский зоопарк является одним из трех старейших зоологических парков Российской Федерации: старше него только Московский зоопарк (открыт в 1864 году) и Ленинградский зоопарк в Санкт-Петербурге (открыт в 1865 году). История зоопарка в Калининграде начинается в 1896 году, когда был открыт для публики Кёнигсбергский зоосад, официально учрежденный годом ранее.

Зоосад Кёнигсберга был организован на территории бывшей Северо-Востоногерманской ремесленной выставки в предместье Кёнигсберга — районе Хуфен, отличавшемся большим количеством садов и парков при виллах. Собственно, для устройства выставки, а позже зоосада был выкуплен садово-парковый участок виллы «Хуфенпарк», к которому в процессе расширения зоосада добавились близлежащие участки.

Несомненно, самые главные «экспонаты» зоосада — это животные. Уже к моменту открытия здесь насчитывалось 862 особи 292 видов. Затем в разные периоды работы Кёнигсбергского зоосада, позже Калининградского зоопар-

ка, количество животных колебалось в диапазоне от 1 до 3 тыс. и в настоящий момент, по данным годового отчета за 2023 год, составляет 2980 экземпляров 283 видов [1]. Однако наряду с основной коллекцией Калининградский зоопарк имеет статус дендропарка — это спроектированный в 1895—1896 годах садово-парковый ландшафт с дендрологической коллекцией, состав которой включает редкие и исчезающие виды растений. Ландшафт зоопарка характеризуется множеством дендрокомпозиций, газонов и клумб [4, с. 145—166].

С 2007 года зоопарку Калининграда присвоен статус достопримечательного места. Зоопарк также является объектом культурного наследия Калининградской области, и на его территории располагается ряд объектов — памятников культуры и истории регионального и муниципального значения [2]. По данным, приведенным в годовом отчете МАУК «Калининградский зоопарк» за 2024 год, 7 памятников имеют статус объектов культурного наследия, 11 строений и сооружений, в том числе вольеры для содержания животных, являются предметами охраны объектов культурного наследия.

Каким образом формировалась такая коллекция? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изучить историю бытования отдельных памятников и объектов искусства. Конечно, она тесно связана с историей развития самого зоопарка. В его истории можно выделить следующие периоды:

— 1896—1945 годы: период работы Кёнигсбергского зоосада;

— 1945—1980-е годы: восстановление Калининградского зоопарка в СССР;

— 1990-е годы — настоящее время: развитие Калининградского зоопарка в современной Российской Федерации.

Объекты искусства попадали в зоосад (зоопарк) разными путями. Первую значительную группу составляют произведения искусства, созданные специально для Кёнигсбергского зоосада. К ним относятся:

— памятник, посвященный первому директору зоопарка Герману Клаассу (Hermann Klaass, 1846—1914), с барельефом на постаменте (официальное именование в документах). Был установлен в 1913 году, до 1945 года находился в зоосаде, затем исчез. В настоящее время памятник восстановлен и отреставрирован;

— памятник поэту-миннезингеру Вальтеру фон дер Фогельвейде, установленный в 1931 году. До 1970-х годов экспонировался в Калининградском зоопарке, затем перемещался по Калининграду, вернулся в зоопарк в 2016 году;

— скульптурная композиция «Играющие борзые собаки» немецкого скульптора Эриха Шмидта-Кестнера (Erich Schmidt-Kestner, 1877—1941), установленная в Кёнигсбергском зоосаде в начале 1930-х годов (точных сведений о том, где именно она экспонировалась, нет). В 1940-х годах была вывезена из зоопарка, позже продана частными лицами в коллекцию Калининградской художественной галереи, ныне Калининградского областного музея изобразительных искусств [5].

Тенденция «спецзаказа» была продолжена в период восстановления и развития Калининградского зоопарка. Во второй половине XX века специально для Калининградского зоопарка были выполнены следующие произведения искусства:

— анималистические скульптурные композиции Центрального входа, часть которых установлена в 1948 году, часть — на рубеже 1950—1960-х годов;

— скульптуры и барельефы в оформлении комплекса «Детский городок» (установлены в 1970-х годах, открыты для посещения в 1982 году).

Некоторые объекты зоопарка выделяются уникальным мозаичным оформлением, над созданием которого также потрудились известные местные мастера искусств. Мозаика присутствует в оформлении «шедевров» — помещений для содержания мелких животных комплекса «Детский городок», мозаичное панно украшает одну из стен павильона «Животные Южной Америки». Уникальное панно из плитки, расписанной вручную, в 1974 году было создано специально для павильона бегемотов. Отдельно стоит отметить витражные окна павильона «Дом птиц», выполненные в середине 1970-х годов.

Идея использования произведений искусства в оформлении зоопарка была подхвачена в XXI веке. В 2005 году к юбилею Калининграда — Кёнигсберга муниципалитеты шведских городов Кальмар и Хальмстад подарили Калининградскому зоопарку гранитную скульптуру «Сердца», символизирующую Хальмстад, а также композицию из двух гранитных блоков «Диалог». Эти скульптуры стали композиционными центрами двух скверов на территории зоопарка.

В 2008 году бюро земли Шлезвиг-Гольштейн (Германия) в Калининграде передало в дар зоопарку композицию «Круглый стол», имеющую не только символическое значение, но и функциональное назначение. Она используется по своему прямому назначению — как стол со скамьями для расположения посетителей.

В 2012 году появилась арт-композиция «Последние» работы калининградской группы художников «Сан-Дonato». Четыре силуэта, напоминающие персонажей сказки «Бременские музыканты», символизируют четырех животных (бегемот, лань, осел и барсук), переживших штурм Кёнигсберга в апреле 1945 года.

Вторую группу произведений искусства, находящихся в Калининградском зоопарке, составляют объекты, которые изначально создавались для иных целей, но в силу исторических обстоятельств попали сюда. Она включает скульптуру «Орангутан» известного восточнопрусского скульптора Артура Штайнера (Arthur Steiner, 1885—1960), созданную в 1930 году [6, S. 168, 169] и попавшую в зоопарк предположительно в конце 1950-х годов. Еще один экспонат такого рода — скульптура «Девочка с олененком», находящаяся в зоопарке приблизительно с середины 1980-х годов. Долгое время авторство и датировка этой работы оставались совершенно неизвестными.

В третью группу входят объекты, которые не связаны напрямую с Кёнигсбергским зоосадам или Калининградским зоопарком, однако некоторое время

находились в его коллекции. В силу их большой известности и несомненной исторической значимости представляется разумным все же включить их в данную классификацию. Это один из самых ярких и известных символов Калининграда — скульптура «Борющиеся зубы», созданная немецким скульптором Августом Гаулем (August Gaul, 1869—1921). В 1912 году она была привезена в Кёнигсберг и установлена в районе Фордерхуфен (ныне начало проспекта Мира), где в начале 1920-х годов был построен местный Дворец правосудия — здание Земельного суда. Сегодня «Быки», как их называют в народе, стоят на своем исконном месте, однако с 1951 года до середины 1970-х они размещались на главной аллее зоопарка.

Два других перемещенных объекта, бронзовые фигуры лосей в натуральную величину, также заслуживают подробного описания. Автор обеих скульптур — Людвиг Фордермайер (Ludwig Vordermayer, 1868—1933). Первая скульптура была в 1925 году установлена в центре Гумбиннена, вторая в 1928 году украсила центральную площадь Тильзита. В 1947—1950 годах лоси были перевезены в Калининград и помещены в зоопарк — возможно, чтобы избежать вандализма и хищения ценных металлов. Вторым аргументом в пользу перемещения в зоопарк была необходимость насытить территорию нового учреждения культуры подходящими по тематике анималистическими композициями. В настоящее время обе скульптуры находятся на своих исторических местах в Гусеве и Советске соответственно.

Еще одно ценное произведение искусства — фонтанная композиция «Мальчик с лебедем». Предположительно она была привезена в Калининградский зоопарк в 1950-х годах, о чем свидетельствуют фотодокументы. В 1980-х годах ее передали в Калининградскую художественную галерею (ныне Калининградский областной музей изобразительных искусств). В настоящее время эта скульптура, как и уже упоминавшиеся «Играющие борзые собаки», экспонируется в рамках постоянной выставки «Калининград — Кёнигсберг. Мост над временем».

Остановимся подробнее на описании наиболее известных экспонатов из коллекции Калининградского зоопарка. Памятник, посвященный первому директору зоопарка Герману Клаассу, с барельефом на постаменте, был установлен на главной аллее в 1913 году, еще при жизни Клаасса, решением правления Союза Кёнигсбергского зоосада. Верхняя часть — бронзовая многофигурная композиция анималистического характера «Львица и мальчик со львятами», созданная известным восточнопрусским скульптором Вальтером Розенбергом (Walter Rosenberg, 1882—1945), стоит на постаменте из ракушечника. На одной из боковых сторон постамента расположен барельеф с портретным изображением Германа Клаасса, легко узнаваемого по таким характерным особенностям образа, как борода и шляпа с широкими полями. Сохранился ряд фотодокументов разных лет, с 1920-х до конца 1930-х годов, подтверждающих нахождение памятника в Кёнигсбергском зоосаде. Однако

уже в 1948 году место его расположения пустовало, памятник и постамент исчезли из зоопарка. Именно в этой точке главной аллеи зоопарка в 1951 году были установлены «Борющиеся зубы».

Следы памятника Герману Клаассу были обнаружены в 1980-х годах. Верхняя скульптурная часть была возвращена в зоопарк осенью 1982 года, о чем свидетельствует фотография, переданная из личного архива калининградского фотографа Альберта Зайцева. Нижнюю часть (постамент) обнаружил краевед Николай Чебуркин на территории детского дошкольного учреждения. Сохранившаяся надпись-посвящение позволила доказать принадлежность постамента Кёнигсбергскому зоосаду и вернуть его на исконное место. В 1996 году, к 100-летию зоопарка, памятник был отреставрирован. В 2024 году специалисты Санкт-Петербургской реставрационной мастерской «Наследие» выполнили комплексную реставрацию объекта, в частности устранив дефекты и деформации скульптуры (пробитая голова фигуры мальчика была залеплена цементной массой, голова львицы — многократно исцарапана), восстановив патину, осуществив комплексную чистку постамента с заменой корродированных элементов.

В это же время, летом 2024 года, те же специалисты мастерской «Наследие» занялись реставрацией скульптуры «Девочка с олененком». Напомним, предположительно она была перенесена в Калининградский зоопарк во второй половине 1980-х годов, предыдущее ее местонахождение неизвестно. В 2003 году скульптуру установили в центре сквера «Карта Швеции» на территории зоопарка. До реставрации состояние произведения искусства было очень плохим — утрачены некоторые элементы, часть глазури. В реестре объектов была указана приблизительная дата создания произведения — первая половина XX века, в разных источниках упоминался либо 1915, либо 1930 год. В качестве материала, из которого изготовлена композиция, назывался искусственный камень, однако неизвестно, на каком основании были сделаны подобные выводы.

Во время последней реставрации специалисты расчистили фабричные клейма на плинте скульптуры — два идентичных клейма на торцах. Клейма хорошо читались, отчетливо были заметны три латинские буквы “kkk” и очертания лодки или ладьи, что позволило быстро установить место изготовления. Данное клеймо использовалось на предприятии «Кильская художественная керамика» (нем. *Kieler Kunst-Keramik*), работавшем в очень ограниченный период — с 1924 по 1930 год. Иконографический анализ и сравнение с другими работами этой же фабрики, а также консультации со специалистами по истории «Кильской художественной керамики» позволили предположить, что автором произведения является северогерманский скульптор Рихард Куэль (Richard Kuöhl, 1880—1961). Это предположение было подтверждено документальными свидетельствами — фотографией в каталоге 1926 года, когда скульптура «Девочка с овечкой» (такое ее оригинальное название) впервые была продемонстрирована на Дрезденской выставке садово-парково-

го искусства, а также фотографией 1928 года, когда ряд произведений мастеров из Киля был привезен на Немецкую восточную ярмарку (Deutsche Ostmesse) в Кёнигсберг. Таким образом, можно с большой вероятностью утверждать, что скульптура «Девочка с олененком» начала свое «кёнигсбергское путешествие» в 1928 году. Открытым остается вопрос о ее бытовании в Калининграде после 1945 года.

После реставрации скульптура была перенесена на газон рядом с «Читальным павильоном» возле исторического вольера медведей и установлена на специально сооруженном постаменте.

Еще один памятник искусства, которым зоопарк гордится по праву, — это гранитное изваяние поэта-миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде (ок. 1170—1230). В зоосаде регулярно устраивались концерты и песенные торжества с участием певцов-любителей со всей Восточной Пруссии. В знак признательности за эту поддержку Союз певцов-любителей провинции в 1930 году принял решение установить в зоосаде памятник этому великому немецкоязычному поэту раннего Средневековья. Автором изваяния стал скульптор Георг Фуг (Georg Fuhg, 1898—1976) [6, S. 73, 76].

Летом 1930 года во время торжественной церемонии закладки первого камня в основание постамента, на которой присутствовали обер-бургомистр Кёнигсберга доктор Х. Ломайер (Hans Lohmeyer, 1881—1968) и другие почетные гости, на дно полого постамента была опущена «капсула времени» — металлическая гильза с грамотой, выполненной на пергамене. Об этом ярком событии сообщали кёнигсбергские газеты (см.: [3]). Седьмого июня 1931 года памятник был установлен на постамент в центре зоосада. Здесь он находился до конца войны, пережил штурм Кёнигсберга в апреле 1945 года. В 1960-х годах постамент был видоизменен, добавлена надпись на русском языке с пояснением о личности Вальтера фон дер Фогельвейде.

В 1980-х годах скульптура была вывезена из зоопарка и перенесена в созданный в 1974 году «Парк скульптур» на Центральном острове (ныне остров Канта). Оставшись без охраны и надзора, памятник быстро стал жертвой вандализма — в 1992 году неустановленные хулиганы отбили ему часть носа. Во избежание дальнейшего ущерба скульптуру переместили во внутренний двор здания Калининградского государственного университета на ул. Университетской. После долгих переговоров руководство Балтийского федерального университета имени И. Канта пошло навстречу дирекции зоопарка и в 2016 году вернуло скульптуру — удачным образом передача памятника совпала с празднованием 120-летия Калининградского зоопарка. В настоящее время памятник стоит у северной стены административного здания, образуя центр специально созданной дендроконструкции.

Нашла свое продолжение и история с «капсулой времени». Осенью 2024 года ее удалось обнаружить и изъять. Внутри металлической капсулы действительно находился пергамен с рукописным текстом. Видимо, свиток был

скреплен металлической печатью. К сожалению, большая часть пергамента оказалась повреждена — видимо, из-за поступления воды в основание поста-мента. В настоящее время изучаются возможности его реставрации с последующим экспонированием.

Кроме вышеперечисленных объектов искусства, экспонирующихся или имеющих непосредственное отношение к истории нашего зоопарка, в первые десятилетия XXI века коллекция пополнилась как подарками, так и неожиданными находками. Так, в 2015 году гражданка Германии Барбара Штайнер-Кунтц, внучка скульптора Артура Штайнера, передала в дар зоопарку два оригинальных произведения: скульптуру из гипса «Слепая материнская любовь» (также именуется «Обезьянья любовь») и керамическую композицию «Утки». В настоящее время обе работы переданы на временное хранение и экспонирование в Калининградский областной музей изобразительных искусств.

В 2020 году в архивных фондах зоопарка была обнаружена серия из двенадцати графических рисунков гуашью с изображениями животных. Судя по печатям и датировке, эти рисунки выполнил в 1981 году литовский художник-дизайнер Альбертас Домерецкас (Albertas Domereckas, род. 1941) в рамках заказа на изготовление системы навигации, который Калининградский зоопарк разместил в Литовской торгово-промышленной палате.

В 2024 году Калининградский зоопарк приобрел у частного лица графическое произведение известного калининградского художника Владимира Щербакова «В зоопарке», предположительно датируемое 1980-ми годами. Это рисунок, выполненный от руки, живописующий различные сюжеты, связанные с животными зоопарка, что и стало главным аргументом в пользу его приобретения.

Таким образом, в Калининградском зоопарке формируется настоящая коллекция произведений искусства — памятников истории, важных не только для зоопарка, но и для всей Калининградской области. Все вышеперечисленные и другие ее экспонаты требуют дальнейшего описания и тщательного исследования, а в некоторых случаях и профессиональной реставрации. Владение столь внушительным количеством объектов культурного наследия подчеркивает уникальный статус Калининградского зоопарка — одного из самых популярных мест посещения как для туристов, так и для жителей Калининградской области.

Список источников и литературы

1. *Годовые отчеты Калининградского зоопарка* // МАУК «Калининградский зоопарк». URL: <https://kldzoo.ru/about/information/> (дата обращения: 15.01.2025).

2. *Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения и местного (муниципального) значения Калининградской области*. URL: https://gov39.ru/vlast/sluzhby/gookn/zip/perechen_obektov_region_i_mest_nogo_znacheniya.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

3. *Königsberg im Zeichen des Männergesanges*. Erstes Gausängerfest der Königsberger Sängerschaft // *Königsberger Allgemeine Zeitung*. 1930. 23 Juni. №288. Abendausgabe 2. Beiblatt.

4. *Салихова Е. В.* Хроники садов и парков (Кёнигсберг — Калининград). Калининград, 2008.

5. *Шмидт-Кестнер Эрих*. Две играющие борзые собаки. Местонахождение: Государственное бюджетное учреждение культуры «Калининградский областной музей изобразительных искусств» // Госкаталог. РФ. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8453919> (дата обращения: 15.01.2025).

6. *Mühlpfordt H. M.* Königsberger Skulpturen und ihre Meister. 1255—1945. Würzburg, 1970.

Об авторе

Светлана Борисовна Колбанева — научный сотрудник, МАУК «Калининградский зоопарк», Калининград, Россия.

ORCID ID: 0009-0000-3248-487X

E-mail: biblioteka@kldzoo.ru

S. B. Kolbaneva

Monuments of art and history in the landscape of the Kaliningrad Zoo

The Kaliningrad Zoo was founded in 1896 as the Königsberger Tiergarten. From the first years of its existence, great attention was paid to the formation of its landscape, decoration of the zoo territory by means of works of art. After 1945 this trend continued. At present the Kaliningrad Zoo owns a number of sculptures that have the status of cultural heritage objects of artistic and historical significance, and are often of museum value. The article attempts to carry out primary systematisation of 'inanimate' exhibits of the collection of the Kaliningrad Zoo, as well as gives brief descriptions of the history of appearance and existence of the monuments. The main principles of classification are chronological (time of creation and appearance in the zoo) and thematic (memorial or animalistic character). A special group is represented by works that were not originally intended for the zoo. The increasing number of visitors — almost 700,000 people visited the zoo in 2024 — signifies the growing interest of public in the history and cultural heritage of the zoo. The study of architectural and art objects will allow to create an excursion route and strengthen such interest.

Keywords: *Kaliningrad Zoo, Königsberger Tiergarten, historical monuments, sculpture, cultural heritage site, Hermann Klaass, Walter von der Vogelweide*

The author

Svetlana B. Kolbaneva, Researcher, Kaliningrad Zoo, Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: 0009-0000-3248-487X

E-mail: biblioteka@kldzoo.ru

Раздел 4

«ПОСТИЖЕНИЕ ИСТОРИИ»: ОТ ИСТОРИОГРАФИИ К ИССЛЕДОВАНИЯМ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ

УДК 94

С. А. Полатовский

«Спор Фишера» и историческая политика в ФРГ

Рассмотрен ход дебатов вокруг ключевого труда немецкого историка Фрица Фишера «Рывок к мировому господству». Выявлены основные тезисы Фишера и точки зрения его критиков, охарактеризовано отношение к ним в Германии. Предпринята попытка дать оценку вкладу Ф. Фишера в историографию истории Первой мировой войны.

Ключевые слова: Фриц Фишер, Первая мировая война, Германия, Теобальд фон Бетман-Гольвег, историография, историческая память, историческая политика

Столетие Первой мировой войны повлекло за собой огромный поток музейных выставок и экспозиций, научных конференций и семинаров, книг и статей. Большой интерес к этой теме указывает на то, что Первая мировая война до сих пор является предметом исследований и поводом для дискуссий, что среди исследователей и в обществе в целом нет согласия по определенным важным вопросам, в том числе по вопросу о вине за ее развязывание. В этом контексте особого внимания заслуживает работа немецкого историка Фрица Фишера (Fritz Fischer, 1908—1999) «Рывок к мировому господству» (1961) [1], в которой он на основе многочисленных источников попытался показать, что ответственность лежит прежде всего на Германии, преследовавшей захватнические цели. Помимо этого, ученый сделал вывод о континуитете — политической непрерывности традиции и преемственности между кайзеровской и нацистской Германией.

Это исследование актуально и по сей день настолько, что спустя полвека, в 2013 году, авторитетный международный «Журнал современной истории» посвятил целый номер книге Ф. Фишера [19]. Британский историк Анника Момбауэр в редакционном вступлении к этому номеру указывает, что концепция немецкого историка и развернувшаяся вокруг нее дискуссия по-преж-

нему вызывают интерес, что является отличным примером того, как исторические исследования связаны с общественно-политической обстановкой и развитием гуманитарных знаний [19, p. 230—241].

Фриц Фишер еще до 1957 года начал систематически исследовать в национальных архивах документы о военных целях Центральных держав. Он стал первым историком, изучившим акты Министерства иностранных дел и Имперской канцелярии, а также с разрешения правительства ГДР имел возможность работать с документами Потсдамского центрального архива. Итогом его первых наработок стала большая статья «Немецкие военные цели. Революция и сепаратный мир на Востоке в 1914—1918 гг.», которую он опубликовал в 1959 году [9]. Уже в этой работе Фишер начал обличать Германию, описывая военные цели имперского правительства и рейхсканцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега как стремление к гегемонии в Европе, к аннексии ряда стран с дальнейшим утверждением роли немецкого государства как крупнейшей мировой державы. Эта работа многими была воспринята негативно. Ее критически прокомментировали, в частности, историк Ханс Херцфельд (Hans Herzfeld, 1892—1982) и будущий главный оппонент Фишера — Герхард Риттер (Gerhard Ritter, 1888—1967), представитель национал-консервативной историографии межвоенного времени и лидер западногерманского Союза историков. Риттер написал, что из этого сочинения «может получиться действительно интересная дискуссия» [3, S. 599].

Но до главной дискуссии оставалось еще несколько лет, когда в октябре 1961 года вышел главный труд Фишера. В нем историк сделал основной акцент уже на «Сентябрьской программе» Бетман-Гольвега [25], обнаруженной им в Потсдамском архиве [8]. Этот документ, по его мнению, доказывал, что рейхсканцлер рассчитывал на быструю победу Германии и последующую аннексию Франции, Бельгии, Люксембурга и Нидерландов, а также захват колониальных владений в Центральной Африке [1, с. 119—120]. Фишер заключил, что эта программа не только представляла устремления Бетман-Гольвега, но отражала намерения официальной Германии [Там же, с. 51].

Сам Фишер объяснял эти цели как логичное следствие активной внешней немецкой политики до 1914 года, стремление догнать другие колониальные державы [Там же, с. 28—29]. Именно этому и должна была способствовать будущая война. В предисловии историк описал свою работу как вклад в изучение проблемы преемственности в истории Германии от Первой до Второй мировой войны [Там же, с. 49]. Эта имплицитная непрерывная связь, выявленная исследованием Фишера, среди немецких историков была расценена как «запретный перелом» [18] (Tabubruch), а Теодор Шидер (Theodor Schieder, 1908—1984) в письме Йоханнесу Ульриху (Johannes Ullrich, 1902—1965) заявил об этом как о «национальной катастрофе» (цит. по: [3, S. 601]). Даже немецкий исследователь Людвиг Дехио (Ludwig Dehio, 1888—1963), который в 1940-х годах опубликовал работу о преемственности между прус-

ско-немецким и нацистским периодами в стремлении к гегемонии в Европе, постарался дистанцироваться от тезисов Фишера и начал настаивать на оборонительных военных целях Бетман-Гольвега [14, S. 52].

Но помимо обвинений в завоевательном характере внешней политики Фишер возлагал на немецкое правительство ответственность за Июльский кризис 1914 года [1, с. 67—68]. Он интерпретировал поведение рейхсканцлера Германской империи как безоговорочную поддержку Австро-Венгрии на основании «карт-бланш» (Blankovollmacht) для агрессивных действий против Сербии: покушение в Сараево 28 июня было для немецкого имперского руководства желанным поводом к осуществлению собственных целей; Берлин подталкивал Вену к быстрому объявлению войны, систематически препятствуя дипломатическому урегулированию конфликта [Там же, с. 69—70].

Фишер описал происхождение этого представления в «Рывке к мировому господству» следующим образом: напряженное мировое положение к лету 1914 года стало не в последнюю очередь следствием немецкой внешней политики, которая отчетливо проявила себя в трех опасных кризисах (франко-германское столкновение в Марокко 1905—1906 годов, аннексия австрийцами Боснии и Герцеговины в 1908—1909 годах, Балканские войны 1912—1913 годов). Они носили локальный характер, но причастность к ним великой державы приближала угрозу начала всеобщей войны. В 1914 году Германия преднамеренно раздувала австро-сербский конфликт, что привело к втягиванию в конфликт других держав, прежде всего России и Франции [Там же, с. 72].

Этот тезис явно противоречил преобладавшему до тех пор среди западно-германских историков мнению, что Германия в июле 1914 года пыталась избежать войны.

Под воздействием профессиональной критики и личных нападок в прессе Фишер подтвердил два своих центральных тезиса и даже заострил их в 800-страничной работе «Война иллюзий. Немецкая политика в 1911—1914 годах» [13], в которой он привел новые архивные находки, подтверждавшие его мнение об агрессивной внешней политике Германии до 1914 года. Он обосновывал свой тезис тем, что Вильгельм II и его советники решили на тайном военном совете 8 декабря 1912 года спровоцировать войну до лета 1914-го, а оставшееся до этого время использовать для пропагандистской обработки населения [5].

Работа Фишера с источниками в первых двух его публикациях была положительно оценена большинством рецензентов, однако его выводы вызвали критику. Отзыв Г. Херцфельда на статью Фишера 1959 года открыл «спор Фишера» (die Fischer-Kontroverse), который продолжается до сих пор в немецкой и зарубежной историографии и публицистике. В центре дискуссии находилась трактовка Июльского кризиса. Самым резким критиком Фишера стал Герхард Риттер, который, выступая на съезде Союза историков ФРГ в 1949 году, осудил попытки возложить всю вину за развязывание войны 1914—1918 годов на Германию [15, S. 73—74].

Противостояние между Фишером и Риттером объясняется, вероятно, их биографиями. Фишер сделал себе успешную карьеру в период национал-социализма: в 1933 году он состоял в рядах фашистских штурмовиков, в 1938-м вступил в НСДАП, в 1942-м был приглашен профессором в Гамбургский университет благодаря покровительству одного из главных нацистских историков — Вальтера Франка (Walter Frank, 1905—1945). Иначе в те годы складывалась судьба Риттера: он критически воспринял приход к власти Гитлера, был арестован и несколько месяцев провел в концлагере из-за своей связи с одним из руководителей антигитлеровского заговора Карлом Гёрдлером, однако не был казнен.

Риттер негативно оценил «антинемецкий подход Фишера» и упрекнул его в «самозатмении немецкого исторического сознания», которое вытесняет патриотизм и получает все большее распространение [17, S. 118]. Германские действия на международной арене в июле — августе 1914 года Риттер считал оборонительными и остававшимися таковыми до 1933 года. Как он полагал, к 1914 году во внешней политике правительство оказалось втянуто в целую цепь опасных кризисов, что угрожало Германии будущей изоляцией, в том числе со стороны Антанты, и в такой ситуации не приходилось рассчитывать на войну как средство достижения гегемонии [22, S. 15]. Правоконсервативные авторы, как, например, Гизельхер Вирзинг (Giselher Wirsing, 1907—1975), шли еще дальше и обвиняли Фишера в фальсификации истории [23, S. 91]. Историк Эрвин Хёльцле (Erwin Hölzle, 1901—1976) в пику Фишеру выступил с тезисом об ответственности за начало войны Великобритании и России (см.: [24]).

В качестве противников Фишера в дискуссии приняли участие также Эгмонт Цехлин (Egmont Zechlin, 1896—1992), Карл Дитрих Эрдман (Karl Dietrich Erdmann, 1910—1990) и Андреас Хильгрубер (Andreas Hillgruber, 1925—1989). Так, Хильгрубер считал, что поведение германского правительства в июле 1914 года строилось на концепции просчитанных рисков осуществления ограниченной политики с позиции силы в условиях международной кризисной ситуации [16, S. 92].

Кроме того, оппоненты Фишера подчеркивали активное участие других крупных держав в Июльском кризисе, в первую очередь мобилизацию российской армии как важный фактор эскалации конфликта. Монография Фишера подверглась критике также и из-за методики исследования — он рассматривал немецкую политику вне общего контекста политики других держав.

Помимо научных историографических споров, работы Фишера стали предметом общественной дискуссии, особенно в связи с отмечавшимися в 1964 году юбилеями мировых войн — 50 лет с начала Первой и 25 лет с начала Второй. Она проходила на страницах ведущих периодических изданий ФРГ, прежде всего в общенациональных ежедневных газетах «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», «Ди Вельт», «Зюддойче Цайтунг», в еженедельниках «Ди Цайт» [26] и «Шпигель» [6; 20; 28]. Включившийся в дискуссии изда-

тель «Шпигеля» Рудольф Аугштайн (Rudolf Augstein, 1923—2002) даже опубликовал фрагменты второго издания «Рывка к мировому господству», тем самым выступив в поддержку Фишера [10—12].

Не обошли исторические дебаты своим вниманием и политики. Федеральный канцлер ФРГ Людвиг Эрхард и председатель бундестага ФРГ Ойген Герстенмайер в своих юбилейных речах решительно выступили против тезисов Фишера [7]. Неслучайно запланированная в том же году поездка Фишера в США по приглашению Института имени Гёте (Goethe-Institut) не состоялась из-за отмены решения о ее финансировании со стороны МИД [2, S. 616—617]. Этому поспособствовал Г. Риттер, который написал письмо министру иностранных дел Герхарду Шрёдеру, выражая опасение, что может возникнуть впечатление, будто Фишер направлен в Америку распространять свои «незрелые тезисы» от имени МИД Германии [27, S. 301].

Американский историк немецкого происхождения, директор Центра исследований современной истории Конрад Ярауш (Konrad H. Jarausch, род. 1941) объяснял тогдашнее беспокойство общей ситуацией тех лет: в Иерусалиме состоялся суд над бывшим сотрудником гестапо Адольфом Эйхманом, во Франкфурте шел второй Освенцимский процесс, все немцы переживали осознание того, какие ужасные вещи творились в Третьем рейхе, а теперь их еще намеревались объявить виновными в развязывании Первой мировой войны [4].

Историк Клаус Гроссе Крахт (Klaus Große Kracht, род. 1969) обращает внимание на то, что тезисы Фишера поддерживало и отстаивало в основном молодое поколение историков, которые не имели личного опыта участия в Первой мировой войне, а центральной темой споров был не вопрос об ответственности за войну, а вопрос континуитета — преемственности кайзеровского времени и нацистского режима. Эту тему в конце 1960-х годов подхватили прежде всего Вольфганг Й. Моммзен (Wolfgang J. Mommsen, 1930—2004) и Ханс-Ульрих Велер (Hans-Ulrich Wehler, 1931—2004), которые расширили аргументацию тезисов Фишера, используя при этом, в частности, работы Экхарта Кера (Eckart Kehr, 1902—1933) о внешней и социально-экономической политике, и заново привлекли внимание к обсуждению особого немецкого пути от кайзеровской Германии к Третьему рейху.

Ярауш охарактеризовал этот спор как «замещающие дебаты» (“Stellvertreterdebatte”), которые на самом деле были инициированы осмыслением Второй мировой войны в связи с процессом непрерывности исторического самосознания. И вклад этих дебатов в развитие исторической науки в ФРГ заключался, по его мнению, не столько в доказательстве немецкой вины в развязывании войны, сколько в формировании основ критического исторического сознания немцев как реализации центральной задачи исторической науки [21].

Можно по-разному оценивать труды Фрица Фишера — принимать или полностью отвергать их, но, несомненно, они заслуживают внимания. Заслуга историка состояла уже в том, что его работы и дискуссия вокруг них способ-

ствовали возрождению интереса к проблемам Первой мировой войны, вызвали жаркие споры среди профессиональных историков, вдохновили многих молодых ученых на новые исследования Великой войны, ее предпосылок и последствий.

Список источников и литературы

1. *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914—1918 гг. М., 2017.
2. *Conze E., Frei N., Hayes P., Zimmermann M.* Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. München, 2010.
3. *Cornelißen Ch., Ritter G.* Geschichtswissenschaft und Politik im 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 2001.
4. *Das Kriegsende: Ein Buch wie ein Sprengsatz // Spiegel Special.* 2004. №1. S. 135—137.
5. *Der “Kriegsrat”* (Dezember 1912). URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=799&language=german (дата обращения: 16.02.2025).
6. *Dreimal geschwiegen // Der Spiegel.* 1964. №43. URL: <https://www.spiegel.de/politik/dreimal-geschwiegen-a-2e392a3c-0002-0001-0000-000046175765> (дата обращения: 16.02.2025).
7. *Erhard L.* Zum Jahrestag des zweiten Weltkrieges // Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. 1964. №134. S. 1253. URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/974430/476222/cce92e92be7cb86afe09ae53f68f1ccf/25-jahre-stag-beginn-wk2-data.pdf?download=1> (дата обращения: 16.02.2025).
8. *Erster Weltkrieg: Wilhelm der Eroberer // Der Spiegel.* 1961. №49. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-43367711.html> (дата обращения: 16.02.2025).
9. *Fischer F.* Deutsche Kriegsziele, Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914—1918 // Historische Zeitschrift. 1959. Bd. 188, H. 2. S. 249—310.
10. *Fischer F.* Jetzt oder nie — Die Julikrise 1914 // Der Spiegel. 1964. №21. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46173651.html> (дата обращения: 16.02.2025).
11. *Fischer F.* Jetzt oder nie — Die Julikrise 1914 // Der Spiegel. 1964. №22. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46173734.html> (дата обращения: 16.02.2025).
12. *Fischer F.* Jetzt oder nie — Die Julikrise 1914 // Der Spiegel. 1964. №23. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46174690.html> (дата обращения: 16.02.2025).
13. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1978.
14. *Große Kracht K.* Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen, 2005.
15. *Große Kracht K.* Kriegsschuldfrage und zeithistorische Forschung in Deutschland // Wirkungen und Wahrnehmungen des Ersten Weltkrieges. Berlin, 2004. S. 61—82.
16. *Hillgruber A.* Deutsche Großmacht- und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1977.
17. *Historische Debatten und Kontroversen im 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. von J. Elvert, S. Krauß.* Stuttgart, 2003.
18. *Jarausch K.* Der nationale Tabubruch. Wissenschaft, Öffentlichkeit und Politik in der Fischer-Kontroverse // Zeitgeschichte als Streitgeschichte: grosse Kontroversen seit 1945. München, 2003. S. 20—41.
19. *Journal of Contemporary History.* 2013. Vol. 48, №2.

20. *Kriegsschuld*: Rätsel am 9.9. // Der Spiegel. 1963. №34. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46171689.html> (дата обращения: 16.02.2025).

21. *Moller S.* Rezension zu: Sabrow M., Jessen R., Große Kracht K. *Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945.* München, 2003. URL: <http://www.hsozkult.de/publicationreview/id/rezbuecher-3077> (дата обращения: 16.02.2025).

22. *Ritter G.* Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des ‘Militarismus’ in Deutschland. München, 1964. Bd. 3.

23. *Rüdiger M.* Kontinuitätsthese und Kriegsschulddebatte: Die Fischer-Kontroverse in den Massenmedien 1961—1964/65: Magisterarbeit. Freiburg, 2007.

24. *Schödl G.* Nur eine neue Kriegsschuldthese oder der Beginn einer grundlegenden Aufarbeitung der Deutschen Geschichte? URL: http://www.fkoester.de/kursbuch/unterrichtsmaterial/13_1_25.html (дата обращения: 16.02.2025).

25. *Septemberprogramm* des Reichskanzlers Theobald von Bethmann Hollweg 9. September 1914. URL: <https://web.archive.org/web/20140818233046/http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/hollweg/> (дата обращения: 16.02.2025).

26. *Sethe P.* Als Deutschland nach der Weltmacht griff. URL: <http://www.zeit.de/1961/47/als-deutschland-nach-der-weltmacht-griff> (дата обращения: 16.02.2025).

27. *Stern F.* Fünf Deutschland und ein Leben. München, 2007.

28. “*War der Kriegsausbruch nur ein Betriebsunfall*” // Der Spiegel. 1964. №43. URL: <https://www.spiegel.de/politik/war-der-kriegsausbruch-nur-ein-betriebsunfall-a-b7307b86-0002-0001-0000-000046175766> (дата обращения: 16.02.2025).

Об авторе

Станислав Андреевич Полатовский — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: parpay92@mail.ru

S. A. Polatovsky

The “Fischer controversy” and historical policy in the Federal Republic of Germany

The article considers the course of debates around the key work of the German historian Fritz Fischer “Germany’s Aims in the First World War”. The author reveals main theses of Fischer and the points of view of his critics, and observes the attitude to them in Germany. The research attempts to evaluate Fritz Fischer’s contribution to the historiography of the history of the World War I.

Keywords: *Fritz Fischer, World War I, Germany, Theobald von Bethmann-Hollweg, historiography, historical memory, historical policy*

The author

Stanislav A. Polatovsky, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: parpay92@mail.ru

**Формирование исторической памяти о советском периоде в Латвии
после восстановления независимости республики:
внутренние и внешние факторы**

Несмотря на то что жители Латвийской ССР имели все права граждан СССР и активно ими пользовались, недовольство латышской политикой союзного центра вызывали послевоенные репрессии, русификация административной сферы, развитие тяжелой промышленности, сопровождавшиеся притоком иноязычного населения, которое плохо адаптировалось к местным языковым и культурным условиям. Против политики руководства СССР выступали национал-коммунисты, видевшие в ней угрозу сохранению латышской как государствообразующей нации в республике. Вопреки официальной исторической памяти в Латвийской ССР о довоенной Латвии как антинародном государстве, в котором советская власть была восстановлена в интересах трудящихся, на семейном уровне сохранялась память о независимой республике, насильно аннексированной Советским Союзом. Но обозначать советский период как время «оккупации» в Латвии начали только в конце Перестройки под влиянием латышской эмиграции. После восстановления независимости в 1991 году и разрыва общесоюзных связей новые власти стали объяснять ухудшение экономического положения в республике советской «оккупацией». Советский период с 1992 года был официально объявлен в Латвийской Республике «оккупационным», на этом в настоящее время строится государственная историческая память о Латвийской ССР, а отрицание «оккупации» уголовно наказуемо.

Ключевые слова: Латвийская ССР и союзный центр, национал-коммунисты, латышская эмиграция, закон о гражданстве Латвии, концепция «оккупации» Латвии

В 1994 году группа латышей — ветеранов Великой Отечественной войны и членов Московского общества латышской культуры — с орденами и медалями отправилась в Латвию на празднование 50-летия освобождения Риги от фашистов. Вернулись они совершенно подавленные, так как вместо благодарности услышали в свой адрес определение «оккупанты». И это при том, что еще в 1980-х годах о ветеранах 130-го латышского гвардейского корпуса и латышского авиаполка Красной армии много писали в республиканской прессе, устраивали с ними встречи общественности, ими гордились, а пионеры изучали их боевой путь [22; 26; 27; 39].

Но после восстановления независимости в 1991 году официальные оценки периода Латвийской ССР в Латвии резко изменились. С середины 1990-х годов в Латвии начали выходить работы историков, в которых советский пери-

од в истории республики стали называть «периодом оккупации», где писали о советской агрессивной политике и страданиях латышского народа в те годы. Существование Латвийской ССР характеризуется с того времени как период «оккупации» и в учебной литературе (см., напр.: [28]).

Двадцать второго августа 1996 года парламент (Саэйма) Латвии принял Декларацию об оккупации Латвии [3]. Упоминание об «оккупации» в работах по истории Латвии 1940—1980-х годов стало обязательным, подобно тому как ранее историки должны были к месту и не к месту ссылаться на классиков марксизма-ленинизма. С 1998 года в Риге была образована Латвийская комиссия историков, одной из задач которой стало изучение «советской оккупации» [29]. Но отношение в 1994 году к ветеранам-латышам как к оккупантам со стороны граждан страны свидетельствует о том, что представление о советском времени как о «периоде оккупации» уже в те годы присутствовало в исторической памяти латышского общества. Причины этому были как внутренние, так и внешние.

Развитие современной латышской нации в XIX — начале XX века включало представление о создании своего государства (государственности), что было реализовано в Латвийской Республике. Это национальное государство не было лишено социальных противоречий с классовыми выступлениями. К тому же в 1940 году население страны устало от проводившейся К. Улманисом с начала Второй мировой войны политики экономической обороноспособности, выразившейся в жесткой экономии, обязательных дополнительных работах и усилении полицейского контроля за населением. В связи с этим установление советской власти произошло практически без сопротивления, тем более что передал власть новому правительству сам Улманис [12].

Трудно сказать, какой процент жителей Латвии осознанно поддержал новую власть и включение республики в состав СССР в 1940 году. Большая часть населения просто ждала, что будет дальше. Но предоставление жителям Латвии всех прав граждан Советского Союза на большинство населения произвело меньше впечатления, чем репрессии в отношении офицерского корпуса Латвийской армии [38], а за неделю до нападения Германии на СССР — массовые депортации людей с семьями на восток страны. Причем попасть в список на высылку можно было просто с подачи соседа или сослуживца, желавших получить участок земли и должность высылаемого (см., напр.: [6, с. 322]).

Хотя после гитлеровской оккупации Латвии латыши не считались равными немцам — «истинным арийцам» [4], оккупационный немецкий режим в Латвии был в целом менее жестоким, чем в русских и белорусских областях. Экономически население также пострадало меньше, чем соседи. А в антисоветской пропаганде среди латышского населения фашисты особо ссылались на депортации 14—15 июня 1941 года [Там же]. Уничтожение евреев, как и не успевших эвакуироваться советских активистов, объяснялось тем, что они поддержали советскую власть [18; 19, с. 37].

Ужесточение оккупационного режима началось только в 1944 году, когда гитлеровские войска, отступая под натиском Красной армии, проводили массовые облавы среди населения для мобилизации в латышский легион СС или насильственной депортации в Германию. Тогда же началось бегство через море в Швецию — как от немцев, так и в ожидании «коммунистического террора» после поражения Германии в войне. В результате на Западе после окончания войны оказалось до 280 тыс. латышей [28, л. 55; 35, л. 6—8, 47—51, 86, 254—265]. Латыши воспринимали себя как «разделенная нация». При этом бо́льшую часть погибших в годы войны жителей довоенной Латвии составили сторонники советской власти — как гражданские лица, так и воины Красной армии. Кроме того, часть эвакуированных в советский тыл не вернулась после войны на родину, оставшись в других регионах страны. Таким образом, в республике количество латышей, на которых могла бы опереться советская власть после войны, заметно сократилось. Эти обстоятельства повлияли на общий фон настроений латышей в республике после войны.

Уже в 1944 году в лесах на освобожденной Красной армией территории Латвии появились так называемые национальные партизаны («лесные братья»), убившие до середины 1955 года около 2 тыс. коммунистов, комсомольцев и советских работников. Кроме того, они распространяли среди населения слухи, что скоро с помощью западных стран будет восстановлена независимость Латвии [34]. Нападения «лесных братьев» вызывали ответные действия со стороны советских карательных органов, усилившиеся особенностями репрессивной сталинской политики.

Высылки гражданского населения по обвинению в пособничестве немецким оккупантам, «лесным братьям» и в антигосударственной деятельности происходили в 1945, 1946 годах и позже. Особенно массовый характер (до 43 тыс. человек) депортации приобрели в 1949 году в ходе коллективизации сельского хозяйства. Считается, что число депортированных до 1953 года достигало 100 тыс. [28, л. 56—57]. Естественно, что у значительной части населения все происходившее вызывало чувство несвободы и враждебное отношение к власти.

В 1946 году по просьбе руководства Латвийской ССР прошли первые мероприятия по реабилитации части бывших легионеров СС, захваченных в плен и осужденных на принудительные работы на Севере и в Сибири [14]. В 1955 и 1956 годах в связи с послаблениями режима после смерти Сталина на родину вернулись осужденные на длительные сроки бывшие легионеры, а также высланные в 1940-х годах гражданские лица. Но возвращение их в Латвию только усилило в обществе негативное отношение к новой власти.

Неприятие вызывал и наплыв в Латвию населения из других районов страны в связи со строительством промышленных объектов, проводимым в контексте общей программы индустриализации СССР. Незнание вновь прибывшими латышского языка и обычаев затрудняло их контакты с местным населением, которое видело в этом проявление своей зависимости от союзного центра — «Москвы». Причем коренные жители постоянно сравнивали ситуацию с довоенной, вспоминая о том, как было лучше в «латвийское время».

Обращение к временам Латвийской Республики усиливалось и в противовес проводившейся идеолого-просветительской работе, в рамках которой история этого периода трактовалась в учебниках и энциклопедических изданиях как временное отступление от советской власти, существовавшей в 1919 — начале 1920 года и восстановленной в 1940 году, а весь этот период характеризовался постоянной борьбой рабочего класса с буржуазным государством (см., напр.: [15, с. 203—215; 13]). Стремление властей к замалчиванию многих событий истории Первой Республики вызывало у молодежи обратный эффект (желание «вкусить запретный плод»). Воспитание в семьях шло в контексте рассказов старшего поколения, и в результате семейная память вступала в противоречие с официально декларируемой исторической памятью.

Экономическая политика союзного центра, приведшая к большому притоку русскоязычного населения и перенаселению Риги, вызвала сильные разногласия в среде партийных и государственных руководителей республики. Резко против выступала группа национал-коммунистов — Э. Берклавс, П. Дзерве, В. Круминьш, В. Калпиньш и др. Они считали, что для экономики Латвии такая индустриализация не нужна, а появление большого количества иноязычного и инокультурного населения может привести к изменению национального характера республики. По их инициативе было введено обязательное изучение латышского языка для этнических русских партийных руководителей и чиновников среднего и высшего звена. Кроме того, они сумели добиться, чтобы в русских школах Латвии обязательным предметом был латышский язык [21; 30].

Противниками национал-коммунистов и сторонниками политики союзного центра были некоторые члены ЦК КПЛ во главе с секретарем по пропаганде А. Пельше, которые обвиняли своих оппонентов в национализме. По их просьбе из Москвы разбираться в разногласиях в руководстве республики приезжала комиссия ЦК КПСС, а в 1959 году с национал-коммунистами в Риге встречался сам Н. С. Хрущев. По словам очевидцев, в целом он не был против развития латышского языка, но некоторые из национал-коммунистов позволили себе грубые русофобские высказывания. В итоге все национал-коммунисты лишились своих должностей, а Э. Берклавса даже отправили заведовать кинопрокатом в город Владимир. Первым секретарем ЦК КПЛ вместо частично поддержавшего национал-коммунистов Я. Калнберзиньша стал А. Пельше, очень непопулярный в народе. При нем усилилась русификация: русский язык начал применяться в административной сфере всех уровней. Правда, был выбор — обучаться в русских или в латышских школах, а в вузах — учиться в группах на латышском или на русском языке. Но в целом в народе усматривали зависимость республиканских властей от «Москвы» и несвободу Латвии в целом [1; 2; 31; 32].

С начала 1960-х годов советские власти разрешили латышским эмигрантам посещать Латвию — впрочем, при ограниченном передвижении по республике. Приезжавшие из-за рубежа рассказывали о своей благополучной жизни и достатке по сравнению с жизнью их родственников и знакомых в

Латвийской ССР. Правда, за кадром оставалось то, какими усилиями эмигранты добились своего благополучия. А те их латвийские слушатели, кто был недоволен жизнью на родине, утверждались во мнении, что все их беды объясняются зависимостью Латвии от «Москвы». При этом нередко сами недовольные были испорчены характерным для советского человека представлением о том, что «государство должно им дать бесплатно» (жилье, образование и т.п.). Конечно, были и те, кто самостоятельно находил выход из сложного положения (например, поменяв место работы на то, где предоставляют жилье), не прося у государства. А кто-то, посетив своих вполне удачливых родственников за рубежом, мог, но отказывался остаться с ними, объясняя это тем, что в Латвии их больше устраивают отношения между людьми¹.

Заметим, что жители Латвии как граждане СССР использовали возможность обучаться в учебных заведениях в разных городах страны, путешествовали по регионам Советского Союза, совершали рабочие (научные, творческие) и туристские поездки за рубеж. На русский и другие языки народов СССР переводили произведения латышских литераторов; латышские деятели искусства пользовались большой популярностью в стране. Уровень жизни в Латвийской ССР был выше, чем в большинстве союзных республик [16]. Все это не очень соответствовало зависимому положению Латвии.

Тем не менее у большинства жителей республики существовало мнение, что в «латвийское время» жить было лучше, чем в «зависимой от Москвы» Латвии. А официальная историческая память во влиянии на молодые поколения латышей проигрывала семейной памяти с обидой на «Москву». Желание вернуть независимую Латвию у этих поколений подкреплялось начавшимся в конце 1970-х годов всесторонним кризисом социализма в СССР в целом. Причем среди лидеров Перестройки в Латвии и сторонников независимости были и русские, а среди приверженцев СССР — латыши².

При всем недовольстве латышей советской жизнью положение Латвии в составе Союза до определенного времени они не называли «оккупацией». Правда, в опросах жителей Латвии о первых годах советской власти респонденты говорили об «оккупации родины» (см., напр.: [37, л. 207—208]). Но эти опросы проводились уже в XXI веке, когда определение советского периода как времени «оккупации» стало обычным и необходимым.

Считается, что первым назвал включение стран Балтии в состав СССР «оккупацией» (что не соответствовало определению этого термина с точки зрения международного права), бывший прибалтийский немец, один из ведущих советологов Запада Борис Мейснер, в 1942 году. Тогда это должно было представить действия фашистской армии как освобождение оккупированной Советским Союзом Прибалтики. Хотя международные конференции, определявшие послевоенное переустройство Европы, противоречили этой кон-

¹ Сведения из бесед автора статьи с жителями Латвии в 1970-х — начале 1980-х годов.

² См. беседы Николая Кабанова с лидерами Перестройки в Латвии [8].

цепции, Мейснер повторил ее в диссертации в 1954 году, и ее же воспроизвел К. Аденауэр, которого сопровождал Мейснер, во время визита в Москву в 1955 году [33; 36; 10, с. 23—85].

Тем не менее еще в 1944 году в меморандуме Центрального Латвийского национального совета, выступавшего за восстановление независимости и ориентированного на западные державы, говорилось об оккупации Латвии, только до незаконного насильственного включения республики в СССР [11]. Борьбу с незаконной инкорпорацией, а не с оккупацией Латвии вели в конце 1940-х годов и национальные партизаны («лесные братья») [8, с. 55].

Латышская эмиграция начала активно пропагандировать идею «оккупации» с середины 1970-х годов не без влияния США и Великобритании. В этих странах, а также в Швеции и Австралии сохранялись дипломатические представительства Первой Латвийской Республики, где в результате смены поколений пришли новые кадры из эмигрантов — сторонники концепции «оккупации». Если власти США, Англии и Канады официально заявляли об оккупации, то Австралия признала ее только в 1975 году под влиянием сильной латышской диаспоры в стране, а Новая Зеландия и Швеция до 1991 года говорили лишь о незаконной инкорпорации [23, л. 76—77; 24].

Особенно большое возмущение эмиграции вызвало проведение регаты в Таллине во время Олимпиады 1980 года — устраивались митинги и шествия против регаты в «оккупированном Таллине» [25]. Активное внедрение в умы соплеменников идеи об «оккупации» было, как кажется, связано и с опасением всесторонней интеграции региона в СССР.

В самой Латвии об оккупации Советским Союзом впервые заявили в годы Перестройки. На пленуме творческой интеллигенции республики в 1988 году секретарь Союза композиторов А. Клотиньш и один из лидеров Перестройки в республике, ветеран войны Маврик Вульфсон в связи с найденными им (вместе со Львом Безыменским) подлинниками «секретных протоколов» к пакту о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 года [9, с. 50—51; 8, № 2, с. 81]. Правда, сами протоколы о распределении влияния в Европе никак не свидетельствовали об оккупации. Кроме того, и сам Вульфсон, и другие лидеры Перестройки в Латвии — бывшие фронтовики, члены партии, даже руководители КГБ республики [8, № 2, с. 124] — в таком случае должны были считаться «оккупантами», а все, кто так или иначе сотрудничал или был связан с государственными структурами, то есть подавляющее большинство латышей, — коллаборантами.

Из-за правовой несостоятельности концепции «оккупации» далеко не все лидеры Перестройки были согласны с такой трактовкой либо рассматривали события 1940 года как оккупацию с последующей аннексией и инкорпорацией. Но на «оккупации» настаивали эмигранты, особенно те, кто начал возвращаться в Латвию после 1991 года и рассчитывал на возвращение собственности [8, № 1, с. 54—62].

На государственном уровне в Латвии понятие об «оккупации» в советский период начали внедрять в массы в 1992 году, когда экономика страны находилась в плачевном состоянии из-за разрыва экономических и других связей в масштабах СССР, начавшейся реституции — возвращения собственности бывшим владельцам, в том числе эмигрантам, а также распределения государственной собственности среди представителей новой политической элиты. Эйфория латышей от вновь обретенной независимости столкнулась с ухудшением уровня жизни по сравнению с советским временем и изменением социальных отношений. Тогда, как вспоминал один из лидеров Перестройки и министр иностранных дел Латвии в 1991—1992 годах Я. Юрканс, вместо того чтобы призывать людей к труду в условиях свободы, находившиеся у власти националисты «народу стали внушать, втирать в сознание слово “оккупация”» [Там же, с. 64]. Это был простой и доходчивый способ новой власти объяснить упадок экономики не собственной политикой, а последствиями советской «оккупации», давления «руки Москвы», действий коммунистов и чекистов. К тому же можно было потребовать финансовую компенсацию за оккупацию» от преемницы СССР — Российской Федерации.

Представление об «оккупации» соответствовало и принятому в 1991 году закону о гражданстве, исключившему из числа граждан тысячи жителей республики, приехавших в Латвию после 1940 года. Среди неграждан оказались и этнические латыши, жившие до войны в СССР. В отличие от них, латыши из западных стран получали гражданство без всяких проблем [Там же, с. 53; № 2, с. 88—89, 142—144; № 5, с. 79; 17; 5].

А раз была «оккупация», то «оккупантами» удобнее было назвать советских ветеранов войны — что называется, «перевести на них стрелки» с тех представителей элиты, оказавшихся у власти в республике, которые ранее работали в советских и партийных структурах и тоже воевали в рядах Красной армии. Героями же стали бывшие эсэсовцы, марши которых (правда, неофициально, но без пресечения полицией) начали проводить в Риге с 16 марта 1993 года; в этом шествии принимали участие депутаты латвийского парламента [7; 20]. Тем самым понятие «оккупации» закреплялось в официальной исторической памяти Латвии. Так что случай с латышами-ветеранами из Москвы в 1994 году стал наглядным проявлением усвоения новой исторической памяти в массах латышского общества.

Список источников и литературы

1. *Борисовский М.* История национал-коммунистической смуты. URL: https://by.imhoclub.com/ru/material/istorija_nacional-kommunisticheskoj_smuti (дата обращения: 14.10.2024).

2. *Веретенников В.* Как Никита Хрущёв перевоспитывал латышских националистов. URL: https://by.imhoclub.com/ru/material/kak_nikita_hrushev_perevosпитival_lati_shskih_nacionalistov (дата обращения: 14.10.2024).

3. «Декларация об оккупации Латвии» Сэимы Латвийской Республики от 22 августа 1996 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/203291#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 14.10.2024).

4. *Зариньш В.* Философия грабителей. «Дранг нах Остен» и Латвия // Родник. 1989. №5 (29). С. 52—58.

5. *Иванова М., Никитенков И.* Поправки к «Закону о гражданстве» в Латвии за-прещают второе гражданство России и других стран бывшего СССР. URL: <https://tass.ru/blizhnee-zarubezhe/695546> (дата обращения: 16.10.2024).

6. *Из воспоминаний* московских латышей (Э.К. Якобсоне, Н.А. Кузьменко, М. Вейс) // Россия и Балтия. М., 2008. Вып. 5. С. 321—334.

7. *Ильяшевич А.* Латышский легион СС — национальные герои: министр обороны «спалил» Латвию. URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/30092019-latyshskiy-legion-ss-natsionalnye-geroi-ministr-oborony-spalil-latviyu/> (дата обращения: 16.10.2024).

8. *Кабанов Н.* Пять лет, которые потрясли Латвию (1987—1991) // История. Научное обозрение Ostkraft. 2019. №1 (7). С. 47—128 ; №2 (8). С. 78—160 ; №5 (11). С. 54—128.

9. *Костенецкая М., Мазур С.* К 20-летию легендарного Пленума творческих союзов Латвии // Русский мир и Латвия: альманах. 2009. Рига, 2009. Т. 6 : Философия, История, Культура — Латвия от истоков к современности. С. 50—51.

10. *Межевич Н.М.* Государства Прибалтики. 2.0. Четверть века «вторых республик». М., 2016.

11. Меморандум «Латвийского центрального совета» генерал-инспектору Латышского легиона СС группенфюреру СС Р. Бангерскису. 17 марта 1944 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/241865-memorandum-latviyskogo-tsentralnogo-soveta-general-inspektoru-latyshskogo-legiona-ss-gruppenfyureru-ss-r-bangerskisu-17-marta-1944-g#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 15.10.2024).

12. *Назарова Е.Л.* Роль Вождя в условиях нейтралитета Латвии 1939—1940 (по материалам латвийской прессы) // *Vēsture: Avoti un Cilvēki*. XXIV. Daugavpils, 2021. L. 174—188.

13. *Назарова Е.Л.* «Исправление» исторической памяти в ходе социалистических преобразований в Латвии (по материалам газеты «Pionieris», 1946—1953 гг.) // *Vēsture: Avoti un Cilvēki*. XXV. Daugavpils, 2022. L. 185—196.

14. *О возвращении* на родину репатриантов — латышей, эстонцев и литовцев: постановление Совета министров СССР №843 от 13 апреля 1946 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165757> (дата обращения: 14.10.2024).

15. *Советская Латвия* / гл. ред. П. Еран. Рига, 1985.

16. *Сравнение* уровня жизни в республиках СССР накануне его распада. URL: <https://kanaev55.livejournal.com/364014.html> (дата обращения: 18.10.2024).

17. *Тимука Т.* 30 лет назад Латвия разделила население на граждан и неграждан. URL: <https://argumenti.ru/society/2021/10/742755> (дата обращения: 16.10.2024).

18. *Уничтожение* евреев в Латвии. 1941—1945 / под ред. М. Баркагана. Рига, 2008.

19. *Эзергайлс А.* Команда Арайса // Век. 1990. Вып. 4 (1). С. 34—42.

20. *Яковлев А.* 16 марта в Риге. Как это происходило в первый раз. URL: <https://www.kp.ru/daily/26354.5/3236256/> (дата обращения: 16.10.2024).

21. *Bleiere D.* Nikitas Hrusčova izglītības reformas un vispārējās izglītības sovjetizācija Latvijā // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2013. №3. L. 105—136.
22. *Briedis E.* Pirmais lidojums — pirms 40 gadiem // Padomju Jaunatne. 1983. 13 Okt. №196. L. 2.
23. *Didrihsone-Tomaševska I.* Politiskās emigrācijas gals: Austrālijas latviešu piemers // Vēsture: Avoti un Cilvēki. XVII. Daugavpils, 2014. L. 75—82.
24. *Didrihsone-Tomaševska I.* Emīļa Dēliņa darbība Latvijas konsulatā Melburnā // Vēsture: Avoti un Cilvēki. XVIII. Daugavpils, 2015. L. 42—49.
25. *Didrihsone-Tomaševska I.* 1980 gada Olimpiādes spēles Maskavā un latviešu politiskā emigrācija // Vēsture: Avoti un Cilvēki. XXI. Daugavpils, 2018. L. 74—82.
26. *Frontinieku* vēstules zimejumi // Literatūra un Māksla. 1980. 22 Febr. №8. L. 8.
27. *Karavīru* vēstules // Dzimtenes Balss. 1984. 11 Okt. №41. L. 7.
28. *Lapiņa M.* Latvijas kultūras vesture XX gs. 40—80 gadi: Macību līdzeklis. Rīga, 2002.
29. *Latvijas vēsturnieku komisija.* URL: http://lpra.vip.lv/vest_komisija.htm (дата обращения: 15.10.2024).
30. *Loader M.* The Rebellious Republic: the 1958 Education Reform and Soviet Latvia // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2016. №3 (100). L. 113—139.
31. *Loader M.* The Latvian National Communists and the ouster of Moscow's Russian watchdog. URL: https://www.academia.edu/36862876/The_Latvian_National_Communist_and_the_Ouster_of_Moscow_s-Russian_Watchdog (дата обращения: 14.10.2024).
32. *Loader M.* The Struggle for the Latvian Communist Party: the De-Stalinisation and the Latvian National Communists. URL: https://www.academia.edu/37860663/The_Struggle_for_the_Latvian_Communist_Party_De_Stalinisation_and_the_Latvian_National_Communist (дата обращения: 15.10.2024).
33. *Meissner B.* The occupation of the Baltic States from a present-day perspective // The Baltic States at Historical Crossroads. Rīga, 1998. P. 473—489.
34. *Neiburgs U.* Latviešu nacionālo partizānu preses izdevumā pēc Otrā pasaules kara (1945—1950) // Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture: Avoti un Cilvēki. VII. Daugavpils, 2004. L. 113—122.
35. *Pāri jūrai 1944./45.g.* 130 liecinieku atmiņas sakārtojusi V. Lasmane. Stokholm, 1993.
36. *Pistohlkors G. von.* Nachruf. Boris Meissner. 10.8.15, Pleskau — 10.9.2003, Köln. URL: <https://www.balt-hiko.de/boris-meissner> (дата обращения: 15.10.2024).
37. *Saleniece I.* Jauniešu socialās adoptācijas izīmes Austrumlatvijā pēc Otrā pasaules kara // Vēsture: Avoti un Cilvēki. XXIII. Daugavpils, 2020. L. 206—218.
38. *Zvaigzne J.* Jūnijs. Litene 1941. Rīga, 2012.
39. *13. Oktobris* — Rīgas atbrīvošanas gadadiena // Pionieris. 1985. 11 Okt. №81—82. L. 2.

Об авторе

Евгения Львовна Назарова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.

E-mail: ezis08@gmail.com

E. L. Nazarova

Formation of historical memory of the Soviet period in Latvia
after the restoration of independence: Internal and external factors

Although the citizens of the Latvian SSR had all rights of the USSR citizens and used them actively, the Latvians' discontent with the policy of the Soviet centre was caused by post-war repressions, Russification of the administrative sphere, the development of heavy industry, accompanied by the influx of foreign-speaking population, poorly adapted to local language and cultural conditions. National Communists opposed the policy of the USSR leadership, seeing it as a threat to the preservation of Latvians as a state-forming nation in the republic. Contrary to the official historical memory in the Latvian SSR of pre-war Latvia as an anti-people state in which Soviet power was restored in the interests of the workers, the memory of an independent republic forcibly annexed by the Soviet Union was preserved at the family level. But it was only at the end of Perestroika, under the influence of Latvian emigration, that the Soviet period began to be identified with the time of 'occupation' in Latvia. After the restoration of its independence in 1991 and the breaking of all-union ties, the new authorities began to explain the worsening of economic situation in the Republic as a consequence of the Soviet "occupation". Since 1992, defining the Soviet period as 'occupation' has become official in the Republic of Latvia; this is the basis of the state historical memory of the Latvian SSR. The denial of "occupation" is a criminal offence.

Keywords: *Latvian SSR and the Union Centre, National Communists, Latvian emigration, Latvian citizenship law, the concept of "occupation" of Latvia*

The author

Dr Evgenia L. Nazarova, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: ezis08@gmail.com

Воинские захоронения Первой мировой войны в культурном ландшафте белорусской деревни

Воинские захоронения обладают способностью сохранять, возрождать, формировать память о войне в современном обществе. Во время Первой мировой войны, в том числе в ходе Нарочской операции 1916 года, на территории современного Мядельского района Минской области Республики Беларусь появились воинские погребения, которые стали элементами традиционного культурного ландшафта. Воинские погребения усиливают сакральное звучание местности, создавая уникальную ценность ассоциативного типа культурного ландшафта Мядельского района и одновременно сохраняя основные черты сакральных территорий культурного ландшафта сельской местности северо-западной Беларуси. Локальное исследование воинских захоронений Мядельского района проведено через интерпретацию мест памяти в контексте ассоциативного типа культурного ландшафта региона. Данные, собранные автором в ходе полевых исследований, введены в научный оборот. Показано, что воинские захоронения Первой мировой войны как элементы ассоциативного типа культурного ландшафта, аутентичные представления местных жителей в купе с фольклорной традицией составляют единый механизм объективации истории региона.

Ключевые слова: Первая мировая война, Мядельский район Минской области, память, воинские захоронения

Драматичным итогом Первой мировой войны и мемориальными символами примирения являются безымянные братские могилы русских воинов, некрополи немецких воинов и смешанные захоронения. Они размещаются вдоль всей бывшей линии фронта и сегодня в основном зафиксированы на территории Витебской, Минской, Гродненской и Брестской областей Республики Беларусь. Известно, что на территории республики находится не менее трехсот воинских захоронений Первой мировой войны, из них более девяноста составляют российские, около ста двадцати немецких и австро-венгерских, около шестидесяти смешанных (российских, немецких, австро-венгерских) [2, с. 22]. Значительная часть захоронений остается неизвестной, часть утрачена навсегда, память о некоторых некрополях жива в воспоминаниях местных жителей или упоминается в исторических источниках. Как объекты историко-культурного наследия все воинские некрополи в Беларуси равнозначны. Воинские захоронения как своеобразные места памяти способны сохранить, возродить и сформировать память о войне в современном обществе.

Локальное исследование воинских захоронений Мядельского района Минской области проведено через интерпретацию мест памяти в контексте традиционного культурного ландшафта региона. Этому способствовала полевая исследовательская работа автора непосредственно в регионе. Культурный ландшафт — основополагающая категория наследия, которая обеспечивает взаимодействие, взаимопроникновение, взаимозависимость природных и культурных компонентов и репрезентирует национальное самосознание народа, традиционный образ жизни [5, с. 13]. Культурный ландшафт Мядельского района является ассоциативным, так как здесь в качестве носителей информации выступают памятники материальной культуры, в том числе памятные и сакральные места. Существенная черта ассоциативного ландшафта — его историко-культурная самоценность и информативность при сохранении ритмики природных процессов [Там же, с. 73]. Здесь важно наличие «свидетелей» события (знаки-символы, памятники, ойконимы, семантические свидетельства), которые напоминают об историко-культурном значении места. В ходе Первой мировой войны и особенно во время Нарочской операции (18—30 (5—17) марта 1916 года) на территории современного Мядельского района появились воинские погребения, которые от начала и навсегда связаны с природными элементами ландшафта в виде особенных отпечатков. Воинские погребения усиливают сакральное звучание местности, создавая уникальную ценность культурного ландшафта Мядельского района, и сохраняют в себе основные черты сакральных территорий культурного ландшафта сельской местности северо-западной Беларуси как исключительно репрезентативные его участники.

Благоустройство мест захоронений Первой мировой войны началось еще в 1920-е годы. Международные обязательства о сохранении памяти о павших воинах и поддержании в надлежащем порядке мест воинских захоронений содержатся в параграфах 225 и 226 Версальского мирного договора от 28 июня 1919 года [3, с. 82]. Договор обязывал поддерживать могилы солдат, похороненных на любых территориях, передавать информацию о локализации и количестве захоронений, помогать специальным комиссиям в составлении и передаче списков погибших с информацией, необходимой для идентификации останков. Также предусматривалась необходимость удовлетворения просьб о перезахоронении останков погибших воинов в соответствии с национальным законодательством соответствующей страны.

На территории Западной Беларуси работу по надзору за воинскими некрополями осуществляло Министерство общественных работ Польши в соответствии с распоряжением польского правительства от 27 августа 1922 года [2, с. 17]. Кроме того, общественные организации, органы городского и сельского самоуправления, церковные структуры различных конфессий, зарубежные товарищества, иностранные граждане и местные жители за период с 1921 по 1939 год проводили необходимые мероприятия для сохранения и благоустройства воинских погребений независимо от их государственной принад-

лежности [Там же, с. 21]. В рамках международной деятельности по благоустройству воинских погребений деревянные кресты были заменены на индивидуальные бетонные плиты в виде стилизованного креста или плиты квадратной формы, а также вертикальные бетонные кресты. Согласно тогдашним международным правилам, независимо от национальной принадлежности погребенного воина, надписи с крестов переносились на бетонные надмогильные памятники на языке той страны, где находилось погребение. На германских и смешанных некрополях устанавливались обелиски, мемориалы из камня и бетона.

На территории БССР в годы советской власти работы по перезахоронению и благоустройству воинских захоронений Первой мировой войны практически не проводились. В связи с этим исключением являются установленные в Мядельском районе Минской области после Великой Отечественной войны и в конце 1980-х годов памятники на четырех братских могилах русских воинов в деревнях Брусы, Черемшицы, Узла и Княгинин. В 1990-е годы инициаторами установления мемориальных знаков стали жители Мядельского района. В 1995 году в Республике Беларусь был сформирован 52-й отдельный поисковый батальон, который действует при Управлении по увековечению памяти защитников отечества и жертв войны Вооруженных Сил Республики Беларусь. Он занимается поиском, эксгумацией и перезахоронением воинских останков, определением границ захоронений. Начало процессу паспортизации воинских захоронений было положено постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 22 октября 2003 года «Об утверждении инструкции о порядке государственного учета воинских погребений в Республике Беларусь» [7, с. 134]. В Беларуси с середины 1990-х годов важную работу по восстановлению и благоустройству воинских погребений ведут благотворительный историко-культурный фонд и музей памяти Первой мировой войны «Крокі» и Народный союз Германии.

В соответствии с опубликованными данными в Мядельском районе Минской области достоверно определены двадцать пять мест воинских погребений [1, с. 328—358]. Однако, как отмечалось выше, количество воинских захоронений больше, так как некоторые уже утрачены, о других вспоминают местные жители, иные точно не определены, хотя упомянуты в источниках.

В соответствии с данными о размещении 2-й армии можно предполагать, что в братских могилах русских воинов и на смешанном некрополе, вероятно, похоронены солдаты 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 29-го, 35-го, 36-го Сибирских стрелковых полков, 28-го Полоцкого, 26-го Могилёвского, 37-го Екатеринбургского, 39-го Томского, 169-го Ново-Трокского, 111-го Донского полка, 267-го Духовщинского пехотного полка, 10-й артиллерийской бригады и др. [Там же]. Воинов Русской императорской армии, которые погибли (умерли) во время боевых действий, независимо от вероисповедания хоронили в соответствии с православным погребальным обрядом, над могилами устанавливали деревянные кресты.

Места погребений воинов Русской императорской армии имеют общие и отличительные черты. Большинство могил русских солдат находится на восточном направлении от озера Нарочь — это погребения у деревень Черемшицы, Узла, Княгинин, Брусы, Бояры, Минчаки, Новосёлки. Погребения обозначены как братские могилы и часто вписаны в гражданские кладбища. На некоторых братских могилах русских воинов мемориальные знаки были установлены еще в советский период. На братских могилах воинов Русской императорской армии в деревнях Брусы, Черемшицы и Узла мемориальные памятники были установлены после окончания Великой Отечественной войны местными органами власти, на самой большой в Мядельском районе братской могиле в деревне Княгинин (находится на гражданском кладбище) в конце 1980-х годов по инициативе частных лиц и местной администрации был установлен мемориальный знак (слово «первая» в названии войны написано со строчной буквы).

В большинстве братских могил захоронено более ста погибших, количество погребенных воинов указано приблизительно. Например, на памятнике в деревне Черемшицы указано, что там похоронено 700 русских солдат, на гражданском кладбище в деревне Узла — 45, на гражданском кладбище в деревне Княгинин — 2500, в 300 м на северо-восток от деревни Брусы в братской могиле похоронено 400 человек, на кладбищах в деревнях Новосёлки и Минчаки — по 100, количество погребенных на памятнике возле деревни Бояры не обозначено. В большинстве мест захоронений установлены мемориальные памятники, которые представляют собой большие камни с прикрепленными к ним плитами с надписями на русском языке примерно одинакового содержания: указано количество похороненных русских солдат, которые погибли во время Первой мировой войны в ходе Нарочской операции 1916 года, могилы безымянные.

Братские могилы в деревнях Брусы, Узла, Княгинин получили статус памятников истории и культуры Беларуси в 1987 году. Внесение братских могил русских воинов, которые находятся в деревнях Брусы, Узла, Княгинин, в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь было утверждено постановлением Совета министров Республики Беларусь № 578 от 14 мая 2007 г., братские могилы имеют статус историко-культурных ценностей регионального значения [4, с. 564—571]. На месте захоронения у деревни Брусы установлены металлический крест, обнесенный металлическим ограждением, и камень с мемориальной плитой. Мемориальная плита содержит надпись на белорусском языке, где отмечено, что место захоронения благоустроено местным жителем А. С. Белявским в 1995 году, слово «Першая» (белорус. — «Первая») написано с прописной буквы. Возле братской могилы у деревни Новосёлки находится единичное погребение местной жительницы Алены Бернякович, датированное 1985 годом. На братской могиле у деревни Черемшицы 52-м поисковым батальоном установлен деревянный крест.

На территории Мядельского района достоверно определено двенадцать некрополей солдат и офицеров Германской имперской армии, которые находятся в деревнях Буйки (два захоронения), Ворошилки, Засвирь, Идолино, Карабаны, Колодна, Константиново, Проньки (три захоронения), курортном поселке Нарочь. На некрополях погребены останки солдат и офицеров XXI армейского корпуса, 250-го и 266-го резервных пехотных полков, 75-й и 80-й резервных дивизий и др. Некрополи немецких воинов также имеют ряд общих и отличительных черт. Захоронения германских солдат в основном локализованы на западном направлении от озера Нарочь. Германские некрополи имеют индивидуальные надмогильные плиты, на многих из них читаются надписи. На территории Беларуси надмогильные надписи на типовых памятниках (стилизированных плитах-крестах или вертикальных крестах) выбиты в большинстве на польском языке, но встречаются надписи и эпитафии на немецком, чаще на могилах офицеров. Для индивидуальных погребений характерно изображение опущенного меча или меча, перекрещенного с лавровой ветвью. Большинство немецких некрополей имеют укрепленные камнем земляные валы и ограды в виде бетонных столбов с выбитыми на них крестами, которые иногда соединены металлическими цепями (например, погребения в деревнях Проньки, Засвирь, Карабаны, Буйки, Константиново). На пяти некрополях установлены металлические и деревянные кресты, памятники, памятные плиты. Например, на воинском некрополе в деревне Буйки установлены металлический крест и памятная плита. В центре воинского некрополя в деревне Засвирь находится группа из трех металлических крестов и чугунная памятная плита. В деревне Константиново установлен дубовый крест, который несколько раз поднимали и заново устанавливали местные жители. В курортном поселке Нарочь сохранилось индивидуальное немецкое погребение, на котором установлен памятник с эпитафией на немецком языке. На северо-восточной окраине деревни Проньки в центральной части некрополя находятся каменный памятник с надписью на немецком языке «Героям 80-й резервной дивизии» и большой металлический крест с памятной чугунной плитой. На юго-западной окраине деревни Проньки в центре некрополя размещен отреставрированный Народным союзом Германии памятник с надписью на немецком языке «Героям 250-го резервного пехотного полка», датированный 1916 годом.

Территория воинских некрополей, которые находятся в пределах гражданских кладбищ, частично занята более поздними погребениями местных жителей, как, например, в деревне Карабаны. Здесь на гражданском кладбище частично сохранился памятник — фигура немецкого воина, держащего в руках опущенный меч и щит.

На территории Мядельского района находятся два смешанных некрополя. Наличие подобных объектов свидетельствует о том, что обе стороны исполняли нормы международного гуманитарного права в вопросах погребения погибших военнослужащих вне зависимости от занятой ими в ходе боев тер-

ритории. На смешанном некрополе в деревне Лотва могилы русских воинов утрачены [1, с. 342]. В агрогородке Нарочь в центральной части гражданского кладбища находится смешанный некрополь, на котором преобладают захоронения немецких солдат, сохранилось несколько индивидуальных могил русских воинов. Здесь установлен постамент высотой около 4 м, на вершине которого расположена фигура раскинувшего крылья орла, на барельефе есть изображения меча и лавровой ветви, сохранилась надпись на немецком языке: «В честь и память героев, павших за свою Отчизну. XXI армейский корпус». Вокруг постамента, вероятно местными жителями, сложены кресты, которые сохранились от утраченных захоронений. Несмотря на то что участки некрополя ограждены каменными столбами, они вплотную примыкают к гражданским погребениям. В годы Первой мировой войны в деревне Кобыльники (сегодня это агрогородок Нарочь Мядельского района) находился штаб германского корпуса — до нашего времени сохранилась церковь, в которой был устроен немецкий госпиталь, захоронения здесь датируются 1916—1917 годами.

Можно выделить ряд общих черт, которыми характеризуются погребения русских и германских воинов. Во-первых, захоронения обеих сторон появились в прифронтовой полосе, при госпиталях, на гражданских кладбищах почти одновременно за короткий промежуток времени, когда убитых или умерших от ран хоронили вскоре после боевых действий. Во-вторых, отличительной чертой воинских погребений периода Первой мировой войны является наличие смешанных некрополей. В-третьих, индивидуальные надмогильные памятники сохранились на немецких или смешанных некрополях. В-четвертых, над безымянными могилами, которые находятся на немецких или смешанных некрополях, также установлены типовые индивидуальные памятники с надписями «неизвестный русский солдат» или «неизвестный немецкий солдат» на польском языке В-пятых, многие воинские некрополи не имеют охранного статуса.

Культурный ландшафт выступает предметной реализацией традиционной картины мира локального сообщества. В масштабе Мядельского района воинские захоронения как объекты ассоциативного культурного ландшафта вписаны в картину мира крестьянского сообщества, поскольку являются важными элементами сакральной топографии. Локальная народная традиция как бы «переводит» мифологические архетипы («этот мир», «тот мир») на язык местных пространственных реалий, которые лежат в основе уникальности локального культурного ландшафта [6, с. 43]. Для белорусов традиция почитания памяти умерших составляет одну из характерных черт национального характера, что проявляется и в отношении людей к воинским захоронениям. Кладбища занимают отдельное место в территориальной структуре локального рельефа. На северо-западе Беларуси, для которого характерен моренно-холмистый рельеф, значительная часть гражданских кладбищ размещалась в ле-

су или на природных возвышенностях, что в традиционной погребальной обрядности символизировало *последний путь* умершего [Там же, с. 403]. Подобное размещение характерно и для воинских погребений.

В структуре ассоциативного культурного ландшафта и в миропонимании местного жителя кладбище — «святое место», ибо там совершались определенные действия христианским священником, молились сообща люди. В традиционном культурном ландшафте для мест погребений характерна максимальная насыщенность культово-религиозной символикой и атрибутикой, что соответствует и воинским захоронениям. Пространственная ориентация надмогильных памятников по линии «запад — восток» свидетельствует о религиозной (христианской) принадлежности погребенных воинов. Эта особенность важна в силу поликонфессионального населения Мядельского района, где на одних и тех же кладбищах хоронят христиан разных конфессий. Воинские погребения в традиционной картине мира понимаются как места одновременно «своих» и «чужих» покойных. «Своих» — так как и русские, и немецкие, и смешанные захоронения в Мядельском районе в большинстве своем относятся к деревенским гражданским (и часто действующим) кладбищам или находятся у стены храма. «Чужих» — поскольку в Мядельском районе есть и отдельные немецкие некрополи, и братские могилы русских воинов, которые не положили начало гражданским кладбищам.

Культурный ландшафт является для местного сообщества учебником истории (в том числе самостоятельно написанным), для которой при всей ее локальности характерно общемировое [Там же, с. 434]. Столетие — это хронологический промежуток, фактическая жизнь трех-четырёх поколений, в границах которой происходит и своеобразная фольклорная интерпретация реальных исторических событий, и их объективация в виде определенных элементов культурного ландшафта. Историческая память в традиционном обществе опирается на устную традицию и соотносится с реальной топографией — например, в форме легендаризации народом событий прошлого, интерпретации ойконимов. В связи с этим особое значение приобретают аутентичные представления местных жителей региона о местах погребения и других памятниках Первой мировой войны. Группы воинских погребений осознаются в традиционной картине мира как одноактные, трагичные, синхронные. Местные жители Мядельского района объясняют их появление так: «русские воины лежат в братских могилах, так как погибли одновременно, в результате газовых атак противника»¹.

Типологическая однородность всех погребений в границах воинских некрополей проявляется в народных представлениях об этническом и религиозном подобии умерших воинов: «в братских могилах лежат только русские православные воины», «в немецких могилах — все немцы, католики»; о гендерном и социальном подобии погребенных: «все мужчины, все солдаты». Появление ойконимов в соответствии с местными представлениями также

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из интервью, взятых автором в июне — июле 2018 г.

имеет свое пояснение в контексте военных событий: «название местной деревни Антонисберг (название впервые упоминается в источниках XVI века. — *А. Я.*) — немецкое, оно возникло, потому что там проходили наиболее кровопролитные бои и много немцев полегло во время Николаевской войны (так белорусы называют Первую мировую войну. — *А. Я.*)». В сознании местных жителей происходит определенная романтизация событий. Как упоминалось выше, возле братской могилы русских воинов в деревне Новосёлки находится единичное захоронение местной жительницы Алены Бернякович (1985). Согласно местной легенде, тут похоронена женщина, которая в тринадцатилетнем возрасте помогала раненым в военном госпитале, находившемся возле деревни, и влюбилась в раненого русского солдата. Солдат вскоре умер, а девушка осталась ему верна до своей смерти и согласно завещанию была похоронена возле братской могилы.

Таким образом, элементы традиционного культурного ландшафта, аутентичные представления местных жителей вкупе с фольклорной традицией составляют единый механизм объективации истории. События прошлого предметно определяются конкретными объектами реального пространства — воинскими захоронениями, самыми понятными и наглядными свидетелями. И тут первично значение Первой мировой войны, в частности Нарочской операции, для местной истории, историческая точность в этом случае вторична.

Список источников и литературы

1. *Битва у Нарочи*, 1916. Немецкие источники о русском весеннем наступлении (Нарочская операция) / авт. текста, сост. В. А. Богданов. Брест, 2016.
2. *Вабішчэвіч А.* Стан і захаванне воінскіх пахаванняў Першай сусветнай вайны ў Заходняй Беларусі ў 1921—1939 гг. // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2014. №9. С. 15—22.
3. *Версальскі* мирны договар / полный перевод с французского подлинника под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М., 1925.
4. *Дзяржаўны* спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад. В. Я. Абламскі, І. М. Чарняўскі, Ю. А. Барысюк. Мінск, 2009.
5. *Культурны* ландшафт как объект наследия / Ю. А. Веденин [и др.] ; под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М., 2004.
6. *Лобач У. А.* Міф. Прастора. Чалавек. Мінск, 2013.
7. *Шумскі В. В.* Некоторые уроки Первой мировой войны. Воинские захоронения периода Первой мировой войны на территории Республики Беларусь // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць : матэр. міжнар. навук.-практ. канф. (Смаргонь, 18—19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі ; рэдкал. М. У. Мясніковіч [і інш.]. Мінск, 2009. С. 121—146.

Об авторе

Алеся Дмитриевна Якубинская — кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Калининград, Россия.

E-mail: yakubinskaya.alesia@gmail.com

A. D. Yakubinskaya

Military cemeteries of World War I in the cultural landscape of a Belarusian village

Military cemeteries have the ability to preserve, revive, and shape the memory of war in contemporary society. During World War I, including the course of the Naroch Operation in 1916, military burials appeared in the territory of the modern Myadel district in the Minsk Oblast of the Republic of Belarus, which became elements of the traditional cultural landscape. Military burials enhance the sacred sound of the area, creating a unique associative value of the cultural landscape of the Myadel district, while preserving the main features of sacred territories in the cultural landscape of the rural areas of northwestern Belarus. A local study of military cemeteries in the Myadel district of the Minsk Oblast has been conducted through the interpretation of places of memory in the context of the associative type of the region's cultural landscape. Data collected by the author during field studies have been introduced into scientific circulation. Military cemeteries of World War I, as elements of the associative type of cultural landscape, along with authentic representations of local residents and folklore traditions, form a unified mechanism for objectifying the region's history.

Keywords: *World War I, Myadel district in the Minsk Oblast, memory, military cemeteries*

The author

Dr Alesya D. Yakubinskaya, Associate Professor, independent researcher, Kaliningrad, Russia.

E-mail: yakubinskaya.alesia@gmail.com

Раздел 5

«О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ЖИЗНИ»: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

УДК 93/94:004.9

Е. Н. Самсонова

Особенности проведения практических занятий по истории на направлении «Лингвистика» (на примере семинара 2 «Лингвистический анализ в исторических исследованиях»)

На основе анализа практики преподавания в БФУ им. И. Канта на направлении 45.03.02. «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение») представлен положительный опыт адаптации университетского курса «История России» для неисторических специальностей. Рассмотрены особенности подготовки и проведения семинарских занятий по дисциплине, в частности междисциплинарного семинара 2 «Лингвистический анализ в исторических исследованиях».

Ключевые слова: *высшее профессиональное образование, история России, методика преподавания истории в вузе, межпредметные связи, авторская концепция, практические занятия*

Проблема адаптации университетского курса «История России» к преподаванию на направлении 45.03.02 «Лингвистика», в частности на профиле «Перевод и переводоведение», несмотря на всю ее актуальность, в настоящее время еще не получила достаточно полного освещения в методической литературе. В то же время следует констатировать явный интерес ученых и педагогов к подобной тематике как в рамках комплексного историко-лингвистического подхода в изучении истории России определенного периода, так и при решении учебных и воспитательных (в части патриотического воспитания) задач.

Следует отметить позитивный опыт преподавателей Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ), которые совместно со студентами подготовили спектакль-реконструкцию «Нюрнбергский процесс: уроки истории для настоящего и будущего», премьеры которого состоялась

27 апреля 2022 года. Этот проект, по справедливому замечанию ректора МГЛУ И. Краевой, является «попыткой синтеза образовательного лингвистического процесса и воспитательной работы в рамках всероссийского просветительского проекта “Без срока давности”» [6]. В постановке была не только скрупулезно соблюдена вся историческая канва значимого события отечественной и мировой истории, но и использованы четыре языка (английский, французский, немецкий, русский), на которых говорили студенты-актеры, воспроизводя тексты выступлений обвинителей и защитников на Нюрнбергском процессе.

Еще один удачный пример тематической и институциональной интеграции уже в сфере научных исследований — Всероссийский научно-практический семинар «“Соединяя миры”: толмачи и переводчики в России второй половины XVI — начала XIX в. (структуры, коммуникации, языки)», организованный совместно Институтом истории и международных отношений Южного федерального университета и Институтом российской истории РАН. Семинар проводился 21 мая 2024 года одновременно в Москве и Ростове-на-Дону, предполагая как онлайн-, так и офлайн-режим. Д. В. Сень, один из модераторов семинара, поводя его итоги, отмечал, что это научное мероприятие позволило не только воссоздать историю развития отечественной дипломатии и центральных учреждений государства в определенный исторический период, но и акцентировать внимание на «участии различных толмачей и переводчиков в региональных военно-политических и социокультурных процессах, в пространстве межкультурного диалога и коммуникации пограничных сообществ» [8, с. 262]. Доклады, на наш взгляд, могут быть с успехом использованы преподавателями истории, работающими со студентами-лингвистами, в качестве материалов для лекций по периодам Московской Руси и Российской империи.

Кроме этого, следует упомянуть, что в 2019, 2021 и 2023 годах проводились международные конференции «Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия». Последняя из них проходила 11—15 сентября 2023 года в рамках другой международной конференции — «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Стоит согласиться с Д. В. Сенем, полагающим, что данные научные мероприятия «повлияли на активизацию соответствующих исследований со стороны региональных научных и научно-образовательных центров России» [Там же, с. 264].

Все вышесказанное свидетельствует о несомненной актуальности междисциплинарных исследований отечественной истории, результаты которых могут быть положены в основу разработок вузовского курса по истории России для лингвистов-переводчиков.

Помимо этого, недостаточность разработок по методике преподавания дисциплины «История России» на непрофильных специальностях в высшей школе делает востребованным обобщение нашего опыта проведения лекций и практических занятий по отечественной истории в Балтийском федеральном университете им. И. Канта на направлении «Лингвистика».

Наш курс «История России» составлен с учетом государственных требований к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки бакалавра, обучающегося по направлению 45.03.02 «Лингвистика» (профиль «Перевод и переводоведение»). Согласно учебному плану дисциплина читается во втором и третьем семестрах обучения. Курс состоит из 9 блоков, раскрывающих историю нашей страны в хронологической последовательности, связанной со сменой форм государственности: от периода древнерусской государственности через ордынско-удельную Русь к Московской Руси, Российской империи, периоду СССР и, наконец, Российской Федерации (с момента ее образования в 1991 году и по текущий, 2025 год).

Говоря об отборе содержания для лекций по истории России, необходимо выделить следующие принципиальные моменты:

1. Обязательные тематические фрагменты в общих исторических сюжетах.

Например, характеризуя деятельность министра просвещения в царствование Николая I С. С. Уварова, можно рассказать студентам о том, что именно по его инициативе в 1837 году в Казанском университете появился курс ориенталистики, а также открылась первая в России кафедра китайского языка. Китайский язык является одним из языков по выбору (второй иностранный язык) для студентов профиля «Перевод и переводоведение» БФУ им. И. Канта, поэтому такая информация, несомненно, вызовет интерес.

Кроме того, согласно своему учебному плану во втором семестре лингвисты-переводчики начинают изучать латинский язык. Поэтому преподаватель может подробно остановиться на характеристике позиции С. С. Уварова в отношении важности преподавания древних языков, и прежде всего латыни. Такой подход не только обеспечит студентов интересной информацией по специальности, но и позволит скорректировать восприятие личности министра просвещения, крайне плоско и одиозно представляемой в школьных учебниках.

2. Термины, принятые в зарубежной историографии.

Например, представляя трактовку сущности периода Смутного времени англо-американскими исследователями, уместно будет привести оригинальные англоязычные термины, которые они используют (“The Time of Troubles” или “The Troubled Times”), объяснив нюансы употребления именно таких словосочетаний при трактовке одного из сложнейших периодов в истории России («время соперничества боярских семейств в борьбе за престол»). Английский язык является основным иностранным языком (первый иностранный язык) в обучении большей части студентов-переводчиков, поэтому такой акцент представляется нам уместным.

3. Использование оригинального написания иностранных имен.

Реализуя этот подход, мы стремимся донести до студентов написание всех иностранных имен исторических личностей, сыгравших значимую роль

в истории России, на языке оригинала. Например, можно поговорить о детском прозвище императрицы Екатерины II (имя при рождении: София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская) — *Фике*, или *Фигхен*. Характеризуя становление личности императрицы, стоит, несомненно, уделить внимание ее неоднозначным отношениям с родителями, прежде всего с матерью — Иоганной Елизаветой Гольштейн-Готторпской. Прозвище *Фигхен* означает в переводе на русский язык «маленькая Фредерика» (нем. *Figchen* от имени *Frederica* с суффиксом *-chen*). Немецкий язык является основным языком в обучении части студентов-лингвистов, а также языком по выбору (вторым иностранным языком), поэтому такой грамматический разбор слова в качестве примера будет достаточно интересен студентам.

4. *Использование и комментирование в лекции лингвистических заимствований / лингвистических мифов.*

Широко известны заимствования периода войны 1812 года и Заграничных походов. В русском языке к ним относится, например, слово «шаромыжник» (от фр. *cher ami* «дорогой друг») в значении «попрошайка». Подобные же вещи встречаются и во французском языке: знаменитое «бистро» (фр. *bistro*), о котором рассказывают туристам едва ли не все русскоязычные экскурсоводы Парижа, утверждая, будто оно произошло от русского слова «быстро», и даже показывая то историческое место, где это якобы случилось (мемориальную доску ресторана “À la Mère Catherine”). Однако работы ученых эту версию опровергают, относя появление термина «бистро» к совершенно иной исторической эпохе (1840-м годам) и связывая его с северофранцузским диалектизмом *bistouille*, что означает «пойло, плохой алкоголь» [10, p. 408].

В то же время, как справедливо отмечают исследователи, «в мире нет ни одного языка, где не было бы заимствований. Начиная с XVIII в. русская лексика активно пополняется галлицизмами — словами и выражениями русского языка, перешедшими из французского языка как в виде прямых заимствований, так и в виде словообразовательных, семантических или синтаксических калек» [5]. Поэтому преподаватель, в зависимости от интересов студентов и своих собственных, может либо проиллюстрировать взаимовлияние русского языка с иностранными, рассмотрев заимствования в период формирования русского литературного языка в начале XIX века, либо проанализировать конкретные случаи возникновения и развенчания учеными мифов периода Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов. Такой подход при построении лекции позволит не только связать материал с будущей специальностью, но и существенно расширить представление студентов об изучаемой эпохе.

Переходя к характеристике особенностей построения практических / семинарских занятий по курсу, следует также выделить некоторые значимые, на наш взгляд, моменты.

Все тематические семинары дисциплины «История России», связанные с профилем «Перевод и переводоведение», мы разделили на три группы.

1. *Семинары, посвященные характеристике работы переводчиков и местам их службы* (семинар 9 «Внешняя политика Московского царства в XV—XVII вв.: Посольский приказ», семинар 16 «Внешняя политика России в XVIII веке», семинар 21 «Внешняя политика в XIX веке: Министерство иностранных дел»).

Эти семинары не только знакомят студентов-лингвистов с эволюцией органов центрального управления в России в разные исторические эпохи на примере специализированных органов, отвечавших за отношения с иностранными государствами, но также позволяют проследить эволюцию кадровой политики конкретного ведомства на примере толмачей и переводчиков: их положение, оклады, конкретные функции в разные периоды, особенности процедуры подтверждения квалификации (от экзаменов по иностранному языку при приеме на работу до появления специализированных школ, готовящих кадры) и т. д.

В связи с этим особо следует отметить статью А. Г. Гуськова и С. М. Шамина «Переводчики Посольского приказа в 1680—1690-х гг.» [3], а также работу Б. А. Куненкова «Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема» [4], написанные на основе материалов приказного делопроизводства Посольского приказа и рекомендованные студентам для подготовки к семинару 9.

2. *Семинары, раскрывающие взаимоотношения России со странами изучаемого языка*: английский, французский, немецкий, шведский, китайский языки (семинар 4 «Внешняя политика Древней Руси: Русь и Западная Европа», семинар 10 «Основные направления внешней политики Московского царства в XV—XVII вв.», семинар 22 «Внешняя политика Российской империи в XIX веке: сущность, этапы, направления», семинар 25 «Внешняя политика императора Николая II», семинар 28 «Внешняя политика СССР в период “холодной войны”», семинар 30 «“Новое мышление” во внешней политике СССР (1985—1991)»).

Семинары, включенные в эту группу, позволяют сделать акцент на рассмотрении особенностей внешнеполитического взаимодействия (военные действия, торговля, брачная политика, дипломатические посольства и т. д.) России со странами изучаемого студентами языка (языков). Поскольку внешняя политика нашей страны в исторической ретроспективе достаточно обширна как содержательно, так и предметно (к примеру, только о Ганзейском союзе в истории Новгородской республики можно говорить в течение нескольких семинаров), подобный подход позволяет целенаправленно сузить рассматриваемый предмет. Разные группы студентов-лингвистов, в зависимости от изучаемого языка, смогут сосредоточиться на профильных странах, выбрать именно их из предложенного перечня направлений внешней политики России в различные исторические эпохи. Все это, по нашему мнению, будет способствовать и более глубокому освоению профильных для студентов стран в дополнение к специальному курсу «Страноведение».

3. Семинар, демонстрирующий возможности использования историей методологических подходов лингвистики при работе с текстом (семинар 2 «Лингвистический анализ в исторических исследованиях»).

Семинар 2 относится к вводной теме 1 «История как наука», которая открывает курс «История России» и включает обзорную лекцию и два семинара. Если обзорная лекция раскрывает предмет, структуру, функции курса и методологию научного исторического исследования, то оба семинара выступают своеобразной иллюстрацией двух современных методологических подходов к анализу отечественной истории: это интерпретация исторического процесса через концепт «империя» (семинар 1 «Имперский подход при анализе истории России») и стратегия работы с письменными источниками, заимствованная из лингвистики (семинар 2 «Лингвистический анализ в исторических исследованиях»).

Такой выбор тематики семинаров вводной темы представляется достаточно обоснованным, так как зачастую студенты крайне слабо понимают, что такое методология научного исследования и в чем ее необходимость. Особенно это замечание справедливо для студентов младших курсов, а также по отношению к той науке, которая не является предметом будущей профессиональной деятельности. Подобные семинары, на наш взгляд, выполняют значимую роль в заполнении этого пробела.

План семинара 2 включает в себя три достаточно обширных вопроса для обсуждения:

1. «Лингвистический поворот в историографии»: причины, сущность, последствия.
2. Лингвистическое источниковедение: история, периодизация, основная проблематика исследований.
3. Методы лингвистического анализа текста и историческая наука.

Первый пункт плана связан с уяснением студентами сущности такого явления, как «лингвистический поворот», рассмотрением его причин, этапов и значения для истории. Как отмечает доцент факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге Н. Д. Потапова, «историки так или иначе проявляли интерес к анализу языка задолго до того, как лингвистический поворот стал направлением. <...> Работы Селищева и Тынянова, Эйхенбаума и Рейсера, Бахтина и Проппа историки с интересом цитировали» [7, с. 9—10]. В то же время важно показать студентам неоднозначность «лингвистического поворота» для исторической науки. Так, с одной стороны, был совершен исследовательский прорыв, давший возможность новых интерпретаций исторических знаний как речевых и литературных феноменов. Однако, с другой стороны, выявлена существенная ограниченность (невозможность) прямой интерпретации прошлого, которое дано нам не объективно, а только как набор более ранних интерпретаций.

Тем не менее данный вопрос предусматривает лишь общую характеристику самого явления и его основных этапов, не предполагая подробного

анализа его философской подоплеки в работах Людвиг Витгенштейна, Фердинанда де Соссюра, Мишеля Фуко и других авторов. Работая с рекомендованной литературой на платформе онлайн-обучения БФУ им. И. Канта (lms.kantiana.ru), студентам достаточно получить представление о позициях нескольких ключевых авторов, прежде всего Хейдена Уайта, Франклина Анкерсмита и Энтони Гидденса, которые, каждый по своему, спровоцировали интерес историков к рассмотрению различных способов работы с текстами, ранее успешно использовавшихся в литературоведении, культурной антропологии и лингвистике. На занятии можно обсудить, в частности, обоснованность рассмотрения термина «лингвистический поворот» как зонтичного понятия, объединившего, по справедливому замечанию Н. Д. Потаповой, «разные исследовательские практики и разные направления, от нового историзма и истории культуры (*cultural history*) до критики дискурсов и критики идеологий, новой нарративной истории и обсуждения художественных форм реализации исследования» [Там же, с. 11—12].

Кроме того, выдавая и комментируя задание к данному семинару, можно сделать акцент на страноведческой специфике, проявляющейся в разной трактовке методик работы с текстом в разных странах. Так, для Великобритании (страна первого иностранного языка) это позиции Кита Дженкинса и Алана Манслоу, для Франции — Мориса Мерло-Понти и Клода Леви-Стросса и т. д. Также можно использовать и хронологический принцип, выявив разницу интерпретаций у теоретиков и исследователей разных поколений: 1950—1960-х, 1970-х, 1980-х, 1990-х и 2000-х годов (Габриэль Шпигель и др.). Стоит включить в обсуждение и трактовку понятия «лингвистический поворот» отечественными учеными, в частности А. Я. Гуревичем, Г. И. Зверевой, Л. П. Репиной, О. М. Медушевской и др.

В третьем пункте плана, по нашему мнению, необходимо продемонстрировать студентам конкретные примеры использования лингвистического анализа в интерпретации исторических фактов. По выбору преподавателя можно опереться на статью В. Е. Чернявской, показав возможности как взаимодействия исторического и лингвистического методов анализа текста, так и конкретного применения анализа текста — инструмента «конструирования “национальной истории”», т. е. новой интерпретации исторического нарратива в связи с иной политической идентичностью народа» (кейс Нагорного Карабаха) [9, с. 81]. Интерес представляет и работа Ю. В. Биктимировой «Бытийное пространство в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья в языке памятников письменности Нерчинского воеводства XVII—XVIII веков», в которой автор на основе анализа большого массива рукописных документов из Российском государственном архиве древних актов, созданных на протяжении XVII—XVIII веков в Забайкалье, пытается реконструировать «бытийное пространство» первопроходцев и первопоселенцев этого региона [1].

При наличии на занятии времени, а также хорошем уровне владения английским языком преподаватель может воспользоваться практическими за-

даниями из учебного пособия В.И. Бортникова «Лингвистический анализ текста» [2], чтобы закрепить у студентов полученные теоретические знания об особенностях и видах лингвистического анализа. Данное пособие, хотя и разработано для направления «Лингвистика», не предназначено для студентов первого курса. Поэтому в случае использования практических заданий из него от преподавателя потребуется серьезная работа по их адаптации, однако такой опыт дает представление о самой процедуре анализа художественного текста в профессиональной переводческой деятельности.

В заключение следует отметить, что предложенная модель преподавания дисциплины «История России» для лингвистов-переводчиков — это лишь один из возможных примеров адаптации достаточно объемного, сложного и многогранного университетского курса.

Список литературы

1. Биктимирова Ю. В. Бытийное пространство в языковой картине мира первопроходцев и первопоселенцев Забайкалья в языке памятников письменности Нерчинского воеводства XVII—XVIII веков // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 6—15.
2. Бортников В. И. Лингвистический анализ текста: учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2020. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/93462/1/978-5-7996-3061-4_2020.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
3. Гуськов А. Г., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в 1680—1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 108—122.
4. Куненков Б. А. Переводчики и толмачи Посольского приказа во второй четверти XVII в.: функции, численность, порядок приема. URL: <http://www.mkonf.iriran.ru/archive.php?id=50> (дата обращения: 08.09.2023).
5. Мухина И. К., Вукович И. С. Функции галлицизмов в современных СМИ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/133513/1/978-5-91256-643-1_2024_013.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
6. Нюрнбергский процесс: уроки истории для настоящего и будущего. URL: https://linguanet.ru/ob-universitete/news/?ELEMENT_ID=10731 (дата обращения: 10.10.2024).
7. Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии : учеб. пособие. СПб., 2015.
8. Сень Д. В. Всероссийский научно-практический семинар по истории толмачей и переводчиков в России // Новое прошлое. 2024. № 2. С. 262—266.
9. Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3. С. 76—87.
10. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. P., 1998.

Об авторе

Екатерина Николаевна Самсонова — кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ekaterinaziza@yandex.ru

E. N. Samsonova

Features of conducting practical classes in history in the “Linguistics” programme
(the example of seminar 2 “Linguistic Analysis in Historical Research”)

Based on the teaching practice at the Immanuel Kant Baltic Federal University in the programme 45.03.02. “Linguistics” (profile “Translation and Translation Studies”), the author summarises the positive experience of adapting the university course “History of Russia” for non-historical specialties. The article discusses the features of preparing and conducting seminars on the discipline, in particular, interdisciplinary seminar 2 “Linguistic Analysis in Historical Research”.

Keywords: *higher professional education, history of Russia, methods of teaching history at the university, interdisciplinary connections, author’s concept, practical classes*

The author

Dr Ekaterina N. Samsonova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ekaterinaziza@yandex.ru

**Особенности преподавания дисциплины
«История мировой и отечественной культуры»
на направлении подготовки «История»**

Рассмотрены структура и методика преподавания дисциплины «История мировой и отечественной культуры» для студентов-историков в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта. Особое внимание уделено принципам преподавания. С одной стороны, предлагаемая методика подачи учебного материала дает возможность сосредоточить внимание студентов на главных культурно-исторических эпохах и периодах, культурных и духовных событиях и явлениях, а также обеспечить понимание зависимости феноменов культуры от явлений общественной жизни. С другой стороны, студенты могут проследить, как развивался каждый вид искусства.

Ключевые слова: история культуры, методика преподавания, принципы обучения, университет

Изучение истории культуры на историческом факультете в Калининградском государственном университете началось еще во второй половине 1980-х годов [1, с. 52]. После 1991 года в связи с реформированием в области высшего образования и преобразованиями самого университета и, соответственно, исторического факультета появились курсы «История отечественной культуры» и «История художественной культуры Запада». После перехода на программу бакалавриата в перечень обязательных дисциплин была включена «История мировой и отечественной культуры».

В Балтийском федеральном университете им. И. Канта преподавание этой дисциплины для студентов направления «История» в силу специфики предмета имеет ряд особенностей. Дисциплина изучается студентами бакалавриата с первого по третий курс включительно. По объему материала она охватывает период от первобытной культуры до начала XX века и включает историю культуры отдельных периодов, регионов и стран. Важно отметить, что изучение истории мировой и отечественной культуры происходит синхронно с основными дисциплинами образовательной программы, к которым относятся «История Древнего мира», «Средневековая история стран Европы и Византии», «История России», «Новая и новейшая история стран Западной Европы и Северной Америки», «История стран Азии и Африки».

На первом курсе студенты осваивают первобытную культуру, культуру Древнего Востока, Античности, на втором — средневековую культуру Европы и эпохи Возрождения, византийскую культуру и историю культуры русского Средневековья, на третьем — историю мировой культуры XVII — начала XX века и русскую культуру XVIII — начала XX века. На четвертом курсе дисциплина «История зарубежного и отечественного искусства XX — XXI веков» логично завершает общий курс истории культуры человечества. При изучении материала применяется принцип междисциплинарности, что, безусловно, способствует формированию более прочных знаний.

С учетом преобразований в системе высшего образования была скорректирована методика преподавания дисциплины «История мировой и отечественной культуры». Следует выделить ряд принципов обучения — научность, историзм, систематичность, интеграция.

Принцип научности важен для укрепления знаний, получаемых студентами. Он позволяет опереться на актуальные данные исторической науки и искусствоведения, существующие сегодня подходы и концепции. Изучение на первом курсе предмета «Теория культуры» облегчает процесс восприятия специальной терминологии и базовых сведений по культуре и искусству и способствует последующему усвоению материала по истории культуры.

Принцип историзма относится к числу основополагающих принципов обучения, так как история культуры неразрывно связана с историей человечества и ее изучение важно для понимания того, как жили люди и как развивалась цивилизация на протяжении веков. Постижение истории мировой и отечественной культуры происходит с опорой на характеристику главных исторических событий и процессов, а также деятельности исторических личностей. Невозможно осмыслить культурные достижения и результаты без понимания исторического контекста. Например, Т. Ф. Фурсенко определила принцип историзма как «характеристику конкретных условий, в которых создавались произведения искусства, что позволяет раскрыть закономерности развития мировой художественной культуры, обеспечить понимание глубокой зависимости художественных явлений от явлений общественной жизни» [9, с. 81].

Опираясь на исторические события и факты, важно систематизировать знания о мировом культурно-историческом развитии человечества с особым акцентом на этнорегиональные особенности этого процесса. Таким образом, в изучении «Истории мировой и отечественной культуры» необходимо опираться на принцип систематичности, позволяющий знаниям последовательно накапливаться. Студенты не только усваивают материал, но и имеют возможность анализировать основные этапы историко-культурного и социокультурного развития и постигать общие закономерности художественного развития разных народов.

С учетом специфики курса «История мировой и отечественной культуры», в рамках которого студенты знакомятся не только с главными этапами истории мировой культуры, но и с основами теории и истории искусства, с тем, как формировались и развивались различные виды искусства, был определен оптимальный вариант подачи необходимого учебного материала. С одной стороны, изложение фактического материала в рамках дисциплины опирается на линейный принцип построения курса, позволяющий изучать этапы историко-культурного развития в правильной исторической последовательности. С другой — студентам дается материал и о развитии искусства с акцентом на том, как формировались и изменялись его виды. В совокупности это позволяет представить культурные особенности исторических периодов, а обучающимся — усвоить систему корректного соотношения стилей и направлений искусства с конкретным историко-культурным периодом или эпохой. Вместе с тем в процессе обучения студенты могут проследить, как развивался каждый вид искусства в контексте общего художественного развития. Поэтому принцип интеграции весьма значим, поскольку «каждое искусство стремится максимально выявить, усилить, развить то, что составляет его неповторимую специфику, но в то же время каждое искусство стремится расширить свои возможности и границы, усваивая и используя опыт других видов искусства» [7, с. 4—5].

Одной из специфической особенностей курса «История мировой и отечественной культуры» является анализ произведений искусства, который необходим студентам для постижения идейного содержания того или иного культурно-исторического периода. Обучающиеся в связи с этим приобретают базовые навыки анализа произведений искусства.

В процессе преподавания дисциплины используется разнообразный иллюстративный материал, а также видео- и аудиоресурсы, что обеспечивает полноту и наглядность формирующегося у студентов представления о предмете и поддерживает их интерес. Это обстоятельство определяет специфику преподавания дисциплины. Мультимедийные технологии, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и многочисленные цифровые ресурсы дают возможность максимально быстро и эффективно познакомить обучающихся с большим числом произведений искусства, чтобы они запомнили их визуально и вербально, могли правильно воспринимать художественные образы и понимали нравственно-эстетическое значение этих произведений. Привлечение вышеуказанных технологий и ресурсов также во многом способствует повышению динамичности учебного процесса и усвоения материала.

Содержание дисциплины требует постоянного обновления и дополнения разнообразными материалами, ознакомления с научной литературой по культуре и искусству, ее подкрепления обширным мультимедийным форматом для усиления познавательной активности студентов.

Как уже отмечалось, «История мировой и отечественной культуры» по объему информации — чрезвычайно большая дисциплина. С учетом этого была разработана структура преподавания и определена система рационального распределения материала. На лекциях освещаются ключевые культурно-исторические эпохи, периоды, центральные культурные и духовные события и явления и т. д. Лекционный материал создает основу для более полного изучения всей обширной культурно-исторической и искусствоведческой проблематики на практических занятиях. Также в тематику практических занятий включены дискуссионные вопросы. В качестве примера можно привести коллоквиум «Гуманизм как идеология Возрождения», который проводится на втором курсе. Опираясь на обширную библиографию, которая прилагается к заданию по каждой теме, студенты могут самостоятельно расширить свои познания и более углубленно изучить отдельные проблемы.

В результате освоения дисциплины «История мировой и отечественной культуры» у студентов должно сложиться целостное представление о развитии искусства, культурных эпохах и периодах, художественных системах, направлениях и стилях. Они должны знать центральные культурно-исторические явления и основные достижения художественной и духовной культур разных регионов мира, отдельных эпох, стран. В процессе изучения истории культуры особое внимание уделено национальным культурам и, соответственно, их характерным чертам и своеобразию, включая проблему эстетики.

Духовная культура народов также находится в центре внимания, поскольку отражает их систему культурных и нравственных ценностей, мировоззрение. Всё это важные составляющие для понимания особенностей изучаемых периодов, эпох и мировосприятия их представителей. Русский философ Н. А. Бердяев справедливо отмечал, что «в жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности» [2, с. 523]. Поэтому характеристика сути теоцентризма необходима при изучении культуры средневекового общества [4, с. 275], антропоцентризма — как картины мира в эпоху Возрождения [8, с. 146] и гуманизма — как ее идеологии с не переменным индивидуализмом [3, с. 303], рационализма — как одной из идеологических основ «века Просвещения», когда «была провозглашена вера в человека, в непобедимую силу его разума», а просветители «настаивали на необходимости распространения знаний, образованности и культуры среди людей, стремились к формированию у них высоких моральных качеств, добиваясь уважения к личности человека» [5, с. 5].

В процессе обучения студенты должны усвоить общую характеристику содержания культурно-исторического развития конкретных эпох, приобрести навыки сравнительного анализа культур, познакомиться с основными принципами анализа и оценки художественных произведений и творческой деятельности их создателей.

Одной из задач преподавания дисциплины «История мировой и отечественной культуры» является усиление у студентов интереса к духовным, культурным и художественным достижениям человечества. Особое внимание уделено постижению отечественного культурного наследия с осознанием уникальности и значимости русской национальной культуры. И здесь уместно напомнить высказывание академика Д. С. Лихачева: «Ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего... Вся история развития человеческой культуры есть история не только создания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей» [6, с. 352].

Список источников и литературы

1. 07.00.03: К 25-летию кафедры зарубежной истории и международных отношений КГУ / авт.-сост. И. О. Дементьев. Калининград, 2003.
2. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М., 1994. Т. 1.
3. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Опыт исследования. М., 1996.
4. История мировой культуры (мировых цивилизаций) : учеб. пособие / под. ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д, 2004.
5. Лабутина Т. Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
7. Основы теории и истории искусств. Изобразительное искусство. Театр. Кино : учеб. пособие / под науч. ред. Т. С. Паниотовой. СПб., 2024.
8. Платонова Э. Е. Конспект лекций по культурологии. М., 2005.
9. Фурсенко Т. Ф. Теория и методика преподавания мировой художественной культуры и искусства : учеб. пособие. СПб., 2024.

Об авторе

Елена Николаевна Тишакова — кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-8646-2959

E-mail: elenatishakova@rambler.ru

E. N. Tishakova

Features of teaching the discipline “History of World and National Culture” in the “History” programme

The article discusses the structure and methods of teaching the discipline “History of World and National Culture” for history students at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Particular attention is paid to the principles of teaching. On the one hand, the proposed methodology for presenting educational material allows to focus the attention of

students on the main cultural and historical epochs and periods, cultural and spiritual events and phenomena, to provide an understanding of the dependence of artistic phenomena on the phenomena of social life. On the other hand, students can trace how each art form has evolved.

Keywords: *history of culture, teaching methods, principles of teaching, university*

The author

Dr Elena N. Tishakova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kalinigrad, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8646-2959

E-mail: elenatishakova@rambler.ru

Особенности преподавания истории стран Азии и Африки студентам-историкам: традиции и новации

Охарактеризованы особенности преподавания истории стран Азии и Африки в университете у студентов-историков. Обоснована необходимость учета большого научного и педагогического опыта, накопленного в изучении афро-азиатского мира в нашей стране и за рубежом. Выделены ключевые проблемы преподавания курса, связанные со спецификой предмета, сложностью усвоения основных понятий и терминов. Подчеркнута необходимость работы с важнейшими источниками по истории афро-азиатского мира, усвоения специфики Востока в контексте не только традиционного общества, но и его взаимодействия с западным миром и российской цивилизацией.

Ключевые слова: *Азия, Африка, традиционные общества, колониализм, модернизация, деколонизация, новации, методика преподавания истории стран Азии и Африки*

Интерес к истории восточного мира в нашей стране вполне объясним. Россия с давних времен активно взаимодействовала с Востоком — с XVI века ряд территорий бывшей Золотой Орды вошел в состав формирующегося Российского государства, а к началу XX века в него были включены и огромные пространства Сибири и Дальнего Востока до Тихого океана. Российская империя также активно контактировала со своими соседями в Центральной Азии, прочно сложилась как евразийская держава, где значительную часть контролируемого геополитического пространства составляли неевропейские земли за Уралом. В состав громадной Российской империи вошли десятки восточных этносов. Русская цивилизация систематически и многообразно взаимодействовала с различными восточными цивилизациями и религиями. Все эти обстоятельства сделали восточный компонент нашей истории частью политической практики, социально-экономической и культурной жизни нашей страны. Восточный аспект прочно присутствовал в Российской империи, Советском государстве, СССР, современной России.

Кроме практических императивов, обусловивших прочную взаимосвязь нашей истории с восточной, формировался и научный интерес, стремление изучить и понять Восток. Накопленные знания о восточных соседях (ближних и дальних), становление наук в Новое время требовали обобщения прак-

тически знаний об афро-азиатском мире. Частью исторического знания становилась и постепенно складывавшаяся как наука ориенталистика (востоковедение). Достаточно вспомнить первые научные попытки изучения языка и истории Китая в Санкт-Петербургской академии наук выходцем из Кёнигсбергского университета Г. З. Байером. Позже происходила вполне очевидная дифференциация востоковедного знания по регионам и отдельным странам. Появлялись в России и крупные научные центры, связанные с изучением и преподаванием истории Востока, — в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, других городах.

Российские ученые старались обобщить практические материалы, итоги географических экспедиций, военных, дипломатических и торговых контактов. Важную роль в этом сыграли духовные миссии в Китае, деятельность миссионеров в Японии (о. Николая Касаткина). Духовная миссия в Цинской империи сыграла не только религиозно-просветительскую, но и во многом дипломатическую и научную роль. Так, о. Иакинф (Н. Я. Бичурин) стал одним из основателей научного китаеведения. Духовная миссия способствовала и изучению языка, этнографии Китая, географии страны, подготовке практических специалистов в данной сфере.

Многие ученые придали импульс становлению теоретических проблем истории и географии Ближнего Востока и Центральной Азии (В. В. Бартольд), арабистики (И. Ю. Крачковский), японистики (Н. И. Конрад). Перечень имен можно продолжить. Словом, в имперский период в России сложилось научное востоковедение — как гражданское, так и военное (например, исследования Н. М. Пржевальского, А. Е. Снесарева), которые дополняли друг друга.

Началось преподавание в российских столицах, а также в других городах империи основ восточных языков и истории стран этого региона. Не будем забывать также, что русские востоковеды активно и плодотворно участвовали в международных научных форумах, привнося новые достижения и в теорию, и в процесс подготовки специалистов. К концу существования Российской империи в гражданских и военных вузах (например, в Николаевской академии Генерального штаба) были подготовлены сотни переводчиков, практических специалистов в области восточного мира. Основа была заложена значительная. И несмотря на крутые повороты истории, она не исчезла бесследно.

В период становления советской власти востоковедение сузилось до практики поддержки национально-освободительного движения угнетенных народов Азии и Африки как «резерва» всемирной пролетарской революции. Осуществлялась попытка советизации отдельных регионов Центральной Азии, Ирана, Монголии, Китая в надежде на то, что эти страны станут впоследствии частью «всемирной советской республики», перейдя при помощи Советской России и Коминтерна на некапиталистический путь развития. Этим была обусловлена часто утилитарная направленность подготовки специалистов по Востоку, например в Коммунистическом университете трудя-

щихся Востока, в учебных заведениях для народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Жизнь оказалась гораздо сложнее: не везде на Востоке победил социализм, а включение части бывших восточных окраин Российской империи в советское государство (СССР с 1922 года) вынудило руководство страны решать задачи поиска и выработки соответствующего политического курса на данном направлении. Тем более что мировой революции ни на Западе, ни на Востоке не произошло. Сказывалась и нехватка специалистов: многие старые «спецы» не разделяли марксистских идей, кто-то эмигрировал, некоторые ученые погибли в годы Гражданской войны.

В середине 1930-х годов в контексте модернизации СССР, сложной международной обстановки, нарастания угрозы войны со стороны нацистской Германии на западе и милитаристской Японии на востоке изменилось отношение власти к востоковедению. Повлиял и в целом достаточно позитивный, хотя и противоречивый поворот правящей большевистской партии к систематическому изучению и преподаванию истории в средних школах и высших учебных заведениях. Применительно к Востоку остро ощущалась необходимость в практических специалистах — историках, переводчиках, тем более что наша страна тогда активно развивала многообразные связи со своими восточными соседями, особенно с Турцией, Ираном, Афганистаном, Монголией, Китаем, Японией. Требовались и знания о колониальном и полуколониальном мире, включенном в тот период в орбиту господства ведущих стран Западной Европы, США и Японии. Кроме того, в СССР находились представители антиколониальных движений из Азии и Африки по линии Коммунистического Интернационала, и с ними надо было вести профессиональную работу в рамках поиска своеобразных резервов в борьбе с мировым империализмом.

Властям пришлось привлекать для изучения Востока и старых специалистов, их знания опять оказались востребованными, многим из них вновь разрешили заниматься наукой и преподаванием. В их числе оказались В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург, И.Ю. Крачковский и другие представители дореволюционного востоковедения. В вузах стали уделять внимание систематическому преподаванию истории стран Востока. В 1940 году появился один из первых фундаментальных учебников по истории колониальных и зависимых стран, в создании которого приняли участие Г.С. Кара-Мурза, И.М. Рейснер и другие востоковеды [6]. Конечно, сказывалось политическое давление и идеологический контроль: особое внимание в преподавании истории афроазиатского мира уделялось роли национально-освободительного движения, молодым революционным и коммунистическим партиям. Однако накапливался фактический материал, в учебных курсах исторических факультетов появились систематические лекции, практические занятия по восточным языкам и истории Востока, особенно социально-экономической и антиколониальной.

Во второй половине XX века интерес к Востоку еще более усилился в ходе процессов деколонизации, распада колониальных империй, прежде всего британской и французской, соперничества великих держав за неевропейскую периферию международных отношений. Свою роль сыграли и процессы выбора пути молодыми независимыми странами Азии и Африки, некоторые из них даже попытались реализовать путь социалистической ориентации. Данные сюжеты нашли отражение в учебных курсах.

Ослаб жесткий идейно-политический контроль, власти ограниченно допустили ряд научных дискуссий — например, в середине 1960-х годов по проблемам так называемого азиатского способа производства (при сохранении основных марксистских догм и формационной теории). По-прежнему в преподавании особое внимание уделялось социально-экономической истории, национально-освободительной борьбе народов Востока, но уже заметнее проявлялось внимание к политическим процессам, роли личности, духовной жизни и культуре восточных народов. В учебных курсах стали активнее использовать труды общественных и политических деятелей Востока — М. Ганди, Дж. Неру, переводились исследования марксистских авторов из КНР и Японии. Однако несмотря на эти позитивные явления, курс истории Востока рассматривался как вторичный, своеобразное «дополнение» к европейской истории. «История Востока всегда была второстепенной по сравнению с историей мировой, которая при этом понималась как история Запада “и других”». Дело не только в социальном статусе знаний о Востоке и знатоков Востока, но и в том, что это определило постоянный угол зрения: с западных рубежей на восточные дали. Все понимание истории неевропейских стран зависело от степени ее актуальности для западного наблюдателя» [1, с. 8]. С этим довольно жестким замечанием современного классика востоковедения, индолога и специалиста в области теоретических проблем Востока Л. Б. Алаева сложно не согласиться. Ведь часто многие процессы в афро-азиатском мире «подгонялись» под ставшие общепринятыми в вузовских учебниках характеристики типологии развития западного мира, его периодизации. Воздействие европоцентристского подхода на преподавание восточных сюжетов было очевидным.

Перестройка и последующие события в нашей стране, связанные с распадом СССР, «шоковой терапией», попытками встроиться в западный мир, не могли не повлиять на преподавание афро-азиатских сюжетов в вузовском курсе истории Востока. Под влиянием политического и духовного плюрализма кроме вузовских учебников появились и авторские курсы: особенную популярность приобрели неоднократно переиздававшиеся учебники Л. С. Васильева и Л. Б. Алаева [2; 3]. Стали доступны и переводы работ иностранных авторов, которые сформулировали ряд идей применительно к неевропейскому миру: А. Дж. Тойнби, Э. В. Саида, Э. Хобсбаума и др. В 1990—2010-х годах были опубликованы фундаментальные труды обобщающего характера.

Среди них особое место занимают шеститомная «История Востока» под редакцией профессора Р. Б. Рыбакова и десяти томная «История Китая с древнейших времен до начала XXI века» под редакцией академика РАН С. Л. Тихвинского. Эти исследования дополнили и развили с учетом мировых и отечественных достижений многие положения о Востоке, заложенные еще в советской «Всемирной истории» под редакцией академика Е. М. Жукова. Новые обобщающие издания были свободны от политико-идеологического контроля и обозначили многие проблемы для обсуждения.

В дальнейшем изложении автор этих строк будет опираться на многолетний опыт преподавания курсов «История Древнего мира» и «История стран Азии и Африки» для студентов-историков в Калининградском государственном университете (с 2010 года — Балтийском федеральном университете им. И. Канта). В постсоветской России в вузовском курсе сохранилось изучение стран афро-азиатского мира от Древности (на первом курсе) до Средневековья, Нового и Новейшего времени (на втором — четвертом курсах соответственно). Появился плюралистический подход ко многим аспектам истории Востока. Но встали вопросы: какие основные проблемы истории стран Востока излагать? на какой методологической основе? Тем более что в некоторых учебниках, по которым занимались студенты — будущие историки — в 1990—2000-е годы, содержались основные факты, часто без соответствующих концептуальных оценок, а восточный мир рассматривался как своеобразное дополнение к всемирной истории.

Однако даже в учебниках никто не отменял серьезного научного подхода и использования принципов историзма и объективности в изложении учебного материала. Постепенно в ходе дискуссий о преподавании истории Востока в учебную литературу были включены достижения дореволюционного востоковедения, особенно переводы классических восточных текстов, стало уделяться внимание духовной жизни, вновь на новом уровне появился материал о социально-экономической истории, антиколониальных движениях, роли стран Востока в системе международных отношений. Особое значение в преподавании стало уделяться специфике восточного мира, прежде всего связанной с его своеобразным «цивилизационным кодом». Конечно, цивилизации Востока отличаются своей спецификой, но она обусловлена особенностями традиционных обществ, обозначенными еще в работах К. Маркса и М. Вебера. Учитываются и различия в историческом развитии стран Азии и Африки, особенно южнее Сахары, где не было доминирующих этносов, устойчивых крупных государственно-политических образований. Но невзирая на различия, восточные общества объединяются принадлежностью к традиционному типу развития с сильным воздействием природно-климатических и цивилизационных факторов.

Остро обозначился вопрос о периодизации истории стран Востока. Скажем сразу, что в науке он остается дискуссионным до сих пор. Но в учебном

плане сохранена прежняя терминология — «Древность», «Средневековье», «Новое время», «Новейшее время» (с учетом, конечно, специфики афро-азиатских обществ, их национальной истории и связи ее с историей стран Запада и России). Такой подход при всей условности позволяет рассматривать страны Востока не как «вещь в себе», но в связи с всемирной историей.

Так, начало восточного Средневековья рассматривается на *втором курсе* в контексте крушения («размыкания») древних цивилизаций — от падения Западной Римской империи до крушения Ханьской империи в Китае на Дальнем Востоке. А во внутренней периодизации восточного Средневековья учитываются социально-экономические факторы, роль религий, контактов с кочевым миром. Восток в Средние века рассматривается с учетом региональной истории Ближнего Востока, Центральной, Южной Азии, Дальневосточного региона с доминирующим влиянием ханьской (китайской) цивилизации. Отдельное лекционное занятие посвящается становлению и специфике японского Средневековья.

На практических занятиях с использованием соответствующих документов хрестоматии по истории Средних веков со студентами организуется изучение узловых проблем восточного Средневековья. Например, с помощью документов анализируются аграрная политика китайских династий Сун и Мин, политическое устройство и политическая борьба в сунском Китае, крестьянские восстания в разные исторические эпохи средневекового Китая. Специфику средневековой Японии позволяет понять работа с политическими текстами сёгунатов. Знакомство с китайскими текстами, кстати, облегчает восприятие студентами механизма действия династийных циклов в истории традиционного Китая. Отдельные занятия посвящаются изучению документов, связанных с функционированием традиционной индийской общины, становлением Османской империи. Указанные практические занятия позволяют студентам познакомиться со спецификой азиатского мира Средневековья. Для понимания политической жизни ряда стран предлагается анализ китайских стратагем, переведенных Х. фон Зенгером и В. В. Малявиным. Знакомясь с ними, студенты на основе изученного фактического материала по Востоку, западным странам и России пытаются определить практическое применение стратагем, что расширяет их представление о политическом развитии разных регионов.

Сложность в изучении африканских обществ южнее Сахары частично преодолевалась характеристикой в рамках лекций их цивилизационных социокультурных особенностей. Во время практических занятий студенты делятся на небольшие группы и на основе рекомендованной специальной литературы по африканистике готовят сообщения с презентациями, привлекая материалы из Интернета. В число наиболее важных тем презентаций включаются государственные образования Западной Африки (Гана, Мали, Сонгай, городо-государства Хауса, Бенин, Йоруба, Конго), Эфиопия, Судан, Зимбабве. Все-

гда привлекает внимание обсуждение вопросов о начале колониальной экспансии европейских держав, ее причинах, направлениях, методах, последствиях для африканских обществ. Оживленные дискуссии вызывает тема работорговли и роли в ней местных элит, арабов, европейцев.

На заключительном этапе знакомства студентов с афро-азиатским Средневековьем в лекционном занятии разбираются итоги его исторического развития, вклада в мировую культуру. Итоговое практическое занятие посвящено общему и особенному в исторических путях афро-азиатских обществ и западного мира в Средние века. К нему подключаются коллеги — преподаватели истории западного Средневековья и России. Для обсуждения предлагаются следующие вопросы: роль природно-климатического и географического факторов, религии, отношение личности и государства, значение внешних воздействий. При обсуждении последнего сюжета рассматривается не только вторжение колониальных держав, но и роль кочевых обществ в истории Средневекового Востока. Завершающее практическое занятие закрепляет понимание студентами афро-азиатских стран как уникальной части мира Средневековья, а подключение материалов по истории Западной Европы и России позволяет системно и аргументированно посмотреть на проблемы взаимодействия различных цивилизаций и регионов мира. Для более полного усвоения курса студенты составляют историко-биографические словари на основе специальной литературы и справочных изданий по историческим деятелям восточного Средневековья.

На *третьем курсе* студенты-историки продолжают изучение учебной дисциплины уже в Новое время. На вводном лекционном занятии рассматриваются понятия «Восток», «традиционное общество» в Новое время, содержание и периодизация курса, освещается роль цивилизационных и формационных факторов, определяются историко-географические рамки Новой истории Востока. Дается характеристика общественно-экономического строя народов Востока к началу нового периода всемирной истории. Обращение к проблемам Востока в Новое время невозможно без характеристики проблем колониализма и колониальной экспансии — от «старых» позднефеодальных Испании и Португалии и абсолютистской Франции до буржуазных Нидерландов, Англии и других европейских держав, а также Японии и США. В связи с этим рассматривается проблема кризиса традиционного общества. Известно, что Новое время сделало мировую историю глобальной, втянув в ее орбиту и неевропейский мир. В данном плане приобретает актуальность вопрос о содержании истории афро-азиатского мира в Новое время — от Великих географических открытий до Первой мировой войны. С учетом взаимодействия западного и восточного мира автор данных строк использует следующее определение курса: Новая история Востока — это эпоха систематического взаимодействия западного и афро-азиатского миров на основе колониального синтеза, превращения Востока в часть мирового капиталистиче-

ского хозяйства, формирования на Востоке многоукладного общества и модернизации, роста национально-освободительного движения, борьбы за создание условий для национально-суверенного развития. Разумеется, есть и другие точки зрения, с которыми знакомятся студенты, так же как и с проблемами периодизации курса с учетом восточной специфики.

Лекционные занятия посвящаются развитию крупнейших стран и регионов афро-азиатского мира в Новое время — от Дальнего до Ближнего Востока. Анализируются процессы кризиса традиционных восточных империй на конкретном фактическом материале Минской и Цинской империй в Китае, империи Великих Моголов в Южной Азии, Османской империи. Лекционное занятие посвящается и специфике исторического развития Японии в эпоху Токугава.

Практические занятия по Новой истории стран Азии и Африки состоят из трех блоков. Первый посвящен изучению взглядов на Восток в историко-философской и востоковедческой литературе XVI — начала XXI века. Известно, что на Западе в этот период был накоплен и теоретически обобщен значительный эмпирический материал по неевропейскому миру. Студенты работают с соответствующими источниками — от сочинений европейских миссионеров и деятелей Просвещения до исследований современных философов и востоковедов. Будущие историки получают возможность поработать непосредственно с переведенными на русский язык научными текстами, определить аргументацию тех или иных ученых применительно к восточному миру в Новое время. Особо разбираются дискуссии относительно общественно-экономического строя, особенностей политического устройства, духовной жизни, влияния этих научных споров на дискуссии об азиатском способе производства в нашей стране в XX веке. Для углубления понимания теоретических проблем Востока и развития востоковедческой науки в нашей стране студентам на семестр предлагается творческая работа по блоку «Востоковедение в России: история и судьбы». Ребята выбирают персоналию ученого и анализируют его деятельность по следующим направлениям: жизненный и творческий путь, основные идеи, труды, значение для развития востоковедческой науки. В конце семестра в форме небольшого доклада с презентациями третьекурсники излагают результаты своих научных изысканий, дополняя взгляды друг друга на развитие отечественной ориенталистики как части мирового востоковедения. По опыту двух десятилетий стоит отметить, что особой популярностью пользовались такие ученые, как Н. Я. Бичурин, В. В. Бартольд, Н. И. Конрад, Л. Н. Гумилев, Л. С. Васильев, Л. Б. Алаев. Добавим также, что интерес к некоторым персоналиям перерос у отдельных студентов в выпускные квалификационные работы (например, о Н. Я. Бичурине, Н. И. Конраде, Л. Н. Гумилеве).

Блок практических занятий на третьем курсе посвящается конкретным процессам взаимодействия восточных обществ в процессе становления и раз-

вития колониальной системы буржуазного типа. Данные вопросы изучаются на примере контактов Цинской империи с западными странами, превращения Южной Азии в британскую колонию, трансформации некогда могущественной Османской Порты в «больного человека Европы». Япония в Новое время осуществила свой особый вариант трансформации общественно-экономических и политических структур — этой теме посвящается отдельная лекция.

Колониализм играл важную роль в развитии восточного мира. На примере этого явления студенты получают знания о двойственном характере происходившего процесса. С одной стороны, несомненно, колониализм принес в афро-азиатский регион новые явления буржуазного общества — от технологий до политических институтов и культуры. Но была велика цена, которую заплатили народы Востока за «приобщение» к буржуазной западной цивилизации, в том числе и в нравственном отношении, когда на Востоке европейцами насаждалась идея «цивилизаторской миссии» белого человека и «исторической неполноценности» местных жителей.

Ряд лекционных и практических занятий посвящается проблемам модернизации стран Востока в Новое время, особенно реформаторским движениям в Османской империи, государстве Каджаров в Персии, «самоусилению» и «Ста дням реформ» в Китае, мэйдзийскому обновлению в Японии. Отдельно изучается эпоха «пробуждения Азии» на рубеже XIX—XX веков — время буржуазных революций на Филиппинах, в Иране, Турции, Китае, разбирается специфика буржуазно-национального движения в Индии.

Анализ проблем колониального раздела Африки в конце XIX — начале XX века позволяет студентам уяснить не только политику западных держав на континенте, специфику освободительного движения африканцев, но и влияние указанных событий на последующее историческое развитие стран и народов континента. По данной тематике предусмотрены работа с исторической картой, выступления студентов по наиболее значимым персоналиям африканской истории и колониальной политики той эпохи.

Завершается раздел по истории стран Азии и Африки в Новое время обобщающим лекционным занятием, посвященным воздействию событий Первой мировой войны на афро-азиатский мир.

На *четвертом курсе* учебным планом предусмотрено изучение истории стран Азии и Африки в Новейшее время. В последние десятилетия Новейшая история стран Востока рассматривается как два больших периода: от Первой мировой войны до Второй мировой и события после Второй мировой войны вплоть до современности.

Содержание периода от Первой мировой войны до Второй строится с учетом воздействия мировых процессов, которые нашли отражение в истории афро-азиатских стран. В связи с этим сущность указанного периода составляют процессы модернизации, синтеза традиционного и современного в социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни, раз-

вития национально-освободительного движения. Именно в эту эпоху развивается кризис колониальной системы, который в сочетании с другими факторами, усиленными Второй мировой войной, создал условия для деколонизации афро-азиатского мира. Именно в указанные годы происходят разработка и попытки практического осуществления программ общественно-экономического развития ряда обществ Востока. На лекционных занятиях разбираются события, связанные с освободительным движением на Востоке в межвоенный период, попыткой модернизации ряда стран — Турции, Ирана, Афганистана, Монголии, Китая. Отдельное внимание уделяется феномену Японии, которая не только успешно осуществила мэйдзийские преобразования, но и вошла в клуб великих держав, создав свою колониальную империю и встав на путь милитаризма и экспансии под эгидой императорской власти. Не забывается и роль советского фактора в национально-освободительном движении и борьбе за суверенитет в Турции, Иране, Афганистане, Монголии, Китае.

На практических занятиях рассматривается мандатная система колониальных держав применительно к восточному миру. На примере Китая в межвоенный период студенты анализируют пути развития страны через призму деятельности Компартии и Гоминьдана, их крупнейших лидеров. На практическом занятии, посвященном Индии, студенты знакомятся по источникам со спецификой гандизма в общественно-политической жизни Индии 1920—1940-х годов. Также на конкретно-историческом материале с привлечением специальных работ изучается специфика освободительных движений стран Юго-Восточной Азии, отдельных стран Африки. В качестве дискуссионного перед четверокурсниками ставится вопрос о соотношении внутренних и внешних факторов в процессе кризиса колониальной системы западного мира.

Лекционное занятие посвящается неевропейским театрам Второй мировой войны, где рассматривается вклад народов Азии и Африки в совместную борьбу человечества с фашизмом и милитаризмом, подчеркивается, что разгром фашизма и милитаризма создал благоприятные условия для вступления национально-освободительного движения в фазу политической деколонизации, приведшей к краху колониальной системы, исчезновению прямого контроля западных государств и Японии в большинстве стран афро-азиатского мира. Разумеется, все эти события осмысливаются на фоне мировой истории, и прежде всего с учетом решающей роли СССР в победе над германским нацизмом, японским милитаризмом и их союзниками.

Вторая часть Новейшей истории стран Азии и Африки охватывает период от окончания Второй мировой войны по настоящее время. Это самый сложный период для изучения, усиленный многообразием фактов и событий, многие из которых окончательно не получили завершения и сегодня. Но отдельные процессы и тенденции можно обозначить. К их числу относятся завершение процесса деколонизации на Востоке, выбор пути самостоятельного

развития, социально-экономическая и политическая дифференциация в афро-азиатских обществах, влияние традиций, глобальных проблем человечества. Данным сюжетам посвящаются соответствующие лекции, вводящие студентов в историю современного Востока, его важнейших стран и регионов. При этом рассматриваются страны и регионы Азии и Африки, наиболее рельефно отражающие особенности индо-буддийской, китайско-конфуцианской, арабомусульманской, африканской цивилизаций в их конкретном проявлении и взаимодействии друг с другом и с западным миром. Большое внимание уделяется проблемам модернизации восточных обществ, синтезу традиционного и современного, различным религиозным, социально-политическим движениям, личностному фактору. Не упускаются из изложения сюжеты, связанные с отношениями стран афро-азиатского мира с нашей страной.

Усвоение учебной программы по курсу студентами невозможно без обращения к специальной литературе, особенно по современному Востоку. Поэтому наряду с рекомендованными исследованиями студенты работают с материалами прессы, сайтами Института востоковедения РАН, Института Африки РАН, Института Китая и современной Азии, где освещаются и анализируются теоретические и исторические проблемы, современные события в Азии и Африке.

Практические занятия охватывают вопросы, связанные с путями развития стран Востока после Второй мировой войны — Японии, Китая, государств Юго-Восточной Азии. На одном из практических занятий предметом обсуждения становится проблема «социалистической ориентации» на Востоке и влияния опыта СССР.

Особый интерес у студентов вызывает тема региональных конфликтов на современном Востоке: «ближневосточный узел», регион Персидского залива, Афганистан. Активно обсуждаются на занятиях «арабская весна», поворот России на Восток в контексте ее евразийского развития и взаимодействия с афро-азиатским миром. Не обходятся вниманием и такие аспекты, как роль религии и армии в развитии современного восточного мира. Здесь часто мнения не совпадают, что дает дополнительную возможность и стимул студентам для работы со специальной литературой.

Завершается изучение как Новой, так и Новейшей истории стран Азии и Африки экзаменом.

Конечно, преподавание восточных тем вызывает сложности восприятия, которые, наверное, трудно полностью преодолеть. Сказывается и трудность терминологии, традиционное, начиная со школы, внимание к европейской истории, нехватка учебного времени. Но это частично преодолевается благодаря знакомству с фактическим материалом, сочетанию лекционных и практических занятий, выполнению заданий для самостоятельной работы. Помогает и составление будущими историками словариков по терминам и персоналиям, привлечение исторических карт.

Да и самому преподавателю постоянно приходится обращаться к специальной литературе. Большим плюсом являются контакты с коллегами-востоковедами, без которых трудно разобраться в предмете. Это стало возможным в разные годы благодаря университетской кафедре зарубежной истории (в 1999—2012 годах — зарубежной истории и международных отношений). В 1990—2010-х годах автору этих строк посчастливилось слушать лекции, бывать (и принимать в них участие) на практических занятиях таких специалистов мирового уровня, как профессора-китаисты Л. С. Васильев, З. Г. Лапина, А. А. Писарев, тюрколог М. С. Мейер (Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова), кореевед С. О. Курбанов (Санкт-Петербургский университет), индолог В. К. Шохин (Институт философии РАН) и др. Эти контакты, а также участие в различных научных конференциях позволяют быть в курсе современных исследований Востока.

Для удобства освоения студентами материалов курса автором этих строк в свое время был опубликован ряд учебно-методических пособий [7—10]. В целом, несмотря на отмеченные проблемы, студенты в Балтийском федеральном университете им. И. Канта получают возможность познакомиться с важнейшими фактами, событиями, процессами и тенденциями в развитии афроазиатского мира. Они также приобретают навыки анализа специальной литературы, умение применять ее в своей учебной деятельности, использовать межпредметные связи. А понимание проблематики Востока позволяет студентам лучше разобраться в реалиях современного мира, связи народов и цивилизаций, международных отношениях, внешней политике нашей страны.

Список литературы

1. *Алаев Л. Б.* Проблематика истории Востока. 2-е изд., испр. М., 2020.
2. *Алаев Л. Б.* История Востока. 2-е изд., испр. М., 2014.
3. *Васильев Л. С.* История Востока : в 2 т. М., 2013.
4. *История Востока* : в 6 т. / под ред. Р. Б. Рыбакова. М., 1997—2008.
5. *История Китая с древнейших времен до начала XXI века* : в 10 т. / под ред. С. Л. Тихвинского. М., 2014—2018.
6. *Новая история колониальных и зависимых стран.* М., 1940. Т. 1 / под ред. С. Н. Ростовского, И. М. Рейснера, Г. С. Кара-Мурзы, Б. К. Рубцова.
7. *Чумаков А. Д.* История стран Азии и Африки в Новейшее время. Калининград, 2004. Ч. 1 : Тематический план и методические рекомендации для студентов IV курса исторического факультета.
8. *Чумаков А. Д.* История стран Азии и Африки в Новое время: тематический план и методические рекомендации для студентов исторического факультета. Калининград, 2008.
9. *Чумаков А. Д.* История стран Азии и Африки в Новейшее время (1945 год — начало XXI века). Калининград, 2009. Ч. 2 : Тематический план и методические рекомендации для студентов IV курса исторического факультета.
10. *Чумаков А. Д.* История стран Азии и Африки в Средние века: тематический план и методические рекомендации для студентов II курса исторического факультета. Калининград, 2011.

Об авторе

Александр Дмитриевич Чумаков — доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: aziafrika@mail.ru

A. D. Chumakov

Teaching history of Asian and African countries to history students: Traditions and innovations

The author provides the characteristics of teaching history of Asian and African countries at university to history students. The article emphasizes the need to take into account the extensive scientific and pedagogical experience accumulated in the study of the Afro-Asian world in Russia and abroad. The study highlights key problems of studying and teaching the course related to the specifics of the subject and the difficulty of mastering basic concepts and terms. Attention is drawn to the need to work with the most important sources on the history of the Afro-Asian world, to assimilate the specifics of the East not only in the context of traditional society, but also its interaction with the Western world and the Russian civilisation.

Keywords: *Asia, Africa, traditional societies, colonialism, modernisation, decolonisation, innovation, methods of teaching history of Asian and African countries*

The author

Alexander D. Chumakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: aziafrika@mail.ru

Приложение

ИЗ ПРОШЛОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УНИВЕРСИТЕТА В КАЛИНИНГРАДЕ

УДК 94 (470); 94(47).084.9

А. А. Ярцев

«Явление» Дмитрия Кирбаева историческому факультету

Мемуарный опыт

Публикуются воспоминания о Дмитрии Кирбаеве, учившемся на историческом факультете Калининградского университета в конце 1980-х годов и рано ушедшем из жизни. Представлена атмосфера студенческой жизни в позднесоветский период.

Ключевые слова: Дмитрий Кирбаев, Калининградский государственный университет, исторический факультет, калининградский рок

Наше знакомство с Дмитрием Кирбаевым¹ началось на «картошке». Было в СССР такое принудительное мероприятие, когда почти все студенты страны должны были отработать сентябрь на уборке картофеля (в Узбекистане это был хлопок). Иногда это «удовольствие» затягивалось до середины октября. Автор этих строк в шестой раз приехал в ставшую почти родной деревню Муромское Зеленоградского района, но уже как аспирант и поэтому руководитель «картофельной практики».

Дима Кирбаев прибыл как первокурсник, но с большим жизненным опытом — все-таки три года службы на Балтийском флоте. Действительно, его появление хотелось назвать явлением, настолько потряс он окружающих своим обликом, манерами и образом мыслей. Мы учились в стране с официально провозглашенным «научным атеизмом». Внешне нам, студентам Калининградской области, единственного российского региона, где до 1988 не было

© Ярцев А. А., 2025

¹ Дмитрий Анатольевич Кирбаев (1967—1992) — уроженец Черняховска, поэт и рок-музыкант. После прохождения срочной службы на Балтийском флоте поступил на исторический факультет Калининградского государственного университета; с 1991 года — корреспондент районной газеты «Полюс». Трагически погиб. Его творческое наследие опубликовано друзьями в 2007 году [1].

ни одного храма¹, Дмитрий Кирбаев казался похожим на Христа (в дальнейшем это «сходство» усилилось его новой прической «каре» — с волосами, ниспадавшими до плеч). Некоторые увидели в его облике что-то от Джимми Моррисона, легендарного лидера группы «Doors». Но... Все же в пользу первого сравнения говорило поведение Димы.

Казалось, он был человеком без недостатков. Я говорю не о «феномене умницы», когда ты поступаешь всегда правильно, то есть с пяти лет всегда сам заправляешь постель, никогда не забываешь вынести мусор, никогда никуда не опаздываешь, учишься только на отлично, «правильно» женишься, то есть не о тех, кто за всю жизнь ни разу не перешел дорогу на красный свет. Он не был отличником, курил, выпивал. Он не был идеальным, но он был без недостатков.

Специфика работы на картошке заключалась в следующем. Трактора с прицепами выкапывали картофель примерно на шести-семи бороздах длиной иногда под километр. Студенческие бригады, человек по десять, шли, точнее, ползли вприсядку за тракторами, собирая в большие металлические ведра картошку. Как правило, именно девушки набирали ведра, а парни относили их к ближайшему прицепу и высыпали через высокий борт. Главные энтузиасты поначалу делали это бегом (дух соревнования!), к середине рабочего дня они переходили на шаг, а к концу работы многие еле волочили ноги. Да и девушки не были двужильными и переходили с корточек на колени — это выглядело неэстетично, но так было удобнее ползти. Ведра со все большим усилием перебрасывались вперед по борозде. Поэтому было крайне важным, чтобы в твоей бригаде оказались крепкие парни и девушки — не белоручки (субтильные манекенщицы в данной ситуации не котировались). Иногда возникала склока вокруг явного крепыша за право вовлечения его в свою бригаду. Тяжелый монотонный труд, подчас под палящим солнцем на полный рабочий день. С наступлением усталости мы все чаще отмеряли глазами расстояние до конца борозды, а оно, казалось, сокращалось все медленнее и медленнее. Самые тяжелые последние пятьдесят метров. Сбоку это смотрелось как борьба на финише в академической гребле. И вот, наконец, вожделенный край поля. Твоя бригада — первая, вторая, третья? Ты валишься в траву, чего-то там пьешь. И нет большего удовольствия на свете, чем просто лежать на траве. Почти nirvana. И ничто не сможет заставить тебя пошевелить хотя бы пальцем. Как сказал известный японский поэт Исикава Такубоку:

Лежу на траве.
В голове ни единой мысли.
Уронив помет мне на лоб,
Птица
Играет в небе (пер. В. Марковой).

¹ В 1988 году в первом храме Калининграда — Свято-Никольском православном соборе — состоялась первая служба. Храм был открыт на базе восстановленной Юдитенской кирхи 1288 года.

Я не считал это правильным, поэтому призывал товарищей помогать отстающим бригадам. Произносил какие-то страстные речи. В ответ обычно слышалось:

— Они вечно копаются!

— Они на грядке сидели, отдыхали, а мы ни разу не присели, а теперь помогай им!

— Мы им говорили: возьмите трех парней, а они: мы и двумя справимся, сами себя загнали!

Но, к чести студентов-историков, некоторые из них, а иногда и все (что было крайне редко, но за эти шесть лет все-таки было), поднимались с земли и шли на помощь. Вот такая толока¹, такое людское братство.

Так вот. Начало очередного сезона. Первый день на картошке. Когда первокурсник Дмитрий Кирбаев вместе со своей бригадой финишировал, его товарищи развалились на траве в изнеможении, а он даже не присел, молча развернулся и пошел помогать самым отстающим. Пока он шел, ни разу и не оглянулся на своих. Он никого не позвал за собой. Похоже, его товарищей взяла оторопь. Помню, двое студентов спустя некоторое время все-таки несмело присоединились к нему, потом другие. Назавтра кирбаевская бригада вся последовала за ним. На четвертый или пятый день такое поведение стало эталонным для всех бригад, то есть для всех студентов-историков этого картофельного сезона.

Потому что уже состоялся тот самый первый вечер, на котором случилось «новое явление» Дмитрия. Конечно, студенты всегда окружают человека с гитарой, но, когда песни закончились, он заговорил. Обо всем на свете. И всегда это было интересно, неожиданно, ново. Это был *его* вечер — как оказалось, и все последующие вечера. В столовой старались сесть рядом с ним; выходили покурить даже некурящие, когда выходил он; читали книги вслед за ним; бросились осваивать гитару; некоторые даже стали говорить в его неспешной мягкой манере. Наверное, мы начали бы уже одеваться как он — в его митьковский «прикид»² (тельняшка, копеечные совковые брюки, ботинки фабрики «Скорострел», дешевые часы «Ракета»), но надо было ехать за этим в город. Некоторые, особенно девушки, смотрели на него заворожено.

---

¹ Толóка — восходящая к давним балто-славянским традициям форма деревенской взаимопомощи в России, Украине, Белоруссии, Латвии и Литве. Ее организовывали в деревне для выполнения срочных работ, требующих большого количества лиц (сбор урожая, вырубка леса, сооружение домов и т. д.).

² Митькí — молодежная субкультура в СССР, получившая название от имени одного из ее основателей — ленинградского художника Дмитрия Шагина. Митьки проповедовали простой образ жизни, нестяжательство, доброту, открытость друг другу, поэтому одевались в самое дешевое и безыскусное — тельняшки, самые дешевые отечественные ботинки. Некоторое время к митькам примыкали лидеры советского рока Борис Гребенщиков (внесен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов 30 июня 2023 года. — *Примеч. ред.*) и Виктор Цой.

Мне тогда казалось, что я впервые в жизни почувствовал, что такое обаяние, а ведь мне уже было за двадцать, и я был своим, казалось бы, во всех «сорока восьми» калининградских тусовках «продвинутой» молодежи (больше, увы, людей с такой бездной обаяния я не встречал и, скорее всего, уже не встречу). Я как-то подумал, а потом и высказал другу: «Слушай, со стороны это может показаться собачьей стаей, слепо преданной жожаку». В ответ услышал: «Самое удивительное не то, что мы в этой стае, но то, что нас не смущает сравнение с собаками».

Он был настоящим и цельным. Простым, добрым, умным. Но не блаженным, не сентиментальным. Мудрым. Мужественным. Он принимал людей такими, какие они есть, никогда не кричал, не делал никому замечаний, не упрекал, тем более не участвовал ни в каких склоках (а они неизбежно возникали, когда ты и сто таких же других месяц живут в одном спортивном зале, юноши вместе с девушками, а вода в колонке на улице, да и «удобства» тоже на улице). Он ко всем проявлял интерес, и это казалось искренним. Внимательно и спокойно выслушивал каждого, даже если кого-то «заносило» или кто-то начинал нести чушь и откровенно врать... «Хороший слушатель» Памелы Джонсон¹.

Он не гордился своей эрудицией (мой грех), но был действительно невероятно эрудирован. Там, на картошке, он по памяти подробно воспроизвел удивительные рассказы о «трех версиях предательства Иуды», о стране Укбар, в которой один иерарх церкви произнес: «Зеркала и совокупление отвратительны, ибо они умножают число людей», о невероятных приключениях испанских конкистадоров, в конце раскрыв секрет, что все это — мистификации Хорхе Луиса Борхеса. Я тогда еще даже не знал, кто такой Борхес. Он знал рок-музыку (влияние Игоря Ерофеева?)², но не как все — в узком кругу своего любимого стиля и направления, а как-то всю. Он поразил меня пониманием стилистики Принца, то есть он был первый на моем пути, кто мог слушать New Wave, «Металлику», Боба Марли и Принца в один период жизни. Юмор его всегда был к месту. Не позволяя себе мата, он ругался «страшным» словом «экзгибиционизм» — незлобиво, просто реагируя этим словом на какую-нибудь пакость. Когда я спросил его, что значит «экзгибиционизм», он ответил: «Не знаю, когда узнаю, буду ругаться по-другому».

Список литературы

1. *Кирбаев Д.* «Вперед, по вертикали!..» Стихи. Проза. Публицистика. Киноопыт. Черняховск, 2007.

¹ Имеется в виду роман австралийской писательницы Памелы Джонсон (Pamela Hansford Johnson) «The Good Listener» (1975). В русском переводе он вышел под названием «Особый дар». В романе лучшим качеством человека объявляется умение слушать другого.

² Игорь Ерофеев, друг Дмитрия Кирбаева по «Урюпинску» (так местная молодежь шуточно называла родной Черняховск, подчеркивая его провинциальность), составитель энциклопедии рок-музыки.

Об авторе

Андрей Анатольевич Ярцев, доктор исторических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: profundis.2000@mail.ru

A. A. Yartsev

Dmitry Kirbaev's "apparition" to the Department of History

The memoir experience

The article presents memoirs on Dmitry Kirbaev, who studied at the Department of History of the University of Kaliningrad in the late 1980s and passed away early. The author acquaints the reader with the atmosphere of student life in the late Soviet period.

Keywords: *Dmitry Kirbaev, Kaliningrad State University, Department of History, rock music in Kaliningrad*

The author

Prof. Andrey A. Yartsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: profundis.2000@mail.ru